

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2011

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2011 — 4(25)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Три классика великой русской литературы..... 3

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА

НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА (1821—1877)

Николай Алексеевич Некрасов. Кому на Руси жить хорошо: Пролог..... 7

Людмила Авдеева. Кому на Руси жить..... 16

Александр Волобуев. В Петербурге..... 25

Евгений Грязнов. «И как любил он — ненавидя!»..... 29

Владимир Фомичев. Мой венок Н. А. Некрасову..... 37

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВЕЛИКОГО РУССКОГО УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА И РОДОНАЧАЛЬНИКА

РУССКОЙ ПОЭЗИИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА (1711—1765)

Михаил Васильевич Ломоносов. Ода императрице Елизавете..... 40

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский. Сохранить величие державы и русской литературы..... 45

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Наталья Парыгина. Через десять лет..... 49

Ирина Кедрова. Месть боярыни Настасьи..... 55

Алексей Яшин. Счастье юного милитариста..... 62

Тимур Зульфикаров. Книга детства Иисуса Христа..... 81

Сергей Норильский. Беглецы..... 100

Геннадий Маркин. Додумался..... 107

Яков Шафран. Такт..... 111

Олег Каширин. Стоговы..... 113

Олеся Янгол. Воспоминания об отце. ... И полилась музыка..... 121

Игорь Нехамес. Рассказы..... 129

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Владимир Бояринов. *Personalia*..... 139

Владимир Резцов. Оптимистическая страшилка..... 151

Татьяна Ермакова. На синем небе — купол золотой..... 153

Алексей Скареев. Актрисе.....	157
Владимир Сапожников. Встреча с прошлым.....	160
Лариса Яшина. <i>Personalia</i>	163
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Анна Боярская. Четвертый номер.....	173
Иннокентий Медведев. Тревожные струны души.....	176
Тамара Булевич. Вовкино горе.....	180
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Сергей Гора. Зачем ты вновь женился, не любя?.....	189
Камелия Санрин. Сказки для глупых взрослых.....	190
К ЗАВЕРШЕНИЮ ГОДА ИСПАНИИ В РОССИИ	
Марина Баланюк. «Хрустальные бубны печали...» (К 75-летию гибели выдающегося испанского поэта XX века Федерико Гарсиа Лорки).....	202
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Итоги всероссийской и международной дискуссии по проекту «Манифеста нового русского критического реализма».....	209
Наталья Квасникова. Вниз по лестнице, ведущей вверх.....	233
Виктор Пахомов. К столетию поэта.....	240
Уроки правды (Размышления над романом Алексея Яшина «Катехизис идеалиста»).....	243
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	246

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам.
главного редактора по сибирским регионам
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Сергей ГОРА (Линкольн, США)
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент
Академии российской литературы
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Технический редактор Олеся ЯНГОЛ (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Подъем» (Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тулский литератор»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тулская правда»

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы.

Учредитель: ООО Издательство «Неография».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТРИ КЛАССИКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поздняя осень этого года оказалась богатой на литературные юбилейные даты. Настолько значимые, что грехом было бы упустить хотя бы одну из следующих трех: 300-летие со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и родоначальника русской поэзии Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765); 190-летие со дня рождения гения русской литературы Федора Михайловича Достоевского (1821—1881); 190 лет назад родился великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов (1821—1878). Аж дух захватывает при одном перечислении имен...

В литературном признании Ломоносову несколько не повезло, хотя причина этого совсем не огорчительная: приоритет Ломоносова-ученого, точнее — первого русского ученого-энциклопедиста. Для сравнения: великий Гёте также являлся ученым-энциклопедистом, трактаты которого по естествознанию, биологии, морфологии, его знаменитое «Учение о цветах» и пр. во многом определили развитие ценных отраслей науки, но... все это отодвинуло на второй план признания литературное творчество автора «Фауста» и «Западно-Восточного дивана».

Итак, что мы, говоря «усредненно», знаем о Ломоносове-поэте? К сожалению, очень немногое и то со школьной (советской, так как за нынешнюю не ручаюсь) парты: писал оды на табельные дни императрицы Елизаветы Петровны, а пара-тройка од «досталась» и молодой императрице Екатерина Алексеевне. Не забыт был и краткосрочный император Петр Федорович в 1762 году и их с Екатериной сын — будущий император Павел Первый.

Еще помним, что сочинял Михаил Васильевич духовные оды, похвальные надписи — эпитафии, послания, стихотворения. Создал героическую поэму «Петр Великий», пару трагедий. Его же перу принадлежат и переводы из античных поэтов: Гомера, Вергилия, Лукреция, Ювенала.

Меж тем, значение Ломоносова для становления русской светской поэзии невозможно переоценить. Причем как практика, так и первого теоретика русского стихосложения. В части последнего ломоносовские «Письмо о правилах российского стихотворства» и «Предисловие о пользе книг церков-

ных в российском языке» направляли и предвосхищали труды по стихосложению многих теоретиков русской поэзии конца XVIII — начала XX вв.

В части же практики стихосложения именно с Ломоносова начинается отход от сузубой, архаичной силлаботоники и переход к ясным формам русской поэзии XIX—XX вв. Именно по «оси» Ломоносов — Державин — Пушкин преодолевалась художественно-поэтическая ограниченность классицизма в русской светской литературе.

Как отмечают многие литературоведы, в частности, А. А. Морозов (см. «Избранные произведения» М. В. Ломоносова в Большой серии «Библиотеки поэта», 1965): «...Отголоски ломоносовских стихов слышатся в «Полтаве» и «Медном Всаднике» и других произведениях Пушкина... От Ломоносова через Державина и Пушкина пролегает путь к лирическому напряжению Тютчева. «Громокипящий кубок с неба» — это ломоносовская традиция!»

*«Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни една древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю».*

...А теперь сопоставьте эти стихи Ломоносова с пушкинским их «переводом» — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»? — Вот это и есть поэтическая традиция в русской поэзии, которая — поэзия — обязана Ломоносову своим истинным рождением.

Думается, что не дерзким покажется следующее сравнение. Как начинающий поэт, конечно, наделенный соответствующими чертами способностей, таланта, в первых своих стихах не в полной мере адекватен в части рифмы и ритмики, соотношения мысли и образности ее выражения, то по мере творческого взросления все это выравнивается, поэзия его становится законченной и самодостаточной в рамках отведенного богом и прилежным ученичеством дарования.

Это же относится и к поэтической традиции в ее исторической генеалогии: Ломоносов — Державин — Пушкин — и так далее до «серебряного века» русской поэзии.

Достоевский и Некрасов родились с разницей в тридцать дней в одной году — в 1821-м, исторически памятным для России как год окончательного оформления декабристского движения — создания Северного и Южного обществ.

Многое, чисто внешнее, социально-поведенческое, связывало по жизни Федора Михайловича и Николая Алексеевича. И всего разница в три с половиной года в числе прожитых лет, и весьма неблагоприятная молодость: Достоевский — на катор-

ге по делу петрашевцев, а Некрасов в полной нищете, когда, по воспоминаниям Панаевой, он снимал комнатушку, из которой хозяйка из-за хронической неуплаты вынесла всю мебель, так что свои стихи Некрасов писал на подоконнике, а спал на полу, подстелив единственное свое пальто...

Также к концу жизни оба они обрели, особенно Некрасов, как «наследник всех своих родных», достаточное благополучие. Та же Панаева в своих воспоминаниях пишет, что когда у Некрасова завершилась бедная молодость и зрелость, он стал невероятно богат, жил в роскошном доме, выписывал из-за границы дорогие охотничьи ружья и собак, а на его ужины стекался весь петербургский бомонд: литературный и дворянский. Лучший повар в столице был у Некрасова. Он словно стремился неумеренной роскошью подавить в себе тягостные воспоминания о постылых годах бедности и душевного неуютя.

И еще Достоевского и Некрасова роднила неумная страсть игрока. Но если для Некрасова карты всегда выпадали счастливыми («Сегодня с утра выиграл шестьдесят тысяч, но все их и спустил. Ничего, к вечеру наверстаю...») — по воспоминаниям Панаевой), то автору «Игрока» хронически не везло. Именно бесконечные проигрыши не дали Достоевскому возможности относительно благополучной жизни. Но это было и причиной торопливости, даже небрежности Федора Михайловича в написании своих гениальных книг.

Задолжав после очередного крупного проигрыша, Достоевский подписывал с издателем — под аванс для расплаты с долгами — кабальный договор: за три месяца написать большую повесть. Где же тут взять время на отточенность своего пера? Сам он оправдывался: нет у меня времени и достатка, как у графа Толстого, чтобы обдумывать каждую фразу — время по договору прижимает! Подумайте непредвзято: если бы не творческий гений Достоевского, то много ли нашлось читателей «необструганных» его по грамматике и стилистике книг?

Но гений есть гений. И даже источник его личных мучений — пагубная болезнь, эпилепсия применительно к людям творческим именуется болезнью гениев... И если Ломоносов явился родоначальником русской национальной поэзии, то Достоевский признан как мировой родоначальник: от жанра детектива до психологического романа. Что ни книга его, так уникальное, не имевшее доселе места, явление литературы: типология национальных характеров — три русские характера в «Братьях Карамазовых»; формирование человеческой личности в «Подростке»; «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы», «Игрок» — их не только невозможно спутать, но и читать-то каждую книгу можно только перенастроив свое восприятие к новому повороту творческого гения Достоевского.

Определенная антитеза ему — Некрасов. Опять же при

всех, названных выше, обстоятельствах внешней их схожести. От ранних его стихов до «Кому на Руси жить хорошо» и до «Последних песен» — творческого завещания тяжело больного поэта, Некрасов, говоря современным языком, поэт — глубоко социально-нравственный. Причем эту доминанту его творчества ни на йоту не изменили ни годы его материального благополучия, ни редакторство в ведущих русских литературных журналах второй половины XIX века — высшей поры мирового признания русской литературы.

Самое существенное, что произведения Некрасова настолько глубоко национальны и не теряющие своей актуальности с течением времени, что у него «каждая строка в лыко» была и при жизни поэта, и сейчас, за сотню с лишком лет спустя. Прodelайте опыт, который не займет у вас, читатель, много времени и не потребует каких-либо усилий, а именно: раскройте любую книгу Некрасова и, как при чтении библии, наугад прочитайте любое его стихотворение, поэму, ту же «Железную дорогу», «Кому на Руси жить хорошо», «Сашу»... И «примерьте» к сегодняшней русской жизни. Ответ будет один: это о нас, нынешних, написано!

...Не зря же веселые ребята-диссиденты так любили осовременивать пролог к поэме Некрасова: «Кому живется весело, вольготно на Руси? — Полковнику милиции, начальнику партийному...» и так далее в разных вариантах «осовременивания». Про нынешние же времена и говорить нечего. Того и гляди, что районный суд в Таганроге, недавно прославившийся вынесением судебного вердикта... Льву Толстому (см. «Литературную газету»), обвинит Николая Алексеевича в терроризме, отрицании общечеловеческих ценностей (то есть денег), антитолерантности, проповеди национальной, религиозной и социальной (это все статьи Конституции) розни и приговорит заочно и по-смертно к пятнадцати годам каторги условно. Условно — за дворянское происхождение, столь уважаемое ныне (это как Шарикову дали столько же лет условно за пролетарское происхождение...).

Но Некрасов был не только великим русским поэтом. Не менее значимы его заслуги, опять же говоря современным языком, в качестве главного редактора сначала возобновленного им пушкинского «Современника», но особо — «Отечественных записок», которые он сделал лучшим русским литературным журналом XIX века. Впрочем, без малейшей натяжки, сюда можно отнести и век двадцатый, и век начавшийся... Ибо второго такого редактора у нас больше не было.

Из «Отечественных записок» Некрасова «вышли» все великие и выдающиеся писатели России второй половины XIX — начала XX вв., включая Толстого и Достоевского. Нелишним будет заметить, что грамматическую «небрежность» последнего во многом правил Некрасов как редактор журнала. С полным правом можно утверждать, что, продолжив дело Пуш-

кина в «Современнике», Некрасов уже в «Отечественных записках» создал и закрепил традицию квалифицированного, творческого редактирования, которая продержалась к нашей стране вплоть до конца восьмидесятых годов двадцатого века. Увы, этому, как и многому, если не всему, лучшему в русской, советской литературе приходит на смену безвкусица, небрежность во всем: от тематики до полиграфического исполнения.

...В настоящем номере «Приокских зорь» так или иначе отмечены все три великие юбиляра. Надеемся, в части 190-летия Некрасова отзовется юбилейный Некрасовский комитет. Во всяком случае, мы предложили его руководству использовать страницы нашего журнала под юбилейные материалы.

...Поскольку нельзя объять необъятное, тем более в рамках одного номера журнала, то материалы к Юбилею Ф. М. Достоевского будут опубликованы в № 1, 2012 «Приокских зорь».

**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА
(1821—1877)**

Николай Алексеевич Некрасов

**КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО:
ПРОЛОГ**

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайна тож.
Сошлись — и заспорили;
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю гляючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,

Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребяташки
И делят меж собой...
По делу всяк по-своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы.
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б, ночку целую
Так шли — куда, не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядячи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?..— Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали

Ретивым ходокам.
Ой, тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! Леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак, ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику.
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два брата Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде заяка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!*
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого

* Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («поранившись колосом», говорит народ).
(Прим. Н. А. Некрасова)

Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, оставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мечется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала-послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили,
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укаатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли! —
Сказал угрюмый Пров.

— Да по ведру бы водочки, —
Прибавили охочие
До водки брата Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку, —
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
Горячего чайку...

Пока они гупорили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
— Скажи! —

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка,
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— *Эй, скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиков! —
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом: —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одежду старую
На нас заворижи!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком иерелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:

«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами.
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведуют
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Людмила Авдеева
(Москва)

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

(цикл стихов и отрывки из поэмы к 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова)

Людмила Евгеньевна Авдеева — член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, благотворительного совета Московского Фонда культуры, Российского Союза ветеранов Афганистана. Лауреат и дипломант московских и международных фестивалей поэзии. Автор более 20 поэтических книг, стихов для детей, документальных рассказов, многочисленных статей, очерков, научных работ.

ИСКРОМЕТНОЕ ИМЯ — РОССИЯ

Власть одна сменяется другою.
Вечность оставляет жить стихи,
Чтобы ум тревожили строкою
И врываются в закрома души.

Русь моя, где Пушкин и Некрасов,
Чехов, Достоевский и Толстой,
Ты не смеешь проиграть ни разу,
Ни один за справедливость бой.

Бесшабашна матушка Россия.
Смутные познала времена.
Войнами и грозною стихией
Столько раз была опалена.

Но спасеньем пламенное Слово
И певучий горький русский стих,
Где душа народная — основа,
Где любовь — сердечности мотив.

Русь моя, и мудростью, и силой
Ты всегда сумеешь устоять.
Имя искрометное «Россия!»
С гордостью планете повторять.

СЕЛО ГРЕШНЕВО

*И вот они опять знакомые места...,
Где научился я терпеть и ненавидеть.*

Н. А. Некрасов

Село Грешнево на Волге,
Сколько помнишь ты грехов:
Нрав помещичий, гнев долгий,
Засеченных мужиков.

Помнишь мальчика Николку,
Его любящую мать,
Что пыталась так неловко
От побоев защищать

И детишек, и крестьянок...
Мальчик Коля на луга
К Волге бегал спозаранок,
К Волге, где его душа,

Внемля травам на покосах,
Встречи жаждала с зарей.
Здесь его встречали росы
И туманы над водой.

Он, бурлацкой внемля песне,
Слышал в ней душевный стон.
У села с названьем Грешнево
Был его талант рожден.

Здесь учился ненавидеть,
Ненавидеть и терпеть,
Далеко Россию видеть
И душою песни петь.

Здесь дышали небесами
Его сердце и душа,
Чтобы Русь его стихами
Пела, плакала, жила.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

*Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.*

Н. А. Некрасов

Русским женщинам низкий поклон.
На Руси и княжна, и крестьянка
Свою землю, Отечество, дом
Защищали дубьем и берданкой.

И учились любить через край,
И прошли не однажды дорогой,
В ад ведущей, но крыльями рай
Ощущали, и боль, и тревогу.

Красотою Мадонне сродни,
Ведь недаром и сказ, и былины
Ее обликом чистым светлы,
И бессмертием дышат картины,

Где она и невеста, и мать,
И защитница русских просторов.
Ее сердце умеет прощать:
Состраданье в улыбке и взорах.

Но не станет терпеть она мрак,
Не предаст своих братьев и дедов,
Не забудет раздавленный враг
Русских женщин и нашей Победы.

Ей мороз и жара нипочем.
Хватит силы любить и работать.
Она справиться сможет с конем,
Управлять в небесах самолетом.

Мать-Россия молитвой жива,
Чистотою любви, светлой верой
Русских женщин. И знают века
Никогда не сломить изуверам

Русский дух, что поэтом воспет,
Гордость душ, неподвластных стихиям.
Синь небес, яркий солнечный свет
Безграничны над ширью России.

* * *

Не бойся горького забвенья.

Н. А. Некрасов.

Не бойся горького забвенья.
Забудут наши имена.
И не войдут стихотворенья
В хрестоматийные тома.

Но мы любили Русь, как Пушкин,
Мы шли некрасовской тропой,
Чтобы навек замолкли пушки,
Чтоб встретить счастье и покой,

Чтоб жить Руси легко и вольно,
Растить детей и хлеб растить.

Россия, распрощайся с болью
И научись людей любить.

* * *

Счастливые глухи к добру

Н. А. Некрасов

Поэты, певшие печали,
Тоску народную и боль,
Вы слишком рано умирали,
Раздавленные нищетой.

Вам извергали вслед проклятья,
Те, чья строка всегда легка
И лжива, как из сказки платье
Обманутого короля.

Вы правде горестной служили,
А не изнеженности слов.
Родную землю вы любили,
Но без цепей и без оков.

И за добро добром помянут
Вас люди, понимая суть,
Того, что жить свободно станут,
Избрав один лишь верный путь.

И вслед не полетят камня,
Тем, чья поэзия — борьба,
И сердца честные стремленья
Воспримет чистая душа.

* * *

*Да не робей за Отчизну любезную!
Вынес достаточно русский народ...*

Н. А. Некрасов

Жить на Руси надежде,
Жить вере и любви.
Жить песне женской, нежной
И мужеству в крови

У каждого мужчины.
Русь — это долг и честь.
Жить небесам, долинам
И верить — счастье есть.

Ты не робей, Отчизна,
Ты обопрись на тех,
Чья мысль и сердце чисто,
И искренен чей смех.

Жить на Руси вольготно.
Простор родной земли
Художник, на полотнах
С любовью напиши.

И в звуках, композитор,
Останься на века.
Жить на Руси пиитам.
И жить плодам труда.

И множиться России
Талантами детей.
Некрасовскою ширью
Засеянных полей.

Жить Пушкинскою славой,
Толстовской глубиной.
России быть державой.
Великою страной!

ПРОСНИСЬ, РОССИЯ!

Где народ, там и стон...

Ты проснешься исполненный сил...

Н. А. Некрасов

Бог не выдаст, и свинья не съест.
Гром не грянет — лба не перекрестим.
Долго запрягаем. Тянем крест.
Называем стон протяжной песней.

А потом? Жесток кровавый бунт.
Не ищи в нем смысла или толка.
Есть немало на земле Иуд.
В копнах сена не найти иголку.

Спит сермяжный богатырь Илья.
На печи тепло, хватает места.
Не валяй, Россия, дурака.
Из квашни бежит, поднявшись, тесто.

Как хозяйка, замеси пирог,
Чтоб его хватило всем наесться.
Укажи Иудам на порог.
Пожалей свое больное сердце.

Ты проснись исполненная сил,
Повинуйся одному закону:
Русскому народу нужен мир,
Ратный труд, священные иконы.

Матерью-заступницей проснись.
Наберись же первожданной силы,
Чтоб стихом и песней славить жизнь,
Воспевать России облик милый.

Излечись улыбками детей,
Нежностью любви, святою верой.
Станет жизнь и чище, и мудрей,
И счастливой станет непременно.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

(отрывки из поэмы)

*В каком году рассчитывай.
В какой земле угадывай.*

Н. А. Некрасов

1

По щучьему велению свобода не даруется.
И скатерть самобраная не стелется сама.
Свобода только с совестью и честностью рифмуется,
И может быть спокойною лишь чистая душа.
«По правде и по разуму», «без смеху и без хитрости»
Найти ответы хочется на каверзный вопрос:
Кому живется весело, легко по божьей милости
В России в шумном городе и в тишине берез.

2

*О, матушка! О, Родина!
Не о себе печалимся. Тебя, родная, жаль...*

Н. А. Некрасов

Прости, Россия, тон мой дерзкий,
Но больше не могу молчать.
Толстой, Некрасов, Достоевский...
Тебя любили, словно мать,

«Униженных и оскорбленных»,
Жалели «маленьких» людей.
Ты слышишь стон многомиллионный?
Так стань добрее и мудрей.

Зачем, скажи, сегодня болью
Наказываешь стариков
И отнимаешь воздух вольный,
Плодишь детей-сирот и вдов?

Не забывай о русских сказах,
О русских нивах и полях,
Которые воспел Некрасов,
О белокаменных церквах,

О строках Тютчева и Фета,
И о загадочной душе,
О тех, кто нес тебе Победу
И в космосе, и на войне.

Не забывай святой молитвы,
Свои погосты и леса,
И грандиозные те битвы,
Что прославляли на века

Твои селенья, грады, доли,
Героев славных имена
Татары помнят и монголы
И мразь фашистская сполна.

Не перечеркивай, что было,
Не забывай святых имен.
Воспрянь, великая Россия,
Не очерни своих знамен.

О, как мне хочется гордиться
Тобою, Родина моя!
Расправь же крылья, словно птица,
Что рвется к солнцу в небеса.

Твои просторы необъятны.
Вольготно всем бы можно жить.
Но нынче, сколько их, всеядных,
Тебя решили погубить.

И вечные задав вопросы:
«Кто виноват?», «Как дальше жить?»,
«Проснутся ли великороссы?»...
Пошла я по Руси бродить.

3

*О время, время новое! Ты тоже в песне скажешься,
Но как?..*

Н. А. Некрасов

«Кому живется весело, вольготно на Руси?»,—
Заспорили когда-то об этом мужики.
Пройдем вслед за Некрасовым дороженькою хоженной.
Нам люди повстречаются плохие и хорошие.

Бредем по жизни, странники. А над спиною кнут.
Обещанные пряники никак не испекут.
Ты, помнишь, Русь, некрасовских на Волге бурлаков?
А сколько ныне мается в печали стариков...

И женщины-красавицы, чтоб накормить детей,
В избу войдут в пожарище. Остановить коней

Сумеют. Не обвалится, а уцелеет дом.
Матрен, Наталий, Дарьюшек немало ведь кругом.

Но бары нарождаются. Им имя — олигарх.
Они на длинной лестнице под облаком стоят.
Коттеджи, виллы, яхты у них теперь в чести.
Ведь западные банки не примут медяки.

Российские банкиры жиреют день за днем.
Не колосятся нивы. Мы к пропасти идем.
Бездействуют законы, воруют там и тут.
Взгляд бросив на иконы, свою лишь правду гнут.

Без совести и чести живется им легко.
Вольготно жить. Для лести распахнуто окно.
Добыча и нажива, растление юных душ.
В колокола бей, лира! Дождей пролейся душ!

4

*Такая почва добрая — душа народа русского...
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря и
И ласку милой воспевать*

Н. А. Некрасов

Жить можно и светло, и честно,
По совести и по уму,
Любуясь красотой небесной,
Петь песнь подобно соловью.

Но воспевать любовь и море
Так нелегко, когда болит
Душа от детских слез и горя,
Когда у церкви инвалид

Стоит, протягивая кружку,
И не скрывая ордена.
О, мой народ — великий, русский —
Как ранена твоя душа.

И потому пою, Россия,
Твою отвагу, мощь и честь
Твои просторы, мудрость, силу.
Для правнуков сумей сберечь

Себя, чтобы жилось вольготно,
Свободно, весело, без слез,
Чтоб улыбалась беззаботно,
Ты, Русь моя, красой берез.

Исчезнет все, что было ложно
И только светлой будет грусть.

Ведь жизнь счастливая возможна
В стране с названьем гордым Русь!

Ну, а пока, летит Россия
Над бездной. Сломано крыло
И угрожают ей стихии.
Кому живется хорошо?

5

«Жалеть — жалея умеючи»

Н. А. Некрасов.

Мне жаль заброшенное поле
И вросшую в землю хату,
И сердце, раненное болью,
Седого старого солдата.

Мне жаль голодную собаку,
Которая сродни бомжу.
Мне жаль, что я теперь со страхом
На Родину свою гляжу.

Она все ближе, ближе к бездне.
Над ней кружится воронье.
Она погибнет, если вместе
Мы не прогоним вон ворье.

И не прогоним ту элиту,
Что, все скупив, не дует в ус.
Едины — взяточник с бандитом,
Растрлители невинных душ.

Они идут ордой татарской.
Проснись, страна. Открой глаза,
Покуда черной жирной краской
Не перепачкана душа.

Покуда не летят каменья,
Не улюлюкает толпа.
Во имя новых поколений
Иные вспомни времена.

Своих богатырей-героев —
Иванов русских и Марусь.
И вновь воспрянь, как перед боем,
Могучая святая Русь!

Александр Волобуев
(г. Москва)

Волобуев Александр Тихонович родился в 1939 году в Москве. Окончил Московский авиационный институт, работал конструктором, затем редактором в центральных издательствах и журналах. Главный редактор издательства «Русский Мир».

*Стихи, поэмы, рассказы, рецензии, переводы публиковались в периодической печати, передавались по радио и телевидению. Автор 25 книг стихов и прозы для взрослых и детей. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Член Всероссийского Некрасовского комитета.**

В ПЕТЕРБУРГЕ

Ставни заперты. Свечка качнула
Желтых пятен неяркую вязь.
Ни стола в комнатушке, ни стула,
Только стен отсыревшая грязь.

Ночь ли? День? Не понять... Через щели
Холод струйками злыми бежит.
На немывтом полу, на шинели
Утомленный Некрасов лежит.

Больше суток не ел он. Быть может,
И сегодня — как в худшие дни?
Не пойти ли к знакомым? Предложат
От обеда остатки они.

Стыдно. Горько. Немало страданий
Доставляют хожденья туда.
Хорошо, на Морской в ресторане
Можно хлеба поесть иногда.

Он живет полунищим три года.
От раздумий болит голова.
Боль народа, страданья народа —
Для него не пустые слова.

* Здесь и далее материал рубрики представлен специально для журнала «Приокские зори» Всероссийским Некрасовским комитетом (Председатель — Владимир Фомичев).

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Авдотья Яковлевна — нервная
И, как Некрасов, горяча,—
Нередко начинает первая
Ему с досадой отвечать.

И вот из-за какой-то малости,
Не в силах злобы удержать,
Без сожаления и жалости
Начнут друг друга унижать.

А нервы ждали только случая,
Чтоб вдруг расстроиться всерьез,
И ссора, их обоих мучая,
Дойдет до горьких женских слез.

Потом бывают примирения...
Устав от этих частых драм,
Некрасов с явным нетерпением
Уйти старался по делам.

Но и дела идут невесело,
Цензура — словно из тупиц:
Отдашь журнал — получишь месиво
Без многих строчек и страниц.

И сплетни портят настроение...
Уйти и спрятаться бы, но
И дома нет успокоения,
Лишь раздражение одно.

ГИМНАЗИСТЫ

Жарко. Волга дремотой объята.
Чуть слышны колокольчики стад...
Николай покосился на брата:
— Не пора ли, Андрюша, назад?

— Нет, походим...

Спустились по тропке,
Посмотрели — чиста ли вода...
А в гимназии розги да трепки,—
Ну кого же потянет туда!

На квартиру под вечер вернутся.
Ярославль фонари засветил.
Лягут спать и лежат — не дождутся,
Чтобы ментор из штофа хватил.

Вот он выпил.
 Проходит немножко —
Храп послышался из-за дверей.
Значит, время открыть окошко
Да в знакомый трактир скорей.

Их отец им подпортил детство:
Бабник, спор до охоты и карт,
И ссудил им азарт в наследство.
— Поиграем пойдем-ка в бильярд.

И проворные детские руки
Научились без промаха бить.
А науки?..
 — А ну их — науки,
Эка скука науки учить...

ПРЕФЕРАНС

В полумраке сигарного дыма
Утомленные желтые лица,
И дрожат от волнения руки
У помещика южных земель.
Но спокоен партнер — Некрасов,
Не рискует, не суетится,
И без промаха карта ложится,
Словно пуля, попавшая в цель.

Как давно на охоте он не был.
Бросить все да собраться бы вскоре.
Как-то там поживают крестьяне,
Жив ли прежний его проводник?
...Вот идут они солнечным лесом,
Коротая часы в разговоре,
И собака, водя ушами,
На тропе замирает на миг.

А потом у костра ночевка,
И рассказы случайных прохожих.
И, глядишь, постепенно пустеет
Предлагаемый штоф коньяка.
Там простые душевные люди,
Здесь же... Сразу становится тверже
Под следящим испуганно взглядом
Достающая карту рука.

Все бледней и бледней помещик,
Снова проигрыш, снова он платит.
Ничего, — он наградил немало
У крестьян родовых своих сел.

Все равно бы он все эти деньги
Растранижил в столичном разврате...
Ухмыльнулся Некрасов — помещик
Снова тысячи бросил на стол.

«СОВРЕМЕННОК»

Не ради славы или денег
(Точней — не только их искал)
Некрасов принял «Современник» —
Рожденный Пушкиным журнал.

Белинский (хоть успел немного)
Пред смертью, не жалея сил,
Журнал поставил на дорогу,
С которой тот подчас сходил

Не сам собой: порою было
Невмоготу вести журнал, —
Цензуры красные чернила
Статьи разили наповал.

Но научились прятать зубы,
Искать для мысли скрытый ход.
Здесь Чернышевский, Добролюбов
Сидели ночи напролет.

Некрасов мог вполне гордиться,
Что оказался стойким он —
Его журнал не сдал позиций,
Был просто грубо запрещен.

Евгений Грязнов
(г. Москва)

«И КАК ЛЮБИЛ ОН — НЕНАВИДЯ!»

Полковник в отставке, отмеченный за доблесть в службе орденами и медалями, является членом Союза писателей России, Заслуженным работником культуры РФ, лауреатом литературных премий имени А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Гайдара, К. Симонова, А. Кошко, действительным членом Международной академии духовного единства народов мира. Удостоен Пушкинской медали Союза писателей России.

«Средь высоких хлебов затерялося небогатое наше село»,— пела русская чудопевица, красавица Татьяна Петрова, и я, слушая эту льющуюся прямо из сердца песню, что так резко отличалась от приторно-пошлых песенок о стюардессе по имени Жанна, о трубаче, который зачем-то забрался на крышу, от всей этой красоты, что заполонила эстраду, думал о красоте песни, об авторе строк родниковой чистоты, положенных в ее основу. Думал о Некрасове. И мне представлялось, как мальчик Коля, помогая в качестве письмоводителя отцу, работавшему одно время исправником, то есть уездным полицейским начальником, записывал историю молодого человека, застрелившегося в чужом селе. И, может быть, именно тогда в его голове рождались первые строки стихов, которые позднее будут петь и Лидия Русланова, и Татьяна Петрова, и Екатерина Шаврина, и просто люди, собравшиеся за дружеским столом.

И я, слушая Татьяну Петрову, вспоминал свое детство, трудные послевоенные годы в Одессе, нетопленную школу и стихи Некрасова, которые нам, мальчишкам и девочкам, укутанным в мамины платки, читали вначале Клавдия Максимовна Козьвина, затем Алексей Васильевич Белинский, возможно даже, потомок того Белинского, с кем дружил Некрасов. Жили мы бедно, голодали. Мне, например, деньги на ботинки собирали всем классом. И Некрасов со своей печальной музой нам был близок и понятен. Мне, наверное, особенно, ибо его стихи я познал гораздо раньше, чем пошел в школу. И могу подтвердить: прав поэт Владимир Цыбин, заявивший о том, что «у каждого из нас свой Некрасов». У меня был и есть свой, тот, с которым меня впервые познакомила моя мать, крестьянская дочь Анна Емельяновна Минченкова, знавшая наизусть многие стихи этого поэта. И когда она их мне читала, казалось, что и «Плач детей», и «Школьник», и многое другое — это и обо мне, и о моей маме. И даже когда она читала «Тройку», мне представлялось, что это моя мама, только еще моложе, жадно глядит на дорогу. А уж «Крестьянские дети» и вовсе обо мне — мужичку с ноготок пришлось в шесть лет и лошадку вести под уздцы, и за козой присматривать, и овечкам сенца подбрасывать...

Поэтому, наверное, и пришелся по сердцу мне фильм «Сельская учительница», где главная его героиня, Варвара Мартыновна, в исполнении замечательной Веры Марецкой так проникновенно читает стихотворение Некрасова «Школьник» и где все пропитано самим духом его поэзии.

Ныне кое-кто ставит Николая Алексеевича рядом с Маяковским: оба, мол, реформаторы в поэзии, оба — поэты гражданского звучания. Но я бы не спешил это делать. И не только потому, что не соизмерить русский стих, льющийся прямо из

души Некрасова, и выкрутасы Маяковского. И даже не потому, что первый смело выступал против правителей, а второй что есть сил прославлял их. А потому, что Некрасов ни при каких обстоятельствах не написал бы: «Я люблю смотреть, как умирают дети», как это в 1913 году сделал Маяковский. Сердце Некрасова обливалось кровью, когда в младенческом возрасте в 1848 и в 1855 годах умерли его мальчики, рожденные Панаевой. Лучшие стихи поэт посвятил детям. Детям и женщине-матери, впервые в поэзии поставив ее образ выше образа музыки. И спасибо ему за это!

1

«Редко кто из выдающихся писателей возбуждал при жизни и после смерти столько разноречивых оценок, как Н. А. Некрасов. Рядом с восторженным изображением его как «печальника горя народного» существуют отзывы о нем как о стихотворце, в произведениях которого «поэзия и не ночевала», — так писал о нем выдающийся правовед Анатолий Федорович Кони, сын того самого Федора Кони, которому Некрасов однажды написал: «Всем обязан вам».

*Со всех сторон его клянут,
И только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!..*

Разве думал Николай Алексеевич, что эти строки, посвященные им другому, будут говорить о нем?

В жизни поэта действительно было столько «всякого разного», что впору создать о нем фильм. Удивляюсь, почему до сих пор на подобное не решится ни один режиссер. На мой взгляд, это была бы великолепная приключенческая лента! Разве не интригует сюжет, где в начале голодный юноша, у которого в полуподвальной комнате нет ничего, и он вынужден даже, на удивление заглядывающим в окно прохожим, писать, лежа на полу, а в конце — уважаемый господин с тростью, один из самых известных людей в России, главный редактор популярнейших журналов «Современник» и «Отечественные записки», владелец двух усадеб — Карабихи близ Ярославля и Чудово неподалеку от Новгорода.

Фильм о Некрасове я начал бы, пожалуй, даже раньше — с того момента, когда его отец, несколько грубоватый тридцатилетний русский капитан, увлек семнадцатилетнюю украинку-дворянку Леночку Закревскую, отличавшуюся не только красотой и добротой, но и образованностью, в том числе и музыкальной. Милая, добрая, она сыграла очень большую роль в жизни поэта.

Наверное, не только меня удивляет, как это за биографию Некрасова еще не взялись украинские «руховцы» и не объявили, что проклятые москали оттяпали у них национальную гордость. Для этого у них гораздо больше возможностей, чем тогда, когда они, скажем, объявили Спартака своим земляком лишь на том основании, что тот якобы родился в Крыму. Заодно они бы «вмазали» Некрасову за то, что он, обращаясь к Тарасу Шевченко, назвал его «русской земли человеком замечательным».

Между тем самому Некрасову больше нравилось считать свою маму полькой или «прекрасной полячкой», как говорили в ту пору. Полячкой, которую якобы похитил русский офицер. Какой поэт не живет романтикой!

Кстати, украинские националисты, можно сказать, прошлепали и тот факт, что девушка, которая в знаменитой «Тройке» жадно глядит на дорогу, — Катерина, привезенная матерью Некрасова с Украины. И потому многие художники, иллюстрируя это стихотворение, рисуют ее в национальной украинской одежде. А «Зеленый шум» — это же ведь песня украинских девушек!

История учит, что русские и украинцы всегда были сильны только в союзе. Не потому ли и русско-украинская кровь в поэте пробудила в его творчестве истинно славянский размах!

В кадры фильма о Некрасове я бы непременно включил эпизод, о котором я узнал из книги Н. Скатова «Некрасов», относящийся к 1840—1841 годам, когда поэт, ужасно бедствовавший в ту пору, предложил юнкеру, квартировавшему вместе с ним, сходить на вечеринку, чтобы, как говорят сегодня, наесться «на халяву». Для этого надо было немного — взять в костюмерной лавке маскарадные костюмы. Как говорится, голь на выдумку хитра. И вот Некрасов в костюме венецианского дожа, а его приятель — испанского гранда, в коротеньких тогах и длинных чулках едут на вечеринку, потом заходят еще в какую-то харчевню, чтобы пропустить по рюмке. А в результате выясняется, что денег на то, чтобы вытащить из-под залога свою одежду, у них нет. А в квартире холодина, а чулки не греют. И бегают по комнате приятели до утра, пытаюсь согреться. А утром еще, оказывается, и есть хочется. Хорошо, у Некрасова две серебряные ложки, подаренные матерью, сохранились. Кое-как выпутались. Но каков конец этой истории! Дож-то в самом деле стал своего рода дожем — великим поэтом России. Теперь пора назвать и гранда, тем более, что он тоже стал своего рода грандом — диктатором всея России. Это — Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Ну и, видимо, не обойтись в фильме без предыстории «Коробейников», тех самых, о которых мы знаем главным образом по отрывку из этой поэмы, ставшей песней. Поэма, как известно, посвящена «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)». Гаврила Яковлевич Захаров был постоянным спутником поэта на охоте. Он-то и рассказал реальную историю убийства коробейников, которая легла в основу поэмы. История эта такова. Охотник Давыд Петров встретил коробейников, направлявшихся напрямик через болото в село Закобьякино Ярославской губернии, и убил их. Когда Давыд убивал их, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного на дерево, другого спрятал под корни. Сейчас, когда «Коробейники» поются народом, наверное, странно слышать, что поэма эта обвинялась в слабости, в отсутствии «художественного таланта» и незнании народной жизни.

В фильме о Некрасове была бы, конечно, и любовь. Возможно, именно она и стала бы его стержнем. Вначале — кадры о любви бедного юноши к такой же бедной девушке, может быть, швее, а возможно, к прачке или горничной, к той самой, которую в юности он недооценил, но воспел ее терпеливость, уже будучи маститым поэтом. Стихи эти остались, имя девушки Некрасов открыть не захотел.

Затем — любовь двадцатипятилетнего поэта к двадцатисемилетней Авдотье Яковлевне Панаевой, замужней женщине, муж которой был старше ее на семь лет. Любовь к женщине, из-за которой он даже хотел покончить с собой. К женщине, умом и красотой которой восхищались Александр Дюма, Тарас Шевченко, Николай Добролюбов, Николай Чернышевский, в которую был тайно влюблен Федор Достоевский. С Панаевой Некрасов был связан сильным чувством в течение 16 лет. В соавторстве с ней он написал романы «Мертвое озеро», «Три стороны света», повесть «Семья Тальниковых» и ряд рассказов. Ей Николай Алексеевич посвятил стихи «Я не люблю иронии твоей», «Мы с тобой бестолковые люди», «О письма женщины, нам милой», «Я посетил твоё кладбище» и другие, вошедшие в любовный цикл мировых шедевров. Но, выражая сугубо свое мнение, хочу сказать: стихи эти все же не столько о Панаевой, сколько о Некрасове, в них образ любимой даже не очерчен. Используя обращение к женщине, поэт больше говорит о том, что его волнует, а не о том, что волнует или волновало ее. Попутно замечу, что такая тенденция прослеживается и в творчестве многих современных поэтов.

Наверное, навсегда останется загадкой, почему Иван Иванович Панаев, красивый, неглупый, творчески одаренный, с кавказским темпераментом (он был по матери армянином), любящий женщин, вдруг, как говорится, «без боя» уступил свою кра-

савицу жену (и даже квартиру) молодому Некрасову и неожиданно поменялся с ним местами, став «другом семьи Некрасова». Те же объяснения на этот счет, что иногда приводятся в исследованиях, на мой взгляд, не выдерживают никакой критики.

Право, не знаю, вошла бы в фильм о Некрасове его связь с «Ярославной» — ярославской вдовой, возникшая осенью 1869 года и закончившаяся к весне 1870 года. Но роман поэта с Селиной Лефрен, актрисой французской труппы Михайловского театра, длившийся несколько лет, наверное, вошел бы в киноленту. Роман этот начался, можно сказать, красиво — с вояжа за границу летом 1864 года. Ехидно заметим, что в тот год Авдотья Яковлевна Панаева еще не переехала к будущему (третьему) мужу — публицисту Аполлону Филипповичу Головачеву (он, заметим, умрет в один год с Некрасовым) и жила в некрасовско-панаевской квартире на Литейном, а значит, числилась еще хотя и гражданской, но все же женой Некрасова. И уедет она из этой квартиры только в начале 1865 года. Но, видимо, ее отношения с Некрасовым уже были в такой стадии, что поэт покатил за рубеж с француженкой. Кстати, с весьма милой, обаятельной женщиной, некорыстной, но не любящей особенно вглядываться в даль. Некрасову, вероятно, импонировало и то, что Селина была весьма образованна, музыкальна, хорошо пела.

И все-таки, попадись материал о Некрасове к талантливому режиссеру, скажем, к такому, как Михалков, он наверняка бы больше места в фильме отвел другой женщине, менее образованной, но не менее привлекательной и более молодой — «голубоглазой блондинке с очаровательным цветом лица, с красиво очерченным ртом и жемчужными зубами», как ее характеризовал племянник поэта, наверное, сам чуточку влюбленный в нее. Речь идет о Фекле Анисимовне Викторовой (предполагаю, что и эта фамилия выдумана — Е. Г.), которую поэт стал называть Зинаидой Николаевной. Ей было 23, ему 48, когда они познакомились. Не будем копаться в ее прошлом, хотя на этот счет есть разные версии. Скажем другое: вместе им было хорошо. И попадись она другому человеку, девушку ждала бы, вероятно, участь обычной содержанки. Но Некрасов решил по-своему, и Фекла Анисимовна Викторова стала Зинаидой Николаевной Некрасовой. Правда, произошло это буквально за несколько месяцев до смерти поэта.

Некоторым читателям, возможно, покажется странным: Селине Лефрен, красавице и умнице, с которой так долго встречался поэт, не посвящено ни единой строки. Зинаиде, простой русской женщине, — великолепные, может быть, самые искренние, самые лучшие строки. Думаю, ответ тут прост: Некрасов сумел разглядеть красоту души женщины. Да и мы можем ли представить Селину на месте Зинаиды у кровати безнадежно больного поэта?

Забегая вперед, скажем: умерла вдова Некрасова в 1915 (а не в 1914, как это написано в воспоминаниях А.Ф. Кони) в Саратове и похоронена на Воскресенском кладбище, вблизи могил Н. Г. Чернышевского и Н. Е. Каронина-Петропавловского, ныне хорошо забытого русского писателя, автора рассказов и очерков о пореформенной деревне. На скромном обелиске лаконичная надпись: «Некрасова Зинаида Николаевна, жена и друг великого поэта Н. А. Некрасова. 1847—1915 гг.»

4

Вероятно, фильм о Некрасове не обошелся бы без кадров о расколе в журнале «Современник». Его начало приходится на середину 50-х годов, когда в редакцию пришли два молодых критика, два Николая — Добролюбов и Чернышевский. С декабря 1855 года в журнале начинает выходить серия статей Чернышевского «Очерки гоголевского периода», а №№ 8 и 9 за 1856 год печатают статьи Лайбова (псевдоним Добролюбова. Ну и псевдоним! — Е. Г.) о «Собеседнике любителей русского слова». (Как это понять «русское слово»? Что, есть такое слово? — Е. Г.)

Поначалу статьи и того, и другого критика пришлись по душе И. С. Тургеневу, но затем (видимо, вчитавшись более внимательно — Е. Г.) он вдруг резко меняет свое мнение. Несогласие с позицией Чернышевского выразил и А. В. Дружинин, который, порвав с «Современником», возглавил собственный журнал «Библиотека для чте-

ния». (А для чего еще может быть библиотека? — Е. Г.) Свое «фе», как сказали бы в моей родной Одессе, выразил и двадцативосьмилетний сотрудник журнала Лев Толстой, обеспокоенный уходом Дружинина. К Толстому примкнул и Афанасий Фет. Постепенно вокруг Чернышевского разгорелся сыр-бор.

Некрасов, как главный редактор, пытается примирить старых друзей с Чернышевским и теми молодыми сотрудниками, что пришли в журнал, но это ему не удается. И в конце концов он оказывается чужим среди своих и чужим среди чужих, а еще точнее, обрекает себя на отчуждение старых друзей и одиночество среди новых.

Когда-то все мы дружно одобряли трудный выбор Некрасова и аплодировали Николаю Гавриловичу Чернышевскому, повторявшему: «К топору зовите Русь! К топору!» Ныне слышны другие голоса. «Пусть будет трижды проклят новый Чернышевский, что снова Русь позовет к топору!» — так написал современный талантливый поэт Александр Поздняков, являющийся к тому же и военным юристом, что в данном случае тоже имеет немаловажное значение. И, кстати, он высказал не только свое мнение. Впрочем, задним умом мы всегда были сильны.

«Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами», — кто из нас раньше мог усомниться в этих ленинских словах, как, впрочем, и во всем, что говорил вождь мирового пролетариата. Но все дело в том, что не колебался Некрасов и слабым он не был. А был он главным редактором и хотел сохранить свой журнал, который бы не однобоко, а объективно отражал общественное мнение. Вспомним, он ведь в своих взглядах ни в чем не уступил ни той, ни другой стороне.

А вот о расколе он действительно сожалел. И еще очень сожалел, что его благое намерение спасти журнал путем написания оды генералу М. Н. Муравьеву, известному душещипательно польского восстания, кончилось крахом. Николай Алексеевич понял, что совершил ужасную ошибку, но было поздно. И хотя ода не была им никогда опубликована (стихи М. Н. Муравьеву «Бокал задравный поднимая...», ранее входившие в собрания сочинений, принадлежат не Некрасову и включались ошибочно), друзья отвернулись от поэта, и он всю жизнь потом горько переживал об этом.

И уж коли начали мы об огорчениях Некрасова, то, видимо, следует в фильме отвести место так называемому «огаревскому» делу. Суть его в том, что Николай Платонович Огарев, разведясь со своей женой Марией Львовной, выделил ей часть состояния, с которого она получала проценты. Вероятно, ей этого было мало, и она захотела получить сам капитал. И Огарев предоставил его в виде имения и заемных писем-векселей. Но как перевести все это в деньги? Мария Львовна в этих вопросах была полным профаном. К тому же жила она за границей по просроченному паспорту, что затрудняло ее приезд в Россию. И надо было во все это впутаться Некрасову, который посоветовал Огаревой поручить дело ее подруге А. Я. Панаевой. Та так и сделала, прислав ей доверенность, дававшую полную свободу действий. Авдотья Яковлевна перепоручила дело своему дальнему родственнику, Николаю Самойловичу Шаншиеву. Тот оказался человеком крайне недобросовестным. В 1853 году Огарева умерла, можно сказать, в нищете. И тут снова появляется Николай Платонович, требуя вернуть имущество своей бывшей жены. Но Панаева и Шаншиев отказывают ему: мол, поезд уже ушел... Огарев подает на них в суд и выигрывает дело. В 1860 году ему возвращают деньги.

Все бы ничего, но Огарев и его друг Герцен почему-то решили, что вдохновителем акции Панаевой является Некрасов, о чем они поспешили заявить и устно, и печатно. Николай же Алексеевич считал, что он не виноват, и по этому поводу даже хотел поехать в Лондон, чтобы объясниться с Герценом. Но Александр Иванович почему-то не захотел встретиться с Некрасовым. Почему? Кое-кто из критиков объясняет это тем, что Герцен не захотел отказываться от своей версии. Я же осмелюсь в дополнение к этому высказать и свое мнение — не захотел слушать Некрасова, ибо и Герцен, и Огарев сами выглядят в этой истории не в лучшем свете: бросили на произвол судьбы бедную женщину. Пусть плохо поступили Панаева и Шаншиев, но а вы-то, два друга, не могли, что ли, помочь умирающей женщине?

И это еще не весь детектив. Письма, которые писал Некрасов Панаевой, как известно, Авдотья Яковлевна сожгла. А ведь именно они могли пролить свет на «огаревское» дело. Но вот после 1917 года в архиве III отделения находят копию странички письма, якобы написанного Некрасовым Панаевой в сентябре 1857 года, где есть такие строчки: «Твоя честь была мне дороже своей, и так будет, невзирая на настоящее с этим клеймом я умру. А чем ты платишь мне за такую — знаю сам — страшную жертву? Показала ли ты когда, что понимаешь всю глубину своего преступления перед женщиной, всеми оставленной (в том числе и Огаревым, и Герценом? — Е. Г.), а тобою считавшейся за подругу? Презрение Огарева, Герцена, Анненкова, Сатина не смыть всю жизнь, оно висит надо мной...» Не это ли хотел сказать Некрасов Герцену? Если все так (а очень похоже, что так), как изложено в письме, то мужчина, принимающий на себя такой тяжкий грех во имя любимой женщины, заслуживает, на мой взгляд, всяческого уважения. И становится, кстати, понятным, почему Панаева сожгла письма Некрасова.

Но... Опять это злосчастное «но» Но дело в том, что копия есть копия — самого письма никто из исследователей творчества поэта не видел. Впрочем, в «огаревском» деле попытался разобраться и К. И. Чуковский, написавший о нем книжку «Жена поэта», которая вышла в 1921 году и высокую оценку которой дал А.Ф. Кони «Давно не читал я ничего, до такой степени удовлетворяющего нравственное чувство и кладущего блистательный конец односторонним толкованиям и поспешно-доверчивым обвинениям».

Блистательный конец? Но ведь книжка Чуковского построена на письме. А было ли письмо?

5

В одной из своих книг Константин Паустовский писал, что «человек так неудачно устроен, что все-таки ждет прекрасных повторений». Увы, повторения эти зачастую бывают далеко не прекрасными! Вот и недавно, глядя по ТВ репортаж с митинга в Кемерово, я услышал, как одна женщина повторила некрасовские слова «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» И вопрос, прозвучавший на митинге, не праздный. Когда смотришь, что творится в стране, невольно вспоминаются слова поэта, сказанные им давно:

*Бывали хуже времена.
Но не было подлей...*

Читаешь поэму Некрасова «Современники», написанную в 1875 году, и оторопь берет — это же не только о его, но и о наших современниках! И о тех, кого мы называем сегодня «новыми русскими», он уже писал, вкладывая в это понятие, как и мы, определенный криминальный смысл:

*Грош у новейших господ
Выше стыда и закона...
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!
Что ни попало — тащат.
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат
Бог его тоже ведь доллар!»*

Ей-Богу, хочется закричать — «Ба, знакомые все лица!», читая эти строки:

*Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию.
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию.*

Или эти строки:

*Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен.
Залезать в чужой карман!*

Уже журналистами (Гавриилом Хромовым, в частности, из «Новой ежедневной газеты») замечено, что воплощенная мечта некоторых господ выражена Некрасовым в строках:

*Сидели тут рядом тузы-иноземцы.
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На аки, на раки, на берги и бурги
Кончатся прозвища их.*

Многим из нас знаком и этот тип, выведенный в поэме:

*Военный человек, не спорю я, прекрасен.
Но дальше от него держаться должно нам:
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.*

И эти нам известны:

*Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны.*

И трогательно-нежным единением капитала с властями нас уже не удивишь.

*Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях...*

Будто подсмотрел Николай Алексеевич в наше время, когда писал:

*Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа, друг свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...*

Думаю, снимать кадры, связанные с поэмой «Современники», в фильме о Некрасове было бы очень просто: актеры здесь не нужны — достаточно документальной

телехроники. О правовом беспределе, о людях, исповедующих одно и делающих другое, о детях, просящих в метро милостыню, и о дядях из детских фондов, отдыхающих на Канарах, о «генерале Диме» и Сергее Станкевиче и т. д и т. п.

А кроме «Современников» есть еще у Некрасова «Медвежья охота», где прямо из груди вырывается крик поэта:

*Какие выдвинуты морды
На первый план! Гроза, беда!*

И тут же:

*Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?*

И вывод:

*Мудреными путями Бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!*

Сколько помню, «Некрасов» и «демократ» всегда рассматривались как слова-синонимы. Казалось бы, и люди, причисляющие себя к демократам, должны были в наше время поднять поэта на свой щит. А они, судя по всему, его недолюбливают: такая, мол, поэзия не для утонченных ценителей! А между тем поэзию Некрасова высоко ценили и Блок, и Есенин, и Цветаева. В 1919 году, отвечая на известную анкету К. И. Чуковского «Некрасов и мы», Гумилев откровенно казнил себя за эстетизм, мешавший ему в ранние годы по достоинству оценить значение некрасовской поэзии.

Сколько противниками музыки Некрасова написано пародий на его стихи! Сколько глумления над его прекрасными стихами о русских женщинах. Прекрасный ответ на эти глумления, по-моему, дал Наум Коржавин:

*...Столетье промчалось, и снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — все скачут и скачут.
А избы горят и горят.*

А избы горят и горят... И вновь в ушах звучат стихи Некрасова «Внимая ужасам войны», где он пишет о святых, искренних слезах матерей, потерявших на поле битвы своих сыновей. И это опять о нас и о нашем времени.

Николай Алексеевич родился в студеную зиму 1821 года и ушел из жизни, когда в Петербурге лютовали декабрьские морозы 1877 года. Но все его творчество пронизано весенним светом любви к простым людям. Он по-настоящему любил свой народ, ненавидя до боли в сердце его угнетателей.

*Новое время — свободы, движенья
Земства, железных путей
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей? —*

с горечью вопрошал поэт за несколько лет до своей смерти.

Ах, как он, посвятивший лиру народу своему, хотел увидеть своих соотечественников счастливыми! Не довелось.

Провожать в последний путь поэта, несмотря на лютый мороз, вышли тысячи людей...

Владимир Фомичев
(г. Москва)

МОЙ ВЕНОК Н. А. НЕКРАСОВУ

Владимир Тимофеевич Фомичев — поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Родился в небольшой смоленской деревушке Желтоухи, недалеко от исторической Вязьмы. Во Восточном (ныне Угранский) районе, «малой родине» писателя Ивана Соколова-Микитова и лирика Михаила Исаковского. В дошкольном возрасте пережил два кошмарных года фашистской оккупации. Его отец в 1943 погиб на фронте. В условиях послевоенной разрухи и многодетной семьи поэт с отличием окончил сельскую семилетку, затем — энергетическое отделение политехникума и историко-филологический факультет Государственного пединститута (сегодня университет) в Москве.

Три года служил в армии, танкист, механик-водитель первого класса, офицер запаса. Трудился разнорабочим, проводником, преподавателем, директором школы, старшим инженером Мингазпрома, журналистом в различных уголках страны, в том числе пять лет на Крайнем Севере Тюменщины. Редактировал книги в издательствах «Современник», «Правда», «Граница». Возглавлял редакции известных столичных газет «Московский литератор» и «Пульс Тушина». Ни в чем не виновного, его как руководителя «ПТ» восемнадцать раз пытались упрятать в тюрьму — за сопротивление беззаконию под видом «перестройки» и «реформ», раскрытие злодеяний против государствообразующей нации. Но в конце концов полностью оправдали.

В. Фомичев являлся секретарем Союза писателей РСФСР, председателем Ревизионной комиссии Международного Сообщества писательских Союзов (2000—2005), ответственным за информационные выпуски Исполкома МСПС «Дом Ростовых».

В. Т. Фомичев — член Союзов писателей СССР и России, академик Международной Славянской Академии, председатель Всероссийского Некрасовского комитета, лауреат литературных премий Н. Некрасова, А. Чехова, М. Исаковского, «Прохоровское поле» и других. Почетный житель Угранского района Смоленской области и Покровское-Стрешнево (бывший Тушинский) г. Москвы. Награжден медалями «Интернационалист-боец за правое дело палестинского народа», «За веру и добро», «100-летие А. Т. Твардовского».

ЗЕРКАЛО

190-летию Николая НЕКРАСОВА

Боже мой, Николай Алексеевич,
Вы — не древность, не даль Одиссея,
Вы же зеркало нашего дня!

Суть вещей от ямщин до Чернобыля,
От оброка до США-«филантропии»
В вас видна, как в яслях малышня.

Чертовщина улыбок бессмысленных
В урагане реклам над Отчизною
Обеспамятовшей, как скелет,

Вашей, вашей свободой уносится.
Чищу, чищу Русь-дом этих лет
Вашей с неба строкой пылесосною.

Сердце вам в унисон надрывается
Злостью мира, как лед ободранцами,
«Плохо верится в силу добра».

Но лазури небесное пение,
День Победы — отвага нетленная —
Это радости, счастья заря.

Я, как вы, тишины понаслушаюсь.
Надышусь херувимской опушкою,
Взвеселюсь чистой мать-Земли.

Заглушу звуки злобы некрасовски
Ликом родины — кровными красками,
Станут чувства и думы светлы.

* * *

*О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!*

Николай Некрасов

Бог наградил его любовью,
Она — святое слово «мать»*.
Любезной мальчиком сыновье
Поднес признание строкою,
Откупоривши дар писать.

С тех пор пленительная мама
Вела корабль его стихов.
Некрасов — исполинский самый
Из всех певцов под небесами,
Кто этой темы слышал зов.

И просиявшие, как Пушкин,
Так не объяли диво див —
Небесную родимой душу
С почина до предсмертной стужи
Лелеял только он один.

И лик болезненно-печальный,
И песнь, и бледная рука,
И голос чудный, плач фатальный,
И путь, что правый изначально, —
Все свет-спаситель маяка.

* Выделенные разрядкой слова о матери принадлежат Н. Некрасову.

Ах, звуки лиры небывалой
О подарившей чистый мир!
Каким огнем в груди пылала,
Какою силой идеала
Ты стала, м а м е н ь к а — кумир!

ЕВГЕНИЮ ГУСЕВУ

Россия сильна провинцией

Н. Карамзин

Здравствуй, брат по перу на родимой земельке,
На домашней, на ладной, на яростно цельной.

Областям всем российским оживает в Карабихе
Твой привет ярославский, широк по-некрасовски.

И Кубань, и Находка — все родные и близкие —
Здесь в июле, как в паспорт нашей Родины вписаны.

Здравствуй, брат по перу колыбельной идеи
Про добро, на котором копятся злодеи.

А добро — значит, тост за здоровье народа,
И за верных друзей, и за волжскую воду.

А добро: сила — в правде, божественность воли;
Дохнут, словно бы мухи, от него балаболы.

Здравствуй, брат мой по светлой, по трепетной силе —
Мира нечисти всей несомненной могиле.

ПАМЯТЬ О 1993-м

Трус, кто сторицей не мстит

Николай Некрасов

Шайка дегенератов
Танком шла на закон.
Людоедам награды
Нацепил мрак времен —
Расстрелявшим закон.

Нелюбовью к России
Распалилось ворье.
Бреду лошади сивой
Не сдадимся живьем —
Нелюбови к России.

Не стираются смерти
И Советов, и душ.
Пусть во сне видят черти:
Кары мертвых грядут —
И Советов, и душ.

**У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПОЭЗИИ:
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО
РУССКОГО УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА
И РОДОНАЧАЛЬНИКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА
(1711—1765)**

Михаил Васильевич Ломоносов

ОДА

**ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ
ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСВЕТЛЫЙ
И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА И ДЛЯ ВСЕРАДОСТНОГО
РОЖДЕНИЯ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ
КНЯЖНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ, ПОДНЕСЕННАЯ
ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1757 ГОДА**

Красуйтесь, многие народы:
Господь умножил дом Петров.
Поля, леса, брега и воды!
Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит, правит и предводит,
Натуру духом превосходит —
Герой в морях и на земли.

О божеской залог! о племя!
Чем наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время,
О вы, любезны имена!
О твердь небесного завета,
Великая Елисавета,
Екатерина, Павел, Петр,
О новая нам радость — Анна,
России свыше дарованна,
Божественных порода недр!

Смотрите в солнцевы пределы
На ранней и вечерней дом;
Смотрите на сердца веселы,
Внемлите общих плесков гром.
Устами целая Россия
Гласит: «О времена златые!
О мой всевожденной век!
Прекрасна Анна возвратилась,
Я, с нею разлучась, крушилась,
И слез моих источник тек!»

Здесь нимфы с воплем провожали
Богиню родом, красотой,
Но ныне громко восплескали,
Младая Анна, пред тобой;
Тебе песнь звучну воспевают,
Героя в мужа предвещают,
Геройских всех потомков плод.
Произошли б земны владыки,
Родились бы Петры велики,
Чтоб просветить весь смертных род.

Умолкни ныне, брань кровава;
Нам всех приятнее побед,
Нам больше радость, больше слава,
Что Петр в наследии живет,
Что дочь на троне зрит Россия.
На что державы ей чужие?
Ей жалоб был наполнен слух.
Послушайте, концы вселенной,
Что ныне, в брани воспаленной,
Вещал ее на небо дух:

«Великий боже, вседержитель,
Святый твой промысл и совет
Имея в сердце, мой родитель
Вознес под солнцем русский свет.
Меня, оставлену судьбою,
Ты крепкою возвел рукою
И на престоле посадил.
Шестнадцать лет нося порфиру,
Европу я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.

Как славны дал ты нам победы,
Всего превыше было мне,
Чтоб род российской и соседы
В глубокой были тишине.

О безмятежной жизни света
Я все усердствовала лета,
Но ныне я скорблю душой,
Зря бури, царствам толь опасны,
И вижу, что те несогласны
С святой правдивостью твоей.

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав,
Царям наверхнуть тщится узы
Желание чужих держав.
Творец, возри в концы вселенны,
Возри на земли утесненны,
На помощь страждущим восстань,
Позволь для общего покою
Под сильною твоей рукою
Воздвигнуть против брани брань».

Сие рекла Елисавета,
Геройской свой являя вид;
Небесного очами света
На сродное им небо зрит.
Надежда к богу в них сияет,
И гнев со кротостью блистает,
Как видится зарница нам.
Что громко в слух мой ударяет?
Земля и море отвещает
Елисаветиным словам!

Противные страны трепещут,
Вопль, шум везде, и кровь, и звук.
Ужасные перуны мещут
Размахи сильных русских рук.
О ты, союзна Героиня
И сродна с нашею Богиня!
По вас поборник вышний бог.
Он правду вашу защищает,
Обиды наглые отмщает,
Над злобою возвысил рог.

Когда в нем милость представляем,
Ему подобных видим вас;
Как гнев его изображаем,
Оружий ваших слышим глас;
Когда неправды он карает,
То силы ваши ополчает;
Его земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,

Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза.

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы с трепетом внемлите:
Сие глаголет вам господь
Святым своим в пророках духом;
Впери всяк ум и вникни слухом:
Божественный певец Давид
Священными шумит струнами,
И бога полными устами
Исайя восхищен гремит.

«Храните праведны заслуги
И милуйте сирот и вдов,
Сердцам неживым будьте други
И бедным истинный покров,
Присягу сохраняйте верно,
Приязнь к друзьям нелицемерно.
Отверзите просящим дверь.
Давайте страждущим отраду,
Трудам законную награду,
Взирайте на Петрову дочь.

В сей день для общего примера
Ее на землю я послал.
В ней бодрость, кротость, правда, вера
Я сам в лице ее предстал.
Соделал знамение ново,
Украшив торжество Петрово
Наследницей великих дел,
Мои к себе щедроты знайте.
Но твердо все то наблюдайте,
Что Петр, она и я велел.

В моря, в леса, в земное недро
Прострите ваш усердной труд,
Повсюду награжду вас щедро
Плодами, паствой, блеском руд.
Пути все отворю к блаженству,
К желаний наших совершенству.
Я кротким оком к вам воззрю;
Жених как идет из чертога,
Так взойдет с солнцем радость многа;
Врагов советы разорю».

Ликуй, страна благословенна,
Всевышнего обетам верь;
Пребудешь оным покровенна,
Его щедротой счастье мерь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженной народ;
Подобно как в Ливане кедры,
К трудам их крепки мышцы, бедра
Среди жаров, морозов, вод.

Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечем и пламенем народы
В середине самой устрашал,
Но ныне и во время зноя
Не может нарушить покоя;
Как сверженной гигант, ревет,
Попран российской ногою,
Стиснен, как страшную горою,
Напрасно тяжки узы рвет.

Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанию хладных руки;
Там слышен вой в оружном треске;
Из туч при смертоносном блеске
Кровавы трупы множат страх.
А ты, Отечество драгое,
Ликуй при внутреннем покое
В Елисаветиных лучах.

<Декабрь> 1757

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский
(г. Москва)

СОХРАНИТЬ ВЕЛИЧИЕ ДЕРЖАВЫ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Председателем ЛДПР, заместителем Председателя Госдумы, доктором философских наук, Заслуженным юристом России. Беседу ведет член Союза писателей России Людмила Евгеньевна Авдеева, автор нашего журнала, литературовед, культуролог, поэт, журналист-международник.

Л. А. Владимир Вольфович, сейчас в литературных и читательских кругах широко обсуждается проект «Манифеста нового критического реализма»^{*}, творческая методология которого была изложена в журнале «Приокские зори» и ряде других изданий. Читателям журнала, который теперь имеет международный статус, было бы интересно узнать Ваше мнение о том, насколько актуален для современного литературного процесса «Манифест», рожденный исторической необходимостью сохранить лучшие традиции нашей отечественной литературы, тем более, что и Вы сами пишете много и плодотворно.

В. В. Ж. То, что серьезные изменения назрели во всех сферах современной жизни, никто оспаривать не станет. И в этом плане текст литературного «Манифеста» перекликается с разработанной нами практической Программой конкретных действий по возрождению России.

Л. А. Действительно, в Вашей Программе четко сформулированы не только проблемы государственного устройства, развития экономики, демографии, социальные вопросы, но и роль в этом процессе отечественной культуры в целом, и в первую очередь литературы.

В. В. Ж. Цель Программы — реальные практические действия по возрождению страны в интересах большинства населения. И великая русская, российская культура,

^{*} См. далее итоги дискуссии по «Манифесту». Интервью дано специально для журнала «Приокские зори».

великий русский язык и литература призваны служить величии Державы и процветанию общества. Необходимо восстановить систему полноценного изучения русского языка по всей стране в полном объеме. Вести активное распространение русской языковой культуры в других странах. Создать в Москве и в крупных российских городах Русские Дома, как центры русской культуры. Должен работать русский национальный телеканал, который бы отражал историю и современное состояние жизни русского народа. Необходимо убрать рекламу с государственных каналов, запретить нравственное и духовное разложение нации, молодого поколения. Закрыть порнографические сайты в Интернете. И сделать все это за счет государства. Наша Программа предлагает также резко снизить арендную плату с книжных магазинов, тогда и хорошие книги станут доступнее. Убрать посредников между производителями учебников и потребителями. Нам нужны хорошие учебники, по которым можно подготовить профессионалов с достойным образованием. Надо дать дорогу молодежи для самосовершенствования, так как нам нужны русские умы в Академиях наук, вузах, в российских научных городах. Пришло время остановить утечку мозгов, создав ученым, писателям, сфере образования и воспитания достойные условия жизни и труда, поднять престиж учителя в обществе, сделать школу культурно-образовательным центром, где хорошая во всех отношениях книга стала бы учебником жизни, нравственности, помогала молодым избрать правильный путь, нужную интересную специальность.

Л. А. Вот и «Манифест нового критического реализма» направлен на возрождение лучших традиций русской классической литературы, которая всегда была «учебником жизни». А ныне великая русская литература, снискавшая мировую славу, уступает место в школьных программах, на сценических площадках, на экранах далеко не самым лучшим произведениям европейских авторов, низкопробным «творениям» и «мыльным» сериалам.

В одной из своих статей вы писали «о политике социального людоедства», которая лишает простых людей, подрастающее поколение бесплатного образования, социальных благ, в том числе библиотек, творческих кружков. Это социальная катастрофа.

В. В. Ж. Подлинная культура, хорошая литература, а не бульварная пресса должна быть доступны всем, и в первую очередь малоимущим слоям населения, так как только среди них сохранились понятия патриотизма, милосердия, взаимопомощи, социальной солидарности, которые необходимы для нормальной жизни человеческого общества. Поэтому и надо критически оценивать все социальные явления, и это одна из нравственных задач деятелей культуры, наших российских писателей. И мне, кажется, такую миссию должен выполнять и предлагаемый литературный «Манифест».

Л. А. Спор о назначении литературы продолжается в России не первый век и приобретает особую остроту в исторические моменты, в периоды накала общественных страстей, проведения социальных реформ. Критический реализм XIX века требовал глубокого социального анализа характера и поступков героя и раскрытия его внутреннего мира, того, что Чернышевский называл «диалектикой души». Для демократической критики «чистое искусство» было образцом бессмыслия, пустоты, бессодержательности. Писарев называл творчество таких широко известных поэтов, как Фет и Полонский, «поэзией миндального печенья», указывал, что писатель должен отражать «интересы, идеалы, вопросы эпохи, которые шире и важнее любовных походов», в описания которых можно только заворачивать сальные свечи, сыр и копченую рыбу».

В. В. Ж. Высказывание интересное, острое и не лишенное определенного смысла. Ведь отношение писателя, как и любого другого человека к жизни — плод образования, круга чтения, жизненного опыта, гражданской позиции, наконец, мастерства, профессионализма. Разве в сегодняшней культуре мало «пустой» прозы, бессодержательной литературы, тех же «миндальных» стихов, слащаво-сентиментальных романов, откровенной безвкусицы и пошлости. А сколько всевозможных направлений, течений, которые язык не повернется назвать литературными. А ведь и они тоже разрабатывают и распространяют свои «Манифесты», да и вся история русской литературы наполнена Манифестами футуристов, декадентов, имажинистов, модернистов, символистов, и это помнит каждый из школьных уроков литературы. В социалистическом реализме советского периода были свои перегибы. Сколько авторов писало на злобу дня, о стройках, электростанциях, героях-передовиках. Кто помнит их имена и кому, кроме литературоведов интересны эти произведения сегодня?

Л. А. В эпоху социалистического реализма решающим в оценке художественного произведения был критерий полезности, гражданский пафос, воспитательный момент. Разрабатывая «Манифест нового критического реализма», мне кажется, не стоит забывать совет Александра Блока, который еще в 1908 году писал, что в художественном произведении должны «подать друг другу руки заклые враги — красота и польза». Гражданский пафос должен сочетаться с умением литератора улавливать тончайшие оттенки душевной жизни человека, извлекать красоту из окружающего мира, давать читателю надежду. Произведение будет мертво без живого чувства любви, очарования природы, красоты мироздания. Без психологического, душевного момента даже высокое мастерство, профессионализм останется, как считал Тургенев, «мертвой игрушкой, дешевым триумфом виртуоза».

В. В. Ж. Чтобы быть интересным читателю, писатель должен избегать схематизма, абстракции, уметь соотносить сиюминутное с вечным. Читатель должен почувствовать масштабность мысли, ощутить ее энергию, напряженность. Холодные размышления, отстраненные от живой жизни, не воспринимаются. Читатель должен вовлекаться в сюжет, спорить, сомневаться, волноваться. А гражданская позиция должна быть у каждого человека. Как писал Некрасов: «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». И он же писал, что «стыдно в годину горя красу долин, небес и моря и ласки милой воспевать». Эти строки и сегодня суровый приговор тем авторам, которые не хотят видеть сложность, противоречивость современного мира. Писатель должен понимать движение мировой истории, участвовать в нем, не допускать пошлости и лжи.

Л. А. «Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду». Это из «Одиссеи» Гомера. Написано задолго до новой эры, но актуально, как все гениальное и простое. Важна как историческая, так и психологическая правда творчества и разработка «Манифеста нового критического реализма» предусматривает сохранение гуманистического стержня русской литературы, которая всегда была воспитательницей милосердия, самопожертвования, духовного героизма, любви ко всему земному, призывала к нравственному совершенствованию и людей, и общества.

В. В. Ж. В этом отношении у современных писателей немало учителей среди русских классиков. Глубочайшее проникновение во внутренний мир человека у Достоевского. Лев Толстой сумел показать своих героев и в условиях войны, и в условиях мира, сумел снять ореол с носителей неограниченной власти, показать глубину мыслей и чувств у простых людей. Конечно, литература не должна «звать к топору», к

немедленным переменам, но она обязана содействовать стремлению к нравственному совершенствованию. Литература должна быть многожанровой, сохранять творческую свободу, но не вседозволенность. Думаю, что принятие «Манифеста нового критического реализма» будет способствовать созданию произведений, в которых едины высокая художественность, реализм, глубокий анализ действительности, интересные сюжеты и запоминающиеся, яркие герои. Писатели должны владеть всеми богатствами великого русского языка.

Л. А. Владимир Вольфович, а в каких конкретных программах национального масштаба, на Ваш взгляд, могли принять участие современные писатели и поэты, чтобы внести ощутимый вклад в возрождение величия России?

В. В. Ж. Программа практических действий по возрождению Державы, о которой мы говорили в начале беседы, предлагает летом 2012 года торжественно и широко отметить в Великом Новгороде 1150 Русского государства и сделать этот день Национальным праздником. И здесь бы деятели культуры, искусства и литературы смогли бы сыграть существенную роль. Организовать конкурсы на лучшие творческие произведения, провести литературно-музыкальные фестивали. Наконец, написать новые рассказы, поэмы, стихи, книги для детей, посвященные страницам великой русской истории. Культура должна идти в массы, ведь благодаря распространению подлинной культуры можно повысить духовность нации, снизить уровень наркомании и преступности.

. Россия должна сохранить русский дух, великую русскую культуру и наше бесценное достояние — русскую литературу, приумножив ее новыми талантливыми, актуальными произведениями.

Л. А. Спасибо, Владимир Вольфович, за интересную беседу, и будем надеяться, что великая русская литература, которая бесценный дар не только для российского читателя, но и для всего читающего мира, пополнится талантливыми художественными произведениями наших современников, и в этом процессе сыграет немаловажную роль «Манифест нового русского критического реализма».

В. В. Ж. Остается пожелать творческого вдохновения и серьезной работы всем писателям России, для которых первоочередная задача — возрождение Державы.

Беседу вела Людмила Авдеева

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Наталия Парыгина
(г. Тула)

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Наталия Диомидовна Парыгина — старейшая писательница России, продолжающая активно работать в жанре прозы. Почетный гражданин города-героя Тулы, имеет государственные награды. Лауреат литературных премий, в том числе лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за № 1. Член редколлегии журнала «Приокские зори». Ниже публикуем ее новый рассказ.

В воскресенье после обеда, когда Андрей вознамерился полежать на диване с недочитанным романом, а женщины с ребятами принарядились, чтобы идти в парк, ворвался в квартиру телефонный звонок. Трубку взял Андрей.

— Вас слушают.

— Здравствуй, Андрюха.

Андрюха? Так называл его брат.

— Гриша? Ты?

— Я. Не ожидал? Ты помнишь, какой сегодня день? Десять лет назад. Наш разговор перед разлукой... Помнишь? Пора подводить итоги.

— По голосу чувствую, что ты процветаешь.

— Угадал. А ты живешь все там же — в благословенной «хрущевке»?

— Да. Там же.

— Мама жива?

— Слава Богу. Жива.

— Через полчаса буду у вас.

Андрей медленно, словно опасаясь сломать, положил трубку на место.

— Андрюша, кто звонил? — поинтересовалась, выйдя в коридорчик, жена.

— Григорий звонил. Черед полчаса придет.

— Что? Кто? Какой Григорий?

Это уже мама Нина Петровна встревожено спрашивала, то ли боясь, то ли желая услышать правду.

— Наш Гриша, мама.

Нина Петровна машинально накрыла ладонью, словно защищая от беды, область сердца. Но произнесла сурово и четко:

— Был наш, да отрекся. Теперь неизвестно чей.

В своей комнате галдели ребяташки. Двухлетняя Катя весело прыгала:

— В палк пойдем! В палк пойдем!

Однако поход в парк чуть не сорвался. Жена Андрея Надя решила, что надо встретить столичного гостя, стол накрыть... Однако бабушка за всех решила по-своему.

— Идем в парк! Все собрались? Готовы?

— Го-то-вы! — хором отозвалась ребячья троица.

— Но как же... — попыталась было возразить Надя.

— Никак! Пошли.

И первой двинулась к двери.

Тот разговор с братом, что случился у них десять лет назад, Андрей и хотел бы забыть, но не мог. Говорил впрочем почти один Григорий.

— Слушай, Андрюха, я много думал в последнее время. Ты видишь, что творится в стране? Новая жизнь. Новые понятия. Новые возможности! Умные люди используют эти возможности. Дураки — упускают.

— Ты, конечно, относишь себя к умным.

— Пока — нет. Но решил взяться за ум. И тебя вразумить.

— Да я вроде бы не нуждаюсь...

— Это — как судить.

Разговор этот состоялся тоже в воскресенье. Мать после завтрака ушла в магазин, а братья так и остались сидеть за пустым столом с потертой клеенкой.

— Я получил диплом. Помню... Помню, о чем мы договаривались... Ты работаешь — я учусь. Потом: я работаю — ты учишься. Знаю, что ты мечтаешь перейти с вечернего отделения на дневное. Но я предложу тебе лучший вариант.

— Есть варианты?

— Варианты всегда есть — надо не упустить лучший. Я предлагаю: уехать в Москву. Вместе! Талантливые и проворные ищут удачу или за границей или в Москве. Посредственности остаются прозябать в провинции. За рубеж мы не осилим... А в столицу — можем. Продадим квартиру — на первое время денег хватит. А дальше — все зависит от нас.

— А квартиру продадим вместе с мамой?

— О маме я думал. Она может поехать в деревню к своей двоюродной сестре.

— А маму ты уже спросил — она стремится переменить место жительства? И тети Галя... Я не помню, чтобы она приглашала маму...

— Мы поставим их перед фактом.

— Это как?

— Скажем, что уезжаем. И нам надо продать квартиру.

— Та-ак...

— Так! Новый век — новые нравы. Человек сам себе — хозяин! Чтобы выбиться в этой жизни наверх, а не остаться в нищенской яме, надо быть сильным.

— И — жестоким?

— И жестоким! Если требуют обстоятельства — даже жестоким! Ну, останемся мы вдвоем караулить нашу мамашу за то, что она когда-то нас родила и на руках носила... Что нас здесь ждет? Меня — жалкая зарплата бухгалтера... А в Москве банки растут, как грибы! Банк — это золотое дно жизни. И у меня — диплом финансиста...

— Мне до диплома — еще три года. И никуда я с тобой не поеду.

— Ладно. Оставайся. Держу пари, что и через десять лет ты будешь прозябать в этой же убогой хрущевке. А я пробьюсь. Пробьюсь в строй богатых и независимых! Чего бы мне это ни стоило.

— А Надя... Она твои намерения одобряет?

— При чем тут Надя?

— Но ведь ты живешь с ней — сколько? Года два?
— Два с половиной. Но она мне не жена. Узами брака я себя не связал. Я — свободен! Уеду на десять лет и ни звонить, ни писать, ни приезжать не буду. Десять лет — мой старт. Жаль, что ты не захотел вырваться из нужды. Ладно, живи как хочешь. Буду пробиваться в одиночку.
— И скоро ты уедешь?
— Скоро. И неожиданно. Потихоньку. У меня к тебе просьба, брат.
— Говори.
— Я уеду, не прощаясь. Ни с матерью, ни с Надей не прощусь.
— Но — почему?
— Знаешь женщин... Вцепятся ведь, начнут отговаривать, разохаются, разноются. Только настрой собьют! Ни к чему мне это. Хочу уехать спокойно. Объясни им... Объясни, что уезжаю надолго. На годы. Через десять лет дам о себе знать. Или просто приеду. И пусть не пытаются меня искать. Сам найдусь! Объяснишь?
— Попытаюсь объяснить. Поймут ли?
— Это их проблемы!

Григорий уехал через три дня, совершив в начале нового пути жизни первую подлость: занял у друзей и знакомых денег сколько удалось с обещанием отдать долг через неделю. Андрею позвонил об отъезде. Матери и Наде ни напрямую, ни намеком не сказал ни слова.

Андрей, исполняя обещание, отправился к Наде вечером после работы — работал он у частного предпринимателя: развозил и разгружал овощи и фрукты для продажи на развалах. Надя, отворив дверь, побледнела.

— Андрюша... Что-то случилось? Что-то случилось с Гришей?

— Нет, нет... Ничего страшного. Можно к тебе войти?

— Да. Проходи. Гриша попал в аварию?

Надина комнатка в коммунальной квартире была крохотная. Кровать, стол, две табуреточки, одежда под занавеской...

— Здоров он, Надя! Ни в какую аварию не попал. Давай сядем, поговорим.

Надя резко опустилась на табурет.

— Говори же... Говори — что с Гришей?

— Ничего. Просто он уехал в Москву.

— Ой! А я уж подумала... Надолго?

— То ли на десять лет... То ли навсегда...

— Что? Я же серьезно спрашиваю! Мне не до шуток...

— Серьезно, Надя. Уехал делать карьеру. Решил стать богатым.

— Вот как... А я? Он просто бросил меня?

— Похоже, что так.

Потом Надя плакала, а Андрей молча жалел ее. Хотел бы пожалеть вслух, но разве ей это надо? Она любит Гришку...

— Не плачь, Надя... Ну, перестань!

— Я считала себя его женой.

— Теперь считай разведенкой. Ему все равно...

— Я думала, что он меня любит. И говорил, что любит!

— Гриша любит только одного человека: себя.

— Не говори о нем плохо!

— Не буду...

Они помолчали. Надя отрешенно глядела куда-то мимо Андрея, а он смотрел на нее. И эта чужая, хотя и давно знакомая женщина в домашнем халате и с растрепанными волосами, с заплаканным, мокрым от слез лицом вдруг по каким-то таинственным законам жизни показалась ему близка и дорога.

— Надюша! А хочешь... Хочешь — я на тебе женюсь?
Она как будто не сразу поняла смысл его предложения. А поняв, отрицательно покачала головой.
— Ты не захочешь на мне жениться. И будешь прав.
— Почему не захочу? Я давно знаю тебя. И маме ты нравишься... Она сколько раз спрашивала Гришу, когда он на тебе по-настоящему женится.
— Выходит: никогда?
Андрей промолчал.
— Я беременна, Андрюша. Будущая мать-одиночка.
— Ты... беременна? А Григорий знает?
— Нет. Я боялась ему сказать...
— Вот и молодец, что не сказала. Это будет и а ш ребенок. Твой и мой. Ну, перестань же плакать! Если он до сих пор не женился на тебе, значит — не любил.
— Так ты... Ты, правда, женишься на мне?
— Да. Если перестанешь плакать.
Андрей встал, обнял Надю и поцеловал в мокрую соленую щеку.
...Матери он в этот день не сообщил ни одну новость: ни об отъезде (похожем на побег) Григория, ни о своей предстоящей женитьбе. Отложил разговор на утро: после сна человек более расслабленный, меньше будет нервничать.
— Мама, ты, пожалуйста, не волнуйся.
— Что случилось?
— Гриша уехал. В Москву. Делать карьеру. За десять лет намеревается стать богатым и независимым. Но общаться с нами все это время не будет...
Нина Петровна молчала, темнея лицом. Не сетовала. Не плакала. Молчала. Андрей подумал, что она так ничего и не скажет по поводу странной новости. Но она сказала.
— Пропадет Гриша...
— Да что ты, мама! — искренне возразил Андрей.— Он такой напористый. И умный...
— Душу потеряет,— двумя словами определила мать грядущую драму сына.
Андрей подвинулся ее прозорливости. А про себя, вспомнив разговор с братом, подумал: «Душу он уже потерял. Или убил».

Столичный гость приехал на такси. Андрей увидел с балкона слегка располневшего господина в светлом костюме и вышел встретить его на лестничную площадку. Братья обнялись и так постояли, ощущая таинственную власть родства и волнующий момент встречи.

Гость первым переступил порог квартиры. Прошел в «зал». Огляделся.
— Все, как десять лет назад. Те же три клетушки-комнатушки... Диван, кажется, новый. А, и стеллаж с книгами. Покупаешь книги?
— Купил библиотеку по объявлению. Сейчас многие избавляются от книг.
— Да, немодный товар. А что это за барышня на диване?
— Маша. Куклу зовут Маша.
— Значит, женился. И дочку сотворил.
— Еще двоих сыновей.
— Здорово... Где же спрячешь свою ораву?
— В парк ушли. Только ушли — и ты позвонил.
— Давай пока вдвоем выпьем и по душам поговорим. Я гостинцев привез. И — коньяк...

Стол накрыть оказалось делом несложным: гостиничные деликатесы были либо в баночках, либо в пакетиках. Вот уже и коньячок золотисто блестит сквозь стекло недорогих стеклянных рюмочек.

— За встречу!

— За встречу...

Андрей пригубил коньяк, посмаковал. Гость опрокинул рюмку до дна и сразу наполнил следующую. И с этой минуты говорил, не умолкая, прерываясь на несколько секунд разве что для очередного возлияния.

— Ну, что, Андрей? Кто был прав? Ты за эти десять лет приобрел всего-навсего утильную библиотеку... А я... Я, приехавший в Москву с жалкими грошами, теперь имею четырехкомнатную квартиру в районе Сокольников и дачу в Подмосковье. А дача — не дача, а двухэтажный дом. На участке — баня, сад, овощные грядки, цветники... В комнатке на первом этаже с отдельным входом живет агроном с женой. Рады, что приютил. Все хозяйство ведут: он — на участке, она — в доме. Приезжаю на дачу как барин.

— И как же тебе удалось стать баринком?

— Удалось... Кто был ничем, тот станет всем. И ты мог бы...

— Не женился?

— Женился. Один раз. По расчету...

— Хватит пить, Гриша!

— Последнюю... В банках для меня места не нашлось — там своих хватает. Вернее, нашлось место... Ох-ран-ни-ка! Стоял в дверях, как сторожевая собака. Но, между прочим, там все и случилось!

— Что случилось?

— Она уронила сумочку. Я поднял. Она поблагодарила. Сорок пять лет — представляешь? Но — вдова миллионера... Через год она приобрела на мое имя — на имя своего супруга... Угадай — ч т о?

— Автомобиль?

— Ресторан!!!

С каждой рюмкой коньяка речь гостя становилась несколько медлительней и туманней. И — хвастливей.

— Я объездил весь мир! Был в Париже. В Риме. В Нью-Йорке! Купался в Средиземном море... Загорал на лучших пляжах Европы...

Андрей, услышав скрип ключа в двери, перебил монолог брата.

— Возвращается мое семейство.

Первой вбежала в зал двухлетняя Катя.

— Папа, мы молодоженное ели! И на калуселях катались.

Между тем вошли в комнату и остальные члены семейства. Григорий, скользнув взглядом по мальчишкам, недоуменно уставился на их мать.

— Что такое! Это же Надя... Надя!

Он с трудом встал из-за стола, покачнулся и обратился к матери со своим открытием.

— Мама, смотри: это же моя Надя!

— Ты приехал к нам через десять лет, чтобы напиться до свинского состояния?

— А... Да... Прости, мама. Я сейчас... Сейчас умоюсь. Но все равно: это Надя! Ты, Андрей, женился на моей девушке. Надя, дай я тебя поцелую!

— Отстань!

— Иди, умойся, — прикрикнула мать, как на мальчишку. И скомандовала внукам: — А ну-ка, ребята, давайте все со стола перетаскаем в кухню.

Все трое ребят проворно принялись за дело. Бутылку с недопитым коньяком она сама убрала в шкафчик.

Григорий вернулся из ванной комнаты с мокрой шевелюрой и почти протрезвевший. Сел на прежнее место за пустым уже столом. Тягостное молчание затянулось. Выручила Катя. Подошла к гостю, положила ручки на его колено. Спросила:

— Хочес танцевать?

— Танцевать? Конечно, хочу! — не растерялся Григорий.

— Клаковяк умеет?

Краковяк... Всплыл в памяти дворец пионеров, кружок бальных танцев.

— Умею краковяк.

— Папа, иглай...

Танец удался не сразу. Танцевальный шаг прошел нормально, но кружиться Григорий, учитывая рост дамы, попытался по принципу хоровода.

— Не так! — возмутилась дама.— На луки бели!

— Да,— подтвердил Андрей.— Бери ее на вытянутые руки и крутись.

Теперь танец обрел нужный ритм и стиль. Звучала гитара, старались танцоры, улыбались взрослые...

— Вот это краковяк! — весело проговорил Григорий.— В жизни не танцевал с такой милой партнершей.

Мальчики ушли в свою комнату. Нина Петровна и Надя как будто помягче, но молча глядели на Григория, кажется, не зная, о чем с ним говорить.

— Пойдем на улицу — покурим,— предложил брату Григорий.

Возле подъезда, как и в прежние времена, стояла крашенная лавочка. На этой лавочке братья посидели и поговорили о высоких материях: о счастье и свободе.

— Напрасно ты, Андрюха, отказался ехать в Москву. Помнишь, отец говорил: «Жизнь состоит из упущенных возможностей». Вот ты и упустил.

— Ошибаешься! Я счастлив. Работаю с строительной фирме, у меня — семья, дети... Это же прекрасный мир жизни.

— Ограниченный мирок, а не мир.

— Мы с тобой по-разному понимаем смысл слова: счастье.

— Да как его ни понимай! Счастье — это один мифов, придуманных человечеством. Нет его на Земле! И тем более — на небе... Самообман — вот что такое счастье. Кто способен на самообман, тот и счастлив.

— А ты счастлив? Твоя жена жива?

— Три года назад умерла от рака.

— И ты больше не женился.

— Нет. Я свободен.

— И одинок...

— Одиночество? Да, свобода и одиночество, как говорится, близнецы... Но я привык. Привык жить среди чужих людей. Целовать чужих женщин... Разнообразное общение... Одно странно... Кажется, я бесплоден.

— Нет! Не может быть...

— Может. В интима обходимся без всяких предохранительных причиндалов, а ни одна любовница не забеременела.

— А ты бы хотел?

— Не знаю. Сейчас много бесплодных мужиков. Медицина считает: из-за стрессов.

— А тебе много досталось стрессов?

— Еще бы! Миллионы, как говорил, не с неба валятся. Но об этом история умалчивает...

И о многом еще они говорили и спорили. Но пути их жизни разошлись, и понятия о ценностях бытия сложились разные.

Григорий, на этот раз простившись со всеми, уехал на другой день. И уже сидя в купе поезда и попивая ароматный чай, подумал: «Напрасно я к ним приезжал. Чужой я им. И они мне чужие».

Но вдруг вспомнил краковяк и заулыбался. Руки ощутили почти невесомую партнершу. А перед мысленным взором возникла загорелая довольная мордашка племянницы.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

МЕСТЬ БОЯРЫНИ НАСТАСЬИ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас».

Маленькая комната на самом верху боярского дома, куда вхожи только мамки да няньки. Здесь живет красавица Настасья. Живет и дожидается своего часа, когда папенька соизволит пригласить в дом жениха, подпишет с ним сговорную запись и передаст в новые руки свою доченьку. Не то, чтобы плохо жилось Настасье в отцовском доме. Все у нее есть: наряды лучшие, угощения царские, служанки верные и самая верная из них Устинья. Расчесывает Устинья волосы молодой боярышне и приговаривает:

— Ах, краса ты моя, красавица, волосы твои длиннющие, глаза твои яркие, губы сочные. И кому же ты достанешься? Кого счастливым сделаешь?

— Устиньюшка, видела я вчера в окошко моего сердечного, а кто он — не ведаю. Каждый день мимо окон на коне проезжает, то один, то с друзьями. Смеются весело, речи храбрые от них слышатся. Ты бы узнала, какого он роду-племени?

— Душечка моя Настасьюшка, для тебя все сделаю. Дознаюсь обязательно, — пообещала боярской дочери подружка-прислужница.

Других подруг у Настасьи нет. Отец строго дочь содержит, на улицу не выпускает и к ней никого не подпускает. Боится, как бы чего не вышло с его лапушкой. Ведь перед Богом ответ за честь дочери держать придется.

Матушка умерла давно. Грозен был отец с ней. Приставил слуг для присмотра: что та ни сделает, обо всем ему доложат. Им он доверял как себе, ей вовсе не верил. Да и была у него на то причина. Когда женился, ходили слухи, что молодая супруга другого в мужья ожидала и вроде бы даже пыталась с ним свидеться. Только супруг ее решительным оказался, сразу все женины надежды прекратил. Так и сидела на своей половине под надзором слуг. Иногда выходила к мужниным гостям, чтобы одарить их чаркой вина. Красавица была, глаз не оторвать. Все завидовали боярину Лыкову. «Что ж ты такую красу за замками держишь?» — спрашивали.

Годы молодые у Настасьиной матери пробежали быстро: в родах, детских смертях, побоях ревнивого мужа. Однажды так плетью побил, что три дня валялась без памяти. Так, не приходя в себя, и померла. «Сдохла», — сказали о ней ее надсмотрщики. «Отмучилась, болезная», — грустно подумали те, кто видел от несчастной боярыни добро и ласку. «Матушка моя родная, как же без тебя жить стану?» — плакала десятилетняя Настасьюшка, и слезы горячие текли по щекам.

— Ты уже девка большая, скоро замуж пойдешь. Нечего реветь, — приказал отец, и послушаться его было невозможно.

Настасья зажала боль в сердце, чтобы никто эту боль не видел. Так с тех пор и

живет, любит слушать сказки про добрых молодцев и красных девушек, песни грустные поет, будто о себе грустит. Только молодость поворачивает девушку к смеху веселому и мечтам дивным. В этих мечтах папенька находит ей жениха богатого да знатного, поскольку только с таким он и породнится. А еще этот жених люб Настасьюшке: красавец писанный, глазу острого, стану стройного. На коне словно летит, саблей легко помахивает. Любит он ее, свою любушку. В дом свой вводит бережно, речи ее слушает внимательно, и целует любезную женушку. Ох, и неприличные мысли у девушки. Преподобный отец Серафим внушает, что жить следует так, чтобы Господу радость доставлять: молиться, поститься, думать о Боге и неземной жизни.

«Тогда милость Господня с тобою, Настасья, пребудет. И батюшке твоему радость и почет. Должна быть девица благочестива и кротка. Молись, дщерь моя, молись неустанно», — поучал преподобный отец свою духовную дочь.

Настасья падала перед иконой на колени и молилась: «Владычица моя, Пречистая Богородица, помилуй меня грешную...» Какие такие грехи совершала она? На батюшку злилась, порой его не слушалась, с няньками иногда ругалась, а, главное, больше о земной, чем о небесной жизни думала: о муже будущем, о детях, о доме, в котором хозяйкой станет и, не в пример матери, никому не позволит надзор за ней держать. Своими греховными мыслями делилась боярышня с Устиньей.

— Только ты, Устиньюшка, никому о том не говори, что я думаю.

— Душенька моя, да чтоб я провалилась, да чтоб я крест нательный потеряла! — отпиралась Устинья. — Да никому я тебя, моя красавица, не выдам.

— А узнала ли ты о молодце моем?

— Узнала. Это Василий — сын боярина Захарьева. Царю служит. Говорят, отец ему знатную невесту высматривает.

— Кабы он меня высмотрел, уж любила бы я свекра своего.

— Да чего его любить? Надо мужа любить. Василий Захарьев всем хорош, а нрава крепкого. Соперника не потерпит.

— Ну что ты, Устя, говоришь? Какой соперник?

Так и переговаривались они, придумывали, как батюшку в дом Захарьевых направишь.

Однажды отец поднялся в терем к дочери.

— Сядь Настасья. Надо поговорить. Ты уже выросла, пора семью заводить. Боярин Захарьев желает с нами породниться. И мне такое родство по душе.

— Неужели, батюшка? — вскрикнула Настасья, подскочив с лавки и отвернув от отца краснеющее лицо.

— Что заерзала? — недовольно глянул на нее отец. — Не маленькая, поди. Держать себя в строгости должна. Боярин Захарьев — человек степенный, серьезный. Ему в жены свиристелки не надобно. Ему нужна жена рассудительная, умная, спокойная.

— Батюшка, так он для себя сватов засылает?

— А для кого же? Ты не о Ваське ли думаешь? Не смей. Станешь ему мачехой, и весь сказ.

— Батюшка, родной, — Настины глаза наполнились слезами и страхом, — да ведь боярин Захарьев — старый, в отцы мне годится.

— Никто, кроме меня, в отцы тебе не годится. И не старый он вовсе. Он нас с тобой переживет, а я еще внуков увижу.

— Батюшка, да за что же мне такая участь?

— Какая такая участь? Боярыней в дом войдешь, хозяйкой. И отцу почет: дочь в надежные руки передал. А слов твоих глупых чтоб я больше не слышал.

Поняла Настасья, что судьба ее решена, отца не переспоришь и счастья с нелюбимым старым мужем не увидишь.

Через несколько дней пришел в их дом жених — боярин Иван Петрович. Невесту, как полагается, не вывели. Да и не надо это Захарьеву: помнил он мать Настасьи, видел ее красоту. А здоровье? Так разве может быть больной дочь многожильного Лыкова?

— Я, Семен Федорович,— говорил он Лыкову,— порядок в доме люблю. У меня не забалуешься. Слуги выученные, по указу ходят. Настасья Семеновна сразу хозяйкой станет. А коли трудно будет по молодости, так у меня управитель справный и ключница верная. Они ей помогут хозяйскую обязанность понять. Главное, чтоб не ленива была и женин долг исполняла. Я это очень приветствую.

— Знаю я, Иван Петрович, твою удаль. Настя моя тебе по душе придется, не сомневайся. Только, не обижайся, опасность прямо по твоему дому ходит.

— Ты про Ваську говоришь? Так я его пошлю со службой государевой. Без него пока проживем. А потом женю. Сейчас ему рано. Ты мне скажи, сколько за дочкой полагаешь?

И начался у них разговор о приданном. Сговорились быстро. Было что отдать Семену Федоровичу в придачу к дочери. С рождения ее набирались сундуки в подклети. Да и земля есть богатая, деревня добрая. А из слуг пусть забирает Устинью. Больно непокорная. Не нравятся такие боярину Лыкову. Не понимает, чего барин хочет. Впрочем, если бы он захотел, он бы ей делом объяснил. Только ради дочери не трогал девку.

Позвал боярин Устинью, чтобы показать гостю. Высокая, крепкая, длинная темноволосая коса взметнулась за спиной. Про таких говорят: кровь с молоком. У Ивана Петровича глаза загорелись: одну брал в жены, а тут и вторая будет — в ночных услужницах.

— Иди-ка, Устинья, объяви боярышне, что мы обо всем договорились. Скоро свадьбу сыграем. И не ревите там. Бабы дуры — всегда ревут,— грозно сказал хозяин потупившейся Устинье.— Гей, отсюда.

— Каких еще тебе слуг надобно, Иван Петрович?

— У меня своих девать некуда. А Устинья подойдет. Хитрющая девка. Как ты ее к дочери допускаешь?

— У меня есть, кому следить за ней. Если что, три шкуры спущу и с нее, и с других. Кстати, она мне все о дочери рассказывает.

— И есть что рассказывать? — забеспокоился гость.

— Да что ты! Какие у нее тайны? Сидит себе в тереме, вышивает, сказки слушает. А уж боголюбива, не передать. Только и молится. Отец Серафим на нее не нарадуются. Я, говорит она мне, батюшка, люблю помолиться в ночной тишине.

— Покойная жена твоя, Семен Федорович, тоже набожная была?

— Ох, какая набожная! Царствие ей небесное,— оба перекрестились.— И я теперь женюсь. Многие годы обходился без хозяйки. О Настасьюшке думал. А теперь передам дочь тебе, Иван Петрович, и о себе подумаю.

Так за разговором они и порешили готовиться к свадьбе. А наверху горевали несчастные пленницы.

— Устя,— обмирая, спросила Настасья подругу, вернувшуюся от отца.— Что батюшка сказал?

— Приказал твой батюшка к свадьбе готовиться. Сидит жених за столом, глазами зыркает.

— Да каков он?

— Толстый, живот большой. И голова большая, а борода длинная. Сам строгий. Я как увидела, вся задрожала.

— Неужели страшный?

— И страшный, и сердитый очень. Ох, боярышня моя, как ты за него пойдешь?

— Да разве слова батюшкиного ослушаешься? — заплакала Настасья, внезапно поняв, что ослушаться нельзя, и красоту свою девичью она погубит в замужестве.

Летел свадебный поезд: мчались колымаги жениха, невесты и гостей, гордо восседали всадники на лошадях. Везли невесту в крытой колымаге, обитой красным бархатом, с закрытыми шелковыми занавесками слюдяными оконцами. Сидела в ней Настасья и думала: обрядили ее в свадебный наряд, прибыл к ним в дом жених — почтительный, тучный, с противным голосом. Сидел и смотрел, как за занавеской расплетали невесте девичью косу. Даже и не пытался заглянуть, чтобы увидеть боярышню. А впрочем, и хорошо, что не пытался. Иначе увидел бы льющиеся слезы и закушенную до боли губу. «Благослови, Господи!» — звучало при каждом обрядовом действии. «На что же Бог благословит? — грустно думала Настасья. Перед выходом к жениху отец ее гневно наставлял:

— Ты, дочь, не вздумай вида показать, что недовольна. Жена да убоится мужа своего. И радуйся, что сам Захарьев нам честь такую оказал. А что муж не нравится, так он и не обязан нравиться. Твое дело — его радовать, доставлять счастье, наследников родить. Да чтоб здоровыми были. А Бог даст, может, и Васька сгинет, отец его далеко отправил. Прости, Господи, шалую мысль,— при этих словах отец перекрестился.— Все твоим детям достанется.

Молчала Настасья. Поздно спорить. Не в обычае русском перечить отцу. И вот везли невесту в церковь, где отец Серафим скажет: «Венчается раба Божия...» Да только ли Божия она раба? Отцовская она раба, а теперь будет мужнина. «Он сейчас в другой колымаге едет, даже на коня не взбирается»,— со злостью подумала Настасья.

Шумный свадебный поезд мчался по Москве. Поезжане — родственники и знакомые Лыковых и Захарьевых — окружали повозки, сопровождая их конными и пешими рядами. Народа собралось видимо-невидимо. Зеваки смотрели на расписные колымаги. Многие радовались, поскольку богатая свадьба всех приветит и угостит.

В церкви Настасья пребывала в полусознании. Батюшка подвел ее к жениху, они двинулись к аналою. Преподобный отец Серафим своим мощным басом вел службу, читал наставления о том, что муж должен строго учить жену. В конце обряда венчания муж, выпив вина из деревянной чаши, протянул эту чашу новобрачной, и та чуть пригубила. Потом он взял ее под руку и повел из церкви: народ что-то кричал радостное и осыпал новобрачных семенами льна и конопли. Потом они ехали в богатый дом бояр Захарьевых, за свадебным столом пили и здравили молодых. А Настасья сидела застывшая, только слезы текли по щекам.

Потом было стыдно и больно. Муж отвел молодую в опочивальню, долго рассматривал, словно лошадь при покупке, и, довольный увиденным, сказал:

— На мать ты похожа. Та-то до свадьбы сумела в сени сбежать, за то папаша твой и бил ее крепко. А ты, надеюсь, не такая прыткая?

Настасья молчала, боясь поднять глаза. Мужнины слова ей не нравились, а то, что он делал с ней, тем более. Грузный, неповоротливый, навалившийся на нее всем своим весом так, что, казалось, косточки девичьи переломятся. Он долго трудился, противно сопя. Настасья терпела, и только раз вскрикнула от нестерпимой боли. Наконец, его прыганье закончилось, он отвалился, довольно хмыкнув, и через несколько минут захрапел так, что, казалось, стены не выдержат и развалятся. Настасья тихо встала, вытерла с себя следы мужниной утехи. «Матушка моя родная, что же ты наделала? Зачем ты меня одну оставила? Почему не сказала, что муж у меня будет зверем диким, ненасытным?»

Рано утром Иван Петрович разбудил Настасью.

— Вставай, женушка, пойдем хозяйство смотреть. Дворовые у меня работающие, верные, да все равно за ними глаз строгий нужен. Встань рано, всех разбуди, на работу направь, чтоб никто без дела не сидел. И букой не смотри. Мне веселая жена нужна. Слезы льют в девках.

Все в доме завертелось. Дворовые с любопытством посматривали на новую хо-

зайку, прилаживаясь к ее характеру. Думали: «Молода еще, обмануть легко, когда хозяина рядом не будет». Управляющий склонился низко: пусть видит, как мы господ уважаем. Ключница смотрела в пол, боясь поднять глаза, поскольку злостью они наполнились. Только Устинья была спокойна и весела, чувствуя себя, словно в родном доме.

— Устиньюшка, как я выдержала эту ночь? Только бы он ко мне не приходил сегодня. Противный, видеть его не могу.

— Боярыня ты моя разнесчастливая,— сожалела верная подруга,— все бабы терпят. Муж у тебя серьезный, немолодой. Часто заглядывать не будет. Дай-ка мне волосы твои расчесать. Грех такую красоту прятать от людей. Да и тебя, моя бедная, кто теперь увидит?

И залились обе горячими слезами.

Вечером, после ужина, муж велел жене и прислуге собраться в крестовой. Он долго молился перед образами, а потом отправился в свою опочивальню, приказав всем ложиться спать. К счастью молодой жены ей была выделена своя опочивальня. Устинья помогла Настасье раздеться, поклонилась и ушла в комнату для прислуги. А Настасья встала на колени перед образом Богоматери и долго молилась, впервые ясно осознавая, что одна у нее осталась надежда — на помощь великой заступницы, и просила она о защите от мужниного участия и гнева.

Шло время. Настасья освоилась с хозяйством, знала всякое дело: и стирала, и кушанья готовила. Не всегда, чаще за этими делами следили ключница и управляющий. В основном Настасья занималась шитьем и вышиванием. А еще ждала первенца, который очень скоро заявил о себе слабыми толчками в ее округлившийся живот. Муж не понимал, заходил к ней в опочивальню редко. Устинья служила рьяно, стала ее первой помощницей, сумев всех дворовых себе подчинить. Только вот почему-то часто отводила глаза, стараясь не смотреть на хозяйку.

Однажды ночью, когда Настасье стало совсем худо, она выбралась из постели и пошла в дворницкую звать к себе верную Устю. Той среди слуг не было. Какого же было Настасьино удивление, когда она увидела Устю: та в исподней рубахе выходила из опочивальни Ивана Петровича!

— Боярыня, Настасья Семеновна, смилуйся,— запричитала служанка, бросившись на колени и пытаясь целовать госпоже руки.— Не могу я Ивану Петровичу отказать, требует он к себе.

Это был удар. Бог повелел супругам соблюдать верность. Впрочем, Настасье это нетрудно, поскольку из дома ее одну не выпускают. А муж, оказалось, не соблюдает божескую заповедь, хоть и бьет поклоны перед образами. Верная служанка, подруга, можно сказать, бежит к ее мужу в опочивальню, прислуга смеется над ней. Ничего не сказала Настасья, повернулась и ушла к себе. Боли усиливались, разрывали на части. Настя кричала, не сдерживая себя. От боли кричала, от обиды, от невозможности переменить судьбу. По дому забегали дворовые девки, заглянул муж и велел звать бабу-повитуху.

Роды были долгими, ребенок родился слабеньким и умер на следующий день. Настасья лежала, забытая всеми. Иногда заходила Устинья, подавала ей пить и вытирала пот со лба. Настасья с ней не разговаривала. Ее мучило, что младенца не успели окрестить, и значит Бог его к себе не примет. Ей казалось, что Господь наказал сына за отцовский грех, которому потворствовала Устинья.

Месяца через два она оправилась, только внутри ее погас жизненный огонь. Муж снова стал к ней захаживать, требуя от жены потомства. Теперь Настасья знала, что не было в доме служанки, которая не побывала бы в мужниных руках. Знала, что потворные бабы сводили его с бесстыдными женщинами. Да разве могла она что-нибудь сказать мужу? Малейшее недовольство вызывало в нем гнев, он таскал жену за волосы,

срывал с нее одежду и бил плетью по голому телу. После она с трудом уползала, и долго залечивала раны. Первые роды что-то в ней произвели, а может, муж что-то отбил. Больше жизнь в Настасье не зарождалась. И за это муж ее бил и бил.

От нескончаемых побоев она затвердела в ненависти и стала равнодушной ко всему происходящему. Даже смерть отца не вызвала никаких переживаний. Что переживать, если он так же, наверное, бил ее матушку, а дочь кровную направил на погибель?

Так прошло лет шесть, и однажды в доме появился Василий, вернувшийся из далеких краев. Сердце Настасьино громко забилося. Вспомнилось, как давно смотрела она из окна терема на красавца-молодца, как мечтала о любви и замужестве. Сильный и красивый мужчина разбудил в ней незнакомое доселе чувство. Ей страстно хотелось мужских ласк и объятий. Да и Василий не противился, потому у них все и произошло. Раз, другой, третий, и уже ждала она его в потайном месте, а любила всем сердцем и телом.

Настасья расцвела женской красотой, налились ее бедра, увеличилась грудь. И скоро поняла она, что понесла. Только донесли Ивану Петровичу о ее запретной любви. Кто донес? То ли управляющий, присматривавший за ней, то ли ключница, ненавидевшая хозяйку с первых дней, а может и Устинья, желавшая дом боярский подчинить себе.

Наказание оказалось жестоким. Бил муж ногами и батогами, отбил все внутренности. Обзывал всякими бранными словами. Дом боярский гудел от гнева хозяйского. Василия выслал, пригрозив оставить без наследства. Впрочем, перед отъездом сын с отцом помирился, объяснив, что Настасья его приворожила. Видно к Ульке Чернавке, известной на всю Москву колдунье, бегала.

— Не зря бил покойный Семен Федорович ее мамашу. Ишь, сучье семя оставила после себя. И эту надо бить. Дурь из ее головы я выбью,— кричал в гневе муж, снова и снова хватаясь за плети.

«Матушка моя родная, зачем ты меня на свет родила? Зачем такое горе мне досталось?» — думала Настасья. Ребенок в ней погиб и выкинулся плодом, похожим на мальчонку. В голове Настасьи рождался страшный план. Пошла она к Ульке Чернавке. Та, похожая на сказочную Бабу Ягу, слушала несчастную терпеливо и участливо.

— Знаю я боярина Захарьева. Его все знают. Двух жен схоронил. А ведь когда-то красивым и статным был. Мать твоя, голубушка, по нему сохла. Ко мне прибежала, просила траву любовную. Траву я дала, а что дальше было, не ведаю. Не приходила она ко мне больше.

— Вот и мне, бабушка, дай зелья опойного, да такого, чтобы извести мне мужа.

— Ты хорошо ли, боярыня, думала? Извести человека — перед Богом ответ держать придется. Нет большего греха. Самоубивец, пожалуй, грешнее.

— Да какой грех, если жизни нет? Терпела я долго, нет больше мочи. Бабушка, помоги от него избавиться.

Просила она, упрасивала. Знала, есть такое зелье у колдуньи. Принесла ей, утащив у мужа, деньги. Срезала, чтобы расплатиться с Улькой Чернавкой, все каменья со своего свадебного платья. Уговорила, получила зелье, и бежала домой, представляя, как скоро, совсем скоро, станет свободной от мужа ненавистного и жестоких побоев. Может, и Вася вернется? Не мог же он, после такой любви ее сильной, забыть свою любушку?

Только все повернулось не так, как задумывалось. Ворвался к ней в опочивальню Иван Петрович с криком:

— Сука, паршивка, извести меня задумала? — он обыскивал ее ларцы и ларчики.— Не дожدهшься, я сам тебя, дрянь подзаборную, изведу. Я тебя на площадь вы-

ставлю, в землю закопаю живой. Червяки тебя пожрут. Не знаешь разве, как с изменницами поступают честные мужья?

Он бешено кричал, топал ногами, бил ее, чем попало. Перевернул все в опочивальне, но зелье, о котором доложила верная Устинья, не обнаружил. Уходя, гневно бросил:

— Не жить нам больше вместе. Выбирай: в монастырь пойдешь или на суд праведный. А пока будешь сидеть взаперти, чтоб не сбежала и меня не опоила.

С того дня сидела Настасья на запоре. Раз в день приносили слуги еду, выносили помойник, в котором справляла затворница естественную нужду. Никто с ней не разговаривал, боясь гнева господского. Устинья давно забыла свою госпожу, всеми силами задабривая хозяина. Он ей доверял и получал от нее всевозможные радости.

Однако свет не без добрых людей, и однажды кто-то из прислуги вечером забыл, случайно ли — нет ли, закрыть на засов дверь Настасьиной темницы. Выбралась та на свободу. Тихо пробиралась, надеясь сбежать из дома. Никто ее не увидел, зато она увидела, что муж идет в баню, стоящую особняком от дома. Туда же поспешила ее бывшая задушевная подруга. Видно, вместе париться надумали. Нет, не могла Настасья пропустить такой случай. Надо было лишь выждать, закрыть банную дверь на засов, как закрывали дверь ее темницы, и запалить огонь.

От того, наверное, что душа боярыни горела ярким злым пламенем, загорелась баня враз со всех концов. Выбежавшие из дома и дворовых пристроек слуги потушить пожар не смогли. Ненавистные Настасье муж и Устинья не выбрались из огненного плена. Рухнула горящая крыша, поглотив их в огне. Огонь перекинулся на другие хозяйственные постройки боярского подворья. «Что я наделала? — горевала Настасья. — Какой грех на душу взяла! Не замолить мне его, не упросить Господа о пощаде!»

К утру пожар потушили. Когда слуги вошли в дом, в темных сенях они увидели повесившуюся Настасью. Не выдержала боярыня греховного дела своего, и от того впала в еще более страшный грех самоубийцы.

Алексей Яшин
(г. Тула)

СЧАСТЬЕ ЮНОГО МИЛИТАРИСТА *

◆ После просмотра по телящику местных и общероссийских новостей доцент военно-технического факультета Тулуповского университета Николай Андреевич впал в хандру. Совершенно дикое происшествие в ихней области, городе Бортянске, а по *ЦТВ* и вовсе докаменный век: милицейский, то есть сейчас полицейский, майор изнасиловал первоклассницу; признанный невменяемым тридцатипятилетний мужик, проживавший с интеллигентной мамой, съел по частям человека, предварительно разрубив тушу на куски и забив ими холодильник... А мама куда смотрела? И все подобное в подобном же колере. Нд-а-а.

Так тоскливо стало в неудобной этой жизни, что Николай Андреевич пошел на кухню, достал початую бутылку водки, хлопнул без закуски стопку. Чуть полегчало от всенародного лекарства. Усмехнулся: это, мол, тебе не рекламируемый ежедневно по «Радио России» с восьми утра и до полудни чудо-аппарат электромагнитной терапии для самолечения всех недугов — от поноса до клинического сумасшествия.

Все же. Подумав, закусил кусочком сервелата, что уже второй день, порезанный, кукожил на тарелочке в том же холодильнике. Попутно вспомнил только что увиденную в перерыве теленоостей надоедливую рекламу биг-мака.

Почему-то и в обжорочной рекламе, и в голливудских фильмах американские мужики жрут свои котлетные бутерброды «на булочке с кунжутом», цепко держа их двумя руками и повернувшись спинами друг к другу. При этом они после каждого укуса этой булки, начиненной всякой мясо-овощной дрянью, ощерив пасти, подозрительно искоса оглядываются друг на друга...

Отчего это так? Долго размышлял Николай Андреевич. Наконец, поинтересовался у много чего знающего знакомого доцента же Язвишина с медико-культурного факультета их университета. Доцент-патриот и биолог по совместительству рассмеялся:

— Ну ты даешь, Андреевич! Неужели не видел, как уличные собаки свои кости, добытые на помойке, глодают? Вся стая разворачивается по кругу хвостами друг к другу, каждый пес намертво обеими передними лапами придавливает кость к земле. Погрызет-погрызет, повернет морду к соседу и, оскалив клыки, предупредительно зарычит.

Так и западники, особенно америкосы, памятуя свое разбойничье-ковбойское прошлое, жрут, постоянно опасаясь, что сосед по жрачке, Джон, схрумкав свою булку с кунжутом и котлетой, подбежит к нему и вырвет объедки на добавку.

...Да-а, думал тогда Николай Андреевич, и у нас в стране сейчас за счастье полагаются что-нибудь да отнять у соседа: фабрику-завод, миллион «зеленых», а то и просто все ту же булку с кунжутом и химической котлетой. А за бутылку с водовкой

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

еще и синяков наставят.— От чувственного предвкушения дармовой выпивки. И вспомнил он свое нехитрое, далекое — северное счастье.

◆ Только было предался Николай Андреянович сладостным воспоминаниям, как со двора в открытые форточки и балконную дверь — на дворе жаркий конец мая месяца — раздался запоздалый по времени вопль явно заблудшего кота. Николай Андреянович сам-один даже рассмеялся, вспомнив эпопею, разыгравшуюся в их дворе на переходе апреля месяца в нынешний май.

Где-то в предпасхальные дни — а может, и в саму пасху? Николай Андреянович, как научный атеист не помнил точных церковноприходских дат — в их двор с многочисленными конскими каштанами, березами и тополями, давно вымахавшими выше крыш окрестных пятиэтажек, заявился кот. Очень крупный, пушистый и совершенно белый. Судя по дальнейшему его поведению — чисто домашнего воспитания, но либо за что-то изгнанный, а может и просто выскочивший на улицу и потерявшийся.

Кот, молодой и по-домашнему не знающий реалий современной демократической жизни, явно паниковал, думая: вот и дорвался до вожденной вольной жизни, а что в ней хорошего? Тут на него набежала выпущенная во двор для оправки мелкая собачонка Федосеевых из первого подъезда дома Николая Андреяновича — в половину размера кота. Робко твякнув, китайская мелочь в ужасе убежала от огромного кота. Но и тот, что-то вспомнив смутное в своих генах, мигом вскарабкался по стволу еще не распустившего листву тополя на высоту третьего этажа, уселся на ветвь матерого дерева и жалобно замыкал. Насчет спуска по стволу на землю его гены молчали.

...Почти неделю жители обоих дворовых пятиэтажек испытывали физическое и душевное угнетение. Бедный вольнолюбивый кот замолкал только на короткую уже ночь. Да и днем его голос все более слабел.

Дворовые восьмидесятилетние активистки-общественницы Аллка-дворничиха и Любка-цветочница обошли все окрестные дома, выискивая возможных хозяев кота — но безуспешно. Наверное, из другого квартала заблукал.

Не выдержав морально-нравственных мучений, жильцы скинулись на пол-литру дорогостоящей «путинки», две полторашки «арсенального» пива девятиградусной* крепости, коляску «краковской» и два батона. Этот сухой, то есть «мокрый» паек передали Аллке-дворничихе, которая вступила в переговоры с Петькой-хворым, сорокалетним неработающим пенсионером по алкогольной инвалидности, бывшим спортсменом-гимнастом.

Аллка поставила ультиматум: «Седни с полудни и ночью не пей, поутру сымешь кота и получишь пакет с припасом!»

Петька, уже почти пропивший апрельский пенсион, с отчаянья согласился, но наутро, стрезву подошел к операции серьезно. Взял у своих собутыльников, ЖЭК-овских слесарей и плотников бросовых деревянных плашек, гвоздей-соток и молоток. Набивая плашки на ствол тополя, он добрался по рукотворной лестнице до страдальца, взял его, безропотного, подмышку и спустил на грешную землю.

Едва Петька-спасатель, вдругорядь спускаясь, успел выворотить из тополя плашки и получить от Аллки пайку на сутки гульбы, как кот, доселе озиравшийся непонимающе, заприметив выведенного во двор бизнесментером Никифоровым бультерьера, опрометью взлетел на еще бóльшую высоту на ближайший каштан. Аллка-дворничиха бросилась было к Петьке, хворому спасителю, но было поздно: тот, усевшись на лавку в дворе детском городке, уже ушел в запой. Да еще нагло потребовал приплату — чекушку «пятиозерной» — в компенсацию за полученные от кота царапины на руках.

* Натуральное «живое» пиво имеет максимальную крепость 3,2 град/об. Все что выше — это добавленный спирт.— Прим. авт.

...Двор вступил во вторую фазу нравственных мучений. Но сейчас более всех страдал Николай Андреевич: для второй серии кот уселся на дереве прямо напротив окон его квартиры.

Три дня перед майскими праздниками Николай Андреевич старался приходить домой с работы ближе к ночи, чтобы не видеть и не слышать злосчастного белого кота. И за эти дни, вызывая изумление (и подозрение — не выслуживается ли?) своих коллег по кафедре, по-стахановски написал-скомпоновал учебное пособие по проектированию стабилизаторов противотанковых ракет. От этой работы уже полгода дружно отбивались все профессора и доценты кафедры ракетостроения. И домашние его под любым предлогом весь световой день находились где-то вне родных стен.

Только девятилетний полуперсидский их кот Арамис, второй месяц уже как приступивший к весенней линьке, сидел на кухонном подоконнике, задумчиво и немигающе смотрел через окно на неопытного в жизни коллегу по профессии: да-а, брат, поживи с мое на усиленном домашнем доппайке — и поймешь, что свобода — это осознанная необходимость. Никакая кошка-прелестница меня вот даже на лестничную площадку не выманит!

Но вот наступил Первомай, бывший пролетарский праздник, а ныне климатический день весны и торгово-офисного труда. Университетские корпуса на замок закрыты, в соседнем парке еще лужи от тающего снега. Некуда из квартиры уйти!

Выпив бывшеспраздничные сто грамм наркомовских с прицепом, Николай Андреевич, услышав завывания кота на дереве, вспылил и начал звонить по телефонному справочнику во все возможные службы с лестницами: от МЧС и «пожарки» до общества спасения на водах. Всем он, учитывая праздничный день, обещал «на парнас» две заначенные кредитки с видами города Ярославля...

Увы, судя по веселым голосам, везде, даже в МЧС и пожарных депо праздновали социально-климатический праздник. Отчаявшись, Николай Андреевич допил полулитровый «прицеп» к наркомовским, включил на полную громкость телевизор с орущими и пляшущими полуголыми ведьмами, сам же прилег на диван и проспал до темноты.

Видно не один он беспокоил по телефону занятых людей: на другой день пополуночи прибыла во двор спасательная машина МЧС. Бравые ребята, развернув металлическую лестницу, сняли кота, но от денег вышедшего во двор Николай Андреевича, нерешительно, поглядывая на старшего, отказались.

Поумневший за десять дней сидения на деревьях кот, даже не обращая внимания на бультерьера купца Никифорова, опрометью метнулся со двора и исчез в досягаемом пространстве и времени.

◆ В ознаменование окончания эпопеи с белым котом и второго дня праздника трудящихся и бизнесментеров Николай Андреевич пошарил по карманам, набрал мелочи на самую дешевую чекушку и вручил ее Петьке-хворому. И сам пошел в магазинчик в торце соседнего дома разменять одну из «ярославских» на четвертинку «зеленой марки», настоящей на кедровых орешках.

В магазинчике, где днем отоваривались водкой пьющие мужики их квартала, а ближе к ночи толпы студентов университета из рядом расположенных общаг покупали пиво и всевозможную фаст-фудовскую дрянь в хрустких пакетах, его радостно приветствовал сам хозяин, розовощекий сорокадвухлетний отставной доцент-подполковник Коля Антипенко. С ним Николай Андреевич познакомился еще в бытность работы в НПО «Меткость», где ему по отделенческой разрядке поручили написать отзыв на кандидатскую диссертацию тогда капитана Антипенко по техобслуживанию стартовых установок противотанковых сверхзвуковых ракет.

...Год назад старейшее в России-СССР Тулуповское ракетно-артиллерийское высшее военное училище, с недавних пор — военный институт, ликвидировали в

целях модернизации армии и придания ей качества компактности и маневренности для борьбы с мировым терроризмом — в юдашкинских куртайках на синтепоне.*

Пришлось бывшим полковникам и подполковникам, майорам тож, подыскивать иной заработок. Так Коля Антипенко на паях с женой и молодящейся тещей, скинувшись трудовыми и взяв кредит в банке, открыл мелочный продуктовый магазинчик в соседнем доме, переоборудовав под него одну из двух тещиных же квартир — тяжелого наследия советской власти.

...Но не оттого сейчас, в самом исходе жаркого мая, Николай Андреевич радовался жизни, глядя в окно на заросший высоченными деревьями двор, что история с белым котом ушла в прошлое. Нет! Просто впервые за тридцать с лишним лет его проживания здесь со двора не доносился умоисступляющий стоглоточный вороний грай.

Воронье племя, поселившееся в их дворе в незапамятные даже старожилым бабкам Аллке и Любке и каждый год выводившее на ветвях все подрастающих деревьев, попало удивительно дружное между собой и громкоголосное. Каждая птица — сама себе Шаляпин.

Со школьных уроков Николай Андреевич цепко помнил, что не только аисты и гуси-лебеди по весне и осени совершают перелеты длиной в четверть окружности Земли, но и наши среднерусские вороны, грачи и галки тоже улетают-прилетают. Правда, на более короткие расстояния: километров на двести-триста. То есть, для примера, тулуповские каркающие пернатые на лето убывают в командировку для размножения в окрестности Белокаменной, а их место в тулуповских дворах и парках временно занимают под гнезда вороны и грачи из Рязани или Воронежа. И так далее.

...Может так оно и было при царях и генсеках, но сейчас, в эпоху толерантности и необузданной свободы тулуповские грачи и вороны уподобились оседлым цыганам, что живут своими баронствами в предместьях города. И те, и другие перестали кочевать. Ромалы окормляют весь город наркотой, а вороны живут в полюбившихся им дворах, сытно кормясь из окрестных помоек. И все время, исключая темное ночное, каркают. Вот и демократию нам, наверное, накаркали!

А вот здесь начинается самое интересное. Как сообразил Николай Андреевич, да и все жильцы обоих домов двора, первое сидение белого кота на дереве пришлось на период построения воронами своих гнезд. Но их насторожило появление как раз на высоте гнездования самого заклятого врага — поедателя птенцов. Поэтому, посоветовавшись, вороны решили немного обождать со строительством, суть да дело занялись накапливать стройматериал — ветки, бумажки, прутики, комки глины — на земле, в укромных местах дворовой обочины. И терпеливо ждали, когда кот снизойдет с дерева.

Но когда кот оказался уже на другом дереве, вороны заволновались. Ситуация складывалась форс-мажорная: еще несколько дней и сроки кладки яиц, а значит и вылупление из них птенцов, выйдут из плановых, а это ослабит их стаю по сравнению с другими, соседними в борьбе за выживание.

Арендовав на паритетных началах на время огромный каштан в соседнем дворе, вороны устроили многочасовой, крикливый партхозактив; после всестороннего обсуждения сложившейся ситуации пришли к выводу: теперь в их родном дворе коты сошли с ума и будут жить на деревьях, а значит вороньему потомству грозит смертельная опасность. И многомудрый вожак стаи, седой ворон Карагач отдал приказ: считать прежний свой двор выморочным и, потеснив стаю соседнего двора, срочно строить гнезда там.

* Даже верноподданный во втором поколении киношник Никита Михалков демонстративно отказался от какой-то почетной общественной должности в минобороны, увидев «юдашкинцев» на майском параде.— Прим. авт.

Вот так двор Николая Андреевича обрел, как древние иудеи по окончании Вавилонского пленения, свободу от несмолкаемого вороньего грая. Но как представить себе меру отчаянья жителей соседнего двора, в котором отныне стая удвоилась в количестве! Но люди — отчаянные эгоисты; кому какое дело до чужих забот?

Зато в их дворе теперь появились сладкоголосые мелкие птички, которых раньше вороны и близко не подпускали к дворовым деревьям; даже соловьиная пара поселилась на липе, услаждая сердца и души жильцов своими восхитительными трелями и виртуозными коленцами и переходами.

Но особый восторг жителей двора вызвала сова, прилетевшая из соседнего парка и поселившаяся на самой верхушке двадцатиметровой березы. Пенсионная учительница биологии Фаина Аристарховна весело просвещала соседей: «Вот пройдет немного времени, так сова начнет в вечерние сумерки передразнивать — не хуже попугаев — всех обитателей двора!»

И действительно, уже вскоре отдыхающие от дневной жары на скамейках детского городка бабки, курящие на балконах обоих домов мужики с полным восторгом слушали доносящиеся с верхушки березы проделки совы-пересмешницы: то лай купеческого бультерьера сменялся звуками, очень похожими на пьяное бормотанье Петьки-хворого, а потом и вовсе сова на два голоса интерпретировала вопли сцепившихся по пустяковому поводу Аллки и Любки...

Снова заулыбался сам-один Николай Андреевич, наконец-то переходя к счастливым воспоминаниям.

◆ На воспоминания Николая Андреевича навела сегодняшняя пополуденная прогулка по центральному городскому парку, что в двух-трех минутах ходьбы от его дома. По наступившему жаркому, как и месяц май, лету все асфальтированные дорожки и площадки были заполнены школьниками и младшими студентами обоих полов, раскатывающими на роликовых коньках. Оно, конечно, для здоровья полезно, да и отвлекает молодежь от неумеренного потребления пива и легкой наркоты типа «спайс», а также от мимолетных сношений в антисанитарных условиях... как в очень содержательной частушке:

*Как у наших у ворот
Ветка к ветке клонится,
Парень девушку ...,
Хочет познакомиться!*

Но сколько неудобств для мирных гуляющих по парку без «роликов»? — Во-первых, толерантное юношество полагает, что все асфальтированное в парке — только для них. Поэтому всем остальным приходится совершать свои моционы с постоянной оглядкой и перебегать с одного края дорожки на другой, особенно если навстречу или в спину несется, взявшись за руки, целая вязанка «роллингеров».

Во-вторых, их коньки дешевой китайской фабрикации издают тревожащие уши грохотно-скрипящие звуки. Оно также понятно: выполняя лозунг компартии Поднебесной «Из страны вывозить на продажу только хлам», китайские кустари сами ролики мастерят не из умеренно вулканизированной резины, а из какой-то, явно фенолформальдегидно-пластмассовой, дряни. Очень стукотной.

А средства массовой дезинформации, имея установки по поводу и без повода постоянно очернять наше советское прошлое, говоря о «роллингерах», никогда не забывают добавить: «Только в новой, демократической России наше славное спортивное юношество, будущий средний класс — спаситель страны, смогло приобщиться к роликовым конькам — чуду западно-восточной цивилизации!» И так далее в этом же ключе.

Слушая подобные вольнолюбивые рассуждения дикторов и телеведущих, причем

явно не дружащих с русским языком, Николай Андреевич сразу вспоминал известное высказывание партайгеноссе Юзи Геббельса, духовного отца современных СМИ: «Ложь, повторенная трижды, становится правдой». И поэтому когда он, особенно выкушав рюмку-другую «путинки», рассказывает, как он старшим школьником, в середине «золотых» шестидесятых годов катался светлыми летними ночами по бетонным (не асфальтовым!) дорогам родного города Полярного на роликовых коньках отечественного, конечно, изготовления, то отравленные ядовитыми словесными жалами СМИ собеседники, приторно-ядовито улыбаясь, на всякий случай согласно кивали головами. А наиболее интеллигентные из них задумчиво переводили тему разговора на дежа вю — явление ложной памяти.

◆ Николка успешно перешел в десятый класс. Им, последним могикианам хрущевской «одиннадцатилетки», за девятый класс выдали даже хрустящие «корочки» о неполном среднем образовании — первый в жизни документ, не считая свидетельства о рождении и комсомольского билета.

Сколько себя он помнил с младенчества, каждое лето их большая семья уезжала на весь двухмесячный «полярный» отпуск родителей в калужскую старообрядческую деревню Дворцы — родину отца Андреевна Матвеевича, где останавливались у его сестры Натальи.

Но в этом году, хотя на дворе стояло начало июля месяца, вопрос о поездке пока висел в воздухе. Все дело в том, что Андреев только-только возвратился из трехмесячного пребывания в военном санатории под Выборгом, куда его отправили после лечения в полярнинском госпитале Северного флота. — Открылись каверны «заработанного» в войну, здесь же в Арктике, туберкулеза. Вернулся он из Выборга полностью излеченным, но, оказавшись в домашней обстановке, о поездке в Дворцы пока ничего определенного не говорил, заново — после медицинского перерыва — привыкая к курению «беломора» ленинградской фабрики имени Урицкого.

Николка же не особо интересовался видами на отпуск. И так через пару лет, как только он окончит школу, семья намеревалась распротиться с Севером и переехать в Тулуповск, где дядька отца Лазарь, бывший полковник НКВД, уже пристраивал для семейства племянника — за божескую плату — вторую половину своего дома на пролетарской окраине города.

Но главное — отец привез ему из Выборга роликовые коньки, выпуск которых только-только наладил один из заводов близ Ленинграда. Николкиному восторгу предела не было!

И еще что важно — он на какое-то время становился единственным обладателем такого кунштюка в Полярном. Коньков не имели даже его адмиральские одноклассники Ямщиков и Катасонов, хотя бы их отцы беспрерывно мотались в Ленинград читать лекции курсантам ВВМЦПП*. Один адмирал вспоминал (преимущественно матерными морскими словами) о своем участии в походе бригады подлодок на Кубу во время не столь давнего Карибского кризиса**, а второй делился опытом плавания на атомных лодках первого поколения. За этими военными упражнениями адмиралам было явно не до коньков...

Любуясь только что вынутыми из коробки коньками и попутно размышляя о занятиях адмиралов, Николка в мыслях перескочил все на тот же Карибский кри-

* Высшее военно-морское училище подводного плавания.— Прим. авт.

** Во время Карибского кризиса задача прорыва американской блокады Кубы в случае начала боевых действий была возложена на Северный флот. К моменту начала блокады все советские атомные подлодки Северного флота находились на «доделках» — слишком быстро их построили в Северодвинске, да и дело новое... Поэтому на Кубу была отправлена из Полярного бригада из четырех дизельных лодок. У Кубы три из них американские противолодочные корабли вынудили всплыть. Четвертая, под командованием командира бригады, сумела уйти.— Прим. авт.

зис. Когда кризис случился, семейство их проживало еще на маяке острова Большой Олений. Запомнились с тех удивительно тихих, теплых летних дней два момента. Слова отца, что-де все это ему уже знакомо по июню сорок первого года — такая же тишь да гладь в северной природе и ожидание скорой войны; как человек флотский, да еще и напрямую связанный со службой наблюдения, Андреян Матвеевич многое тогда знал...

И другое, что Николка сам видел: днем и светлой ночью мимо Большого Оленьего шли на выход в Баренцево море друг за другом в кильватер и попеременно крейсера и эсминцы из Североморска, подлодки, противолодочные «морские охотники» и торпедные катера из близкого Полярного. Отец пояснял с видом бывалого моремана: «Готовность номер один. Идут на Кубу», на Новую Землю, на полуостров Рыбачий — ближе к норвежской границе. Занимают боевые позиции».

Также днем и ночью из Сафоново и других аэродромов по берегам Кольского залива безостановочно летели курсом норд-норд-вест тяжело нагруженные транспортные и десантные самолеты — для усиления на Земле Франца-Иосифа дивизии первого удара по натовским базам в Исландии и Шотландии.

...Через год семья перебралась в Полярный. В конце июля Николка отправился со школьным дружкой Сашкой Белозеровым собирать уже перезревающей морошки. Был как раз главный в городе праздник — День военно-морского флота, поэтому на пригородных сопках, куда ни кинь взгляд, живописно расположились сам-трое отдыхающие матросы и ундеры*. Перед каждой группой на расстеленных листах североморской «На страже Заполярья» веселилась на солнышке одна, а то и две водочные бутылки, приобретенные у бутлеггеров** из Старого Полярного по устоявшейся твердой цене — пять рублей, окруженные вскрытыми банками из щедрого сухпайка подводников: твердый сыр с тмином, консервированная же колбаса, красная икра, всевозможные рыбные консервы в масле и в томате, калиброванная по весу и длине таранка. Даже неуместные к водке стограммовые полочки черного шоколада с вафельными стенками. Все с военной интендантской приемкой.

Как раз и имея в виду пренебрегаемый мореманами шоколад, насобирав по кило морошки, Николка с Сашкой взяли курс на двух — почему-то без третьего — ундеров: поздравить с флотским праздником. За что и были приглашены «к столу», к шоколадным полочкам, по форме смахивающим на увеличенные пластилиновые палочки.

Как тут же выяснилось, оба ундера, один старшина первой статьи, другой — второй, были годками*** и заодно с военно-морским днем отмечали «сто дней до приказа», готовились на дембель после четырехлетней службы.**** Поэтому-то и бутылок у них имелось две: пол-литровая и четвертинка.

Николка же, увидев на форменках старослужащих редкостные для мирного времени серебряные медали «За боевые заслуги» (такая была у отца за Отечественную), высоко ценимую у моряков, поскольку скрещенные на медали винтовка и шашка напоминали Андреевский крест, поинтересовался причинами столь высокого отличия.

◆ Старшины, горделиво покосившись влево на медали, охотно поведали о том, что подписка не разрешала им разглашать. При этом они вполне разумно и справедливо полагали, что, во-первых, полярнинские пацаны и без них достаточно слышаны о кубинском походе кораблей Северного флота. Во-вторых, нигде окрест в маскхалатах под бурную сопочную растительность не залегли все слышащие и видящие замполиты и особоотдельцы.— Если те где и залегли, то у себя по домам на диванах

* От «унтера» — флотское прозвание старшин.— Прим. авт.

** В зонах базирования Северного флота в те времена соблюдался полный «сухой закон».— Прим. авт.

*** То есть одного года призыва и, как правило, служащие на одном корабле. Это как «земели» в сухопутных войсках.— Прим. авт.

**** Тогдашняя длительность службы моряков-срочников.— Прим. авт.

после праздничного обеда все с той же контрабандной водкой. А кто помоложе, тот и вовсе в компании с женой или любовницей, соскучившейся по мужской ласке в долгих отсутствиях визави в хлопотных воинских делах. Да-да, именно в такой конкретике думали старшины, сами на четыре года отлученные от девушек-женщин и досыта нахлебавшиеся флотских борщей, которые корабельный фельдшер щедро заправлял противовозбудительными препаратами брома...

Наконец, действовал неписанный закон, молча принимаемый всем служилым народом — от только что призванного салаги до матерого адмирала: в делах воинских тонкостей и служебных тайн, регламентированных флотскими уставами, гражданские лица, исключая вольнонаемных, а тем более пацаны, нигде не прописывались. А значит, их и вовсе как бы нет в той части природы, где гордо реет бело-синее знамя ВМФ СССР.

Потому что-то рассказать таким пацанам — все одно что выйти в чистое поле у себя на родине и, как болтун в известной сказке, облегчить душу исповедью в пустоте...

Конечно, о кубинском походе подлодок из Полярного Николка с Сашкой знали — все офицерские дети в городе учились в одной и единственной средней школе. Но офицер не матрос или старшина, он не сидит в праздники, да и в будни тоже, на сопочном вороничнике, рассказывая о героических дальних походах. Со своими детьми видится только в домашней обстановке, в присутствии жены и даже тещи. А что касается военных тайн, то в памяти его еще с военно-морского училища сделана зарубка слов ротного наставника: «Когда дома жена или «влево» от дома какая иная бабенка залюбопытствует насчет вашей службы, то либо баланду травите, а лучше займитесь прямым мужским делом. Помните: столько Геббельс за год не наплетет всего, сколько баба за один вечер растреплет!»

А тут Николке с Сашкой повезло: перед ними сидели два моряка с той самой флагманской подлодки бригады, отправленной из Полярного на прорыв блокады Кубы, что единственная сумела оторваться от американских противолодочных кораблей и, не всплывая, уйти в более безопасное место, затаиться. Так что в случае начала войны могла и авианосец штатовский потопить. За что весь экипаж лодки получил боевые награды, матросы — старшинские лычки на погоны, бывшие уже старшинами — мичманские звания, а офицеры — дополнительные звезды. До потопления авианосца со звездно-полосатым флагом дело тогда не дошло...

Захмелевшие от водки и скорой «гражданки» мореманы все в тонкостях рассказали незнакомым им ребятам о карибском походе, не забывая особо оговорить свой героизм в составе боевой части дизелистов. Главное — теперь Николка с Сашкой доподлинно знали: как американцам удалось заставить всплыть наши подлодки.

Выходило так, что во время больших наших или натовских военно-морских учений вступает в действие директива, согласно которой такое учение рассматривается противной стороной как возможный маневр перед началом боевых действий, то есть войны. Поэтому эта супротивная сторона засылает в эпицентр учения свои подлодки. Естественно, что в глубоководном погружении. Для разведки и вступления в бой, не дай бог, в случае начала войны.

Противник, конечно, не дремлет. Его противолодочные «охотники» и БПК* беспрестанно рыщут по акватории учения. Обнаружив же чужую лодку на глубине погружения, противолодочники «прилипают» к ней, отслеживая ее курс, и начинают сбрасывать муляжи глубинных бомб с песком вместо взрывчатки, но с небольшим детонирующим зарядом навряде пехотного взрыв-пакета, что используется во время их же учений.

При попадании такого бочонка на корпус подлодки этот стук слышит ее экипаж.

* Большой противолодочный корабль — размером со средний крейсер.— Прим. авт.

Слышат и акустики с противолодочника... Конечно, матросы да и офицеры на подлодках не того чина, чтобы знать: существует или нет некая договоренность между нашим и натовским военно-морскими штабами, но командир подлодки в такой ситуации мирного времени по какой-то сверхсекретной инструкции обязан всплыть под язвительный смех на кораблях потенциального противника и, превратившись из угрозы для авианосцев в примитивную мишень для любой слабосильной корабельной пушечки, с позором удалиться восвояси. А как не всплыть? Никто ведь не даст гарантию того, что очередной бочонок окажется не с песком, но с тротилом? Благо все можно списать на «ошибки» при проведении боевых учений.*

Другое дело в условиях войны: там — по корабельному уставу и инструкциям — обнаруженная подлодка, исчерпав все возможности уйти, должна подвсплыть на перископную глубину и открыть веерный торпедный огонь из носовых и кормовых аппаратов по всему, что наблюдается на поверхности моря...

— ...Вот из нашей бригады,— закончил рассказ усатый старшина первой статьи,— янки таким манером и выудили с глубины три лодки, только наша флагманская и ушла. Опыт у наших командира и старпома еще с Отечественной имелся! До сих пор тот стук бочонков о корпус ночами снится... Ну, салажата, берите остатки шоколада и отчаливайте. Мы сейчас с годком про баб будем балакать, вам еще рано слушать.

Николка с Сашкой, как люди воспитанные, отсыпали на обеденную газету сочной, уже чуток перезревшей морошки, отдав не по уставу честь к пустым головам, взяли курс на ближний к сопке Корабельный городок, где и разошлись в стороны своих домов: Николка через Чертов мост, соединивший по рельефу межсопочного оврага Новый и Старый Полярный,— на улицу имени героического матроса Сивко, а Сашка — на пологую улицу героя-подводника Магомеда Гаджиева, что спускалась от их школы, оглавливающей улицу, и упиралась в фасад Дома офицеров флота.

◆ Коньки сверкали девственной никелировкой. Четыре парных колесика на резиновом ходу на коньке давали прочную устойчивость, а подшипники на осях пар, завальцованные в обрешиненные стальные основы колесиков, делали коньки бесшумными. Главное — одевались они с помощью кожаных ремней и регулируемого, раздвижного металлического подпятника, на любую обувь, хоть на валенки принайтовывай! Хорошо продуманная система крепления давала ощущение влитости коньков в подошву ботинок. Никаких вихляний и других криво-копытностей, что так раздражает в школьных, урочных лыжах с мягкими или полужесткими креплениями... — По сравнению с жесткими ротофеллами.

...Николай Андреянович огорченно вздохнул, вспоминая о тех коньках. Как и все советское тех лет, как те же телевизоры, холодильники, даже столь презираемые сейчас легковушки, коньки изготавливались с расчетом на непрерывную работоспособность в течение пятидесяти или даже сотни лет. И сейчас бы Николай Андреянович, вызывая изумление своими скороходами у парковой публики, тряхнул бы стариной на асфальтовых дорожках. Увы, вмешался, как любят сейчас все подряд оправдываться по телевизору, пресловутый «человеческий фактор». — Явно калька с американского.

Два весенне-летних сезона он откатался на коньках в Полярном. И по переезду семьи в Тулуповск, будучи студентом, он катался летними вечерами по городским тротуарам Косолученской рабочей окраины. На зиму же коньки ставились на одну из полок хозяйственного сарая во дворе дома.

Привыкнув на Севере к маячной бане, да еще по старообрядческой брезгливости

* Если отвлечься от официальной версии, то тому ярчайший современный пример — гибель АПЛ «Курск» близ острова Кильдина. — Прим. авт.

не жалуя общественных мочных заведений, Андреян Матвеевич как-то взялся за строительный инструмент (он все умел делать) и в половине сарая соорудил настоящую баню-каменку. Поскольку с дровами в городе туго, то топить пришлось углем. А уголь, как горючий материал, очень коварен: вроде все сгорело, погасло, но какие-то угольки еще долго скрыто тлеют. Не досмотришь — и вот тебе пожар!

Так случилось зимой и с самопальной Андреяновой баней: запылал сарай ночью. В итоге — по доносу добрых соседей — штраф от административно-пожарной инспекции, от коньков остались только стальные остовы. Сгорели лыжи всех трех братьев и казенный — от спорткружка школы — гоночный велосипед младшего из них, Сереги. Кроме коньков Николай (уже не Николка!) лишился и двух ящиков радиодеталей, привезенных с Севера. Удар для активного радиолюбителя-конструктора, что называется, ниже пояса.

◆ Погрустив о досрочной кончине роликовых коньков, Николай Андреянович вернулся к воспоминаниям. И сбросивший на лето свою шубу с пуховым подшерстком кот Арамис, устав отдыхать перед третьим за сутки сном, взгромоздился на подоконник, немигаючи глядел на хозяина и ждал продолжения мысленных его мемуаров.

Коту надоело весь день валяться то на правом, то на левом боку, поэтому он решил здесь же на подоконнике сделать обычное для его породы физкультурное упражнение — размять косточки. То есть этот зверек встает на лапы, сначала выгибает таким верблюдом вверх спину и мелко дрожит изогнутым вопросительным знаком хвостом, становясь похожим на какую-то замысловатую букву из арабского алфавита навряде развернутой на девяносто градусов буквицы «кха» или «сад». Затем он резко подается вперед усатой мордой, опять же до осязаемой дрожи вытягивая лапы. И в заключении делает то же упражнение, но подаваясь корпусом назад. Как рассказывал — не Арамису, конечно, а Николаю Андреяновичу его приятель, доцент-патриот Язвишин с медико-физкультурного факультета их университета, два таких минутных упражнения в сутки у котов равноценны изнурительным многочасовым спортивным гимнасткам у людей... Оно и понятно: человек спит в сутки восемь часов, а куда остальное время девать? Кот же дрыхнет двадцать часов; ему некогда заниматься физкультурными излишествами.

И вот на последнем упражнении, в котором задействованы выпущенные когти передних лап, Арамис зацепился ими намертво за газету, служившую ему подстилкой на подоконнике. Пришлось Николаю Андреяновичу выручать кота, отцепляя поочередно когтистые лапы от газеты.

«Экий ты, брат, неловкий,— добродушно сказал Николай Андреянович,— раз любишь цепляться, так и отшвартовываться надо уметь! Вот как я в детстве: прицеплюсь на своих роликах к машине с тихим ходом, доеду куда нужно — и отчаливаю. Учись!»

...Нет, ну никак нельзя перейти к сладостным воспоминаниям! — Только отцепил кота от газеты и поучительно рассказал ему, как он в полярном зацеплялся-отцеплялся от машин, идущих на малой скорости, как по ассоциации в голову полезла всякая чертовщина из обрыдливых теле- и радиопередач, где дикторы из штанов (дикторши — из микротрусинок типа «нитка через зад») высказывают, норовя в очередной раз испоганить великий русский язык, к месту, чаще — не к месту, вернув либо американское жаргонное слово, либо же исковеркав русское на американский лад.

Утром за завтраком по закоренелой советской привычке Николай Андреянович включает кухонный репродуктор: послушать прогноз погоды — брать с собой зонтик или оставить дома. Но до прогноза поневоле приходится выслушивать удивительно однообразные новости-старости: доблестная Антанга, имея в памяти ливийскую нефть, в очередной раз нанесла авиабомбовый удар по Социалистической Джамахи-

рии; президент Лукашенко никак не хочет сдаться на милость победителям — российским олигархам; в Дагестане стреляют по всему, что движется, а на Волго-Вятских просторах (пару лет назад на Дальнем Востоке) планомерно, с периодичностью раз в неделю, взрываются ракетно-артиллерийские арсеналы...

К прогнозу Николай Андреевич уже ввел в организм пару индюшачьих котлет — их трудно подделать, например, из мяса кенгуру или сусликов — с гарниром из рассыпчатой гречки, приступил к чаепитию. Поэтому лень вставать, чтобы выключить радиоточку. А из нее уже льется ежеутренняя передача-болтовня пары «диктор-дикторша» на заданную тему.

Вот сегодняшним утром речь в течение часа шла о таком животрепещущем явлении современности, как хулиганство пацанов, которые либо на роликах своих китайских зацепляются за машины или трамваи в Москве, либо же «зацепляются», то есть забираются на вагонные площадки железнодорожных товарняков и едут себе верст за пятьдесят-сто, а то и более.

Дело понятное и всегдашнее со времен перехода от конной тяги к «чугунке». Николай Андреевич и внимания бы в другое время не обратил на ежеутреннюю трепотню дикторов, которую затем сменит шестичасовая реклама БАД'ов и чудо-аппаратов биорезонансной терапии, но его прямо-таки ужалил новый термин: *зацепинг*. Так выходило по-дикторски, что пацаны сейчас, цепляясь, не хулиганством, а зацепингом — неким видом спорта и «протеста против отсутствия в современной России глобальных молодежных программ» — занимаются. Иногда дикторы путались и называли этот полуспорт-полупротест *прицепингом*.

Спорт этот они же оба (в брюках и в стрингах) относили к *экстриму*. — Через «и» — на американский опять же лад.

...Порой Николай Андреевич даже восхищался: как же сейчас — с подачи СМИ, конечно — умеют «облагородить» все понятия, которые в нормальные времена полагались либо предосудительными, либо второсортными. Так уже никто, исключая людей старого закала, не говорит таких слов, как «торгаш, торгует»... Нет, говорят: «занимается продажами». Это как раньше: «занимается космическими исследованиями»!

И слово «покупать» уже вытеснено американским «шопингом». Правда, с последним иногда случается конфуз. Буквально на днях, раскуривая сигаретку на свежем воздухе, на балконе поутру, после завтрака, услышал Николай Андреевич диалог Аллки с Любкой. Вчера они подрались, не поделив выброшенный кем-то из богатеньких на дворовую помойку почти новый женский плащ турецкого производства, а сегодня с утра помирились, дружно критиковали работу новой дворничихи-таджички, не понимавшей ни слова по-русски...

— Алл! Чегой-то второй день внучки твоей не вижу?

— Да она с подружкой, что имеет машину и родичей в Москве, туды укатила.

— А зачем?

— Да этим... *жопингом* заниматься.

...Даже любимое им «Радио Орфей» увлеклось американизацией. Опять же на днях после прослушивания тридцать шестой симфонии Моцарта дикторша с трепетом в голосе объявила: «А сейчас вы услышите нашего дорогого гостя — руководителя оркестра ударных инструментов Марка Пекарского. Тема нашей с ним беседы: гармонизация перкуссиионизма». Ни много, ни мало...

Бедный, бедный русский язык... Но почему же бедный? Николай Андреевич чуть было не сел на любимого конька, дескать, русский язык обладает чудесным качеством самоочищения. Вот почти два века все привилегированные сословия царской России говорили по-французски. А что сейчас от этого осталось? — Да несколько бранных слов (как от татарского нашествия тож): шваль, шантрапа, шарамыжник.

Дай, бог, чтобы то же самое случилось и с нынешней американщиной. Ведь русский язык здесь можно уподобить той же пирамиде Хеопса. Стоит она сорок с лишним веков в продуваемой знойными ветрами из Нубийской пустыни долине Нила и снисходительно невидящими глазами наблюдает за мельтешащим окрест народом: археологами и туристами со всего света.

А те все изъяны ищут: и углы у пирамиды неровные и несоосные форме тетраэдра, и блоки-камни разного размера, и пивной с фаст-фудом поблизости нет — это для туристов...

Пирамида же с воплощенной в камне душой фараона Хеопса усмехается, положив на всех них свой сфинкс.

Усмехнулся Николай Андреевич своему удачно-грубоватому сравнению и все же окончательно и бесповоротно ушел в воспоминания своего заполярного детства.

◆ В начале третьего часа светлейшей ночи Николка, сидевший у кухонного окна, дочитал шестой том собрания сочинений Виктора Гюго. Подумал было взяться за седьмой, но поостерегся: на днях заведующая абонементом районной библиотеки Нина Тимофеевна заметила, записывая в его формуляр очередную пачку книг: «Николай! Тебе еще два года учиться, то есть жить в Полярном, а ты уже больше половины нашего, не столь уж и малого, фонда прочитал. Ты рассчитай так, чтобы к отъезду на материк без пищи духовной, как говорят, не остаться!»

Опять же роликовые коньки, хотя и обкатанные, требовали совершенствования практики. Но самый главный довод — отложить чтение и размяться на замерших «ночью» полярных дорогах — это сообщение Сашки Белозерова, что-де в Кислой губе уже неделю у пирса без всякой видимой цели стоит на швартовых очень даже странная посуда: огромная, широченная в своих пузатых бортах, деревянная — сколоченная явно в Соломбалах или Кандалакше* из десяти-пятнадцатидюймовых брусев. Словно шлюпка-шестерня, то есть на шесть весел, увеличенная до размеров эсминца, но с большим тоннажем ввиду пузатости «посудины». На палубе только кормовая капитанская рубка. Две мачты, но, судя по всему, была еще и средняя, самая высокая, спиленная за ненужностью, ибо и на реях двух оставшихся никаких признаков парусов. Вместо них уже при переделке судна установили дизель.

Еще Сашка выразился в том смысле, что это некогда был трехмачтовый барк-сухогруз, а теперь непонятно что. Может, для маскировки от космической разведки натовцев на нем подвозят в Полярный крылатые ракеты для атомных подводных лодок...

— Да-да,— съехидничал Никола, зная хорошо увлекающуюся натуру друга,— и вообще на этой посудине для маскировки весь запас атомных боеголовок для Северного флота хранится!

— Знаешь что,— обиделся Сашка,— сам дуй в Кислую и пораздумывай: что там делает у пирса эта деревянная калоша.

Вот почему Николка, отложив чтение седьмого тома собрания сочинений автора «Собора Парижской богоматери» до следующей светлой ночи, решил совместить приятное с полезным: размять ноги на роликах и хорошенько рассмотреть странную деревянную «посудину».

Надев удобные под коньки демисезонные ботинки на толстой резиновой подошве, рассовал по карманам темно-синей вельветовой куртки «под поясок» все обычное для ночных прогулок: спички, перочинный ножик с шестью предметами, включая отвертку, моток бечевки — непонятно зачем, но на всякий случай, авторучку и маленький блокнотик, только этой весной купленный ему родителями транзисторный

* Небольшие городки, соответственно, в Архангельской и Мурманской областях, где едва не с новгородских времен строили деревянные суда — вплоть до 50-х гг. XX века.— Прим. авт.

приемник, завернутые в вощеную бумагу два бутерброда: с краковской колбасой и с салом с мясной прослойкой.

В левом нагрудном кармане обнаружил кубинскую сигару «Монте-Карло» в алюминиевой тубе с завинчивающейся крышкой. Всевозможные сорта сигар появились во всех магазинах страны — ценой от тридцати до шестидесяти копеек — после Карибского кризиса. Отец смеялся: «Американские буржуи их сейчас через третьи-четвертые страны покупают по двадцать-тридцать доллárov за штуку, а у нас пацаны для баловства за копейки!

Действительно, взрослые мужики, смоля «беломор» и «приму», а офицеры «Казбек» и сигареты «Тройка» с золотым ободком, только ухмылялись, глядя на витрины с десятью сортами «гаван». Покупали их для форсу только некурящие школьники.

Николка же купил за пятьдесят копеек сигару ради тубы. Ему, как радиолюбителю-конструктору, она очень даже подходила для хранения всякой нужной мелочи: резисторов, транзисторов и маленьких слюдяных конденсаторов марки СГМ. Но и саму сигару жалко было без пользы для доброго дела просто положить куда ни попадя.

Пробовал было предложить ее отцу. Даже выбрал подходящий момент, когда тот девятого мая распивал на кухне бутылку контрабандной водки с соседом — латышом Верейкисом, дальним родственником знаменитого революционера, работавшем начальником участка на городской телефонной станции.

Отец, с наслаждением закурив явскую беломорину, сигару отверг, попутно прочитав короткую лекцию:

— В мире, Кольк, выращивают всего два сорта табака: турецкий и американский. Да еще французы сделали селекцию одного с другим и курят свой черный табак. Но это не в счет, да и далеко не все лягушатники этот свой капотэн смолят.

Курение — дело тонкое. Если будешь когда курить, что не советую, сам поймешь. Поэтому нам, то есть всей Европе, Азии, а также Африке и Австралии, дымящим турецким, закурить американский — все одно что мне, как учившемуся в калужском молочном техникуме, съесть хоть одну ложку фабричной сметаны. Деревенскую можно... Или вот Карлу,— Верейкис подтвердил наклоном головы,— от рождения пьющему только водку и самогон, поднести стакан сухого вина.

Так что, Кольк, запаковывай свою сигару в обрат, отдашь какому-нибудь мореману. На дармовщину.

◆ Чуть помедлив, он вернул сигару в давешний карман куртки и вышел на улицу, прихватив в кладовке коньки.

На северной стороне, в промежутке между финскими домами Верейкиса и сундука * Зимина, на треть утопленное в матовом зеркале моря нежарко освещало этот заполярный край покрасневшее ночью, не слепящее глаза солнце. На него же немигаючи, с умильным выражением морды смотрел овчарочий пес Верейкиса Рекс, принайтованный длинной цепью к своей будке.

Будка была сгоношена Карлом Вилисовичем, как уважительно звала соседа Николкина мать, из добротной, почти в дюйм толщиной, досчато-фанерной тары, окрашенной в зеленый военный цвет. На одной стороне будки-тары значилась оранжевая эмблема: три лепестка, похожие на мальтийский крест. Как на серебряном рублевике Павла Первого, что имелся в николкиной коллекции. Только с четырьмя, конечно, лепестками. Из уроков гражданской обороны он знал: это эмблема радиации.

Самое интересное, что когда прошлым летом Верейкис решил — от греха подальше — закрасить эмблему зеленой же краской, то Рекс то ли случайно, а может и с собачьим умыслом, перевернул лапой банку с краской, поставленную для почина

* В просторечии — мичман. Это как в пехоте старшин зовут кусками, а в авиации — макаронниками (в описываемое время звания прапорщика еще не было).— Прим. авт.

работы Карлом на землю. Краска вылилась, Верейкис выругался по-русски и по-латышски, сплунул и более на нравящуюся Рексу эмблему не покушался.

Пес же, увидев Николку, вскочил на лапы, размахался хвостом и радостно заскулил. Верейкис охотно разрешил Николке по ночам прогуливать овчарку на поводке. Николка показал Рексу коньки, тот вздохнул и снова, присев, уставился на неуставное для ночи солнце.

Николка же сбежал со своей пологой сопки, произвольно — где имелись более или менее ровные скалистые площадки — застроенной финскими домиками, носившими название улицы имени геройского матроса-катерника Сивко, обогнул единственный в Старом Полярном каменный жилой трехэтажный дом и спустился по лестнице на главную бетонную дорогу. Дорога эта, извиваясь между городских сопок и озер, соединяла все пирсы и склады-пещеры всего Полярного: Старого и Нового.

◆ Для разминки ног, надев коньки, Николка поначалу двинулся в противоположную Кислой губе сторону. И собственно для раскатки, а главное — посмотреть на большое озеро Песковатое, основное летнее купальное место города. В частности, проверить: купаются ли по ночному времени, как то было два дня назад, абсолютно голые стройбатовский сержант Петро Симоненко, шофер из хохлов, и Верка-давалка, добрая толстая деваха из коммунхозовского общежития, что стояло на озерном берегу. Но, видно, Петро с Веркой женились в ее комнатухе, на озере никого не наблюдалось. А Николка какое-то время отработывал технику катания по бетонке: закрыв глаза, отсчитывая ногами размер бетонной плиты-ячейки, в нужный момент подпрыгивал на коньках, перескакивал расселину между ними. А вообще-то поджидал тиходную машину, следующую в сторону Кислой.

Таковая не замедлила показаться из-за скалы напротив Песковского озера, которую дорога огибала со стороны окраины Нового Полярного.

В кабине медленно идущего военного МАЗ'а кроме матроса-водителя сидел еще один, зажимая между колен карабин. Ага, с грузом, значит. Груз Николка увидел, когда умеренно урчащая машина с забрезентенным кузовом проследовала мимо стоящего на обочине конькобежца: на трехосном прицепе под таким же брезентом четко угадывались две торпеды, впрочем, с открытыми винтовыми хвостовиками. На одном из них, на самом конце прицепа сидел матрос с одинокой, сиротливой лычкой на погонах*. В правой руке он держал дымящуюся папиросу, судя по запаху донесшегося до Николки дыма — курский «Север», отвратнее которого, как говорил отец, только сушеный конский навоз. Левой же мореман придерживал на коленях маленький оранжевый флажок, который по уставу он должен был демонстрировать на вытянутой руке на уровне своей головы.

Судя по мечтательному выражению лица, дозволенным негласными правилами старослужащим усам и полнейшему равнодушию к появлению пацана, что прицепился к тросовому крюку, на торпедке сидел дембель разряда «сто дней до приказа», непьющий отрубивший свои четыре года** на берегу по ведомству автотракторного управления флота. Отсюда и сиротская лычка, и одинокий значок классности на форменке.

Налюбовавшись вдосталь темно-синим безоблачным небушком, «страшный матрос» все же снизошел до попутчика:

— Что, и у нас начали такие коньки делать?

— Ага, отец из Выборга привез. А ты на дембель собрался, годок?

— Какой я тебе, салага, годок! Впрочем, да, на дембель компас курс повернул.

— На сверхсрочную будешь оставаться?

* То есть старший матрос; чин, равный пехотному ефрейтору.— Прим. авт.

** Тогдашний срок службы во флоте.— Прим. авт.

— Тьфу! — Матрос поперхнулся дымом папиросы,— я что тебе, хохол что ли, чтобы лычки выслуживать и в сундуки метить? Нет, меня невеста на Белгородчине ждет. Как приеду — сразу женюсь, ребятенка Надьке своей запроектирую для крепости семьи, а сам в сельхозтехникум определюсь по авточасти. Тетка у меня колхозный пред, пишет, что уже направление мне на учебу написано и проштемпелевано. Пройду заочные курсы и стану главный механиком в колхозе. А ты, салага, куда по ночному времени собрался? Рыбалить что ли? А-а, ты без удочки...

— Я до Кислой. Дела кой-какие есть.

— Так с нами не доедешь. Мы рулим на пятый склад.

— Ничего, там дальше все под гору, самокатом почти до самого пирса докачу. Хочешь сигару выкурить?

Не дожидаясь ответа от озадаченного дембеля-мечтателя, Николка левой, незанятой рукой вытащил из кармана сигару и протянул матросу.

— Только упаковку, трубу то есть, мне верни.

Мореман отвинтил колпачок, вынул сигару, снова завинтил и отдал Николке. С интересом и вдумчиво понюхал сигару:

— Да-а, не приходилось еще такой баловаться...

— Ты кончик-то откуси, а будешь курить, так не затягивайся. Забери в рот дым, выдохни медленно и носом в себя вбирай!

— Мал ты еще дембеля учить. В кино видели, как буржуи их курят.

Матрос достал из кармана ножик, похилее, чем у Николки, всего с четырьмя предметами, аккуратно отрезал кончик сигары, зажег спичку, закурил.

— Крепко, но душевно,— прокомментировал он первые две-три затяжки.

◆ Меж тем мазовский тягач, прицеп с торпедами и примкнувшим к ним Николкой миновал Старое Полярное. Проплыли они мимо стоявших по обе стороны улицы-дороги одно- и двухэтажных жилых домов — бревенчатых и обшитых лесенкой досчатыми планками, мимо магазинов: гастронома, овощного и хлебного. Около здания почты, тоже одноэтажного деревянного, дорога круто взяла вправо, оставив по левую сторону стройбатовский клуб, где вечером «давали кино» для всех желающих, райбиблиотеку и двухэтажную, кирпичную районную * же больницу для гражданских. А справа — гражданская же столовая, за которой обширная болотистая низина и далее — городское подсобное хозяйство с теплицами, коровником и птичником.

Еще раз дорога свернула под прямым углом, но уже влево, и потянулась вплотную к отвесной скале высокой сопки, на пологой вершине которой расположилась радиостанция дальней связи с кораблями с большим антенным полем.

Машина-тягач начала притормаживать. Собеседник Николки аккуратно срезал своим хиловатым перочинником отгоревшую часть сигары, а солидный еще охнарик уложил в нагрудный карман форменки.

— Все, салага, приплыли. Ты давай отцепляйся, а то может из хранилища сундук какой выскочить — меня же и облает. Не дай, бог, моему начальству звякнет — можно так и во вторую очередь дембеля попасть, на два месяца службу продлить... Прощевай, салага!

— И тебе, годок, скорой гражданки!

При слове «годок» матрос слегка поморщился от такого обращения, но тут же принял уставное выражение лица, с хвостовика торпеды пересел на жесткий откидной от борта прицепа стульчик и вытянул руку с оранжевым сигнал-флажком. Стоп-гуйсом — по-флотски.

Тягач с прицепом осторожно свернул на боковое ответвление бетонки и остано-

* До начала описываемого времени Полярный, старейший город на Кольском полуострове, являлся районным. Затем центр района был переведен в Североморск.— Прим. авт.

вился перед огромными стальными воротами, окрашенными под скальный цвет. Наружный вахтенный, но уже не с карабином, но с автоматом, снял с вделанного в гранит аппарата тяжелую бронированную телефонную трубку, что-то сказал, искоса глядя на номерную табличку машины. Тотчас ворота со скрежетом разъехались, тягач с прицепом въехали в выдолбленную с помощью динамита пещеру-хранилище. Ворота вновь съехались.

Заметив Николку, стоящего на противоположной обочине дороги, караульный, явно первогодок, еще не проникнутый чувством либерализма к городским пацанам, прикрикнул:

— А ну марш отседова! Не положено тут стоять и смотреть!

— Чтоб тебе, салага, дембельнуть с пустыми погонами! — огрызнулся Николка и покатил себе дальше, до близкого поворота вправо и под полуметровый пологий спуск в низину Кислой губы.

Заодно вспомнил, что зимой караульный перед воротами хранилища облачен в шубу, поверх которой еще накинута тулуп. Автомат висит на воротнике шубы под растянутым тулупом, на ногах валенки с галошами, а шапка-ушанка постыдно для моряков завязана под подбородком.

◆ Еще раз, напоследок, резко свернув вправо, дорога пошла под горку, а Николка только успевал переставлять ноги через стыки бетонных плит. Чтобы не слишком разгоняться, он вертел школьную синусоиду во всю ширину дороги. Впрочем, ему больше нравилось другое наименование этой кривой линии: косинусоида.

Оставив слева новое трехэтажное здание городского хлебозавода, а справа городское же кладбище, где за сотни тысяч лет течения Кислого ручья намывало трехметровый, пригодный для могил слой илистой земли и торфа, Николка выехал на низинную, ровную часть дороги.

До самого пирса справа тянулся вдоль нее трехметровый бетонный забор, за которым располагалась (хорошо видно, если забраться на противоположную сопочку) большая забетонированная площадь для различных манипуляций с крылатыми ракетами, что складировались в совсем недавно выдолбленной тем же динамитом скальной пещере-хранилище.

Бетонка закончилась перед бревенчатым настилом из брусьев единственного в городе полугражданского пирса. У него швартовались пассажирские катера из Мурманска, Североморска, а также причаливали и катера, идущие дальше: на Рыбачий, Кильдин, поселки и становища Терского берега Кольского полуострова.

На этом же пирсе причальный кран разгружал стройматериалы, продовольствие и всякую магазинную мануфактуру с прибывавших из Мурманска барж: самоходных и буксируемых.

Подкатив к месту швартовки барка, Николка восторженно присвистнул: да, такого он и в кино про пиратов и знаменитых адмиралов не видал! Все как Сашка Белозеров рассказывал. Не соврал, знать.

Ни одной живой души на просторной досчатой палубе. Медленно раскатывая вдоль странной посуды, Николка доехал до ее кормы — прямо напротив КПП, что у лестницы, спускающейся вниз, к воде, к низенькому причалу для пассажирских катеров. Облокотясь на поручни, там лениво беседовали два дежурных матроса. И они обратили внимание на Николку:

— Эй, пацан, курева нет?

— Нет, годки, — нарочитым баском ответил он, — только что последнюю сигару отдал дембелю.

Те посмеялись и в рассеянности начали рассматривать матовую гладь залива, косясь в мурманскую сторону. Видать, мысли их устремились к нескорой гражданской жизни.

Чудаки, думал Николка, и что они все так стремятся поскорее уехать из этих прекрасных мест в свои белгородские и курские деревни? Чудаки...

Николка, хорошо рисовавший, достал блокнот и ручку, чтобы набросать контуры барка, но один из матросов запрещающее махнул рукой, а потом той же рукой указал на близкий мол, недавно насыпанный из камней прорываемой пещеры. За молотом — почему Николка сразу и не заметил, стояла пришвартованная, крутобокая, лишь на пару метров выступающая из воды атомная подлодка, готовясь загрузиться «крылатками».

Николка убрал в карман блокнот и покатил в сторону пассажирского вокзальчика, где в зале ожидания по раннеутреннему времени в полудреме сидели на скамьях со спинками всего несколько человек. Не спеша принялся за бутерброды, а потом все же по памяти зарисовал в блокнот барк. Заодно и подводную лодку у пирса-мола. Незаметно для себя тоже задремал.

◆ Продремал он, судя по всему, не более длины школьного урока, а проснулся на звуки вокзального динамика, исполнившего гимн Советского Союза. Шесть утра. Именно это время Николка и ожидал.

После гимна и утренних известий из динамика полилась хорошо знакомая по школьным урокам музыки «Ода к радости» из девятой симфонии Бетховена. Под эту бодрую музыку уже все ожидающие пробудились, взглянули на круглые настенные часы, подхватили свои баулы с чемоданами и тронулись в сторону КПП.

Запив давешние бутерброды кипяченой водой из бачка с принайтованной к нему цепочкой матросской (не солдатской же, конечно!) алюминиевой кружкой, Николка тоже выкатился из вокзальчика. Прямо напротив с пыхтением разворачивался единственный в городе пассажирский автобус, которого, собственно, он и дожидался, а с моря к причалу с КПП подруливал на малых оборотах ранний мурманский катер. По расписанию в такую рань он ходил только с конца мая по окончанию августа месяца. — Опять же по расписанию он угадывался под раннеутренний поезд «Ленинград — Мурманск».

Не желая отказать себе в удовольствии, он подкатил к КПП. Катер пришвартовался, по лестнице с причала на высокий пирс через створы КПП пошли прибывшие пассажиры. Дежурные матросы документов у них не спрашивали — это делали их годки при погрузке в Мурманск. У них задача другая: равнодушно глядя, как неподконтрольные им штатские волокут сумками и даже чемоданами запретную в городе водку, они мстительно приказывали открывать для показа всю тару у военных, то есть, в основном, офицеров, вплоть до каперангов* (адмиралы на пассажирских катерах не ходили).

Обнаружив же две-три бутылки, матросы изымали их из багажа, после чего один из них, взяв по посудине в руки, наклонился над перилами. Лихо разбивал их друг о друга — и все это улетало в воду.

Везло только офицерам, прибывшим с женами: сам гвардеец проходил через КПП руки-в-брюки, а его супружница сгибалась под тяжестью поклажи с запретным плодом.

Налюбовавшись чужой бедой, Николка, обгоняя прибывших, подкатил к автобусу, снял коньки и занял престижное место в первом ряду.

Понятие платы за проезд здесь не существовало. Из автобуса Николка вышел на остановке у старополярнинского гастронома и уже через пять минут вошел в свой дом. В кладовке аккуратно протер ветошью коньки от пыли и поставил их на законное место на левой средней полке.

◆ На кухне мать уже растапливала печь. На Николку внимания не обратила. Все

* Капитан первого ранга.— Прим. авт.

остальные еще спали. Прошел в дальнюю комнату, его с братьями спаленку с крохотным, размером с обычную форточку, окном, летом завешанным куском портьерной ткани. Так удобно: кто хочет — ночью спит, а кто и днем.— Для всех полутьма.

Николка разделся, лег на свою койку и мгновенно заснул. Сон ему виделся из самой обыденной жизни, счастливый и легкий.

Снилась только что прошедшая ночь, но только у него еще нет роликовых коньков, а Сашка Белозеров ничего ему не говорил о странном судне у пирса Кислой губы. Поэтому, дочитав шестой том автора страданий Квазимодо в начале третьего часа, он решил перед сном немного проветриться.

Вышел из дома, подошел к дому Карла Верейкиса, где ему навстречу поднялся на все свои четыре лапы радостно привизгивающий Рекс. Отцепил от его ошейника карабин цепи, заменив цепь на поводок, что всегда летом висел на гвозде справа от входной двери дома.

Пройдя меж домов невеликой улицы имени матроса Сивко, вышел, попридерживая возбужденную овчарку, на край глубокого оврага-расселины между сопок, разделявшего Новый и Старый Полярные. Сел на неостывший еще со дня большой плоский камень, отпустив Рекса порезвиться на безлюдье. А тот и рад: кругами кругалет вокруг камня и Николки, подбегает к опасному, отвесному скалистому краю оврага. А потом и вовсе валяется кверху брюхом и лапами на небольшой травянистой лужайке. Словом, пес сам себе занятие на воле всегда найдет. Не требует внимания Николки, не отвлекает от мечтательных размышлений.

А размышления его горделивые: за Северный флот, за всю великую свою страну с четырьмя могучими флотами, Каспийской, Средиземноморской и Индоокеанской флотилиями, авиационными и сухопутными многими армиями и военными округами.

Взять тот же Полярный, одну из многих флотских баз. Вот сейчас середина ночи, хотя и светлой, крайнесеверной, но все же — ночи по стрелкам часов. В обычном, гражданском городе, селе, деревне жизнь замирает.

Здесь тоже людей на улицах не видно почти, но флотские дела не делят сутки на утро-день-вечер-ночь.

Посмотрел Николка вправо, где ущелье-овраг, расширившись, переходит в пирсы Екатерининской гавани. А перед пирсами стоит похоже на заводской цех здание, из которого на половину города круглосуточно доносится дробный стук мощных дизелей и свистящее шипение насосов: это закачивают в огромные бронебаллоны сжиженный воздух. А от кислородной станции, так ее попросту называют, баллоны на тягачах развозят вправо и влево по пирсам на подводные дизельные лодки, две эскадры которых базируются в Екатерининской гавани.

А влево, уже на краю Нового Полярного, в небольших бухтах рядами стоят десятки торпедных катеров и противолодочных морских «охотников». И сама акватория Екатерининской гавани не пуста. Между пирсами время от времени шлепают буксиры, что-то развозят. Из гавани в Кольский залив входят и выходят служебные катера «аркашки» — от их сокращенного названия «РК». Над гаванью несутся гудки, сигнальные просвисты и подвывания.

За бухтами с торпедниками и морскими охотниками — самая высокая в окрестности города сопка Ледовая. На ее верхней площадке — хозяйство ПВО, оберегающее город и корабли.

А за Ледовой — губа Пала, берега которой заняты причалами, доками и цехами судоремонтного завода. Флотского, конечно. Тоже работает круглосуточно.

На самых малых оборотах вошла в Екатерининскую гавань вернувшаяся с задания подлодка, направляясь к своему месту швартования у пирса.

Со стороны Кислой губы донесся пронзительный свистящий звук. Это проверяют на специальных стендах движки крылатых ракет.

Нет, не спит ночью военно-морской город!

...Как-то Николка, вернувшись под вечер домой, застал на кухне отца с неизвестными капитаном второго ранга, распивавшими по какому-то поводу бутылку. Кивнув вошедшему, кавторанг продолжил ранее начатое: «...И Никита после Карибского кризиса одумался, перестал крейсера резать на металлолом. Заводы в Северодвинске и амурском Комсомольске все новые и новые стапели под атомные лодки строят. Это хорошо, конечно, но вряд ли Кукурузнику даром пройдет загубленные надводный флот, дальнбойная артиллерия и двухсоттысячное увольнение офицерского состава».*

И еще Николка знал, что не только в середине ночи военная жизнь идет планомерно на суше и на море. Она не затихает и под скалами в рукотворных пещерах-складах, где дежурные сундуки и интендантские офицеры озабоченно ходят мимо бесконечно длинных стеллажей, сверяя с записями в конторкорректных журналах инвентарные номера воинского имущества: от торпед и ракет до банок тушенки стратегического резерва...

Какая мощь! Какая четкая флотская организованность и порядок! Как хорошо и спокойно жить в стране, так надежно защищенной от любого врага! Как говорит их историчка Белла Нурьевна, жена капаренга Джугоева, Героя Советского Союза, любящая вернуть какую-нибудь фразу по-латыни: «Пара пакем — пара беллум». То есть, хочешь мира — готовься к войне.

Восторженный сон Николки длился до двух часов пополудни, пока мать не разбудила его обедать.

...Закончив воспоминания, Николай Андреевич позавидовал Николке: ведь тому судьба отпустила еще тридцать с лишком лет такого вот счастья.

* Так оно и случилось ближайшей же — по времени повествования — осенью, когда Хрушев в одночасье превратился в пенсионера союзного значения (то есть 160 рублей в месяц).— Прим. авт.

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

КНИГА ДЕТСТВА ИИСУСА ХРИСТА*

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Иму, Матерь, а что есть любовь между мужем и женой?

А в Назарет этой весной птичьей приехала племянница нашего соседа Малха, вечнопианого от вина и недоступной прохожей красоты жен. Ее звать Мария. Ей уже десять лет. Мария из Магдалы...

И вот, когда я кормил на крыше перелетных птиц моих — она пришла на крышу.

Она сказала: «Иисус, Иешуа, я пришла поглядеть на птиц твоих».

Но я почуял, что не из-за птиц пришла она.

Вот она стоит, колеблется, наклоняется, порхает над крышей дома моего, как бабочка галаадская.

Она в бархатной изумрудной палестинской длинной, кубовой рубаше «джеллабе» с острыми, почти до земли, рукавами и в алой, шелковой персидской шапочке-тюбетейке.

А из-под шапочки лиются, ликуют шелковые курчавые волосы ее до самых колен.

* Окончание. Начало в № 1 за 2011 год.

И волосы ее ручьистые сокрывают ее лучше рубахи палестинской, как стада кишашщие, курчавые, вешние покрывают гору Гаризим, где я люблю сидеть и глядеть на родную Галилею мою...

И она бегаёт по крыше слепо среди птиц моих, и пугает птиц моих, и птицы улетают.

И она бегаёт по краю крыши, и готова сорваться с крыши в изумрудной рубахе «джеллабе» кубовой своей и в шапочке алой своей, и охваченная, объемлемая от вешнего ветра волосами курчавыми, неистовыми своими, стадами агнцев каракулевых она, она... как юная ива расплескалась от ветра...

И она слепо, яростно бегаёт по крыше и недвижно, печально глядит на меня из-за влас своих.

И я чую, что она пришла на крышу не из-за птиц моих.

И вот готова и хочет сорваться, и упасть с крыши на камни слоистые хлебovidные дворика нашего, и хочет, чтобы я удержал ее на краю крыши

И она бешено, слепо перебирая босыми ногами, закрыв глаза, бежит, прыгает по краю крыши. Хочет она убиться?

И я бегаю вместе с ней неразлучно, сладко, и уже хочу упасть с ней...

Как волы с жерновами по жатве сыпучей, туго ходим мы по кругу.

Иму, мама, а что есть любовь мужа и жены?

И она сжимает пуховыми перстами, пальцами мои пальцы дрожащие.

Но мои пальцы в глине ручья, потому что я лепил из донной глины воробьев.

Но она не боится глины моей, а радостно липнет к ней...

И мы бегаем, кружимся по краю крыши босыми ногами, соединившись, схватившись глиняными липучими руками, чтобы не упасть.

И кричат перелетные птицы, поднимаясь с крыши, и чуя, что творится меж нами.

И спелыми глазами глядят на нас уходящие птицы: они чувствуют любовь?..

И она шепчет, шепчет: «Мальчик! Иисус! Иешуа! зачем мальчику такая красота? не бывает таких на земле лиц!.. Даже у девочек... А красота мужа не должна превышать красоты жены...

Зачем? зачем? зачем? отдай мне красоту твою... поделись со мной...

Иль закрой лицо свое... пожалей меня, мальчик...

У тебя сноп лучей... нимб... нимб... больно от него... он слепит... Нимб...»

И тут бежит сосед Малх и кричит с земли, чтобы я убрал руки от Марии...

О, рабби Малх! я не нарушу Закон.

О, рабби Малх, я закрываю глаза, чтобы не глядеть на Марию-Марру.

Я готов ради Закона упасть с крыши и порушить, избить о камни дрожащие свои руки и ноги.

Я снимаю с себя мокрую от бега рубаху и покрываю ею голову, чтоб не видеть Марию...

О, Боже! теперь я блаженно слеп и исполнил древний Завет...

Теперь я готов рухнуть с крыши о хлебovidные слоистые камни нашего дворика.

Но я не отпускаю рук Марии-Марры, а она не отпускает рук моих, и все рубахи мира не помогут нам разлучиться, если их набросить все на две головы наши...

Иму, Матерь, что есть любовь мужа и жены?

Иму, Матерь, Мария, Вы молчите, а я знаю теперь.

Иму, Матерь Мария, а ее тоже звать Мария... Только она из Магдалы... У меня две Матери?..

Иму! И Она никогда не разлучится со мной... Как и Вы, Матерь... мама... Только Она пойдет со мной по всем дорогам, по всем грядущим дням, по всем крышам... по всем градам... Как и Вы, Матерь... Иму...

...Иисус, Иешуа, зачем мальчику такая красота? Не бывает таких лиц на земле... У тебя — сноп-нимб... Он слепит... больно... Остро.

Она снимает с голову алую шапочку и подносит ее к Его лицу... Шапочка дымится, занимается... шелк свивается... корчится как живой...

Он говорит:

— Убери... Сгорит...

Он знает.

Потом они сходят с крыши и ступают, босые, по камням двора, похожим на белые слоистые хлебы...

— Мария! Девочка! в обгоревшей алой шапочке!..

Наш двор усыпан камнями. Мы с отцом Иосифом пытались выкорчевать камни из земли, но их множество... Вся наша земля — камень...

О, моя каменная Галилея, которую презирают жители Иудеи и Иерусалима!

Они говорят: «Что может взойти на камне? Какой знак, разрывая, раздвигая камень, даст плод?

Какой Пророк придет из чахлой провинции? из камня?»

Но котел кипит с краев.

Но иудеи кипят на окраинах Римской Империи.

А я взойду, воскиплю на Камне иудеев, на скрижалях Закона Моисея? На окраинах Завета?..

О, моя каменная, заброшенная Галилея!..

И я вернусь сюда через тысячи лет, ибо Воскресший всегда возвращается на места своего детства, и твои хлебные камни узнают меня и возрадуются...

Но!

— Иму! Матерь! что есть любовь между мужем и женой? Иль я уже знаю?..

И я хочу вечно бегать среди вечных весенних птиц, по вечной нашей крыше с вечной девочкой Марией...

И чтобы вечная Мать моя и вечный Отец мой глядели бы вечно на нас и вечно любили...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я уже знаю, что есть любовь, иму, мать безмолвная Мария моя и абу, отец мой Иосиф с осыпчивым, тронутым, пурпурным маком в поврежденных, пурпурных, кровоточащих руках.

О, мак-текун сладко, незаметно останавливает кровь? останавливает муку жизни?

Отец, вы прибегаете к маку забвенья тайно? Вкушаете дым персидского языческого рая?..

Это персы сказали, что рай — это цветущий сад, в котором бродят девы с нагими избыточными, певучими грудями и лазоревыми сосками?

Отец мой, вы взяли мак и забрели в чужой рай?

Но вот бешеная собака — а среди тишины и безбожья, бездорожья, безвременья провинции только бешеные собаки напоминают о братстве одиноких человек, а в Империи только в Риме ликуют, тратятся, безумствуют, соединяются во грехе человек, а в провинции они пьют глухое вино одиночества и забвенья, и пыльно тоскуют о Риме...

Но тут бешеная собака привлекла, собрала, соединила их, и они вспомнили друг о друге в страхе своем.

Но вот бешеная собака в нашем притихшем Назарете укусила белого вола.

И вот бешеный переимчивый вол в пене обильной побежал густо, смертельно по улочкам Назарета и искал жертву от бешенства своего.

И пузырьчатые ядовитые хлопья пены окропляли улицы пустынные и дома с закрытыми глухо дверьми.

И весь Назарет погрузился в бешеную пену, и пена покрыла вечную пыль назаретскую и камни несметные, хлебovidные его.

И вол искал, кого убить рогами разъяренными.

Но не было никого на улицах Назарета, все попрятались в страхе в глухие, одинокие дома свои.

И тогда девочка Мария в алой шапочке обгоревшей вышла из дому на улицы пустынные, и вол увидел алую шапочку беззащитную ее, и пошел на нее, на алую.

Мария вся стала алая, как шапка ее.

Бык в пене жемчужной еще более разъярился, увидев алую головку.

И Мария замерла близ смертельных рогов вола.

Тогда Иисус выбежал из дома своего и стал пред волом, между рогами и Марией.

Тесно Ему.

Остро Ему.

Пронзительно Ему.

Душно...

Но Он знает, что эта смерть — не его.

Тогда вол опускает голову в пене, а мальчик гладит ладонями рога его, и потом гладит ноздри горящие, трогая перстами гибко, нежно густые ресницы зверя, как струны эллинской кифары.

А потом ладони Иисуса наполняются пеной. Собирает Он пену вола.

А потом Иисус нагибается и срывает траву весеннюю редкую, и травой обтирает морду быка... Долго... Долго...

Глаза быка плачут чрез пену... Он стал смирен, и утих пожар тела его.

— Мария, я знаю, зачем ты вышла к быку...

— Иешуа, мальчик с нимбом... Я люблю Тебя... Я знала, что Ты спасешь меня... Я хотела увидеть Тебя...

Теперь и Ты навек любишь меня, хотя Ты дрожишь, и ладони Твои полны бешеной пены...

Ты спас меня...

Но я тоже спасу Тебя, но я прокричу на весь свет, что Ты вечен! что Ты воскрес!

Я спасу Тебя, когда Твои ладони будут полны крестных гвоздей!

Воистину близ Тебя творятся вечные деянья!

Близ Тебя и я вечна!

И этот бык пенный стал вечным...

И эта быстровыгорающая пенная трава стала вечна...

Мальчик с Нимбом! Иисус, Иешуа, я и на земле, и на небесах люблю Тебя...

— Мария, откуда ты взяла эти Слова?.. Слова грядущих Дней? Слова после Креста?..

Тут прибежал Малх, и взял девочку на руки, и унес ее в дом свой.

Он сказал:

— Древние иудеи истинно говорили, что дьявол пляшет на рогах быков и на кончиках женских распущенных волос!..

А утром тайно Мария уехала в Магдалу.

— Мария, Мария, Мара, мааа, но я видел, как в утреннем хамсине, хамсине ушла, укывляля чахлая повозка твоя, и Малх закрывал тебя спиной от моих глаз.

Хамсин, хамсин, самум, песчаный ураган всех восставших пустынь, песчаная мгла, мга, спаситель мой ты ослепил Назарет, и горы, и доли его до возлюбленной моей долины Ездрилонской и до заветного моего Генисаретского озера...

И глаза мои исполнены летучего песка, и слезы мои не от прощанья, а от секущего песка, песка, песка?

Да?

Отец, а если б хамсин был вечен, то как бы люди жили в вечной слепоте песка?..

А если Древний Закон вечен, недвижим, то зачем тогда бредут, пылят многодаль-ные караваны, и птенцы кричат в гнездах? А?..

И новые Пророки, как пенные быки, вопиют и алчут ножа иль Креста? А?..

Но разве засохшая хлебная лепешка хуже свежей коровьей, дымящейся на дороге?

И разве во дни нужды ты будешь есть коровью, а не хлебную?

Но!

Отец мой, зачем Мария ушла? Я спас ее от пенного быка, а она ушла.

Отец, зачем в мире есть колеса? и повозки? и бегучие кони? и верблюды-странники пустынники? и шатры «суккот» кочевые? И мука прощанья разве не превышает сласти путешествий?

Отец, а разве с нашей крыши Магдала не видна?

Отец, а вы вкушаете, вдыхаете мак пурпурный забвенья?

И яд прощаний обращаете в мед воспоминаний?

И вот испьешь мак, дурман-туман, и увидишь с крыши далекую Магдалу и иные в святом хамсине забытые града, града, града?..

Абу... абу... Отец, что есть любовь между женой и мужем?

Отец, уже не знаю, не знаю я...

Мария ушла, и вот уже не знаю я...

И камень о камень биясь, высекает огонь...

А дева о мужа виясь, порождает дитя...

Отец! Отец...

И что любовь — это только совокупление и рождение?..

Но мало этого...

Жена рождает. Жена ближе к Богу. Жена должна проводить мужа за смерть — в Царствие Небесное.

Это любовь...

И Иисус долго бежал в хамсине за повозкой Марии, но повозка истаяла в песчаной круговерти, словно повозка сама стала песком летящим, и Мария стала песком текущим.

И Мальчик пришел к потоку-вади Киссону, который весной превращался в реку, где тонули ослы и верблюды.

И Мальчик пошел задумчиво по реке, по притихшим волнам, водам и замочил только босые ступни...

Вода, как пыль, как глина, как камни только дрожала, расступалась под Его ногами, но не рушилась... Не впускала Его вода.

Он долго немокренно бродил по водам в задумчивости своей, и не знал, что Он бродит по водам...

... Отец, отец, что есть любовь между мужем и женой?..

А вода весной под ногами покорная, но ледяная... Ступни в водах ледяные стали...

Тогда Мальчик ушел в горы, окунул, опустил ступни в травы Его любимой горы Фавор, где тоже был, стоял слепой хамсин, но плыли над хамсином белые весенние облака...

Он долго бродил там.

И пастухи ясно видели, как Он бродил в облаках, а потом по облакам, и там, в небесах, ласкал орлов и грифов парящих...

Он говорил: «Я люблю гладить перья летящих птиц».

И они не сторонились Его, а подставляли крылья для ласки...

А в Назарете и окрестных селеньях говорили:
— Если Он опускает перелетных птиц с небес...
Если Он укрощает пеннобешеных волов...
То что Он будет творить с человеками?
И что тетрарх Ирод Антипа в яслях Его, в истоке Его, не нашел Его?..
Молва пахла завистью, ненавистью, смертью...
Но галилейские пастухи, которые зорко видели Его на реке и на облаках, говорили с радостью: «От любви, от великой любви ходит Он по водам и по облакам...»
И еще пастухи говорили зачарованно:
— Великий человек, родившийся в неказистом, богозабытом городке, похож на золотого шмеля, летящего над муравейником...
Муравьи узнают о золотом шмеле только тогда, когда он, мертвый, падет на землю, и они будут пожирать его певучее, летучее тело и хрустеть его хрустальными крыльями...
Это великий человек...
А тут есть Бог... Еще юный... Еще Мальчик...
Бог явился в той земле и в том народе,
Где Ему более всего молились,
Где Его более всего ждали,
Где Его более всего любили,
Где Его более всего ненавидели...
Воистину!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Отец, отец мой... Только что бешеный бык ушел с назаретских улиц...
Но вот, по его следам, что ли, — прокаженный в язвах, струпьях гнойных живых, в которых даже волос молодой стал седым, бредет по улочкам Назарета...
И прокаженный худ, и нет сил у него кричать о боли своей, и он только хрипит, и слюна его летит в пыль, как у пенного быка.
Но он страшней и опасней быка в заразной, перескакивающей с человека на человека, как блоха, болезни своей.
И жители боятся его более, чем быка пенного, и прячутся в домах, и даже не глядят из окон, ибо се человек, и стыдно им перед ним.
И всякий боится древней болезни, язвы живопожирающей, бросающейся на людей, как пес бешеный.
Кто-то бросает ему деньги из окон, и монеты падают у ног его...
— Отец, Отец, дайте мне деньги ваши — я отдам прокаженному. Иль раввины не учат, что подающий милостыню нищему, дает взаймы самому Творцу?
— Сын, но раввины говорят, что нищий хуже мертвого...
Зачем подавать мертвому?
— Отец, отдайте деньги — те, что за крест получили...
Иосиф дает Ему серебряную мину:
— Брось ему из окна... Не ходи к нему...
Проказа кидается на здорового человека, как шелудивый пес...
Но Иисус берет деньги, и неожиданно выскакивает из окна, и бежит к прокаженному на одиноком на пустынных улицах злых, бесчеловечных.
Он подходит к прокаженному и протягивает ему мину серебряную, рука к руке.
Назаретяне из домов бросают в пыль милостыню свою, а Он дает в руки прокаженному.

Касается гноящихся рук, и не убирает, как от огня...
Прокаженный говорит:
— Мне не нужны деньги... Я богат... Я ищу врача от язвы моей... Галилейские, вездесущие пастухи сказали мне, что в Назарете живет великий целитель.
Но у меня нет сил кричать и звать его...
Может, ты, отрок, позовешь его?..
Я отдам ему все свое богатство, если он излечит меня.
Но уже тысячи лет никто не может усмирить проказу... Проказа вечна, как жизнь...
Ты видишь — я похож на дряхлого льва?
Прокаженный всегда похож на распадающегося, гниющего заживо льва...
А кто подойдет к больному льву лечить его?..
Тогда Иисус бросает серебряную монету в пыль.
А потом Он набирает в ладони пыли и глины, и, смачивая глину и пыль обильной слюной молодой, ярой, делает брение:
— Раввины говорят, что слюна после поста целебна...
Иисус бережно обнимает прокаженного, и затхлый дух заживо распадающегося тела могильно, раздирающе бьет в чистые ноздри Его, как дым пожарищ...
Прокаженный хрипит и отворачивается:
— Мальчик, отойди от болезни моей. Умрешь, как я. Не трогай руки мои, язвы живые, кишасшие переметнутся к тебе и пожрут тебя.
Я не хочу быть твоей смертью...
Но Мальчик цепко не отпускает прокаженного и глиняной слюной обмазывает лицо и руки его. Несколько раз.
Но мало целебной слюны, и врач мал еще...
Но прокаженный благодарно плачет, потому что Мальчик не утратился язв его, и прилепился к нему, а никто никогда не обнимал его.
Иисус говорит:
— Может, хоть часть болезни уйдет ко мне...
Вот два всадника ехали на одном осле, и тяжело было всем, но вот один пересел на другого осла, и разве не легче всем?..
Но тут страшный свист несется на улицах Назарета, и являются два гонимых всадника.
Это римские легионеры в орлиных шлемах, с короткими мечами, в коротких, удобных для смертельного удара, плащах.
Они пьяны, криво сидят на ладных лошадях, и в руках у них горящие факелы.
Они кричат:
— Слава Императору! Ха-ха! Мы охотники на львов!
Вот они — два прокаженных льва! А прокаженных львов надо палить, жечь!
Риму-Орлу не нужна проказа! Вся Иудея! Весь Иерусалим — проказа!
Придет время — мы сожжем факелами весь этот кишасший, гнойный, непокорный базар народов и племен!
А пока мы подожжем этих двух прокаженных львов!..
Они меткие, но пьяные. Они гибко, яро, косо бросают горящие факелы в прокаженного и в Иисуса. Факелы летят в обреченных...
Но тут внезапно страшный ветер от весенних лесистых гор Нефоалима, и голубых бирюзовых отрогов Ермона с дубовыми рощами, и плодоносной равнины Азохис срывается, поднимается над Назаретом, и этот бешеный горный ветер останавливает летящие факелы и поворачивает их на всадников.
Горящие, смолистые, прилипчивые факелы летят на всадников.

И они в страхе поворачивают коней своих и бегут, но факелы летят за ними, как пущенные ярой дланью копья...

А Мальчик шепчет им вослед:

— Император! Император Октавиан-гриф! Рим, Рим! Твои легионеры пьяны! А пьяные легионеры полягут сонно в траву, и некому будет хоронить их. Рим, Рим! Империя легионов! И Ты сеешь факелы смерти по земле, но они вернуться к Тебе!

И Ты захлебнешься в горящих факелах своих! И загорись от факелов своих!

И всякая Империя, посягнувшая на Мировое Господство, на мировую власть сгорит в огне факелов своих!

Прокаженный говорит:

— Мальчик, ты повернул нашу смерть на них.

Иисус улыбается и говорит:

— Это ветер повернул...

Весной в горах от такого ветра пастухи летают над облаками и пропастями...

Но я еще не могу изгнать болезнь твою... Позже излечу тебя... Ты подожди.

Прокаженный говорит:

— Меня звать Симон. Я живу в Вифании.

Иисус сказал:

— Я приду в твой дом, где Мария, сестра Лазаря четырехдневного воскрешенного, разобьет сосуд алавастровый и изольет нард индийский на ноги и голову мою, и оботрет власами жемчужными, как мать, ноги мои...

Симон, ты жди...

Аааааа... Адонай! Господь мой! Дай!.. Нестерпимо от чужих язв, ран...

Дай исцелить больного! Дай... дай... дай... Аааа...

Аааа!..

...А Галилейские блаженные святые пастухи

Две тысячи лет назад говорили,

И досель говорят,

Что Он останавливал перелетных птиц,

Что Он укрощал бешеных быков,

Что Он ходил по водам и облакам,

Что Он поворачивал горящие факелы от жертв к палачам...

Галилейские пастухи досель только о Нем и говорят...

Галилейские пастухи вечны, ибо они видели и видят Вечного...

Аааааааа

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Отец, отец мой!..

И вот мы жарим воробьев на костре, и мальчики незнакомые, пыльные едят жареное.

И я ем жареное тельце, нищую тушку воробья, но мясо воробьев бедное, жидкое, водянистое, и оно исторгается из меня на землю и не идет в тело мое.

И тяжело, тошно телу моему, а мальчики-отроки, которые уже старше меня, едят воробьев и смеются надо мной у костра.

Скоро в Иерусалиме Праздник Кущей, и караваны богомольцев запыленных, блаженных бредут по городу нашему, обходя более краткие дороги к Иерусалиму, ибо там гнезда летучие разбойников.

И вот отец мой дал приют богомольцам, и двенадцать отроков сидят у костра и жарят воробьев.

И в руках у одного из отроков священный букет-«лулав», сплетенный из пальмовых, ивовых, персиковых, лимонных веток.

И отрок ловко залезает на спящие деревья во дворе нашем и сбивает, сметает «лулавом» ночные, сонные гнезда воробьев, и убивает умело ночных, вялых птиц, и разбивает яйца незрелые, и яйца текут разбитые по ветвям.

У отрока лицо хищное, упоенное убийством живых, а левый глаз у него косит, как у страстных жен.

А голос узкий, знобкий, хлесткий, как у хищных птиц. Рот узкий. Душа узкая.

Хищные птицы жалобно кричат, как саддукеи и фарисеи.

Он кричит жалобно:

— На празднике Кущей убивают жертвенных агнцев и волов, а мы, бедняки-«евеионы» святы, убиваем жертвенных воробьев.

Я убил двенадцать воробьев — каждому по воробью, жалкая жертвенная еда, но другой нет у бедных...

Иисус, нищий, воробей, сын плотника старого, ешь воробьев!..

Но язык мой, и гортань, и горло мое не приемлют такой пищи... Я стою под разбитыми гнездами, из которых расколотые яйца текут на лицо мое.

И что слезы мои, когда текут заветные хрупкие яйца?.. Господь мой!.. В мире нет ничего страшнее разрушенного гнезда, селенья, града, народа...

А убийца воробьев ночных смеется, но остальные отроки молчат, но едят воробьев на огне.

А утром сизым караван богомольцев уходит в Иерусалим, и я прощаюсь бессонно с ними, и со сна плохо вспоминаю прохожие, пыльные, чужие, но ставшие за ночь родными и близкими у костра их имена: Петр, Андрей,

Иаков, Иоанн, юные вольные рыбаки от вольного моря Галилейского, Филипп и Варфоломей, Фома, Матфей, Иаков Алфеев, Леввей, Симон из Каны.

А двенадцатый, который убивал воробьев, был Иуда из многоторгового, гористого ветхого Кариота.

И Иисус уже узнал его, а он еще был слеп и не знал о грядущих днях...

— Отец, отец мой Иосиф!.. Вот караван богомольцев ушел, убив жертвенных воробьев...

А я больше никогда не буду есть мясо. Зачем мясу мясо?

Разве агнцы поядают сосцы овечьи материнские кормильные вместе с молоком их и пьют кровь?

А я буду есть только любимую мою похлебку-«либбан» из плодов и трав.

И плоды дерев и полей.

Хотя даже когда человек рвет яблоко с дерева — он похож на мясника, багрового от крови животных, а я не хочу быть багровым.

А убийца овцы недалек от убийцы человека.

Отец мой, лучше мак, чем мясо убитых, ибо тут ты убиваешь себя, а не других...

Отец мой, караван ушел в Иерусалим на Праздник Кущей, а я не хочу идти с ним, а я не хочу убивать жертвенных животных. Ибо сам стану жертвой.

А я пойду к потоку Киссон и буду лепить из глины...

— Сын, я знаю, ты опять будешь лепить глиняные кресты.

Мальчик сказал:

— Я должен вылепить двенадцать воробьев...

Он пошел к Киссону, который уже опал и не был бешено полноводным — таким, когда, как посуху, Он ходил по его высоким покорным волнам.

Иисус сел на сырой, речной песок и тинистую глину, и вылепил тонкостными перстами плотника двенадцать глиняных воробьев.

Потом Он сложил воробьев на песок, и жгучее солнце просушило, прокалило их, и они стали легкими, невесомыми...

Тут пришел Иосиф, и он дивился мастерству лепки десятилетнего Сына своего:

— Кто научил Тебя лепить птиц? Твоя любовь к птицам научила Тебя?..

Иисус сказал:

— Я хочу вернуть, воскресить убитых сегодняшней ночью в ночных гнездах вместе с яйцами неповинными, сокровенными.

Иосиф изумился:

— Гляди, Иешуа!

Иль я с утра, в Праздник Кушей, вкусил мака и чудится мне?

Иль двенадцать воробьев налетели, и каждый взял в лапки своего глиняного собрата, и улетели все двенадцать?

Иль сами глиняные воробьи стали живыми и восстали с речного песка, оставив извилистые следы, похожие на египетские иероглифы накаменные?

Или Ты превратил глиняных в живых?

Истинно говорят древние раввины, что язык иудея всегда должен говорить: не знаю, не знаю, не знаю...

И я не знаю, не знаю... Но нет никого на песке, oprичь птичьих следов...

Мальчик! Сын мой! А мне ведь скоро умирать, а Тебе одному оставаться...

И разве Тебе помогут глиняные и воскресшие воробьи в этом страшном мире? Среди законов древних, каменных?

Иосиф сел на песок мокрый и рыдал, и Иисус не мог утешить его...

Он шептал, но отец не слышал Его...

— Отец, отец, отсюда, от глиняных воробьев, с помощью Небесного Отца Моего, я начну воскрешать усопших, поднимать падших, исцелять хворых, утешать печальных...

А галилейские пастухи говорили и говорят уже две тысячи лет:

Когда Его распяли — над Его Крестом кружили необъятные стаи перелетных птиц...

А к Его Кресту шли все бешеные, пенные быки...

И все прокаженные, и все больные, слепые, немые и бесноватые...

И многие мертвые шли к Его Кресту...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Господь мой! Отец Небесный мой!

Мне девятнадцать лет, и отец мой Иосиф умер.

И мне теперь не с кем говорить на земле этой, а только с Тобой, ибо Матерь Мария моя безмолвна, и следует повсюду безмолвно, покорно за мной.

Господь мой!

Отец мой уснул на крыше под маками-текунами, и лепестки пурпурные нежно покрыли блаженное лицо его.

Маки что ли усыпили, похоронили его? не знаю, не знаю, не знаю, Господь мой...

А только Ты и это знаешь, знаешь...

Отец мой перед смертью мало читал Закон и Пророков, а более читал эллинских мудрецов и поэтов, и возлюбил земную, змеиную мудрость и мак-дурман поэзии...

Господь мой, а пред Тобой — это прах, прах, прах...

И вот мой родной отец ушел во прах, прах, прах и стал прах... вместе с мудрецами и поэтами мака... певцами наслаждений...

Господь мой, отец мой следил за мной и не пускал меня к прохожим, сладким, чужедальным караванам и к Учителям иных народов.

А теперь он ушел с невозвратным караваном своим, и двери дома моего открыты.
А Матерь Мария безмолвная моя не может удержать меня, и я ухожу с караваном в Индию древней Мудрости.

В Индию Шакья Муни, в страну Будды Блаженного.

Индийский караван мой шел через Персию Царей Аршакидов, откуда пришли к яслям моим волхвы Балтасар, Гаспар и Мельхиор.

Караван мой заночевал в горах Бисутуна, и тут все уснули тяжким, высокогорным сном.

Но я увидел на вершине Горы Древо Жизни Хаому, а у Древа Костер, который доходил до звезд, и звезды многопадучего августа сыпались в него и не давали ему иссякнуть.

А у Костра Звезд сидел Пророк Зороастр, а вокруг Костра на скалах густо лепились белые орлы-могильники и грифы-бородачи, и огонь Костра плясал в их желтых, хищных глазах...

И Пророк Зороастр, пророк Огня и загробных птиц, сказал:

— Иисус, Отрок! Я ждал Тебя и узнал Тебя!

Добро Ахурамазды уступает в мировой борьбе Злу — Ангро-Манью.

Зло везде побеждает Добро...

Но огонь моего Костра очищает, побеждает и добрых, и злых...

Тут белый орел-могильник и гриф-бородач сошли со скалы, и цепко, когтисто утвердились на руках Пророка, и стали заживо его плоть поедать, клевать, брать, рвать.

Тогда Зороастр сказал:

— Иисус, Ты изменишь Весы — и Чаша Добра перевесит Чашу Зла, но для этого Ты отдашь себя Злу и злым человекам, как я отдаю эти руки трупоядным грифам и орлам.

Но для этого Ты окропишь, утяжелишь Крест своей кровью и покроешь Кровавым Крестом Чашу Добра. И Она перевесит Чашу Зла.

Но стоят ли грешные, заблудшие, сладострастные человеки Такой Жертвы? Такого Креста?

Я тоже погиб за Добро, за человек — но вот они забыли меня.

У Бога нет сил любить всех человек, которых расплодилось лютое, слепое множество.

И потому Бог возлюбил избранных Пророков.

Человечество — это тесто. Пророки — это хлебы, выпекаемые Творцом.

И что хлебы должны возвращаться в тесто?..

А мир — это переключка Пророков.

Это я послал к Твоим яслям моих Волхвов с моей огненной Звездой...

Иисус! Брат мой! Иль не слаще войти в мой Костер Звезд, чем на Кровавый Крест?..

Иисус сказал:

— А Я люблю сырое тесто более печеного.

А Я люблю родниковую воду более кипяченой.

А Я люблю пастухов более, чем царей...

А Я люблю всех человек. И более всего — слепых.

Но!

О, Отец Небесный мой!

Меня так тянет уйти в последний Костер Звезд! И так горят глаза орлов-могильников и грифов-бородачей... И так они алчут плоти моей, и так хочется мне усладить, умиротворить их, как я кормил перелетных птиц в Назарете моем...

Но кто-то молит, глядит на меня из-за скалы, и глаза Ея горят более, чем Два до-
небесных Зороастра Костра...

О, Небесный Отец мой!..

Это моя безмолвная Матерь Мария, и Она неотступно, покорно, тайно бредет за
мною по всем тропам и градам... я знаю, знаю, знаю...

И что же я отдам птицам и Костру мое тело, которое Она родила и лелеяла?

И что же Она одна вернется вспять в пустой наш назаретский дом?

Где зачехли на землистой крыше иерихонская роза и отцовский сладкий утешитель,
собеседник — мак-текун-сон-смерть-рай?

— Иму, Матерь моя, Ты спасла меня от Костра, да не убережешь от Креста...

И вот караван наш ушел от Костра Зороастра и пришел в Индию, к Священному
Древу Бодхи.

И там, во блаженной дреме, в еще земной, но уже небесной нирване, восседал
Шакья-Муни, Блаженный Будда.

И Он шептал с закрытыми очами:

— Иисус! Младший брат мой!

Я не хочу глядеть на земной мир — больно очам моим и душе моей...

Я слеп для этой жизни...

Но Творец сказал мне, чтобы я вышел из нирваны, и вернулся, пришел к Тебе, в
Колесо Сансары.

Я одинок блаженно, как белый носорог, как белый слон.

И Ты одинок, как белый носорог, как белый слон...

Но Ты еще отрок, и не знаешь, что одинок, как белый носорог.

А Ты не устал от кровавых, многогранных библейских Пророков и огненных
воюющих народов?

А от многих страстей приходят многие несчастья... Творец дал Тебе мудрость уже
в молодости Твоей, и зачем входить в Костер Страстей, когда можно миновать его...

И Ты уже избранный Белый Носорог, а не стайный пахучий волк.

Твой народ гневен, твой народ хмельной от страстей человеческих. И великие
муки тела и души предстоят Тебе...

Они распнут Тебя и не дадут поколебать, как ветру, сонное Древо Древнего Завета,
которое кормит их и чад их.

Погляди на свое тело — оно свежо, целомудренно, как альпийский снег нетронутых
гор.

И зачем отдавать Его гвоздям и копьям слепцов-безумцев?

Разве блаженное тиховеющее Древо Бодхи, Древо блаженства и нирваны, не
лучше Креста Кровавого?

Разве на Древе Бодхи распинали живых, кротких человеков?

Иисус, Ты же сын плотника, Ты знаешь запахи деревьев, разве запах вечного Древа
Бодхи не слаще запаха кипариса, кедра и сосны-певг, из которых составят Крест
Твой?

Все человеки предадут Тебя, и даже деревья предадут, и только глиняные воро-
бы не предадут Тебя...

Брат мой Иисус, разве нельзя миновать Голгофу и придти ко Творцу неусечен-
ным, непронзенным...

Разве гвозди сотворены для тела человека?

Иисус вздрогнул, когда Будда говорил о Кресте и о том, что Он сын плотника.

Значит, Он видит прошлые дни и грядущие...

Тут Блаженный открыл один глаз, и сноп звездных лучей едва не ослепил Иису-
са... А что было бы, если бы Блаженный открыл оба глаза?

— Брат мой Иисус, одинокий белый носорог, оставайся со мной.
 Все равно мы встретимся Там, Там, Там, у подножья недвижимого
 Творца.
 И кому Там нужны гвозди Твои и Голгофа Твоя?..
 Иисус сказал:
 — На миру и смерть красна,
 А со Креста вся земля видна,
 А со Креста ближе небеса...
 Меня Отец Небесный Мой на Крест ради человек позвал, послал...
 И боле ничего не сказал.
 Но тут ниспала на землю, пришла такая густая ночь, ночь, что стало казаться,
 что нет на земле ни Блаженного Будды, ни Блаженного Древа Бодхи. Они раствори-
 лись, стали ночью, ночью...
 Ночь, ночь загустела, и стало казаться, что это ночь, ночь нашептала Блаженные
 Слова.
 А Блаженный Будда не сходил на землю, а оставался в вечных небесах, а только
 Древо Бодхи шелестело...
 А это ночь, ночь нирвана блаженная, вселенская, на землю сошла, сошла, со-
 шла... ааааа...
 Окутала, опутала все камни, тропы, горы, деревья и души человек, и тела...
 ааааа...
 И только в крошечной, очарованной, блаженной ночи шелестели древние ветви
 Древа Бодхи... Ууууууу...
 Мать, мать, мама, маа, такая чужая ночь окрест нас такие чужие деревья, го-
 ры, камни, реки, такие чужие Вечные Слова...
 А Блаженный Будда — это Ночь, а ночью, в тишине, слышней, ближе Господь
 небесный ...
 Такая ночь, ночь, что в ней затонули, померкли все Белые Носороги и все Белые
 Слоны... Иииии...
 Ночь колодезная, чужая черна, как спящая вселенская сова, сова, сова...
 Но нет ничего чужого, все родное...
 И Зороастр мне родной брат... И Блаженный Будда мне родной брат...
 Мать, но я устал любить все и всех...
 И что один осел несет груз десяти ослов?..
 Но ночь буддийская окрест...
 Мама! Иму! И только светятся живыми звездами, переливаются, лучатся в не-
 сметной чужой ночи Ваши глаза...
 Иму! Но я люблю утреннее солнце на камышовой крыше нашего назаретского
 дома, когда на золотом камыше лежит хрустальная, отборная роса...
 Но я люблю Синайские Скрижали Моисея...
 Но я люблю Великий Ветер, шатающий Древние Деревья, сметающий дубы кед-
 ронские и кедры ливанские...
 Мать, но я уже с колыбели прозрел,
 Но я уже устал ждать,
 Мать, когда Крест мой?
 Когда? когда? когда?
 А?..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

А!..

А галилейские пастухи две тысячи лет говорили и говорят...

О, двухтысячелетняя горечь! о, рана! о, как ты свежа! горяча!

Когда миновал День Распятыя, и задрожала, раскололась земля, и туча пришла, и низвергся ливень кромешный, а потом пришел хамсин, хамсин, хамросин пепельно-сиреневый, хамсин, песчаный самум, круговерть песка, мга мгла, и весь Иерусалим ушел в хамсин, и Голгофа ушла, и Крест ушел, утонул...

Тогда в хамсине ко Кресту Мать Мария, Мария из Магдалы, Мария из Клеопы, Марфа из Вифании, Саломея, Сусанна, Иоанна и другие жены пришли.

И пришел Иосиф Аримафейский, и принес саван из тонкого «синдона», и погребальное миро, и алоэ загробное, прощальное.

И пришел в хамсине, учуяв Крест, член Синедриона Никодим многобогатый, который слушал живого Иисуса Христа и внимал Ему благосклонно, бездонно, и один был в Синедрионе против казни Его.

О, Отец Небесный наш!..

И тут у Креста хамсин был особенно густ, непролазен, космат и забивал песком рыдающие очи жен.

И больше всего песка было в Святых Очах Марии Богородицы... Тут бы вся пустыня Син в Ея Очах поместилась, полегла...

О, Отец Небесный!..

И тут жены и два мужа содрогнулись, ужаснулись, и жены воскричали, потому что явно увидели в летящем песке, что на Кресте был распят Ребенок, Дитя, Агнец в детской рубахе «кетонет».

И на ногах у Него дряхлые сандалии Его отца Иосифа — дети любят носить обувь отца и матери...

И Крест был велик Ему, и Ему бы хватило трети Креста, но у всемогущей Римской Империи и у всемудрого седого Синедриона древних иудеев не было крестов для детей.

И вот Дитя распято, течет на Кресте для мужей.

И еще двенадцать воробьев были приколоты гвоздями над головой Распятого.

И гвозди были больше воробьев, но иные птицы еще бились, еще тлели, еще шевелились, еще тлились.

Но Дитя уже не двигало руками в огромных двух гвоздях, как птицы крыльями, потому что крылья долговечнее, живучее плоти человеческой.

А тут была еще незрелая плоть детская...

Тогда Иосиф Аримафейский, который выпросил у Понтия Пилата Тело Иисуса Христа для погребения, сказал:

— Такой хамсин! Такая песчаная мгла, что муж кажется ребенком? Но ребенка легче пеленать, и я принес саван погребальный, пелены последние...

И тут Иосиф умолк и вдруг яро, обрывисто зарыдал, потому что никто никогда на земле не видел Распятое Дитя, а он увидел.

Но жены молчали.

И только Мария Магдалина, уже Святая Жена сказала:

— Никто не подошел ко Кресту, когда Его распинали, и только прилетели двенадцать воробьев, и принесли воду в клювах своих, и водой питали, освежали, продлевали Его, пока не дал Ему римский солдат на конце иссоповой палки «поску» — пить римских солдат.

О, Небесный Отец! и что же — только воробьи не забыли, не предали Его?..

...Тогда Никодим сказал:

— Он был и остался Дитя, Агнец, Младенец.
Мы казнили, распяли Младенца.
Мы казнили долгое, непреходящее, лучезарное Детство.
Мы не простили Ему, что мы стареем, ветшаем, рушимся, а Он остается Младенцем...

И, как всякое Дитя, Он излучал великую, беззащитную любовь и льнул ко всем коленам, и упирался в подолы всех жен и в таллифы всех мужей.

Он любил и любит всех и ждал ответной любви, а мы любовью оскудели...

Он был Вечное Дитя и не стал отроком и мужем.

Он был Вечное Дитя, и потому Мать Его и многие жены хранительницы сопровождали Его от Колыбели до Креста.

Они все были Ему матери. Ибо не могут жены матери оставить одного Дитя среди жестокового, пыльного, хищного мира.

И вот мы, мужи, казнили Дитя...

И Никодим закрыл глаза руками, пахнущими несметными, погребальными ароматами.

Тогда сказал Иосиф Аримафейский:

— Рим возненавидел Его за то, что Он был иудей.

А мы, иудеи, опасались, что Он, Дитя, превыше нас, убеленных храмовых старцев, книжников, законников, первосвященников.

И вот Он уходит из иудеев и показывает дорогу в сторону от Скрижалей Моисеевых...

Первосвященник Каиафа на Синедрионе сказал: «Он «мессит», соблазнитель Народа и Храма.

Если мы не предадим Его смерти — Он подточит Храм, и Закон, и Народ, как сладкий соблазнитель подтачивает юную девственницу.

Надо казнить Его, чтобы спасти весь народ.

Надо казнить Его, чтобы Иерусалим стал Хозяином Мира... И станет!

Не Иерусалим Христа, а Иерусалим Моисея и воителя Иисуса Навина станет править миром...

А тогда пусть беззащитная Кровь Его будет на детях и потомках наших.

Но какой Хозяин не ходит с кровью рабов своих?»

Каиафа сказал на Синедрионе:

— Пусть Его казнь будет не по Закону Моисееву — чрез побитие камнями, а по римскому — чрез распятие.

Пусть Рим, а не Иерусалим ответит за казнь Его!

Потому что Иерусалим победит Рим!

Потому что Иерусалим разрушит Империю Рима и все грядущие Империи!

Потому что Иерусалим станет Хозяином всех империй и всех Народов.

А пока надо положить этот Факел, поджигающий, подрывающий нас, в темные иорданские воды...

Но потом мы отдадим этот Факел, Эти смиренные Заветы беспредельной Любви в другие народы, и они смирятся и покорятся нам...

И Каиафа устало опустил обильные пурпурные рукава своего таллифа в золотую чашу с апельсиновой, лимонною, душистою водою, и испил из чаши...

И рукава его промокли от дрожи...

И еще сказал:

— Моисей с Крестом — это грядущее Христианство... Моисей с Мечом — это грядущий Ислам...

И вот Два Сына объединятся и пойдут на Отца Своего... Но Отец мудро поссорит Их и кроваво усмирит.

Тогда Никодим сказал у Креста:

— Воистину, Древний Завет — Святой Камень с золотыми обильными жилами.

Распятый, как и все мы, иудеи, с радостью носил Камень Завета сей на блаженной шее.

Но вот Он выделил Чистое Золото из Древнего Камня и стал носить на шее Одно Золото.

И позвал всех иудеев и иных человеков носить Золото.

Но многие продолжают носить Камень с золотыми жилами и бегут распинать Того, Кто зовет носить Чистое Золото Нового Завета.

Не тяжело ли будет во дни грядущие тем Камненосцам?..

Тогда Иосиф Аримафейский у Креста сказал:

— Воистину говорил Он, что пришел спасти народ иудейский.

И вот мы распяли Его, но вижу, вижу я, что между собой, мы, иудеи, будем жить по Его Завету.

И будем жить и любить друг друга безбрежно по Его Новому Завету.

И будем неоглядно, животно любить друг друга, и будем любить даже лютого врага, и убийцу, и наветника, и книжника, и фарисея, если он иудей.

Воистину, будем мы любить народ свой более, чем Бога. Иль любовь к народу своему и есть высшая любовь к Богу. Ибо кто видел Бога живого, кроме Моисея и Распятого, а народ мой живой окрест меня дышит и упоает... И народ мой — Бог мой!

И вот мы, иудеи, будем жить по великому Закону Любви, открытому Распятым...

Воистину!..

А с иными народами будем мы жить по Древнему Завету, по закону «око за око» и «зуб за зуб».

А к другим народам мы повернемся Древним Законом, что пришел к нам из египетской Пустыни Одиночества Син...

О, Отец наш Небесный!

Но нынче, у Креста Агнца, что мы? И что нам грядущие дни наши? Что слова наши, когда такие слезы изливаются, и они выше всех Слов Мира...

И Иосиф Аримафейский устал от пророчеств и поник у Креста. И только томительно благоухали погребальные масла-ароматы его в песке летящем.

Но тут пришел вечерний, что ли? иль уже повеял ночной ветер? но хамсин рассеялся.

И тогда Иосиф Аримафейский, и Никодим, и жены-мироносицы увидели весь Крест и Распятого Мужа уже на всем Кресте.

Тогда Мария Магдалина воскричала:

— Раввуни! Учитель! Ты только на Кресте стал Мужем... И стал седым, как снег...

Но скоро Ты станешь навек Живым, и снег сойдет...

О, Отец Небесный наш!..

Но!..

Уже Ангел Господень спешил, подлетал ко Кресту, раздвигая, разгоня крылами хамсин, хамсин...

Он мог сдвигать огромные камни-«гогалы» с древних гробниц и выпускать мертвых.

И что Ему отодвинуть хамсин?..

О, Отец Небесный наш!..

Ты Таких посылаешь...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А галилейские пастухи две тысячи лет говорили и говорят:

— И вот мы радостно пием Вино Воскресения, и уже две тысячи лет пресветло, предивно пианы, пианы.

И вот в давильных топчут, убивают ханаанский виноград «козьи сосцы», и он воскресает, восстает в блаженном свежем вине.

И вот Вино Воскресения свежо и пресветло хмельно, и две тысячи лет радостно пьянит Оно.

И вот наш Спаситель Иисус Христос Воскресший явился на горе женам-мироносицам и сказал: «Радуйтесь...»

И мы пием вечное Вино Воскресения и радуемся, радуемся...

Но!

О, Царь Небесный наш!

И в молитве сказано: «Христос — веселие вечное...»

О, на следующий день после Распятия хамсин нежданно ушел.

И жителям Иерусалима и близких градов и селений явилось дивное Чудо, Знамение.

Чудо было в том, что открылись, явились жителям слепого Иерусалима несслыханные, невиданные дали, дали, дали.

Особенно с высоких стен Иерусалима, и с Сузских врат, и с золотых крыш Храма открылись дали неоглядные.

Открылись дальние, несслыханные страны, града, народы, океаны... Вся земля в дымке утренней, сиреновой иерусалимской плыла пред потрясенными очами, пред очами иерусалимцев. И плыли Дни Прошлые и Дни Грядущие.

И во Днях Прошлых, и во Днях Грядущих плыли, уповали древние, еще живые Фараоны Птолемеи, и Пирамиды только в пустыне восставали под руками феллахов...

И в иных землях восставали давно погребенные Эмиры, Ханы, Аршакиды, Династии, императоры, цари, короли, тираны...

И летели колесницы Сезостриса и копья, стрелы амаликитян, и пылили македонские фаланги и римские легионы близкие, а потом слышались утробные, надорванные, боевые, стальные крики крестоносцев...

А потом грохот поварных артиллерий Англии, Франции, Германии... А потом атомные грибы-циклопы над Японией...

И во Днях Прошлых плыли, сокрывались Финикия, Сирия, Аравия, Вавилония, Египет...

И во Днях Грядущих восставали, плыли Америка и Россия...

И русский Царь, и цесаревич, и царица, и царевны в белых, девьих, подвенечных платьях на Исполинский Русский снежный ледовый Крест восходили и скользили у кровяных наледей Креста, и народ русский необъятно восходил на Крест за ними, и слуги, бесы Каиафы и Понтия Пилата в кожаных, звериных одеждах возводили Царя и народ Его на Крест...

И поныне возводят...

И этот Крест Христа среди народов самый великий.

И поныне! Воистину Русский Крест несметен!

И всякий русский на Него взойдет!

О, Господь! Господь. Господь!

Гляди — под ногами русскими распятыми даже кровяная наледь вопиет, гюет!

И поныне народ русский уже сто лет на Исполинский Крест восходит.

И нет Ему исхода, а есть бесконечная Голгофа!

Даже когда русский пианный человек бредет в ночном поле за водкой — он бредет на Голгофу.

И все пути на Руси, и все тропы ведут на Голгофу.

И есть ныне Время Двенадцати Иуд! Все вожди предают Русь, все предают, все продают...

А напротив Руси стоит на берегу океана Америка.

И там стоит несметная Золотая Богиня, и вот несметные ярые человеки рубят, пилят, режут Статую Золотую на золотые стружья и монеты и, ликуя, золото уносят в дома слепые свои.

Вот оно, золотое ликование слепцов, которые не чувят, как океаны уже готовят пучины, потопа свои на золото их и золотые души их.

И вот жизнь твоя, утяжеленная золотом, идет на дно океанов, слепец! И кто в бушующей пучине вспомнит о золоте, брат мой заблудший? Иль золото только на дно влечет...

И галилейские пастухи пели от пресветлого вселенского Вина Воскресения:

О, Царь Небесный наш!

Сокрой от тленных глаз наших Дни Прошлые и Дни Грядущие! Зачем человеку знать о Них? Печалиться о прошлом? Бояться будущего? Зачем нам, пастухам, эти Дали Неоглядные?

Спаситель наш сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...»

О, Отец Небесный!

Оставь нам, галилейским пастухам, эти Пресветлые Дни! Дни Воскресенья Бога нашего Иисуса Христа.

Вот Он грядет по нашим галилейским долам и горам. Вот Он только что свежо воскрес, нежно, как со сна, восстал. Вот еще гробовые пелены текут, спадают с плеч Его... Вот Он брением Своим усмиряет, умиротворяет, помазывает гвоздиные, еще горящие, жальщие язвы Свои.

Вот Он уже является Марии Магдалине, и женам-мироносицам, и Петру, и шествующим в Эммаус, и Своим Ученикам-рыбарям Апостолам на берегу Галилейского озера...

Но! Но! Но!..

Отец, Пастырь Небесный наш!

Но! Одни мы, галилейские пастухи, знаем, куда Воскресший явился впервые.

А куда бредет далеко ушедшее Дитя? Куда возвращается, стремится?

Иль не в дом родной? Иль не в Назарет свой?..

Да!..

И вот пришел к дому родному своему...

Когда ночь пришла, и все спали.

Но Мать Его не спала, и Она слышала тихие шаги на крыше среди одичавших, задумчивых маков, маков, маков, где любил спать отец Его.

И Она слышала, слушала, но не вышла из дому.

И только лучезарно улыбалась, и ночной дом наполнялся покоем и сияньем...

— Иму, иму... Мать, мать, мама, маа...

Я хочу вечно сидеть на вечной нашей крыше среди вечных птиц, среди вечной весны. И чтобы вечная Мать и вечный Отец глядели на Меня...

И свершилось!

С нами Бог!

Аминь...

ОТ АВТОРА

Я написал эту Книгу в октябре-декабре 2005 года.

Наверное, это были счастливейшие дни в моей затянувшейся жизни.

Господь являл мне Эти Картины, и я по мере слабых сил моих пытался Их запечатлеть в Слове.

Я не описывал великих событий Евангелий и Апокрифов. Кроме маленькой истории о глиняных воробьях, которая, однако, явилась мне в новом свете...

Пусть мудрый Читатель не ищет эти Картины в Апокрифах и бесконечных книгах о Спасителе. Их там нет.

Тот святой, далекий, смолистый сиреневый, апельсиновый назаретский Ветер веял на меня...

Тот далекий, святой, глиняный, назаретский домик с розой на крыше стоял предо мной...

Тот Вечный Отрок являлся, и мне чудилось, что Он далеко, затаенно улыбался мне...

Быть может, мне смутно открылись Те Алмазные Дни, которых еще никто не видел...

Несколько Страниц из Величайшей Книги Его Земной Жизни...

...Назаретский весенний оливковый смуглый двухтысячелетний ветер ветер

Веет в душу мою среди русских снегов

И приносит

Тоску гефсиманских блаженных маслин по Нему

И томленье хевронских дубов без Него

И янтарь кипарисовых смол словно слезы о Нем

И дымный запах Его отроческой рубахи

Когда Он помогал своему Отцу-плотнику...

Спаси Господи...

10 декабря 2005 г.

...Лепесток снежной назаретской розы лежит на моем письменном столе. Кто обронил его?..

Сергей Норильский
(г. Тула)

БЕГЛЕЦЫ
(Глава из романа *)

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Среди них: «Город Норильск» (1958), «Николай Федоровский» (1967), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1986), «Не вечно зло, если добро множить» (1998), «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» (2006), «Павел и Клавдия» (2008) и другие. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского, лауреат литературной премии имени Льва Толстого (2000). Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

После разрыва с мужем двадцать пятый и двадцать шестой год Шура с сынишкой жила у брата в задней части нижнего этажа его дома в Муроме. А в пятидесяти верстах, на родине Кородаевых, в обширном и красивом центре волости Новоселках имелся у них кирпичный домик под железной крышей. Построил его отец, крестьянин Иван Андреевич Кородаев, здешний уроженец. О нем в Переписном листе 1897 года было обозначено: читать умеет, выучился у келейницы, основное занятие — земледелец, а дополнительное — сапожник.

Иван Андреевич и его супруга умерли в 1918. К двадцать седьмому году в домике оставались старшая незамужняя дочь с теткой. Сюда и перебралась Александра Ивановна летом двадцать седьмого.

В этом году дошли до нее слухи: Лев Львович женился. Взял разведенную с бывшим сельским комиссаром уроженку поповской семьи, зовут Мария Ивановна. Она на двенадцать лет моложе Шуры, от комиссара у нее сын Михаил, одногодок Коли. Лев Львович усыновил мальчика.

Колина мама приняла известие спокойно.

Главная улица Новоселок была продолжением знаменитого Владимирского тракта и воспетой в этих местах Муромской дорожки. В центре села, где стояло несколько двух- и трехэтажных краснокирпичных домов, построенных местными купцами и фабрикантами, начиналась еще одна основная улица, даже длиннее первой. Она шла перпендикулярно к ней. В начале улицы, уже при советской власти, выстроена была деревянная каланча с пожарным депо. Дальше стояла побеленная кирпичная

*Готовится к изданию в серии «Библиотека журнала «Приокские зори».

церковь с высокой колокольней, сзади был крутой уступ в пойму речки Кутры. За церковью возвышались по обеим сторонам, перемежаясь с бревенчатыми домишками, кирпичные двухэтажные особняки мельников Симоновых и других богатых жителей. Улица переходила в грунтовую дорогу к реке Оке, до которой было двенадцать верст. По Оке плавали двухпалубные пароходы в Нижний, Муром, Рязань и Касимов.

Домик Кородаевых находился между каланчей и церковью. Четыре оконца переднего фасада смотрели на улицу. Мама рассказывала Коле, что дедушка летом работал на земле, зимой же занимался извозом в Муроме, катал на своих дрожках богатей, чиновников и интеллигентов. Умер за три года до рождения внука, не дожив до шестидесяти семи. Вскоре скончалась его супруга и одногодка Прасковья Филипповна. Она была из богатой семьи Симоновых, у ее брата Егора Филипповича на Кутре была единственная на округу мельница.

Коля с интересом рассматривал оставшиеся от неведомого дедушки дрожки. Они были на деревянных, подбитыми железными полосами полозьях, с высокой резной спинкой. Когда-то водрузили их на крышу бревенчатого стойла былой кородаевской лошади. Крыша для тепла была утоптана землей. Коля залезал туда с расположенных рядом сушил для сена.

Характером крут был Иван Андреевич. С обидой за мать рассказывала Александра Ивановна: «Поедет, бывало, на Пожогу или Жайск (пристани на Оке), заведет ссору с женой и — раз вожжей по лошади, раз — по жене».

В год смерти родителей в доме остались дочери: сорокатрехлетняя Татьяна Ивановна, акушерка Наталья, тридцати девяти лет, тридцатилетняя учительница Александр и Мария, двадцать восемь годов. Все незамужние. С ними жила и сестра покойного хозяйина Прасковья Андреевна, соломенная вдова бобыля бондаря Ивана Калиныча Волкова. Ей шел шестьдесят первый.

Единственного сына Кородаевых, девятилетнего Митеньку, еще в девяностых годах скосил кровавый понос. В последнем году уходящего века усыновил Иван Андреевич появившегося на свет сынишку бедняка Андрея Новожилова Колю, дал мальчику свою фамилию и отчество, а затем и небольшое образование. Некоторое время Николай Кородаев работал учителем в начальных классах новоселковской школы. Женился на одной из дочерей владельца сундучного производства неподалеку от Новоселок. Тут подошла революция, заводик Корешковых отобрали и передали государству. Вскоре открылся нэп, Николай вместе с женой Клавдией перебрался в Муром и стал пытать счастье в частной торговле. Дело полюбилось, и способности оказались. Кородаевы завели галантерейную и мануфактурную лавочку на базаре, товар завозили из недалекой Москвы по железной дороге.

Наследницы Ивана Андреича вели земледельческое хозяйство покойного, насколько хватало женских сил. Но в девятнадцатом году от воспаления легких, схваченного под Троицу, умерла Маруся. Через год отправилась за ней Наташа. В том же году вышла замуж Александра — за учителя из села Ляхи, что в Меленковском уезде, недалеко от Муром. Остались в домике и на всем хозяйстве Татьяна Ивановна и ее тетка.

При домике в Новоселках был сад с огородом и необходимые хозяйственные постройки: стойло, хлев для коровы, овец и коз, курятник, а над ним сушила под дощатой кровлей. В саду — амбар, два сарая, бревенчатая банька по-черному. Неподалеку, за околицей, к возвращению Александры Ивановны удержались две полоски земли: под рожь и пшеницу. Поблизости — маленькое открытое гумно с землянкой и рубленным овинном.

Через улицу напротив домика Кородаевых располагалась обширная низина — пойма Кутры. Ее ограничивала запруда, на которой стояла мельница Симоновых. На низине луг, несколько сельниц, одна из них построена Иваном Андреевичем. Летни-

ми утрами мать посылала Колю выгонять малиново-коричневую корову Динку. Мальчик хворостинной погонял послушную животину, и она весь день щипала траву. Под сумерки Коля возвращал Динку домой, темно-малиновые бока ее были раздуты, вымя полным. Помахивая ухватом рогов, Динка беспрекословно подчинялась мальчику и охотно возвращалась в хлев в ожидании дойки.

Что происходило в Новоселках за последние тринадцать лет жизни Ивана Кородаева и его семьи, как отозвалось большое село на события, потрясшие Россию в первые два десятилетия двадцатого века — ничего о том никто Коле не рассказывал. Но следы классового противостояния были заметны.

Татьяна Ивановна, Шура и Прасковья Андреевна кое-как справлялись с обмелевшим хозяйством; засевали обе узенькие полоски рожью и пшеницей, сжинали хилый урожай серпами, вязали снопы, сушили на солнышке, оставив пирамидками — колосьями вверх. Подсохшие снопы обмолачивали цепами на гумне, заметенном до пылинки. Наняв подводу, отвозили просеянное зерно в амбар в саду, а солому забрасывали деревянными вилами в овин на зимнее хранение. Коля помогал женщинам в меру своих силенок.

Так было два лета и две зимы. Николай Иванович с Клавдей и двумя девочками Тamarой и Верой, чуть помоложе Коли, приезжал на неделю-другую. Все были красивые и веселые. Отец — рослый, стройный, темноволосый, в блестящих черных хромовых сапогах, голенищи выше колен; мать — быстрая, с огоньком в карих глазах, завитые кудряшки на голове. Устанавливали на огороде между грядками каганок о два кирпичика, кипятили варенье из плодов сада: вишен, малины, слив, крыжовника, терновника и яблок. Ягоды и кусочки яблок бурлили в сахарном сиропе в медном тазу над костерком из сучьев и щепок. Коле поручалось поддерживать костерок. Тетя Клавдия или мама осторожно водили деревянной ложкой, снимали пенку с кипящей поверхности, сливали на блюдечко, потом подавали к чаю. Пенки были слаще и ароматнее самого варенья. А его, когда остынет, заливали в высокие стеклянные банки. Девочки носились по саду и огороду, не нарадуясь деревенскому солнцу, играли в прятки, в лапту и чижика. Светлые, радостные деньки! И было грустно, когда дядя Коля с семьей, нагруженные банками с вареньем, солеными огурцами и грибами, на подводе уезжали к пристани, а троим женщинам и парнишке маячила унылая осень и суровая скучная зима.

Впрочем, и зимой была своя жизнь. Динка нагуляла бычка, такого же коричнево-вишневого, как сама. На время морозов новорожденного поместили возле шестка, отгородив от кухни столиком, набросали на пол соломы. Отпаивали беспомощного молозивом, потом разбавленным молоком. Животина чавкала беззубым ртом, лакала жидкость. Через несколько недель пригласили мясника, он выволок несчастного во двор и зарезал. Коля едва не плакал, изнывал от жалости. На память о милом жильце осталось овальное углубление в крышке ящика стола: подраставший теленок шершавым языком самозабвенно лизал просоленную поверхность древесины, впитавшей кухонные жидкости и ароматы.

На второе лето случилось несчастье с бабушкой. Во время молотбы наступила семидесятилетняя Прасковья Андреевна на грабли. Была, как всегда, босиком, деревянный штырь насквозь проткнул ступню. Кровь залила гумно, мама и тетя Таня с трудом отвели старушку домой, — а дом находился в нескольких переулках. Там был пузырек с йодом.

Всю вторую часть лета Прасковья Андреевна лежала на полу в чулане на ватном матраце, отвергая попытки племянниц обратиться к лекарю. Поливала раненую ступню мочой. Неграмотная крестьянка всю жизнь от ранней весны до глубокой осени шлепала босиком по любой грязи и пыли. Мальчишки кричали вслед: «Бабка — чугуны пятки».

К зиме бабушка своим единственным лекарством выходила ногу и принялась за обычные дела. А с тетей Таней стало совсем худо: помутилась в рассудке. С утра до ночи сидела на табуретке, покачивалась вниз-вверх и причитала одно и то же: «Батюшки, что с нами сделалось! Батюшки, что с нами сделалось!» Белый платочек, завязанный под подбородком, уныло кивал в такт покачиванию, взгляд бессмысленно упирался в одну точку. Сестра и тетка безуспешно пытались вернуть Таню к домашним и прочим делам. Что произошло с человеком? Обилие смертей, обрушившихся на семью за три года, отозвалось в помутившемся мозгу пятидесятилетней женщины причудливой тревожной вязью. А тут еще события у Кородаевых в Муроме.

Прихлопнули нэп. У Николая Ивановича под предлогом неуплаты налога отобрали дом. Горницу и спальню на верхнем этаже отдали бывшей рабочей текстильной фабрики, а ныне секретарю горсовета Екатерине Даниловне Хлудовой с двумя девочками-дошкольницами без отца. Кородаевым предложили переселиться с семьей на заднюю половину, на кухню, где жила домработница бобылка Аннушка. Там все пятеро и ютились. Вскоре бывшего нэпмана посадили в тюрьму, чтобы выкачать золото, которое он якобы прятал, не отдавая государству. Золота так и не нашлось, но обезвреженного кровососа отправили в лагерь на принудительное бесплатное перевоспитание физическим трудом. Клавдия Васильевна, кое-как устроившись судомойкой, с помощью Аннушки растила девчат. Тома уже пошла в школу.

Вслед за прихлопнутым нэпом началась индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, то есть раскулачивание. В Новоселках каждый праздник стал заканчиваться драками, мужики бегали один за другим с коляями и топорами. В домике Кородаевых, хотя и кирпичном, стало быть, не беднячком, реквизировать было нечего, в колхоз отдавать — тоже, с лошадей наследницы расстались сразу после смерти отца. Но знали на селе: в Муроме процветает его сын — нэпман, владелец лавки. Стало быть, часть богатств, накопленных эксплуататором, у Кородаевых где-то припрятана. Пошли обыск за обыском, описи имущества. Чуть ли не каждую ночь гепеушники с соседями-понятыми протыкали железными прутьями бочки и лари с мукой, просом, рожью, пшеницей — в надежде найти золото и прочие ценности.

Однажды в ожидании очередных незваных гостей отправила Александра Ивановна тетку к родственникам Шутовым. Обмотала старуху тремя суконными шальями, натянула с трудом шубейку — дело было глубокой осенью — и ночью проводила в дорогу. Брат с сестрой Шутовы, родственники Кородаевых, жили в начальной части главной улицы, недалеко от въезда в село. Иван Федорович, холостяк, работал бухгалтером в отделении госбанка, сестра Мария Федоровна, незамужняя, вела домашнее хозяйство. Когда мама с Колей приходила к ним в гости, мальчик находил на столе номера журнала «Работница» и листки — приложения «Малышам» с рисунками. Коля разглядывал картинку, читал стишки: «И Буденного с усами мы нарисовали сами». Да что там журналы! Забравшись в сарай в саду, мальчик находил там старые книги. Познакомился с трагедиями Софокла и Эврипида, комедиями Аристофана и других древних классиков.

Иван Федорович был крепыш с густым темно-каштановым ежиком волос на крупной голове; малоразговорчивый, он казался Коле суровым. Ровно в начале обеденного перерыва переходил улицу от своей службы в кирпичном домике госбанка. Мария Федоровна наливала ему горячих щей, подавала второе, потом он пил чай и полчаса отдыхал на диване, прежде чем вернуться на работу. К Александре Ивановне относился дружелюбно, однажды даже помог сшить Коле сапоги из куса хрома, нашел мастера. Правда, сапожки вышли слишком тесные, Коля так и не смог натянуть их на ноги.

На мосту через Кутру ночной патруль гепеу остановил слишком толстую старуху, отвел в милицию и таким образом уличил Кородаевых в укрывательстве нажитых

незаконных богатств. Установили чекисты и адрес, по какому шла Прасковья Андреевна. Ничем не скомпрометировавший себя совслужащий Шутов своим авторитетом способствовал тому, что старуху Кородаеву не посадили, и утром Прасковья Андреевна вернулась домой. Шали реквизировали.

Александрю Ивановну вообще-то на селе уважали, помнили еще как учительницу. Но политические события плодили и недругов. Как-то на весенний церковный праздник мама нарядила Колю в только что сшитую батистовую рубашечку, и он вышел на улицу. Вернулся в слезах в грязи — соседские мальчишки повалили маменькиного сынка в лужу.

Пасха в том году была поздняя. Белая и лиловая сирень в палисаднике Кородаевых уже распустила гроздь. После бессонной ночи — заутрени и обедни в церкви — Александра Ивановна с Колей пришли домой, разговелись вместе с тетей Таней и Прасковьей Андреевной. Творожная пирамидка пасхи и кулич с разноцветными яйцами, на которых красовались буквы Х.В., были великолепны, все пахло сдобой и ванилью. Даже тетя Таня на эти часы приостановила свое неизменное: «Батюшки, что с нами сделалось!» Разговорившись, все улеглись спать.

Коля проснулся первым. Солнечные зайчики бегали по постели и стенам. Мальчик поднялся с кровати и вышел во двор. Подошли девчонки Лычагины, жившие напротив. «Коля сорви сиреньку!» Он шагнул в палисадник и чуть не вляпался в широкую светлокоричневую вонючую лепешку под самым окном. Ночной неизвестный шалопай по-своему отметил под окном Кородаевых.

Коля нарвал девочкам сирени, но весь день и после того, как Прасковья Андреевна вынесла на лопате ночной подарок в огород, не заходил в палисадник. Неприязнь местных властей и их прихлебателей к семье нэпманов усиливалась еще и тем, что Александра Ивановна, была активной церковницей. Не пропускала ни одной службы в храме, соблюдала все посты и обряды. А когда церковь решили закрыть, что возмутило часть жителей, вместе с другими стояла перед высоким крыльцом симоновского бывшего дома, где теперь помещалась милиция, поддерживала требование оставить храм прихожанам. Обеспокоенный начальник милиции с наганом в кобуре у пояса пытался урезонить собравшихся, но твердо стоял на том, что опиум для народа необходимо прикрыть.

Бессонными ночами одолевали Александрю Ивановну думы. Вспоминалось безоблачное детство вот здесь, в родительском доме, в этом милом селе. Церковно-приходская школа. Потом славный многозвонный Муром на Оке, гимназия, учительницы и подруги. Учительство на родине, в школе села Глебово, в четырех верстах от Новоселок. Каждое утро проходила она эти версты по знаменитому Владимирскому тракту между двух рядов высоких берез, лип и кленов, а к вечеру возвращалась обратно тем же путем. В заходящем солнце поблескивали купола высокой белокаменной церкви в селе Фетинино, справа за полем. Домой приходила усталая, счастливая — по душе пришлось Шуре дело учительское.

Что было дальше? Знакомство с Львом Львовичем. Дружба, перешедшая в любовь. Жаркие речи Леваша о народном счастье, которое надо добыть нам, интеллигентам. Новыми глазами читала Шура прочитанные в детстве и юности произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Горького. Новыми глазами вчитывалась в журналы «Нива», «Пробуждение», в рассказы Чехова, романы Гончарова. Леваша привозил в Новоселки современные книги, революционные прокламации. Не все в них нравилось Шуре, не все отвечало ее внутреннему миру. Но главное — тяжелая крестьянская жизнь, бесправие земледельцев, — бредило юную душу. Царь-батюшка, с детства бывший воплощением надежд и благоденствия, теперь приобретал другой облик. Японская несчастная война, революционные бури девятьсот пятого — девятьсот седьмого виделись теперь в ином свете, чем в юности.

Гражданская война принесла кровь, вражду и голод. Венчание, на которое Шура с трудом уговорила Левашу — его убеждения отвергали церковные обряды. Скромная свадьба, переезд в село Ляхи — на родину мужа. Рождение Коли. Здоровенький светлый мальчик еще больше сблизил супругов, стал центром их притяжения. Даже суровая хмурая свекровь, старая попадья, прониклась каким-то светом. Огород возле бывшего поповского домика поддерживал семейный бюджет, пополнял учительский заработок Льва Львовича.

Большевицкая власть оказалась чуждой и Леваше, и Шуре. Хотя и давно порвал Лев Львович с эсерами, но ленинская политика казалась ему неправильной. Напуганный месячным пребыванием в ЧК, он окончательно отошел от политических интересов, лишь в силу необходимости выполняя требования к школе.

Шура вся была поглощена ребенком, от былых увлечений общественными вопросами мало что осталось. Главное, что претило ей в новой власти, это безбожие, воинствующий атеизм. Александра Ивановна понимала, что, вернись она к преподавательской деятельности, не сможет учить детей по новым правилам. Православие ее укреплялось, вера становилась все жарче. Расхождения с мужем на этой почве обострялись. Единственное, что сблизало Льва Львовича с большевиками, было как раз безбожие. Оно же было главным, что отталкивало молодую женщину от всесильной суровой власти. Столкновения с мужем определялись теперь воспитанием Коли. Зачем таскать ребенка в церковь, приучать молиться, совершать бессмысленные обряды? — считал Леваша. Ни к чему это, да и усложняет жизнь в селе, и без того большевицкие комиссары косо смотрят на бывшую поповскую семью, на бывшего эсера. Лодыри-бедняки, на которых вся опора новой власти, лихо расправляются с богатеями, кулаками и подкулачниками, середняки стараются угодить тем и другим.

Александра Ивановна, неизлечимо душевно раненая свалившимся на нее горем — почти одновременной потерей отца, матери и двух сестер, — все сильнее прилеплялась к богу, церковь стала для нее единственным местом душевного успокоения. Свет богослужений проникал в самое сердце, и среди окружающего мрака, вражды и борьбы был единственным, что вселяло надежду, что маленькое родное существо, которому она дала жизнь, уцелеет во всеобщей гибели и пойдет по православному божьему пути.

Все кончилось разрывом, крахом семьи. Ожесточилось женское сердце, во всем происшедшем видела Александра Ивановна только вину мужа. Как ни пытался Леваша восстановить отношения, Шура была непреклонна. Жизнь молодой женщины отныне принадлежит богу и сыну. Она воспитает Колю так, как требует ее душа, ее материнское сердце. И вот теперь, по прошествии четырех лет, окончательно и бесповоротно определилась судьба Александры Ивановны. Известие о новой женитьбе Льва Львовича она приняла равнодушно, тот человек давно стал ей духовно и физически чужим. Навсегда покончено с учительством. Никогда и ни при каких обстоятельствах не вернется она к нему. Советская школа ей абсолютно чужда, перенесет Александра Ивановна любые испытания, чтобы не допустить сына в эту чуждую ей среду. Воспитает ребенка сама, так, как требует святая церковь и ее убеждения. Пусть мирская жизнь идет своим чередом, со всей ее враждой и жестокостью. Подрастающий мальчик проявляет все больше способностей, читать и писать выучился к шести годам, что крайне редко в наше время, тем более в крестьянских семьях. Книги глотает одну за другой, бойко читает по-славянски и псалтырь, и библию. Видит Александра Ивановна, с каким увлечением воспринимает Коля библейские предания и рассказы. Правда, тревожит то, что и светские книги влекут ребенка. Главное, чтобы удержался на русской классике, на Пушкине, на Лермонтове, Тургеневе. Вот под влиянием «Маленьких трагедий» сочинил недавно пьесу, под влиянием пушкинских сказок написал в стихах сказку про царевича Еремея. Хорошо, если бы со временем

стал Коля священнослужителем, может быть, даже архиереем. На этом поприще образованность литературная не только не помеха, а и дополнительное духовное богатство. Что же касается точных наук (арифметики, физики, химии, биологии), а также иностранного языка — помогут муромские подруги по гимназии. Образование всестороннее и церковь — отнюдь не исключают друг друга. Главное сейчас — спастись от высылки, от раскулачивания (господи, ну, какие же мы кулаки?!). Не дай бог, зашлют куда-нибудь в Сибирь или Среднюю Азию, в тайгу или пустыню, там уж не только не воспитать ребенка, но и выжить не удастся одинокой матери.

Каждое воскресенье водила Александра Ивановна Колю на могилки родных. Кладбище было за селом под сенью разросшихся дубов, берез, лип и вязов. В ограде Кородаевых возвышались обложенные зеленым дерном холмики, перед ними деревянные кресты, на них таблички: Кородаев Иван Андреевич, Прасковья Филипповна, младенец Дмитрий, девицы Мария, Наталия и годы их жизни. Наверное, были тут и еще могилки — родителей Ивана Андреевича, других родственников, но у Коли не отложилось в памяти.

Атмосфера вражды вокруг Кородаевых сгушалась. Каждую ночь ждали женщины, не пришлют ли за ними подводу, как к новосельским кулакам, и прикажут: соберитесь, с собой — самое необходимое. И повезут до Муром, до железной дороги, а по ней в телячьих вагонах в Сибирь, либо в Среднюю Азию, к казахам и киргизам.

Коля с детским энтузиазмом проникся ожиданием и по-своему готовился к путешествию. Сшил из куска цветастого ситца длинный узкий мешок, сложил в него самые важные книги: Библию в деревянном, обтянутом потемневшей кожей переплете (там был Псалтырь, и Новый завет, и все напечатано по-славянски). Том Пушкина, тетрадки со своими стихотворными сказками и трагедиями — подражания Александру Сергеевичу.

Александра Ивановна сложила в несколько картонных ящиков другие книги: сочинения Лидии Чарской, приложения к журналам «Нива» и «Пробуждение» — собрания сочинений Чехова, Бунина, Леонида Андреева, Куприна, и сами журналы за несколько предреволюционных лет. Каждую коробку, обвязанную шпагатом, отнесла к подруге, жившей на окраине села, неподалеку от кладбища, попросила сохранить до времени.

В конце концов Александра Ивановна рассудила: ждать злополучной подводки не стоит. Собрала плетеную ивовую корзиночку с вещами первой необходимости, распрощалась с сестрой и теткой, взяла за руку Колю с его узким мешочком, и после полудня отправилась через лес и поля к пристани Жайск, до которой было двенадцать верст. Вечерний пароход «Луначарский» доставил беглецов в Муром.

Погони не было.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ДОДУМАЛСЯ

У начальника отдела по работе с личным составом Старогорского управления исполнения наказаний майора Орлова Алексея Викторовича настроение было испорчено с самого утра. Войдя в свой рабочий кабинет, он в сердцах хватил о стол папку с присланным из главка примерным планом по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы Старогорской области и отрешенно уставился в окно. «И что это за должность-то такая? — раздраженно подумал он. — Как какие новые бумаги из главка присылают, так заместитель начальника управления по кадрам и воспитательной работе подполковник Петров Игорь Михайлович поручает заниматься ими именно мне! Как будто в управлении больше отделов не существует. Вот и с этим планом по созданию музея уголовно-исполнительной системы области опять же... Как только ни убеждал сегодня на оперативке подполковника Петрова, что в должности нахожусь всего несколько дней, что к инспекторской проверке нужно подготовиться, а я с текущими делами не разберусь, что для создания музея необходимо подключить ветеранов системы, а с ветеранами работает отдел кадров, — ничего не помогло. Давай, мол, Орлов, у тебя опыт работы в должности старшего инспектора отдела по воспитательной работе с осужденными большой, ты справишься. А будет трудно, мы тебе поможем.

Грустно так рассуждая, Орлов уселся за рабочий стол и начал просматривать папки с текущей документацией, записывая в рабочую тетрадь, что нужно сделать в первую очередь из накопившихся дел, доставшихся ему в наследство от бывшего начальника отдела майора Казакова Михаила Семеновича, переведенного с повышением на должность заместителя начальника колонии по кадрам и воспитательной работе одного из учреждений области.

Только Алексей Викторович начал вникать в различные учеты и отчеты, как дверь в его кабинет открылась, и на пороге появилась Тамара Аркадьевна Семенова, вольнонаемная сотрудница управления, назначенная два дня тому назад на должность начальника культурного центра управления.

— Здравствуйте, Алексей Викторович, — поздоровалась она, остановившись в дверях.

— Здравствуйте, Тамара Аркадьевна, проходите, что же вы в дверях стоите? — Орлов пригласил жестом женщину пройти в кабинет. — Ну, как в новой должности осваиваетесь?

— Какое там! — махнув рукой, сокрушенно ответила Тамара Аркадьевна. — Игорь Михайлович дал задание организовать по подразделениям смотр-конкурс художественной самодеятельности среди сотрудников, а я сижу одна в кабинете и не знаю, что делать. И спросить не у кого. Может, вы что-нибудь посоветуете?

— Вы, Тамара Аркадьевна, в первую очередь обзвоните все колонии и переговорите с заместителями по кадрам и воспитательной работе, они подберут и подготовят

сотрудников для участия в смотре-конкурсе, а когда вам будет известно точное число его проведения, дадите телеграммы в подразделения.

— Вы думаете, лучше заранее обзвонить? — явно робея, переспросила Тамара Аркадьевна.— Я, право, не знаю... может, лучше все-таки для начала направить телеграммы?

— Да вы не стесняйтесь. Начните с одиннадцатой колонии. Там, кстати, замом майор Казаков Михаил Семенович, мой предшественник. Он как никто другой понимает проблемы управления. Вот с него и начните. Попросите телефонистку, и она вас с ним соединит.

Поблагодарив за совет, Тамара Аркадьевна ушла, а Орлов вновь окунулся в бумажную работу. Вдруг ему в голову пришла замечательная идея. Он снял телефонную трубку внутренней связи и набрал три цифры.

— Петров,— глухо отозвалась трубка голосом заместителя начальника управления.

— Товарищ подполковник, это беспокоит Орлов,— четко представился Алексей Викторович.

— Слушаю вас, Орлов.

— Товарищ подполковник, прошу вас освободить меня от работы по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы области и поручить данную работу непосредственно по назначению.

— По какому назначению? Вы что, Орлов, решили мне по телефону загадки загадывать? Говорите яснее,— недовольно проговорил Петров.

— Игорь Михайлович, принимая во внимание, что в нашей стране музеи являются культурной ценностью государства, прошу вашего разрешения передать примерный план по созданию музея в культурный центр управления, а именно Семеновой Тамаре Аркадьевне.

— Не говорите ерунды, Орлов. Тамара Аркадьевна в должности всего два дня. Займитесь делом и не беспокойте меня по пустякам,— в трубке послышались короткие гудки.

Не добившись желаемого результата, Алексей Викторович, тяжело вздохнув, вновь погрузился в изучение документации. Пока два ответственных работника управления вели свой телефонный диалог, Тамара Аркадьевна, собравшись с духом, сняла зеленую телефонную трубку с надписью «коммутатор» вместо привычного диска для набора цифр и, услышав голос телефонистки, проговорила:

— Соедините меня, пожалуйста, с Казаковым.

Телефонистка по привычке послала зуммер в соседний с Тамарой Аркадьевной кабинет, где до этого восседал майор Казаков.

— Слушаю вас,— продолжая изучать документы, отозвался Орлов.

— Добрый день! Вас беспокоит начальник культурного центра управления,— услышал он строгий женский голос.

«Надо же какое совпадение?!» — обрадовался Орлов.

— Подождите, пожалуйста, одну минуточку,— проговорил он в трубку,— я сейчас позову нашего начальника культурного центра, и вы поговорите,— проговорил он и выбежал в коридор.

— Тамара Аркадьевна,— начал он с порога,— с вами хотят переговорить из главка и, представьте себе, тоже начальник культурного центра.

— Я не могу, Алексей Викторович, сейчас человек должен подойти,— проговорила Тамара Аркадьевна, указывая на трубку.

— Давайте, я послушаю, а вы бегите ко мне в кабинет. Трубка лежит на столе.

— Алло? — прозвучало в трубке спустя несколько секунд.

— Здравствуйте,— поспешно ответил Орлов.— Вы извините, но нашего товари-

ща срочно вызвали к другому телефону. Вы подождите минуту, только трубочку не кладите.

Алексей Викторович положил трубку на стол и вернулся в свой кабинет. Усевшись за стол, он взглянул на Тамару Аркадьевну.

— Что там? — спросил он, указывая на трубку.

— Попросили подождать минуточку.

Орлов понимающе покивал головой и вновь углубился в бумаги. Спустя минуту-другую он вновь взглянул на Семенову, которая с телефонной трубкой в руках продолжала стоять в ожидании.

— Тамара Аркадьевна, вы, наверное, успеете переговорить с колонией.

— А если не успею?

— Успеете, успеете, — успокоил ее Орлов. — У них одна минута, что час. Идите, а я, если что, поговорю, — проговорил он.

— Спасибо, Алексей Викторович! Не знаю, что бы я без вас делала...

Орлов взял телефонную трубку и прижал ее к уху, а сам стал перелистывать страницы очередной толстой папки.

— Алло! С вами говорят из культурного центра.

— Да что ты будешь делать! — в сердцах воскликнул Орлов. — Одну минуточку, подождите, я позову товарища.

Бросив трубку, он вылетел из кабинета.

— Тамара Аркадьевна, — замахал он руками, — идите быстрее! Москва на проводе, а я тут все объясню. — Он взял из рук Семеновой телефонную трубку.

— Алло! Вас слушают, — послышалось в трубке.

— Вы, пожалуйста, подождите! Наш товарищ разговаривает с главком. Сейчас он освободится, — Орлов положил трубку и вернулся в свой кабинет.

— Ну, как там Москва?

— С главком разговаривает, — прижав ладонью микрофон, проговорила Тамара Аркадьевна.

Орлов кивнул и уселся за стол. «С каким главком? Что за ерунда? — подумал он. — Как может главк разговаривать с главком?» И тут Орлов все понял. Он взглянул на Семенову, и чуть было не рассмеялся, но вовремя взял себя в руки. Ему в голову пришла идея, и хотя он прекрасно понимал, что она авантюрна, упускать такого случая не захотел.

— Елки-палки! — развел он руками. — Меня же подполковник Петров вызывал, — проговорил он и выбежал из кабинета.

— Алло! Это Тамара Аркадьевна? Наконец-то я вас услышал, — говорил Орлов измененным голосом, придав ему начальственный тон. — Тамара Аркадьевна, вам как начальнику культурного центра немедленно нужно заняться созданием музея истории уголовно-исполнительной системы. Отрадите в экспозиции, как она развивалась в вашей Старогорской области, какие задачи решали колонии в разные годы. Кстати, все областные управления данную работу уже завершили или завершают, а от вас нет никаких результатов. Это, Тамара Аркадьевна, не порядок. Отнеситесь к созданию музея со всей ответственностью.

— Вы извините, я в должности всего два дня...

— А вы не робейте перед трудностями. Кстати, кто у вас руководит отделом по работе с личным составом?

— Майор Орлов Алексей Викторович.

— Вот и замечательно. Обращайтесь к нему, он вам поможет. Желаю успеха, Тамара Аркадьевна, и жду результатов работы.

Когда Орлов вернулся в свой кабинет, Тамара Аркадьевна находилась в состоянии растерянности.

— Что главк? — весело спросил Орлов.

— Такое задание мне дали, не знаю, что и делать...

— У них всегда так, лишь бы приказать,— сочувственно проговорил Алексей Викторович.— А что за задание?

Тамара Аркадьевна рассказала Орлову, какую задачу ей поставил «главк».

— Да, против главка не попрешь,— проговорил Алексей Викторович, передавая Тамаре Аркадьевне папку с примерным планом по созданию музея истории уголовно-исполнительной системы области, от которой уже не надеялся избавиться.— Вы не переживайте, а будет трудно, я вам помогу.

Когда Тамара Аркадьевна вышла, майор Орлов Алексей Викторович потер от радости руки, открыл окно и улыбнулся теплому весеннему солнцу.

Яков Шафран
(г. Тула)

ТАКТ

Толик гордым взглядом окинул строй ребят. Все стояли строго по росту — мальчики и девочки от десяти до семи лет. Была середина весны, то время в апреле, когда снег уже весь стаял, ручьи талой воды все утекли в Брагинку, но солнце грело еще не по-летнему.

— В шеренги по трое стройсь! — скомандовал Толик, подражая учителю физкультуры, Василию Ивановичу, бывшему офицеру-фронтовику.

Ребята дружно исполнили команду — и маленькие и большие построились по росту в ровный прямоугольник. Видно было, что большинство из них делало это не первый раз. Но кое-кто был в этой игре новеньким.

— Слышь, Жор, а чего это он раскомандовался? Тоже мне, командир нерусский!.. — негромко, но и так, чтобы было слышно, прежде всего, Толику, сказал Сашка, и его закадычный друг, Витька, в ответ громко рассмеялся.

— Ну и что? — не одобрил Жорка, у которого мать была русской, а отец — наполовину белорус, наполовину немец, сын Марты Карловны, испокон веку жившей в поселке, до войны работавшей в школе учительницей немецкого языка, а при оккупации — переводчицей в комендатуре. Их семья год тому назад вернулась в родные места из ссылки. — Что с того, что не русский? Пусть командует, смотри, как малыши слушаются! — заступился он за Толю.

— Кому не нравится, могут уйти, — тихо сказал Толик. — Просто я с ребятами уже давно играю в армию. Думал и вам понравится.

— Нравится, нравится... Ладно, не обижайся, на обиженных воду возят... — примирительно заулыбался Сашка, которого ребята недолюбливали, зная, что он может сказать и так, и так.

— Взвод, вперед шагом марш! — скомандовал Толик и, по-военному повернувшись на сто восемьдесят градусов, повел колонну по улице. Они шли, по той ее стороне, где не было тротуара, а значит, и людей было меньше.

—левой, левой, левой! — командовал Толик, и ребята дружно маршировали в такт, выбивая ногами клубы пыли. Земля в поселке была песчаной, хорошо рожавшей картофель — основной сельскохозяйственный продукт Белоруссии.

— А кто тебя учил так командовать? Ведь твой отец не был на войне? — то ли спросил, то ли утвердительно заявил в спину Семка, родственник Толика. — Вот мой батяка был всю войну артиллеристом!

Толик вздрогнул, но, не сбиваясь с шага, ответил:

— Да, мой батя не воевал, он — инвалид...

— Ребята, хватит, а еще большие! — вступились за Толика соседские «малыши», которые души в нем не чаяли, так как мало кто из старших ребят водился с ребятами, что были моложе на два-три-четыре года.

— Так, все, Сашка, Семка, еще услышу, дружбе конец! — поставила точку На-

таша, их с Толиком одноклассница со сделанной из носового платка белой повязкой на рукаве, что означало — медсестра.

Отряд маршировал по улице, и прохожие дивились на то, что дети без взрослых так дружно и дисциплинированно делают это. Кто-то улыбался, шутил, а один дядька в прошлом, видимо, военный спросил:

— А куда армия выдвигается?

— Военная тайна! — с гордостью ответил Толик.

В это время громкоговоритель, что висел на столбе линии электропередачи, и из которого лились музыка и песни, замолчал, и через некоторое время из него раздались позывные. Все знали, что они означают какое-то важное сообщение. Отряд продолжал по инерции маршировать, но все ребята наострили уши.

— Внимание, внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! — громко заявил из громкоговорителя голос Левитана. — Передаем сообщение ТАСС о первом в мире полете человека в космическое пространство!

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич!..

Небывалая волна гордости и воодушевления объяла Толика. Судя по лицам и глазам своих «солдат», он знал, что то же самое чувствуют и все ребята. Напрочь испарились все мелкие обиды и недомолвки. Чем они были по сравнению с тем чувством, которое охватило ребят? Что это было за чувство, как его назвать? Они тогда совсем не думали над этим. Это уже потом, через годы, когда стали взрослыми, нашли слова о чувстве гордости за великую и такую родную страну, за небывалый в истории человечества народ. А тогда они шли четким строем, и такт отбивал уже не Толик или кто-либо иной, такт отбивало это невыразимое чувство, окрылявшее их всех, ракетой вздымавшее дух в беспредельные высоты неба, непередаваемо единившее их со всем вокруг. Они шли и сами не знали того, что в глазах их и на лицах светилась широкая открытая и обнимающая все и вся любовью улыбка человека, которого они тогда еще не видели и не знали, человека, имя которого они только несколько минут тому назад слышали. И такая же улыбка была на лицах встречных людей. Казалось, все вокруг, вся страна, весь мир теперь будет сиять этой улыбкой и обретет, наконец, счастье, которое уже ничто и никогда не сможет омрачить.

Олег Каширин

(г. Тула)

СТОГОВЫ

(Почти что документальный рассказ)

Мысль рассказать об этой фамилии возникла случайно. Попал в руки архивный материал. Да мало ли его приходит в руки... Но «всемирная паутина» выдала информацию, что Стоговы имеют непосредственное отношение к Белеву, который издревле состоит в составе тульских земель. Что ж, попробуем реконструировать события почти что вековой давности.

1923 год. Город Париж

— Николай Николаевич, рад вас приветствовать на французской земле! — слегка с напушенным доброжелательством произнес генерал Лукомский, шатен, сорока лет, среднего роста, с коротко стриженными и зачесанными назад волосами, но, уже, с легкими признаками будущей лысины на голове, подавая руку своему собеседнику. Лицо гладкое бритое. Пиджак модный, двубортный. Серого цвета. — Как поживаете?

— Господин генерал-майор, вы хотите от меня услышать то, что уже знаете? Извольте! — ответил Стогов, стесняясь своего чесучового мятого наряда.

— Не горячитесь, господин генерал-лейтенант, это — неизбежная, но обязательная процедура. Я, лично, вам — боевому офицеру, всемерно доверяю. Но, французская контрразведка не доверяет русским. А деньги на наше содержание выделяет их правительство... — Лукомский засмеялся, — Можно подумать, что мы не сможем откусить от этого пирога кусочек на личные нужды. Идиоты... Девочки стоят недорого...

Он закурил ставшую тогда в моде сигаретку, пришедшую из Северной Америки.

— Во-первых, я во Франции не первый год, — начал рассказывать Стогов. — Во-вторых, я был генерал-лейтенантом Генерального штаба. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Из училища вышел в Лейб-гвардии Волынский полк. По Генеральному штабу служил в Варшавском военном округе. С ноября девятисотого года занимал должность старшего адъютанта 17-й пехотной дивизии, а с мая первого — обер-офицера для особых поручений при штабе 6-го армейского корпуса. С сентября четвертого по март девятого — старший адъютант штаба Варшавского округа. В декабре тысяча девятьсот восьмого произведен в полковники, а в мае девятого назначен начальником отделения в отделе генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. На войну выступил начальником штаба Первой Финляндской стрелковой бригады. Осенью того же года был назначен командиром третьего Финляндского стрелкового полка. Награжден Георгиевским оружием в октябре тысяча девятьсот четырнадцатого года и орденом Святого Георгия — через год двадцать седьмого марта. С пятнадцатого октября был назначен начальником штаба Восьмой армии при генерале Каледине. А в революционный год — генерал-

лейтенант и командир Шестнадцатого армейского корпуса. В конце года — начальник штаба, а затем командующий Юго-Западным фронтом. Вот и все.

— Да, знаю, знаю все это!

— Тогда зачем спрашиваете? Теперь извольте меня выслушать! — повысил голос Стогов.— Так вот, в январе восемнадцатого года я вернулся с фронта в Москву, поступил в Красную армию и с мая по август 1918 года был начальником Всероссийского главного штаба.

— А почему вы пошли в Красную Армию?

— Мне было любопытно узнать, что из себя представляет новая власть.

— С Троцким встречались?

— А как же! Он же меня назначал на должность начальника генерального штаба Красной Армии. Это по старому определению.

— Понятно, понятно. Ваше мнение о нем?

Стогов засмеялся:

— Сразу отмечу не существовавшие проблемы с его национальностью. В нашем белом движении пытались использовать антисемитские мотивы, агитируя в Красной армии, но мы успеха не добились. Как рассказывали, один казак, когда его упрекнули, что он служит и идет в бой под началом жида Троцкого, горячо возразил: «Ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш... боевой... Русский... Наш!» Это одна из самых заметных личностей среди большевиков. После господина Ленина. По моей информации сейчас у него со Сталиным началась внутривнутрипартийная свара. Я не знаю Сталина, но уверен, что Троцкий для нас более опасен. Так их грызня только нам на пользу. Личность неординарная. Сверх амбициозная и упрямая. Ведь только благодаря его усилиям, человека ни дня, не служившего в армии, большевикам удалось создать свои вооруженные силы.

Лукомский удивился:

— Что вы имеете в виду?

— Вспомните, что весна и лето восемнадцатого года были для большевиков из ряда вон тяжеленнейшим временем. Все для них рассыпалось. Страна истощена. Разоренная, разрываема противоречиями. Как поддержать новый режим и спасти свою независимость? Продовольствия нет, армии нет! Железные дороги не функционируют. Всюду были заговоры против новой власти.

— Да, да, я помню,— согласился Лукомский.— Немцы захватили Польшу, Литву, Латвию, Белоруссию и значительную часть Великороссии. Псков — в немецкой оккупации. Украина — австро-венгерская колония. На Волге — чехословацкий мятеж. В самом деле, просто удивительно, как уцелели большевики...

— Согласен, удивительно,— кивнул головой Стогов,— но объяснимо. Троцкий прибыл на Волгу, когда пала Казань. Если говорить образно, у красных «почва была заражена паникой». Уже открывался путь на Нижний Новгород. А оттуда — на Москву. Но он смог вызвать из глубин России тысячи коммунистов. Да, они не владели оружием, но хотели победить во что бы то ни стало. Они влили в загнивающую армию новые идеи, новые «соки».

— Николай Николаевич, идеи идеями, но война принадлежит профессионалам!

— А вот тут Троцкому просто повезло. В то время на Восточном фронте находился полковник Вацетис.

— Это тот, кто командовал дивизией латышских стрелков?

— Совершенно точно, он. Это была единственная боеспособная часть, сохранившаяся от старой армии.

— Как понять? — не понял собеседник.

— Все просто. Теперь понятно. В дивизии были латышские батраки, рабочие, крестьяне-бедняки. Они ненавидели балтийских баронов. Вот эту ненависть исполь-

зовала наша власть в войне с немцами. Латышские полки были лучшими в нашей прежней армии. Так вот, после февральского переворота они почти что все пошли за большевиками и в Октябрьском перевороте сыграли большую роль. Шестого июля, в день мятежа левых эсеров вообще были главной силой, разогнавшей этих политических авантюристов.

— А сейчас?

— Не знаю. Поговаривают, что Троцкий его собирался сместить?

— Всякое говорят. Говорят, что он стал профессором Военной академии у Советской власти. Бог с ним! Мы все выбираем свой путь.

— А вы как оказались в аппарате Троцкого?

— Ничего удивительного. Вы же знаете, что Лев Давидович смог привлечь на сторону новой власти практически половину старших и высших офицеров Генерального Штаба. И не только Генерального штаба. Я был в их числе. Хотелось чего-то нового, свежего. Но все оказалось старым, как вся история человечества. Насилие, кровь...

— Тем не менее...

— В то же время с вехом генерала Алексева я активно участвовал в подпольной деятельности Национального центра под общим руководством Николая Николаевича Щепкина. Он руководил военной организацией Национального центра и вместе с полковником Ступиным возглавлял Добровольческую армию Московского района.

— Чай, кофе, Николай Николаевич? — Лукомский вопросительно посмотрел на Стогова.

— Если не трудно, чай, — кивнул головой Стогов.

Лукомский подошел к чайному столу, положил в заварной чайник щепотку черного чая и залил все это кипятком из урчащего самовара. Подождав несколько минут, он налил чай в широкую, расписанную под китайских мастеров чашку, и подал ее Стогову.

— Благодарю вас, генерал, — кивнул Николай Николаевич. И продолжил: — Потом меня перевели в государственный архив. Допрашивали в ЧК, отпустили. А в начале осени девятнадцатого года во время ареста руководителей национального центра я бежал из Москвы, в ноябре с большим риском перешел линию фронта и явился к генералу Деникину. Был сразу же назначен начальником по созданию укрепленной позиции в районе Ростова. А двадцать девятого декабря стал начальником штаба Кубанской армии. После отступления Кубанской армии на Черноморское побережье в марте двадцатого года я с частью войск прибыл в Севастополь.

— И как вы себя чувствовали вблизи барона Врангеля?

— Никак. Мы занимались совершенно разными делами.

— Да, да, я знаю. Вы все рассказали, как на допросе в ЧК.

— Вы совершенно правы, господин генерал-майор. Точно также я докладывал на допросе у чекистов. Только они про национальный Центр ничего не услышали. Поэтому и выпустили на волю. Предъявить было нечего. Кстати, господин генерал, среди них тоже есть люди разные. Есть и изверги, есть и высокие интеллектуалы.

— Да, Николай Николаевич, биография у вас, можно сказать, безупречная. По словам барона Врангеля, подобно адмиралу Кедрову, вы, генерал Стогов, оказались на высоте положения во время эвакуации из Крыма в ноябре двадцатого.

— Тут ходит много суждений о том времени, — пожал плечами Стогов. — Но у меня создалось впечатление, что Петр Николаевич с первых дней своего правления в Крыму готовился его сдать.

— Я не совсем вас понимаю! — удивился Лукомский.

— Я прибыл в Крым в марте, в конце мая назначен комендантом Севастополя и

командующим войсками тылового района. И, естественно, был ознакомлен с секретным апрельским приказом. Номер его не помню.

— Неважно,— отмахнулся собеседник.

— Так в том приказе было написано, что... Могу быть не точен... «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж и для перевозки, в случае необходимости, 60 тысяч человек в Константинополь». Вот так-то! Это в апреле!

— Не знал, не знал об этом. А сейчас?

— Барон Врангель — личность несомненно выдающаяся, но одновременно неоднозначная и противоречивая. Я обязан ему за то, что он пригнул меня в Крыму. Но со многими его поступками в то время не согласен. Я предан Белому движению, но никогда не буду оправдывать те грабежи и насилие, которое наша армия вытворяла в Крыму. Тогда Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше нагрabить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения. Во главе гарнизона стояли лица старого режима. Все сводилось к тому, чтобы отписаться: не им было справиться с наступившей разрухой.

Генерал Слащев рассказывал мне об одном любопытном случае. В поездах были беженцы. Узнав, что беглецы не только не получали за 3—5 месяцев жалованья, но не имеют и авансов для довольствия, он приказал задержать в тех же поездах людей казначейства с наличностью, сдать деньги в джанкойское казначейство, а последнему удовлетворить беженцев. Чтобы сократить процедуру операций, приказал выдать именно авансы, а ведомости и оправдательные документы требовать потом. Казначей долго не соглашались на такое беззаконие: как можно перенести из одной графы в другую цифры и удовлетворить части авансами без формальной требовательности ведомости, а только по ассигновке части?! А толкать людей на грабеж или голодную смерть можно. За такое распоряжение Слащев получил выговор от Деникина.

Можно сказать, что барон был отчасти и позером.

— Что вы имеете в виду?

— Перед самой погрузкой на пароход генерал Врангель вышел из дверей гостиницы одетый в серую офицерскую шинель с отличиями Корниловского полка. За ним его штаб, в том числе и я. Обходя фронт генерал Врангель остановился перед атаманцами и обратился к ним со ставшими теперь историческими словами: «Орлы! Оставив последними Новочеркасск, последними оставляете теперь и русскую землю. Произошла катастрофа, в которой всегда ищут виновного. Но не я и, тем более, не вы виновники этой катастрофы; виноваты в ней только они, наши союзники».

И генерал прямо указал рукой на группу военных представителей Англии, США, Франции и Италии, стоявших неподалеку от него.

«Если бы они вовремя оказали требуемую от них помощь, мы уже освободили бы русскую землю от красной нечисти. Если они не сделали этого теперь, что стоило бы им не очень больших усилий, то в будущем, может быть, все усилия мира не спасут ее от красного ига. Мы же сделали все что было в наших силах в кровавой борьбе за судьбу нашей родины...

Теперь с Богом. Прощай русская земля».

А о противоречиях генерала Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем я знаю. И буду на стороне последнего.

— Вот и отлично, Николай Николаевич. В эмиграции вы проживали сначала в Земуле, в Сербии, а затем переехали в Париж, где поступили рабочим на завод.

— Вы все знаете. Зачем спрашиваете? И теперь я нахожусь перед вами.

— Я хочу предложить Вам сотрудничество при Великом Князе Николае Николаевиче.

— Я уже сказал, что согласен.

— А что с вашей семьей, господин генерал-лейтенант?

Стогов помрачнел.

— Ничего не знаю. Только одно известно, что в девятнадцатом расстреляли в Москве мою жену. За что? Я этого тоже не знаю... Она поехала в Москву в поисках нашего сына. А я уже был в бегах... — Стогов обреченно махнул рукой.— О судьбе дочерей тоже ничего не знаю.

1923 год. Город Белев, Тульская губерния

Стогова Екатерина Николаевна, родилась 21 октября 1895 года.

Проживает в городе Белеве на Монастырской улице в доме Василькова. Из дворян, дочь генерала. Девица. Беспартийная. До Белева проживала в Гельсингфорсе, Петрограде, при родителях.

— В мае 1917 года вы выехали в Москву и с октября 1919 года находитесь в Белеве. Вы не судимы.

Уполномоченный отдела ОГПУ в городе Белеве Леша Киреев, парень двадцати двух лет, румяный от природы, и с четырьмя классами церковно-приходской школы, абсолютно уверенный в своей правоте, обозначенной час назад его начальником, производил допрос.

Киреев уточнил:

— Я правильно изложил ваши данные?

— Успокойтесь и не нервничайте, господин чекист.

— Гражданин...

— Гражданин. Не возражаю.

— Еще бы! Так что вы можете рассказать на мои вопросы?

— Сестра моя Надя уехала в Москву в среду на второй неделе после поста с целью продать две ценных иконы, принадлежащих нам лично. Причем, сестра намеревалась продать эти иконы именно в Москве, потому, что там можно продать подороже.

Надежда по почте прислала мне письмо, в котором сообщала, что свидание с сестрой получится, на что таковое ей обещают дать через неделю. Она, поэтому, постарается захватить в Тулу на обратном пути из Москвы. Вчера, то есть 14 марта, я получила второе письмо по почте, в коем она сообщила, что за иконы дали очень дешево, то есть по одному миллиону. Приедет она в Белев в пятницу 16 марта или во вторник. Останавливается моя сестра у бывших наших знакомых — Ускова Константина Михайловича.

— Назовите адрес.

— Он проживает в Туле по адресу: Обуховский переулок, дом номер семь.

Из писем моей сестры мы получили три письма. Причем два из них написаны на нашу квартиру, а одно — на квартиру Веденских с передачей Надежде Николаевне. Без фамилии.

Во время германской войны мой отец Николай Николаевич Стогов как генерал все время находился на фронте, мы же, дети, вместе с нашей мамой Екатериной Тихоновной проживали в Петрограде. В мае восемнадцатого года вся семья наша переехала в Москву, так как папа был назначен на службу в Москву, кажется во Всероссийский Главный штаб в качестве начальника. Мы проживали на Смоленском бульваре в доме номер восемнадцать, в особняке. В Петрограде у нас осталась квартира с обстановкой, каковую не взяли в Москву, предполагая, что в Москве мы будем жить временно. В этом же году папа был переведен в какой-то военный архив, но в какой, не знаю. В конце восемнадцатого года мой отец был арестован, но за что именно, не знаю, а равно не знаю, кто арестовал. Он сидел в Бутырке недели две, а

потом был освобожден. Вторично мой отец был арестован, кажется, в начале девятнадцатого года. Причем, как в первый, так и во второй раз у нас в квартире был произведен обыск. Кем именно, я не знаю. После ареста отец был направлен в Бутырскую тюрьму, а потом в лагерь, откуда после работы он иногда посещал нашу квартиру. Таким образом он просидел в заключении примерно месяцев пять. Припоминаю, что в девятнадцатом году, кажется в августе месяце, мой брат Николай отправился к знакомым Щепкиным, проживающим в Неополинском переулке за продуктами для больной сестры, откуда почему-то долго не возвращался. А потому за ним пошла мама, которая, как мы уже узнали после от приблизительно недели две как вернувшегося из тюрьмы брата Николая, была арестована вместе с ним. После этого мама уже не вернулась. Сестра Татьяна ходила справляться о ней на Лубянку, но там ничего не говорили. И уже по приезде в Белев Таня сказала, но кем именно, не говорила. В день ареста мамы папа был у нас дома, но после этого не приходил ни разу. После того, как расстреляли маму, мы, то есть сестра Татьяна, Надежда, Ольга, я и брат Николай поехали к тетке — папиной сестре Лукерье в Белев. Туда поехали под фамилией Санины, присвоив себе девичью фамилию матери. По чьей инициативе мы сменили фамилию, я не знаю. То ли Татьяны, то ли нашего дяди. Не знаю. У дяди мы жили до лета двадцать первого года. После этого начали жить под фамилией «Стогов». Почему Таня решила вернуть назад фамилию, я точно не знаю.

В конце двадцать второго года мой брат Николай ездил в Петроград и в Москву устраиваться учиться. Попутно с этим он навел справки о папе. Удалось узнать от мужа моей сестры Тани Иванищева Герасима Дорофеевича, проживающего в данное время в Москве и служащего в московском географическом обществе.

— Где живет?

— Точного адреса не знаю. Он сообщил о том, что папа находится в Сербии. Но точны ли эти сведения, я утверждать не могу. У сестры Татьяны, ныне арестованной, адрес Иванищева есть. Но где он теперь, я не знаю. Поясняю, что приблизительно через неделю или две после ареста мамы один из наших знакомых Бениваленский Валентин Ефимович...

— Его адрес?

— Он проживает в Москве, угол Смоленского бульвара и Пречистинки в большом доме в квартире номер сто или сто с чем-то. Он передал нам от папы, чтоб мы все продавали и передал от него восемь тысяч денег. Об этом он сказал сестре Наде, а она нам. Бениваленский говорил, что встретил папу в концентрационном лагере. Папа из лагеря убежал и приблизительно с месяц проживал на станции «Сходня» у своего родственника Крымова Дмитрия Васильевича. Под какой фамилией он жил, не знаю.

— Откуда вам это известно?

— Эти сведения мой брат Николай получил от Крымова, который живет в настоящее время в городе Богородске и служит учителем. Он рассказал брату, что со станции «Сходня» папа бежал в Крым к белым. Потом сестры между собой говорили, что потом он бежал в Константинополь. Откуда им стало это известно, не знаю. После этого, вплоть до сообщения Иванищева никаких сведений о папе мы не получали. От него весточек тоже не было никаких. С Крымовым со станции «Сходня» мы не переписывались. Только Николай один раз с ним встретился. От жены Крымова Лидии Владимировны мы действительно получили недавно двести миллионов рублей, но через брата Николая.

— Вы давно знаете Садовского?

— А с Садовскими мы познакомились только в Белеве. Ранее их не знали. Николай нас ободрял и говорил, чтобы мы не падали духом. Сестра Надя должна быть у Садовских. Жене Чижова о побеге папы и его похождениях я не говорила. Может быть, говорила Татьяна. Говорил ли мой брат своему товарищу Олегу Чижову, я не

знаю. С Добариновым Николаем Ильичем мы знакомы и находимся в хороших отношениях. После ареста Татьяны вторая сестра Надежда ходила на квартиру к Добаринову и просила его отнести в тюрьму сестре посылку. Он это охотно исполнил, так как ехал в Тулу работать в Рабкрин. Просила ли его Надежда поспособствовать освобождению сестры, я не знаю. Екатерина Филипповна, прислуга Игнатия Садковского, мы знаем, но у него на квартире она не бывает. О том, что Георгий Садковский — белый офицер, я узнала от Татьяны. Она говорила мне, что Георгий был арестован, бежал и скрывался. Но, где был арестован, за что и когда, не знаю. Татьяна таких подробностей мне не говорила.

1923 год. Город Париж

Генерал Лукомский внимательно смотрел на Стогова. И, когда молчаливая пауза затянулась, он произнес:

— Господин генерал, Николай Николаевич, не обижайтесь. Я лично вам верил и верю сейчас. Ваша биография говорит обо всем. Но, приходится соблюдать этот формальный ритуал.

— Да, все я понимаю,— отмахнулся Стогов.— Что вас еще интересует?

— Больше ничего. Только личное любопытство. Честно говоря, не знал, что вы — уроженец Белева. Казалось, что вы — москвич или петербуржец.

— Я — наследственный дворянин.— Стогов рассмеялся: — Господин генерал, вы не первый, кто так думал. Уж до чего проницателен был покойный генерал Брусилов... Преклоняюсь перед его полководческим гением!

— Я тоже. А Вас не смущает, что он перешел на сторону большевиков?

— Я — идейный сторонник Белого движения, но знаю одно. Он — честный и порядочный человек. Для меня этого достаточно. Его поступок — дело его убеждений. И я его не осуждаю.

— Конечно, конечно,— согласился Лукомский.— Да вы пейте, пейте чай. А то он совсем остынет. Вы как-то скромно сказали о вашем участии в карпатских боях пятнадцатого года, когда пал Перемышль, эта грозная крепость.

— Да, пала. Но какими усилиями и потерями далась эта победа! — Стогов замолчал, вспоминая события тех лет. Потом грустно произнес: — К началу зимы четырнадцатого-пятнадцатого годов положение наших войск ухудшилось: помимо нехватки боеприпасов и продовольствия наша восьмая армия начала страдать и от холода — в горах выпало много снега, ударили морозы. Войска оставались в летней форме, а интендантство фронта не проявляло необходимой распорядительности. Хуже всего было с сапогами. Между тем Алексей Алексеевич запрашивал соответствующие инстанции еще в сентябре, но получил ответ, что теплые вещи направляются в первую очередь войскам Северо-Западного фронта — там зима, мол, суровее и наступает раньше. Но в горах, как известно, зима приходит рано и бывает лютой. Не ожидая, когда интендантство позаботится, Брусилов распорядился по собственному усмотрению закупать в тылу теплые вещи и немедленно доставлять их прямо на позиции. Господи! Что только тогда пришлось пережить!

— Извините, Николай Николаевич, а за что вы тогда в марте пятнадцатого получили орден Святого Георгия? Не всем его давали.

— Все просто, господин генерал,— улыбнулся Стогов,— за то, что «лично повел свой резерв» в контратаку, когда германцы заняли высоту девятьсот девяносто два на Козиовской позиции на Карпатах. После этого меня назначили генерал-квартирмейстером Восьмой армии. Вот откуда я и знаю обо всех наших тыловых трудностях.

— Надо жить настоящим, Николай Николаевич!

— Согласен. Будем трудиться.

P.S. Судьба генерал-майора Н. Н. Стогова общеизвестна. В 1928 г., после смерти генерала Врангеля, генерал Кутепов стал председателем Российского Общевоинского Союза. Он назначил генерала Стогова начальником военной канцелярии РОВСа. На этой должности генерал Стогов оставался и после похищения Кутепова советской контрразведкой при генерале Миллере до лета 1934 г. В 1934 г. генерал Стогов возглавил Общество офицеров Генерального штаба в Париже и до конца жизни посвящал ему много времени и сил. Одновременно возглавлял Объединение офицеров Лейб-гвардии Волынского полка в Париже. Сведений о сотрудничестве с нацистами во время оккупации Франции нет, а после Второй мировой войны был избран почетным председателем Союза российских кадетских корпусов, а также Союза Георгиевских кавалеров. Скончался 7 декабря 1959 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

А вот о судьбе его семьи, оставшейся в России после 1923 года практически ничего не известно. Следователь ОГПУ А. Киреев допрашивал сестру Е. Н. Стоговой Надежду, но та ничего нового о своем отце сообщить не могла. Судьбы брата Николая и старшей сестры Татьяны также неизвестны. А вот, о Екатерине поговаривали, что она вышла замуж за того самого следователя ОГПУ Лешу Киреева. Того, якобы за это уволили из ОГПУ, и их следы затерялись на бескрайних просторах России.

Олеся Янгол
(г. Тула)

Творческий псевдоним — Олеся Янгол. Родилась и проживает в городе Тула. Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках.

Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатська вежа» вышло две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а так же оформлена обложка «Мантрицы 2»

«Литература — это крылья, помогающие подняться над действительностью, окинуть эту действительность взором, и по возможности правдиво облечь в слова».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Рано еще, темно. Рядом спит братишка, потирает нос кулачком, улыбается во сне. А я еще совсем маленькая девчурка, мне четыре годика, а брату, шесть, седьмой. Ему осенью в школу, в мамину. Это там, на горе, рядом с сельским магазином. Мы бегаем туда каждый день через колхозный сад с Володею и его дружкой Яшею. Забираемся на завалинок и заглядываем в классы. В классах сидят ученики и что-то пишут, а наша мама рассказывает им уроки и пишет на доске. Я, когда вырасту, тоже стану учительницей, как мамочка и как папочка. Только папа работает в другой школе, в другом селе. В Мотовиловке. Он ездит туда на велосипеде. Я была там два раза, папа возил меня и Володю. Там школа больше маминной. В ней два этажа и много классов, много учителей и учеников. А папа мой директор, он в школе самый главный.

Сквозь печную шторку я вижу, как суетится наша бабушка Саша. Она носит воду в кадущку, режет хлеб, разливает по тарелкам вчерашний борщ.

— *Доню, Миколо, сідайте снідати* (1), — завет она моих родителей.

Мамочка моя самая красивая. У нее толстая черная коса вокруг головы, а на шее красные бусы. Она иногда разрешает мне их надевать, а когда я вырасту, то отдаст мне насовсем.

А папочка мой сильный и высокий, и самый лучший. Он никогда меня не ругает, иногда только Володю, когда тот начинает меня дразнить.

Я бегаю за Володей и Яшей целыми днями. Куда они, туда и я. Мы друзья. Мы играем в войну, и я всегда бываю медсестрой, но иногда мне хочется быть солдатом. Только Володя с Яшей не разрешают. Они говорят, что девочки должны быть медсестрами.

— *Мамо, мамусю,* — зову я сонным голоском.

— *Спи донечку, спи. Рано ще* (2).

Мама встает на лавку и гладит наши головки. Целует наши лобики, и я проваливаюсь в сон.

Рано еще. Темно.

— Володя, куда вы? Я с вами! — бегу я за братиком.

— Отцепись Надюська, мы на ставки. Тебе туда нельзя, мала еще,— оборачиваясь, кричит на бегу Володя.

Я не отстаю, я упрямая. Володя встречает Яшу, и они припускают от меня через канаву. На гору, к водонапорной башне. Я падаю, раздираю коленку в кровь и реву. Не из-за боли, а от обиды. Противные мальчишки. Кто-то поднимает меня на руки. Это моя бабушка. Обнимает и несет обратно, в хату.

Моя бабушка высокая, высокая, и худая. У нее такие длинные платя, что я в них утопаю. Она всегда носит платок на голове, а под платком длинная белая коса. Мама говорит — не белая, а седая. *Бабиця* (3) наша старенькая. Самая добрая, самая любимая. А дедушка, на портрете в третьей комнате. У него длинные усы и орден на груди с крестом. Он офицер. Я его никогда не видела, потому что он пропал без вести. А *бабиця* Саша за ним убивается. Она иногда тихо-тихо, сядет на стул под портретом и поет жалную песню. Только чтобы никто не видел, когда родители на работе. А мы с Володей во дворе. Я иногда тихонечко зайду в темный коридор, и хотя мне бывает страшно, заморожено слушаю бабушкину жалную песню. А она там поет, про *дiда Сергiя* (4), про то, как злые люди их разлучили. Про *Гурал* (5) поет, про холод и голод, про маму мою поет, про то, как они, вдвоем с Урала шли пешком в родное село. Наконец, мне делается очень жалко бабцю, я распахиваю дверь в комнату и из темного коридора бегу к ней, обнимаю, прижимаюсь.

— *Бабиця* Саша, не плачьте, я вас сильно люблю.

Ну и пусть их бегут, эти мальчишки, а я с кролями играть буду. Открою клетку, достану за уши своего любимчика Белянчика, выпущу на травку и бегаю за ним. Нарву клевера, покормлю, поглажу. А иногда, заверну в пеленку и баюкаю, как своего ребеночка. А Володя всегда смеется и дразнится и зовет меня — Надюська-бабуська. Но я на него не обращаю внимания, ничего он не понимает, хоть и старше меня, почти на три года.

Обедаем мы в хате, сидя за высоким столом на деревянной лавке. Лавка такая гладенькая, что кажется мне мягкой, как перина. Я люблю гладить резную спинку, проводить пальчиками по узорам, дырочкам, квадратикам. Лавка наша пахнет по особенному, теплым *бабициним хлiбом* (6) и молоком. Мое место, в самом углу. За спиной, на полочке, папины тетради и наши с Володей, зеленые тетрадки с рисунками. И много всяких папиных книг и газет. Это мое самое любимое место в хате. В плохую погоду я часто забираюсь на лавку. *Бабиця* зажигает масляную лампу и становится тепло и уютно, хотя за окном моросит дождик или дует сильный ветер. Володя садится рядом, раскладывает тетрадки и карандаши, и мы начинаем рисовать. Писать я еще не умею, а Володя уже знает много слов: его вечерами учит папа. Он уже умеет писать слово «*Лiтак*» (7). Сначала он рисует самолет, а потом очень красиво пишет. Я прошу, чтобы научил меня, и он становится серьезным и, как папа, показывает мне буквы. Я пытаюсь писать, как он, но у меня получается все наоборот. Володя смеется и бежит показывать маме. А мама в комнате за столом, проверяет тетради. Она подходит ко мне и видит, что я дуюсь и вот-вот зареву.

— *Не плач, доню, ти ще маленька, а вже так гарно пишеш. Розумничка! Дивись, я навчу тебе, як писати слово «зошит»* (8).

Она медленно пишет каждую букву, а я повторяю за ней. Получается красиво, хотя и немного криво. Но я горда и этим.

— *Надюська-чиплюська! Надюська-чиплюська!* — дразнятся ребята и убегают от меня в поле, к собранным стогам.

Я бегу вслед, теперь уж от вас не отстану. *Хлопчики* забираются на самую верхотуру.

— Давай прыгать! — кричит Яшка.

— Будешь нам посадочную площадку строить? — примирительно предлагает Володя.

Я с радостью тут же забываю обо всех обидах и начинаю снизу таскать сено. Укладываю ровно крест-накрест, чтобы прыгать было мягче.

— Я, когда вырасту, летчиком стану! — радостно кричит Володя и прыгает вниз.

— Я тоже! — повторяется Яшка.

Он всегда за Володькой повторяется. Что мой брат, то и Яшка.

— А я учительницей буду, — важно заявляю я, но ребята меня не слышат, они уже бегут на дорогу, там дядька Степан гонит лошадей. Я лошадой боюсь, они могут копытом ударить, и забираюсь на стог, повыше. Я вижу, как дядька Степан сажает по очереди Володю и Яшу на коней, и те бесстрашно скачут по полю. Вот бы и мне так. Мне становится грустно и скучно одной, но я не слезу со стога, пока не пройдет весь табун.

Сегодня *свято* (9), и мы идем в гости. *Бабця* с мамою с вечера намыли нас, мы просыпаемся чистые и душистые. Мои волосики, как пух вокруг головы. Мне нравится любоваться ими, и я бегаю в спальню к родителям, забираюсь на диван и дивлюсь в зеркало на свою темно-каштановую копну.

— Мама, когда я вырасту, у меня будет такая же коса как у вас, — доверительно шепчу я ей.

— *Ще краще буде, красуня моя* (10).

Мама расчесывает мои волосы и делает две тонюсенькие косички. Вплетает красные, шелковые ленточки и завязывает банты.

Как красиво!

Я, одетая в новое платьице, перешитое бабушкой из своей блузки, синее в белый горошек, представляю, что принцесса, и аккуратно сажусь на лавочку во дворе.

Володя на меня сегодня не дразнится, он сам одет в белую рубашку и синие новые брючки. Видно — чувствует себя неуютно и крепко помнит родительское предупреждение — не бегать и не мазать одежду. Он садится рядом и ждет родителей.

Мы молчим, но каждый из нас в предвкушении праздника. Это значит угощение, сладкая газировка и даже, может быть, шоколадная конфета. Мы идем к Яшиным родителям, а Яшка вчера говорил, что папа ездил далеко, в Житомир, и привез оттуда большую, красивую коробку. Может там конфеты?

Наконец, мама и папа вышли — красивые и нарядные. У папы в руке сумка, а в ней сладкие вафли. Вчера бабця, целый день их пекла.

Через канаву папа переносит меня на руках, а Володя аккуратно обходит грязь. Он, украдкой смотрит на родителей: «Видите, какой я сегодня послушный», а так хочется побежать, скинуть непривычные сандалии.

— Добрый день! Доброго здоровья!

Соседи, тоже красиво одетые, раскланиваются с нами.

— Какой *хлопчик* у вас большой, Николай Иванович! Скоро в школу? И Наденька уже большая!

Я радостно краснею и крепче обнимаю папу за шею.

За столом мы весело толкаемся ногами с Яшей. Я внимательно прислушиваюсь, о чем переговариваются мальчишки. Они хотят после обеда побежать на *ставки* (11). От Яшки до *ставков* ближе, поэтому я решаю, что побегу за ними, даже если они меня с собою не возьмут.

Взрослые ведут свои неинтересные беседы, а мы уже наелись и нам не терпится

на улицу. Наконец, Яшин папа разрешает. Ребята вскакивают с мест и стараются убежать без меня. Но Яшина мама говорит:

— Надю с собой возьмите. Далеко не бегайте, еще чай не пили.

Вот так то! Я торжествую, а мальчишки, насупившись, берут меня за руки.

— Мы на *ставки*, — шепчет Володя, — родителям не говорить!

— Хорошо! — торжественно обещаю я.

Здесь совсем недалеко. Можно через кладбище, так еще быстрее. И мы бежим по пыльной дороге, что есть духу.

На кладбище совсем не страшно. Там высокая трава, много цветов, а еще солнышко светит. Но я все равно беру Володю за руку, мало ли что. Мы пулей пронесимся по узкой тропинке, стараясь не смотреть на фотографии на памятниках. Ух, аж дух захватило! Мне хочется сказать, что обратно пойдем в обход, но я молчу, а то ребята будут дразнить меня трусихой.

На *ставках* хорошо! Можно искупаться, поваляться на песочке. Мальчишки уже ныряют, а я осторожно мочу пятки в теплой прозрачной водичке.

— Здравствуй, Надюська! — ко мне подходит старенький дед Иван. Он наш родич. Моего деда Сергея, брат. Он часто ходит до нас в гости и всегда приносит сахарные тянучки, которые готовит тетя Марийка, его дочка.

— Вот я, сейчас тебе раков дам. Смотри сколько наловил!

Дедушка раскрывает травяную подстилку в корзинке, и я вижу, как раки копошатся на дне, шевелят клешнями, наползают друг на друга.

Мне боязно, но сказать об этом стыжусь и заворожено смотрю на этих страхолюдин.

Володя с Яшей, все мокрые, радостные, подбегают к нам.

— Ух ты, раки! — радуется братик.

— Ну-ко, я вам в пакет сейчас насыплю.

Яшка с Володей бесстрашно держат пакет, переминаются босыми пятками, и подмигивают друг дружке.

— Во, наварим! — говорит Яшка.

— Привет родителям передайте, — говорит дедушка, — *бабце* Саше скажите, завтра зайду.

Мы благодарим, и я начинаю одеваться. Вот здорово! Наварим раков, отнесем родителям. Всех угостим!

По дороге домой случается неприятность. Яшка посадил на мое платье рака. Когда я заметила, то начала сильно кричать. Яшка засмеялся, а Володя, напротив, стал успокаивать меня и отцеплять рака. Тот впился в платье клешнями крепко, и никак не отставал. Я, вся в слезах, сижу в траве. Яшка перестал смеяться, наверное, понял, что сделал глупость. Он начал помогать Володе и неуклюже гладил меня по голове.

— Не плачь, Надюська, мы враз его отцепим.

— Давай палочку в клешни засунем, — предлагает Володя.

Нашли палочку, подсунули под клешню, тогда только отцепили. Но тут, я увидела на платье огромную дырищу и громче прежнего залилась слезами.

Володя с упреком посмотрел на друга, тот совсем сник и готов был сам расплакаться.

— Не плачь, — обнял меня братик, — я так зашью, что никто не заметит.

Мои косички совсем растрепались, глаза краснющие, как ленточки в волосах. Мне так было горько оттого, что платье это шила *бабця*. Она распоролла свою самую красивую шелковую блузку. Она так старалась, и вот теперь все пришло в негодность. Мне совсем даже не страшно было, что могу получить ремня от папы. Я плакала от того, что *бабця* Саша огорчится, а я так сильно ее любила.

Наказали Володю и Яшу. А мне дали целый пакетик шоколадных конфет.

Мама несла меня до дома на руках. А папа шел впереди с Володей и молчал. Он ничего не сказал братику, только внимательно и грустно посмотрел в глаза. Я знаю — для Володи это было самое страшное наказание. Я уже забыла за платье и плакала за Володю. Мне так было его жалко, он же совсем не виноват. А мама утешала меня:

— Ничего *доню*, я такую заплатку поставлю, ни один человек швов не разглядит. Будет твоё платье, как новое!

— У-у-у, — хнычу я горько, — жалко!

— Не плачь, дитятко. Ну, что тебе жалко?

— Воло-о-о-дю жалко!

Мамуся остановилась, глянула на меня внимательно, внимательно. Улыбнулась, крепко обняла, поцеловала и поспешила вперед, за папой и Володей. Она обняла моего братика за плечи и искоса глянула на папу. Тот промолчал, а Володя перестал хмуриться.

А папа сказал вдруг:

— Давайте раков сварим? Возьмем с собой *бабцю*, и на нашем поле костер разложим.

— Давайте! — радостно воскликнул Володя.

— Ура! — крикнула я, и раздала всем по конфете. А две оставила *бабці* Саши. Хоть она их и не ест, я все равно подарю.

Перевод с украинского:

- (1) Дочка, Николай, садитесь завтракать.
- (2) Сти доченька, сти. Рано еще.
- (3) Бабушка
- (4) про деда Сергея
- (5) Урал
- (6) бабушкиным хлебом
- (7) Самолет
- (8) Не плач, доченька, ты еще маленькая, а уже так хорошо пишешь. Умница! Смотри, я научу тебя, как писать слово «тетрадь»
- (9) праздник
- (10) Еще лучше будет, красавица моя.
- (11) пруд

...И ПОЛИЛАСЬ МУЗЫКА

Сон, приснившийся во время болезни.

Почти киносценарий цветного фильма, главную роль которого, мог бы сыграть Евгений Леонов.

(А может быть это даже предыстория к фильму «Старший сын»).

Эксцентричная комедия со счастливым финалом.

И вот он, главный театр большого города. Весна, чирикание воробьев, светлые фигуры спешащих прохожих, все это придало смелости маленькому, в меру упитанному человечку средних лет. И он, зажав покрепче подмышкой свой выдавший виды коричневый портфельчик, взбежал по ступеням театра. Высокие потолки вестибюля и величественные колонны чуть было не отобрали едва набравшуюся в нем смелость, но сбегавшая со ступенек веселая гурьба детворы вновь вернула уверенность, и человек с храбрым видом сдал свою шляпу гардеробщику.

— Мне к директору театра, — громче, чем хотелось, произнес он.

Гардеробщик с видом хозяина бесцеремонно осмотрел дешевенький костюмчик человечка. Хмыкнул при виде стареньких ношеных ботинок. Но, оценив всю фигуру целиком, — видимо упитанность человечка благотворно повлияла на оценку гардеробщика — молча, указал рукой на широкую лестницу с витыми перилами.

Кабинет директора за высокими деревянными неприступными дверьми. Перед кабинетом за письменным столом не менее неприступная секретарша.

— Мне к директору театра, — уже не так громко, скорее даже тихо произнес человек.

Секретарша с красными губами и величественным бюстом принялась так же бесцеремонно, как и гардеробщик, осматривать вошедшего. По всей видимости, она была дочерью гардеробщика или, во всяком случае, ближайшей родственницей, потому что на ее лице промелькнули один за другим те же выражения, которые мелькали и у гардеробщика. Упитанность человечка победила, и секретарша, связавшись с директором, молча, указала рукой на неприступную дверь. Человек пригладил свои редкие уже волосы, поправил галстук, пощупал выдавший виды портфельчик и решительно подошел к двери. Дверь действительно оказалась неприступной. С первого раза открыть ее не удалось, пришлось упереться ногами в пол и собрать все свои силы. Нехотя и даже со скрипом дверь все же поддалась ипустила человечка в недра кабинета.

Кабинеты директоров, хотя и разные на вид, все имеют одно и то же свойство. Свойство подавления. Откуда берется это свойство, человечку было невдомек. Может им специально пропитывали стены и потолки? Вот и сейчас это свойство окутало с ног до головы человечка, и он в нерешительности остановился. Директор, сидящий за массивным деревянным столом, что-то писал. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял свою директорскую голову. Его взгляд стремительно и профессионально оценил внешний вид человечка, но, даже дойдя до упитанности, не потеплел и не стал благодушным.

— Что у вас? — спросил директорский голос.

— Вот, — нерешительно протянул человек свой выдавший виды портфельчик, — «Весенняя симфония»

— Какая еще «Весенняя»? — вскочил с кресла директор. — Вы что, не знаете, что у нас сегодня премьера «Зимней сонаты»? Вы что, не видите, какие идут приготовления в театре? Вы что, не в курсе, что я занят по самые уши? А вы суете мне в нос вашу «Весеннюю». Мы еще «Зимней» не отыграли! Вон!!!

Гулкое эхо пронеслось по всему театру, и даже монтажники, крепившие декорации в зале бросили свой кефир и принялись монтировать сцену.

Человечка вынесло из кабинета силой звука, и он побежал, не разбирая дороги. А кругом суетились люди. Они сталкивались друг с другом, здоровались или ругались, кричали или смеялись, торопились. Залы и коридоры театра готовились к премьере «Зимней сонаты».

Премьера обещала быть грандиозной. Шутка ли, готовились всю зиму. Новейшее оборудование, фантастические декорации, громкая рекламная акция. У человека от суеты голова пошла кругом, и он, отрешившись от толпы, поплелся вниз. Мимо несли что-то огромное и блестящее. Сразу несколько рабочих поддерживали многогранную звезду. Ее длинные острые лучи заняли весь проход, и человека оттолкнули к стене. Но у стены несли что-то еще, и человека снова оттолкнули. Он, балансируя, развел руки пытаясь удержаться на крутых ступеньках, но кто-то вновь толкнул, и человек покатился вниз. Внизу сел на мраморный пол, потер свой разгоряченный лоб и вдруг понял, что у него чего-то не достает.

«Мой портфельчик!» — пронеслось у него в голове.

Человек вскочил, посмотрел наверх и увидел, как его выдавший виды старый кожаный портфель, зацепившись за один из лучей, покачивается на звезде.

— Моя симфония! — нерешительно крикнул он.

Но его никто не расслышал. Люди поднимались и спускались, спешили, торопились, толкались. Премьера через несколько часов, а еще столько нужно сделать.

Человек собрав все остатки своей решительности принял решение пробираться наверх. Он даже начал действовать локтями и на середине пути подумал, что все же, иногда, локти бывают полезны. Он снова на втором этаже, но звезда скрылась за поворотом. Пришлось вновь бежать и лавировать, обходя встречных и поперечных. Звезду внесли за какие-то огромные двери, но дверей так много, что вспомнить за какие, человеку сложно. Он вбегает в первые, и натывается на монтажников. Те вновь кидают свой кефир и принимаются неистово стучать молотками. Человек бежит дальше. Помещения с непонятными перегородками, веревками, рычагами, колесами и шестеренками. Весь этот лабиринт незаметно затянул в себя, и найти выход уже невозможно. Он лихорадочно бежит туда-сюда, и выбегает на длинный балкон. Перед ним раскрывается театр. Это огромная раковина из золота и красного бархата. Шикарные кресла с витыми подлокотниками каскадом спускаются вниз. Внизу, озаренная ярким светом рампы — сцена, по которой бегают люди. Еще ниже, перед сценой оркестровая яма. В ней уже идет репетиция сонаты. Гавоты, гобои, тромбоны и трубы играют вразнобой. Эта какофония словно служит музыкальным оформлением к общей суете. И вот, человек видит звезду. Ее принесли на сцену. Она сияет своими лучами, а наверху, на самой ее верхушке покачивается выдавший виды старенький портфельчик.

— Мой портфельчик! — кричит человек и, рискуя сорваться вниз, перелезает перила балкона.

Прыгает на кресла, падает, встает и бежит вниз. В оркестровой яме дирижер просит тишины и стучит палочкой по пюпитру. Человек взбежит на сцену. Еще немного, и его портфельчик будет у него в руках. Но тут звезда пошатнулась и поплыла вверх. Увы, это не чудо и не волшебство, просто монтажники, подцепив ее веревками, возносят под самый верх сцены. Человек в отчаянии хватается с пола какой-то шланг, пытается им сбить свой портфель, но звезда все выше и дотянуться уже не возможно. Тогда человек решается на крайнюю меру. «Если это шланг, значит, из него идет вода. Открою вентиль и соблю портфель водой». Он поворачивает вентиль, но оттуда вместо воды вырывается струя снега. От неожиданности шланг выпадает из рук человека и начинает плясать по сцене, обдавая снежной метелью всех, кто

попадаетея ему на пути. Шланг начинают ловить. Кто-то кричит, кто-то визжит. Человечка хватают под руки, но он сопротивляется. Шланг направил струю на оркестровую яму, и все ноты разлетелись по воздуху. Паника среди музыкантов, те кидают инструменты и начинают ловить нотные листы. Дирижер, занесенный снегом, неистово стучит палочкой по попитру.

Человечек видит как его портфель, под самым потолком, цепляется за какой-то рельс, его старая, выдавшая виды кожа не выдерживает и лопаается. Нотные листы «Весенней симфонии» словно огромные хлопья снега вылетают и кружат над сценой. Они смешиваются со снегом из шланга, кружат в вальсе с листками «Зимней сонаты». И вот уже окончательно разлетаются над оркестровой ямой.

Человечка вновь хватают двое огромных охранников и несут в вестибюль. Его торжественно проносят к дверям, а в след доносится директорское:

— Во-о-о-н!

Человечка бесцеремонно выкидывают на улицу. Он несколько мгновений сидит на теплом асфальте ошеломленный, потом вскакивает и бежит к дверям. Но двери заперты. Вдруг они раскрываются, и оттуда вылетает его шляпа. Двери с грохотом закрылись, и сквозь стекло человечек видит, как удаляется гардеробщик.

Человечек поднимает шляпу и садится на скамейку. Он отряхивает поношенный костюмчик, приглаживает редкие волосы, вздыхает, и начинает болтать коротенькими ножками. Весеннее солнышко припекает и не дает упасть духом.

— Вот и слушайте там свою снежную сонату. Мерзните.

Это вся злость, на которую оказался способен человечек.

А в театре, наконец-то удалось утихомирить снежную бурю и унять разбушевавшийся шланг. Последние снежинки упали на сцену, а вместе с ними и нотные листы. Некоторые из них даже приземлились на попитры музыкантов. Паника улеглась, и все вновь принялись за свою работу. Дирижер постучал палочкой:

— С первой цифры, пожалуйста!

И зазвучала музыка.

А на лице человечек встал со скамейки, поднял голову к голубому небу и улыбнулся. Он сложил губы в трубочку и принялся насвистывать нехитрую мелодию. В этот момент окна в театре каким-то чудом распахнулись и ...

... Полилась музыка.

Нежные звуки флейты присоединились к свисту человечка и сплелись в унисон. Прохожие, слыша эту восхитительную мелодию, начали останавливаться у театра и заворожено слушать.

— Что это за восхитительная мелодия? — спрашивали одни.

— Нужно обязательно купить билеты на премьеру, — говорили другие.

— Как называется эта чудная симфония? — спросил один прохожий у человечка.

— Просто — «Весенняя симфония».

Вечером театр был переполнен. И директор уже знал чего ждет слушатель, а потому он приказал сменить блестящую шикарную вывеску — «Зимняя соната», на простую и скромную — «Весенняя симфония».

Но человечек ничего этого не знал. Он возвращался в свой маленький городок в душном автобусе и думал:

«Завтра позвоню своему товарищу, тот давно завет меня быть второй флейтой на похоронных процессиях. А иногда их даже приглашают играть в парке. Но это только по большим праздникам, конечно».

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРЬБА ЗА... ПЕНСИЮ

Представьте себе человека ростом под два метра, широкоплечего, с уверенной крепкой шеей, который вдруг заходит к вам в кабинет и медленно опускается на стул, превращаясь в мешок костей. Согбенная спина, потухший взгляд и совершенно тусклый, «с трещинками» голос, который в народе называют «хрипотца на последнем издыхании». Он безвольно протянул руку для знакомства. Ладонь оказалась мягкой и вялой.

Начал он сразу с места в карьер:

— Обошел пять адвокатских фирм и везде мне сочувствующе разводили руками — мол, ничем помочь не могут. Может быть, вы что посоветуете?

Дело его оказалось с одной стороны незатейливым, а с другой — после его рассказа пахнуло такой беспредельщиной со стороны чиновников, что захотелось рвать, метать, копать и биться до тех пор, пока не подаришь надежду Ивану Григорьевичу.

Что же с ним произошло? Год и семь месяцев тому назад мой собеседник достиг того «счастливого» возраста, который дает право на пожизненную государственную выплату: ему исполнилось 60 лет, а значит, и право на пенсию. Пенсия была начислена, исходя из различных рекомендаций, методических указаний и так далее, и составила без лужковских надбавок около шести с половиной тысяч рублей. Но не щедрость размера пенсии обидела Ивана Григорьевича, да так, что он вот же четыре с половиной месяца ходил и не мог эту обиду в себе успокоить.

Выяснилось вот что: когда ему исполнилось 60 лет, он поехал в Тюменскую область к сыну — праздновать юбилей. Сын работает там директором леспромхоза, фигура значительная. Из Ангарска приехала еще и дочь. Торжество было шумным, многолюдным и долгим. А на пятый день пошел Иван Григорьевич поутру поплескаться в речке и... сломал ногу. Хорошо, что через полтора часа мимо проходили мальчишки — вот и увидели его. А так и неизвестно, чем дело бы кончилось. Лежание на земле не прошло бесследно, ибо Иван Григорьевич схватил пневмонию. В итоге провалялся больше четырех месяцев на больничной койке. Потом сноха и сын не отпускали его несколько месяцев, чтобы пришел в форму. В итоге аж через 10 месяцев вернулся он обратно в Москву. Здоровым, посвежевшим и с сибирскими дарами: засушенными грибами, различными вареньями и красивой мохнатой шапкой из полярного волка.

Еще несколько месяцев Иван Григорьевич поработал, а потом начал оформлять пенсию. Принимавшая у него документы женщина средних лет была внимательной и вежливой: она сообщила ему, какие справки нужно принести и как правильно написать одно из заявлений. Когда наконец через полтора месяца документы были приняты, Иван Григорьевич поинтересовался:

— А за год и семь месяцев мне пенсию вернут?

Его собеседница округлила глаза:

— Какую такую пенсию?

— Как какую? — поразился Иван Григорьевич. — Мне же еще в январе 2006 года 60 лет исполнилось!!!

— Я очень рада за вас, живите долго и не болейте, но вам никаких денег не положено. Вот с завтрашнего дня заведут ваше пенсионное дело, так как сегодня я все документы оформлю, предварительно их обработав для компьютерного учета. Вам присвоят номер. выдадут пенсионное удостоверение. Хорошо, что вы уже открыли расчетный счет в филиале Сбербанка — будем перечислять.

— Как это? Почему? Получается, что меня государство кинуло?!

В ответ он получил гневную отповедь:

— Запомните, здесь такими словами разбрасываться нельзя! Здесь государственное учреждение! Мы никого не кидаем, а действуем по инструкции Пенсионного фонда. Можете пойти куда угодно и даже к нашей заведующей, чтобы она вам объяснила — **пенсия в Российской Федерации начинает исчисляться не с момента наступления пенсионного возраста, а с момента обращения.** Это раньше в СССР, когда была «отсталая система», пенсию начинали начислять **с момента наступления события!** Поняли разницу?

Она участливо посмотрела в глаза Ивану Григорьевичу и ласково поинтересовалась:

— Ну теперь вам понятно, дорогой пенсионер?

После этого вопроса Иван Григорьевич минуты четыре сидел на стуле — не мог встать от душившей его обиды. Работница собеса сначала испугалась и его вида и того, что он то сжимает ладони в кулаки, то разжимает. Но, понаблюдав за ним с минуты, успокоилась, ибо поняла, что лично ей ничего не угрожает. Иван Григорьевич все-таки нашел в себе силы встать, пробормотать «до свидания» и медленно выйти. Уходя, он слегка приобернулся и увидел, как обслуживавшая его сотрудница брезгливо повела правым плечом. Это его доконало.

Как принято у нас в России, он несколько дней смотрел в дно стакана и жаловался друзьям, знакомым на несправедливость и бардак, царящий вокруг. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то ему не посоветовал обратиться к адвокатам и попытаться добиться справедливости.

Я слушал историю Ивана Григорьевича и тоже стал понемногу возмущаться. Но не от того, что с ним произошло, ибо у нас чиновники постоянно доводят обычных людей, а Иван Григорьевич 28 с половиной лет отработал шофером-экспедитором, а до этого еще 14 лет — водителем на МАЗе. С учетом 4-летней службы в морфлоте, его общий трудовой стаж составил 42 с половиной года.

От него скрыли главное: согласно Гражданскому кодексу РФ, срок исковой давности составляет три года. Поэтому у него есть право оспорить решение пенсионных чиновников. И при обращении за пенсией ему обязаны были разъяснить, что он имеет право не согласиться с данным решением и обратиться в суд. От него эту информацию скрыли. Кроме того, я обнаружил, знакомясь с ксерокопией его трудовой книжки, что в общий трудовой стаж ему не включили два года обучения в РУ — ремесленном училище, где он учился по профессии «слесарь автодела». Значит, ему неправильно рассчитали пенсию, фактически занизив ее.

Появилось основание обратиться с иском в суд. На счастье Ивана Григорьевича, сохранились железнодорожные билеты от его поездки в Тюмень и обратно. По ходатайству Ивана Григорьевича суд отправил запрос в районную больницу, где он лечился. Оттуда прислали эпикриз и справку, в которой сообщали о сроках его нахождения сначала на стационарном, а потом и на амбулаторном лечении.

Судебное заседание откладывалось четыре раза. Сначала чиновница пенсионного отдела выразила сомнение в подлинности железнодорожных билетов. Пришлось назначать экспертизу, а также посылать запрос в «Российские железные дороги». Хорошо, что там пять лет хранят информацию о пассажирах. Право истца была доказана, но чиновница не извинилась, а попыталась оспорить весь период, за который он просил восстановить ему пенсию. А доначислением трудового стажа и, соответственно, проведением перерасчета пенсии, она тоже манкировала, пока судья не припугнула штрафом за неуважение суду.

Наконец, справедливость восторжествовала, и пенсию истцу подняли на 218 рублей, и более чем 115 тысяч рублей назначили к выплате. Суд также возложил на ответчика оплату услуг адвоката, чем особенно противная сторона была недовольна.

Правда, к чести проштрафившихся чиновников, в течение двух месяцев явочным порядком без исполнительного листа, опираясь лишь на судебное решение, деньги Ивану Григорьевичу были переведены, т.е. вся задолженность была возмещена.

Но сколько нервов было потрачено! Сколько переживаний!

Между прочим, чиновники при назначении пенсий пользуются еще одной уловкой. Человек обращается за начислением пенсии. Как правило, сразу собрать все справки и собрать **правильно** мало кому удается. Вам, будущему пенсионеру, подсказывают: где какую справку взять, что из документов нужно донести в следующий раз. Как быстро взять у нас справку — это может рассказать вам любой — пока находишься, пока надеешься...

Наконец, спустя несколько месяцев, вы приносите все недостающие справки и документы, уже предвкушаете, что вам заплатят и за несколько предыдущих месяцев, а нет!!! Тот день, когда вы принесли последнюю из необходимых справок, и считается **днем обращения** по разумению чиновников. Именно с этого дня они и начнут отсчет по выплате пенсии.

На самом деле это юридически неверно, ибо **днем обращения человека является его реальное обращение, а не формирование его пенсионного дела**. То есть, если у вас пенсия вам положена с 1 августа, а вы обратились 2-го, то за август и так далее вам обязаны пенсию вернуть, хотя вы можете приносить различные справки еще хоть несколько месяцев.

В связи с вышеизложенным несколько советов будущим пенсионерам и тем, кто при оформлении и назначении пенсии столкнулся с различными ухищрениями чиновничества:

1. Старайтесь иметь доказательства того, что вы действительно тогда-то и тогда-то обращались за назначением вам пенсии.

2. Не ленитесь написать заявление в двух экземплярах и сдать его в канцелярию с тем, чтобы на втором экземпляре вам проставили дату, время приема и фамилию того, кто у вас принял это заявление — с расшифровкой фамилии, имени и отчества и должности. Вам также обязаны поставить входящий номер. Гражданский кодекс дает однозначное толкование в этом случае **дня обращения**.

3. Если вы с чем-то не согласны или не можете собрать необходимые справки, письменно обращайтесь в пенсионный орган с ходатайством, чтобы вам дали соответствующие запросы или чтобы они сами послали их в архивы министерств, ведомств или каких-либо предприятий, которые сейчас уже не работают. Это не их прихоть, а **их обязанность**.

Следующее. Если у вас возникли неприязненные отношения или непонимание того, что вам объясняет специалист, вы имеете право побывать на приеме у руководителя соответствующего районного пенсионного подразделения. Старайтесь оформить свои претензии в письменном виде для того, чтобы вам обязательно дали письменный ответ. Это позволит вам в случае неудовлетворения ваших желаний или не-

разрешения конфликтов искать удовлетворения в суде. И еще: никогда не забывайте от трехлетнем сроке исковой давности, который дает вам право оспорить то, что вы считаете неправомерным по отношению к вам.

И согласитесь, уважаемые читатели: пенсия — это на всю жизнь! И чем раньше вы ее начнете получать, в соответствии с пенсионным законодательством, разумеется, тем лучше. И хорошо, чтобы она была чуть-чуть побольше, чем даже вы надеетесь!

И Иван Григорьевич поверил в справедливость, которой он добился с помощью суда и ... адвоката.

История с хорошим концом, но с пятимесячными переживаниями.

МИШАНЯ-ГАРАНТ

Товарищ пригласил на юбилей. Ехать на другой конец Москвы планировал с ночевкой: большая квартира юбиляра позволяла надеяться на это. Когда, как не на юбилей, можно позволить себе устроить праздник чревоугодия и поклонения Бахусу! Правда, одна ложка дегтя портила предстоящую поездку: где было оставить машину? Может быть, все-таки лучше поехать на метро? Но как представил себе, что ехать придется больше часа на обычном метро, потом нужно пересаживаться на «легкое» метро, затем еще ехать на автобусе и плюс еще минут 15 идти пешком. И это при условии, что с первого раза удастся сесть в переполненный автобус и не придется его долго ждать. Как ни прикидывай, а двухчасовое путешествие гарантировано. Так испортился любое праздничное настроение.

Поделится своими опасениями с приятелем, а он мне вдруг жизнерадостно заявляет: «Меня тут недавно познакомили с Мишаней-гарантом, так что ничего с твоей машиной не случится: и не вскроют, и автомагнитола не вытащат, и обивку не изрежут, да и не угонят...»

Как было не поверить! И я поехал. Никакой спецстоянки не было, машину поставил в «кармане» у подъезда.

Гуляли два дня: вкусно и раздольно, как того и хотел юбиляр. В воскресенье после обеда настало время уезжать. Подошел к машине — все в порядке. На праздновании были еще несколько человек из других регионов — из Рязани, из Калужской области. И с их машинами было все в порядке.

Пока гости шумно прощались, я зажал юбиляра в углу на кухне и стал настойчиво уговаривать разъяснить смысл фразы: «Всегда договорюсь с Мишаней-гарантом». Приятель сначала отнекивался, а потом в двух словах рассказал.

— В Южном Бутово оставленные у подъезда машины часто вскрывают: всегда найдут чем поживиться. У меня у самого три раза были такие неприятности. На стоянку ставить далеко и неудобно. Ракушки не разрешает ставить районная управа, а в расположенный недалеко гаражно-строительный кооператив нечего и соваться. Во-первых, там боксы стоят от 25 тысяч долларов и выше за машиноместо, а во-вторых, даже несмотря на эти умопомрачительные цены там установилась очередь страждущих. И вот однажды стою я возле машины, думаю, как бы поменять замок, как вдруг возле меня останавливается парень лет 15-ти и сочувственно спрашивает: «Что, опять не повезло? Влезли?» Я сразу просек, что он подставился на слове «опять». Но радовался я рано: парень, который представился Мишаней, ничуть не смущаясь, рассказал мне о том, что видел и слышал, как я дней десять тому назад ругался на весь двор. А живет он в соседнем подъезде на первом этаже.

— Ну, и что из этого следует? — в свою очередь удивился я. — Причем здесь этот Мишаня?

Приятель сделал успокаивающий жест левой ладонью: мол, подожди, не кипятись. А сам продолжил.

— И Мишаня предложил мне взять мою машину на ответственное хранение. Если я согласен платить за месяц вперед, то это будет стоить 600 рублей, и с моей машиной ничего не случится. «Даже голуби на нее садиться не будут»,— сказал он мне со смешком. Я решил про себя: А чем черт не шутит?! Сутки на стоянке — 100 рублей, так она еще и далеко. А если там что-либо случится, то опять с охраны взятки гладки. А тут и машина стоит возле дома, и порядок полный тебе обещают. Так уже семь месяцев я не знаю никаких хлопот.

— Так ты с ним договаривался и насчет наших машин?! — поинтересовался я.

— Конечно. Я же знаю, как местные воришки работают: да еще если это иногородние номера — приезжих они совсем за лохов считают.

Я не мог оставаться спокойным до тех пор, пока не уговорил приятеля познакомиться меня с Мишаней. Тот согласился. Мишаню мы нашли в беседке, где он каждый день сидит с четырех до полшестого дня в любую погоду — здесь у него своеобразный офис для приема посетителей.

К моему удовольствию, Мишане мое внимание польстило. И охотно рассказал о своем доморощенном бизнесе, который ему очень нравится.

— Я очень уважаю всех мужчин в нашем доме и в соседних домах, которые являются автомобилистами. И мне их очень жаль, что им негде поставить свою машину. Они их подвергают погодным воздействиям, от чего машины портятся. А тут еще подростки бомбят: то вскроют и что-то украдут, то просто поломают, то ветровое стекло нитрокраской обольют.

Слушал я своего собеседника и представлял себе, как пострадавшие автомобилисты от досады и бессилия стоят возле своих поруганных машин. В милицию обращаться бесполезно — злоумышленников находят в редчайших случаях. А искать самому — это напрасно время терять.

То же самое подтвердил и Мишаня:

— Миша, так если тебе платить, то получается, что ты ночами не спишь, а занимаешься обходом автотранспорта?

Мишаня криво усмехнулся:

— Да нет. Просто я знаю разных пацанов у нас в микрорайоне. И могу догадываться, кто из них к этому причастен. Вот я и разговариваю с ними, прошу не трогать машины с такими-то и с такими-то номерами, а в ответ делюсь с ними большей частью полученной абонентской платы. Ну, и себе кое-что оставляю — я же тружусь!

Я смотрел на этого невысокого черноволосого шупленького подростка, который учится в девятом классе, и думал про себя, что этот паренек уже полностью познал все прелести капиталистического рыночного производства и оказания услуг и далеко пойдет.

На прощанье я задал Мишане два вопроса:

— И много у тебя «подопечных»?

Мишаня достал из внутреннего кармана маленький блокнотик, полистал и солидно мне ответил:

— По состоянию на сегодняшний день, когда мы с вами беседуем, набралось уже 58 человек — это вместе с вашими знакомыми. Но бывает, что люди просят день-два посмотреть за машиной, тогда я беру за сутки по 50 рублей.

— Миша, так ты, получается, гарант автомобильной безопасности?

Мой собеседник скромно улыбнулся, потупил глаза и неожиданно альтом ответил:

— Похоже, что так. Но я чувствую, что я необходим соседям. Да и у взрослых я пользуюсь авторитетом: деньги платят без звука и никогда не спорят!

От ощущения собственной значимости паренек надулся: из подростка всего за несколько секунд он перевоплотился в Мишаню-гаранта.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Чья правда чище

Происшествие, свидетелем которого я невольно стал, случилось в середине февраля на одном из столичных рынков, расположенном рядом с одной из окраинных станций метро.

Зашел я туда, в общем-то, случайно: нужно было купить шнур-удлиннитель да по мелочи кое-что из кондитерских изделий. Вдруг увидел, как к прилавку, на котором горкой выложены апельсины, яблоки, клубника, подскочил весь одетый в черное и в черную же шапочку худющий высокий парень в перчатках-крагах и начал все сбрасывать на пол. Потоптавшись несколько секунд по фруктам, он радостно загоготал и возопил: «Чернож...ые! Так будет с каждым из вас. Убирайтесь из нашей Москвы!» Старик-армянин, хозяин этого прилавка, огорченно вскрикнул, но было уже поздно.

А на соседних прилавках-столах буйствовали двое приятелей хулигана: они тоже сбросили ящики с фруктами на цементный пол. Правда, куражиться они не стали, побежали вслед за своим предводителем. Подросткам не повезло. Неожиданно старик-армянин достал свисток, и трель разнеслась, как мне показалось, по всему рынку. Отовсюду стали сбегаться южане. Трое юных хулиганов оказались в двойном кольце. Круг медленно сужался: вроде бы незаметно для глаза, но эта неотвратимость сужения, как это могут внешне незаметно делать восточные люди, пугала больше всего. Тройка заметалась, хотела было прорваться, но их опять отбросили в середину круга. Двое удержались на ногах, а третий споткнулся и упал. Когда он поднимался и на мгновение оказался на четвереньках, кто-то из южан бросил в него пониже спины апельсин, валявшийся на полу. Паренек дернулся, а южане захохотали, злорадно и с чувством превосходства, потому что сейчас ситуацией владели они.

Навстречу троице пританцовывающей приклатненной походкой шел довольно высокий, широкоплечий, уверенный в себе парень лет 25-ти с налитыми боксерскими плечами. Неожиданно в круг ворвался и старик-армянин.

— Не бей их, Ашот! — закричал старик. — Это же дети неразумные! Их кто-то, наверное, настраивает. Припугни их, пусть все расскажут. Но меня они уже затерроризировали — третий раз за пять дней сваливают.

Ашот угрюмо посмотрел на старика, тяжело вздохнул, повел своими сильными плечами и достал из карманов сжатые в кулаки руки. Так он стоял в двух шагах от подростков, которые испуганно жались друг к другу, как призябнувшие воробьи, и молчал. Пауза продолжалась несколько минут. Ни один театральный режиссер не смог бы поставить эту мизансцену так, как это получилось в жизни.

— Хорошо, дядя Сурен! Трогать мы их не будем, но сквозь строй прогоню. Пусть знают, что никогда пощады не будет, если людей начинают обижать!

Кто-то из женщин-продавиц охнул, заголосила еще одна. А человек сорок южан (и откуда их набралось столько — вроде на рынке и видно почти не было. — *И. Н.*) выстроились в две шеренги лицом друг к другу. В этот трехметровой ширины коридор по очереди стали загонять подростков. Долговязый парень, который самым первым сбрасывал ящики с фруктами именно у дяди Сурена, напрягся и, вертя головой направо-налево, чуть ли не вприсядку пошел по живому коридору. Южане искренне насмехались: «Куда ударим?!»; «Щас зубы выбьем!»; «Давай ползти его заставим!» Некоторые из южан замахивались на подростка, но никто не ударил. Парнишка благополучно дошел до конца. И припустил... Отбежав к выходу на безопасное расстояние, он стал что-то кричать и размахивать руками.

Ашот подтолкнул второго. Светловолосый курносый парень, щупленький и не очень высокий, закрыл голову руками, прижмурил глаза и пошел сквозь строй. Он шел медленными вздрагивающими шагами. И было видно, что он трусит, но все-таки

идет. Бежать, в отличие от своего предводителя, он после своеобразной экзекуции не стал, а медленно поплелся к выходу, не дожидаясь своего третьего товарища.

Третьего было жалче больше всех. Он вообще напоминал 7—8-классника — какой-то худенький и с мешками под глазами. Опять заголосила какая-то женщина. Дядя Сурен осторожно прикоснулся к плечу Ашота и попросил:

— Сынок, может быть, не надо? Пусть парень идет своей дорогой или поможет мне подобрать то, что сбросил тот злодей.

Ашот ничего не ответил, а подтолкнул мальчишку вперед. Тот вдруг глотнул воздуха, как бывает перед прыжком в воду, и шагнул в этот коридор. Он шел прямо, ни на кого не оглядываясь, смотрел вперед, только в одну точку. Кто-то из южан-парней для вида замахнулся, думая, что паренек испугается. Но тот молча шел, ни на кого не обращая внимания. По всей вероятности, он находился в прострации, был готов к любым ударам и старался встретить их достойно. Его тоже никто не тронул и он благополучно преодолел это расстояние. Затем он сделал несколько шагов навстречу свободе, но вдруг неожиданно присел и разрыдался. Было горько и тяжело смотреть на эту картину. Ашот что-то гортанно крикнул, и южане практически мгновенно исчезли. Только загромыхла тачка, куда складывают мусор, управляемая парнем-узбеком. Дядя Сурен подошел к плачущему мальчишке, подобрал с земли яблоко, обтер его своим большим темно-коричневым клетчатым платком и угостил: «Кушай, кушай, не плачь! Вы меня обидели, вас жизнь обидела». Молодой москвич взял яблоко, надкусил его и разрыдался еще сильнее. Стоявшие невдалеке два друга-подельника призывно махали ему руками. Но он все не мог отойти от унижения, которое только что пережил. Ему еще больше было стыдно от того, что старик-армянин, которого они обидели, а также еще несколько женщин — продавщиц-южанок вдруг отнеслись к нему без обиды и еще и жалеют его. Парень еще раз хрумкнул яблоком, потом встал и, неловко повернув свое заплаканное лицо к старику-армянину, предложил:

— Давайте, я вам помогу поднять.— Но дядя Сурен отказался. Он посоветовал ему быстрее покинуть рынок и уйти домой, потому что к месту происшествия, которое уже завершилось, бежали два толстопузых охранника и свистели в свои свистки.

Я отвлекся всего лишь на несколько десятков секунд, пока они разговаривали с пострадавшими торговцами-южанами, как всей троицы и след простыл.

А дядя Сурен бормотал-разговаривал сам с собой:

— Что мы все делим! Зачем это нужно! Мы, южане, и так в Москве на птичьих правах: живем, где придется, едим кое-как, дети безнадзорные, милиция постоянно обижает! А тут еще такие выходки от людей! Базар — это место для взрослых. Зачем это все нужно?

Он медленно поплелся к своему прилавку, поднял ящик, затем, безостановочно кряхтя, начал наклоняться и поднимать плоды один за другим: яблоки, апельсины, не забывая протирать каждый плод своим клетчатым платком. Затем старик сокрушенно развел руками — две корзинки с клубникой были раздавлены и на продажу не годились. Опять убытки...

Мне было жалко и продавца Сурена, и его соседок-товарок. Но как же жестоко обошлись мужчины-южане с пойманными молодыми хулиганами. Они прогнали их сквозь строй, мстя за свою неприкаянность и такую тяжелую жизнь вдали от дома, от родных и близких. Они не знали радости спокойной жизни у себя, нужда погнала их в Россию. А Москва встретила неласково, что и следовало ожидать, и, что самое неприятное, и не желала их. Она по дешевке пользуется их трудом, не всегда вовремя рассчитывается. Но более всего они страдают от пренебрежения, высокомерия. И, когда представилась возможность, они на унижение с готовностью ответили унижением, находя в этом кураже особое удовольствие. Как это страшно, когда люди жи-

вут не для созидания, а для разрушения. И разрушают собственные души и человечность в себе.

От автора: Я долго размышлял: писать об этом или не писать? Рассказал нескольким коллегам-товарищам, которые старше по возрасту и по знанию жизни. И они убедили меня в том, что об этом обязательно нужно рассказать, ибо в этих бытовых эпизодах жизненного противостояния происходит самое главное несчастье — распад дружеских связей между народами. А избавляться от недоверия, от ненависти в жизни потом труднее всего.

ТЕЩИН ЗАКЛАД

В дикий рынок Валерий окунулся еще в 1988 году — в прошлом веке. При одном из столичных райкомов комсомола стали развивать НТТМ — научно-техническое творчество молодежи, предназначенное для поощрения инициативы старшеклассников и студентов, предприимчивых молодых людей, которые хотели что-либо из своих разработок внедрить в производство.

Друг Валерия подсутился первым и на базе одного из техникумов начал проводить видеосеансы: продавал входные билеты за 30 копеек, но сами билеты не выдавал. В душной классной комнате набивалось по 50—70 человек, все было внове, все казалось необычным и притягательным — сладость зарубежного быта. Показывали в основном слегка закамуфлированную порнографию.

Валерию было уже 26 лет. Он понимал, что путь, по которому идет друг, может когда-нибудь кончиться разбирательством с милицией, а то и уголовным преследованием. Поэтому он решил пойти своим путем: открыл музыкальный ларек. В райисполкоме ему пошли навстречу. Сгоревший и заброшенный табачный киоск давно уже был бельмом на глазу у местного начальства. А вдруг у молодежи получится — подумали в райисполкоме. Валерий с друзьями не стал ремонтировать старый киоск, а вывез его. Откуда-то привез новый, сверкающий хромом и пластиковыми окнами. По вечерам маленькие лампочки загорались в яркую иллюминацию, а пульсирующий свет разноцветных огней манил посетить «мюзик-халл» — музыкальный зал.

Никакого зала не было, но было окошко, где сидела привлекательная продавщица и, пошучивая с молодежью, предлагала буквально все, чего душа пожелает. Здесь были и кумиры прошлых лет, и современная музыкальная «попса», пользующаяся спросом у молодежи. Подобная всеядность — от «Биттлз» и «Лед Зеппелин» до «Ласкового мая» и Богдана Титомира приносила свои плоды — живые неучтенные деньги, часть которых не нужно было куда-то перечислять в качестве авторского вознаграждения. Плата за место была чисто символическая, продавщица была честной, потому что ей было приятно быть центром внимания у молодых людей. На этой самой продавщице, 22-летней Анечке, Валерий и женился. У Анечки была мама. Теща оказалась проницательной и пробивной теткой. Где-то на мясокомбинате она дешево брала колбасы разных сортов, а по вечерам разносила заказы по квартирам близлежащих домов. Мясные продукты были дешевле, чем в магазинах, а качество их было несравнимо лучше с побывавшими ранее в холодильных установках. В середине 1992 года возникла уникальная ситуация: доллар можно было купить за 25—30 рублей, автомашина «Волга» пока еще стоила 60—65 тысяч, а денег уже было в виде советских еще рублей достаточно.

Теща и сподвигла Валерия: покупай доллары и золотые изделия. Когда в 1993 году все рухнуло, Валерий увидел, что накопленные — скупленные по дешевке доллары превратились в самый ходовой товар. Однокомнатную квартиру можно было купить за две тысячи долларов. Он и купил три квартиры, потратив 11 тысяч долларов.

Работа в музыкальном ларьке была не такой веселой, яркой и праздничной, как казалась со стороны. Все время приходили какие-то ребята и требовали денег, иначе грозились сжечь. Местная власть тоже почувствовала вкус денег и ненавязчиво требовала внимания в виде подарков, оплаты обедов в ресторанах и даже выделения средств для поездки за границу. Пока это все было дешево и в допустимых пределах, Валерий по совету тещи терпел. Но потом, видимо, в сферу мелкого розничного товарооборота пришли серьезные криминальные авторитеты, потому что претензии к Валерию стали расти и расти. Что оставалось делать в такой ситуации?

И Валерий оформил все три купленные квартиры на тещу. Анечка не возражала, тем более, что уже родила двойню и была поглощена семейными заботами.

Теща поступила очень осмотрительно: предложила своему любимому зятю остаться проживать в ее муниципальной неприватизированной двухкомнатной квартире вместе со своей дочерью, а сама заняла однокомнатную из вновь купленных. Две квартиры начала потихоньку сдавать — за доллары.

Валерий потом неоднократно благодарил мысленно тещу за осмотрительность, потому что в середине 1994 года его из бизнеса выдавили: пришел какой-то рыбоглазый белообрый парень и сказал, что дает за ларек полторы тысячи долларов, дает два часа, чтобы он вывез весь свой товар, в противном случае ежедневно его долговые обязательства (неизвестно за что — неизвестно кому — и неизвестно на какой период) должны быть оплачены или будут увеличиваться. По всему выходило, что нужно было побыстрее освобождать место или ждать неприятностей. Надежды на милицию не было, потому он решил с этим видом бизнеса «завязать». К тому времени не было уже и комсомола, так что ни перед кем отчитываться Валерию не пришлось. Теща потихоньку продолжала «колбаситься-мясниться», а Валерий ее везде развозил. Но в 1998 году во время очередного дефолта и этот семейный бизнес рухнул, потому что доллар резко подорожал, а цены отпускные на мясокомбинате фактически сравнялись с магазинными — рыночными. Прибыль с трудом окупала затраты на горючее, содержание машины и получение небольшой зарплаты. Тогда Валерий вспомнил, что в свое время окончил МАДИ (Московский автомобильный институт) и вместе с группой друзей организовал строительную фирму.

Увы, все когда-то кончается. Валерий склонен считать, что его кто-то сглазил, жена Валерия Анечка, еще недавно бойкая продавщица, а ныне — заматеревшая домохозяйка, считала, что любовь прошла, а жизнь одна, а серые будни изводили непреодолимой скукой. Двойне исполнилось по 17 лет, мальчики поступили в вуз. Постаревшая теща стала непереносимой — ворчливой. Дело потихоньку покатилося к разводу. Им все и кончилось.

Перед разделом имущества в коридоре райсуда Валерий спросил у тещи: «Не отдадите ли вы мне двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме на Коломенской?» Теща ненавидяще посмотрела на зятя, который совсем скоро зятем быть перестанет, и показала ему кукиш:

— У тебя, Валерий, ничего нет, а потому уматывай побыстрее и ничего не проси.

После без малого двадцатилетнего периода жизни услышать подобное было неслыханным оскорблением. Однако препирательства типа «а я все купил, а вы сидели просто рядом» продолжались до тех пор, пока секретарь не пригласила всех в зал суда. Тут уже родственники сцепились основательно. Судья слушала-слушала, да и отложила заседание.

Кто-то из друзей надоумил Валерию искать адвоката, поднаторевшего на жилищных вопросах.

У настоящего специалиста в любой работе всегда есть собственные наработки, так называемые «ноу-хау», которые и делают его нужным, необходимым и квалифицированным как в глазах страждущих помощи, так и во время судопроизводства.

Одну квартиру удалось все-таки переоформить на Валерия — тем более с учетом требований нового Жилищного кодекса, действующего с марта 2005 года.

Супруги разъехались, теща осталась в своей квартире, у Валерия теперь тоже есть крыша над головой. Но желание уйти от любой социальной ответственности перед государством обернулось личной драмой.

Задумывая любое дело, строя семью и укрепляясь в своих жизненных профессиональных и финансовых позициях, не забывайте, уважаемые читатели, о трех простых правилах: 1) Обязательно устанавливайте паритетные (равные) взаимоотношения. Передавая кому-либо что-то и оформляя это на чье-то имя, вы всегда рискуете, ибо потом вернуть это **даже в части** бывает проблематично. И помочь очень и очень сложно. 2) Если уж что-либо приобретаете: квартиру, машину, иные дорогостоящие покупки, то старайтесь сделать это официально и везде все оформляя и уплачивая налоги и пошлины, иначе дешевая экономия сегодня завтра обернется невосполнимыми потерями. Сегодня ты ушел от налогов, а завтра скопленное и нажитое тобой уйдет в ставшие чужими руки. 3) В соответствии с Семейным кодексом даже нажитое в браке имущество может быть признано отдельным имуществом каждого из супругов. Не стесняйтесь оформить это документально. Лучше оплатить весьма и весьма небольшие расходы по оформлению у нотариуса, чем потом изыскивать возможности вернуть **хоть что-нибудь**.

Ведь не зря же говорил основатель династии Ротшильдов М. А. Ротшильд: «Деньги, дома и земля — это слишком большая роскошь, чтобы относиться к этому поверхностно». С подобным утверждением нельзя не согласиться.

В МИРЕ ПОЭЗИИ: НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Владимир Бояринов
(г. Москва)

PERSONALIA

Стихи Владимира Бояринова, как все по-настоящему значительные произведения, обладают некой магией — заражают своим состоянием, моментально перестраивают твоё настроение: поднимают дух, если ты расклеился от неприятностей и вообще потерял надежду на лучшее, или вселяют грусть, если ты чересчур развеселился от нахлынувшей удачи и забыл, как много в мире несчастных. Все это не просто щедрость таланта, а результат глубокой причастности автора к другим людям, его ответственности за их судьбы.

Владимир Бояринов — стилист виртуоз, поэт с безупречным вкусом, чутьём на слово и редким чувством меры. Его стихи — горение и страсть, тоска и боль, радость и любовь; разные по темам, все они написаны с высочайшим мастерством, предельно просто и ясно, без желания удивить, пооригинальничать, потому и выглядят, как отливки из драгоценного металла.

Бояринов известный поэт, но, мне кажется, он все же не оценен по достоинству, а между тем когда-нибудь им будет гордиться наше Отечество.

В. Г. Бояринов. Дружеский шарж.
Академик Российской академии
художеств Владимир Георгиевич
Мочалов

Леонид Сергеев,
прозаик

РОВЕСНИКИ

Не помню блистательной даты,
Забытых псалмов не пою,
И мысли мои, как солдаты,
В неммыслимом гибнут бою.

Без слез поминальных, без водки,
Без клятвы отмщенья врагу
Встречают меня одногодки
В небесном и тесном кругу.

Ровесники собственной смерти,
Похожие так на отцов,
Что даже прожженные черти
Нас путают, как близнецов.

Сюда голубиную книжку
Вселенский сквозняк не занес.
Здесь франт не стреляет в мальчишку,
Любимого миром до слез.

Здесь гений себя забывает:
В объятьях глухой немоты
Молчит и таит, и скрывает
Желанья свои и мечты.

Охотник за вещими снами
Скитания проклял во мгле.
О доблестях, подвигах, славе
Забыл он еще на земле.

Стихи заревые от века
Умов не будили окрест.
Здесь черного нет человека,
Немыслим изломанный жест.

Бродяга, худой, как острожник,
Холмами отчизны бредет,
Срывая в пути подорожник,
На смертные раны кладет.

Поэт остается скитальцем,
Простор осветляя челом,
Он тычет прокуренным пальцем:
«Край света — за первым углом!»

Но пусто во времени голом!
Но слову заказано течь!
И хочется смертным глаголом
Небесные своды прожечь!

Пусть хлынет из райского сада
На землю пронзительный свет.
Возрадуйтесь, мать и чадо!
Возрадуйтесь, внучек и дед!

ПРИДОРОЖНЫЙ КОСТЕР

Встретились плачи,—
И стихла гроза
На покосах.

Разве иначе
Находит слеза
Отголосок?

Чтобы ни сирой
Тоски не будить,
Ни острожной,
Стали под Лирой
Костер разводить
Придорожный.

Чистые струи
Пробили пласты
Вековые, —
Это о струны
Задели персты
Огневые!

МЛАДЕНЕЦ РУССКОЙ СЛАВЫ

На поле Куликовом,
За тридевять земель,
На поясе шелковом
Висела колыбель.

Висела золотая,
В колечки завитая,
Меж небом и землей,
Меж снегом и золой.

В четыре полотенца
Рыдала ночью мать:
— Храните сон младенца!
Трещоток не замать!

— О чем она судачит? —
Задумалась родня...
— Когда мой сын заплачет,
Попомните меня!

Горчат дымы Полтавы,
Берлинский чад горчит.
Младенец русской славы
До времени молчит.

А вьюга все крепчает,
Плетет свою кудель.
Господь всю ночь качает
Златую колыбель...

ПОД ЗАРНИЦЕЙ

Всех влюбленных и веселых
Преломить прошу ковригу,
Всех сердитых и бесполох
 Попрошу захлопнуть книгу!

Прожжены ее страницы,
Перепачканы в кизиле,
Здесь летают не синицы —
Журавли простор пронзили.

Я печали этой жизни
Схоронил под глыбой тяжкой.
Я под клятвою отчизне
Расписался жгучей шашкой!

Расписался жгучей кровью
И поклялся клятвой жуткой;
И теперь живу любовью
И нечаянно шуткой.

Для любимых я веселый,
Для нелюбых — окаянный;
Я в обнимку с правдой голой
До зари брожу, как пьяный.

Я зарыл свои вериги
С тайным трепетом и жалью
Под степной зарницей книги,
Под отеческой скрижалью.

СОЛДАТСКИЙ СОН

В сонное облако тихо ступаю,
Шапкой туманы мету.
Клятва нарушена. Я засыпаю
На полуночном посту.

Вижу — цыганка на картах гадает,
Вижу — на Страшном суде
Мать безутешная горько рыдает,
Волосы рвет на себе.

Жадно душа моя жизни взалкала? —
Ставьте других на вину —
Кровь размозженного в схватке шакала
Пью в басурманском плену.

Снова ведут меня шумным кагалом
На человечесий базар.

Полосонули по горлу кинжалом,
Возликовали: «Акбар!»

Господи правый, яви свое чудо,
Раны омой и утри,
И на бессрочную службу отсюда
Душу мою забери!

ПЕСНЯ О НАБЕГАХ СЕГО ВРЕМЕНИ

Хотел я поведать, как вещей Олег
Отмстил неразумным хазарам,
Но ты совершила нежданный набег
И выжгла желанье пожаром.

Зачем причинила нелепый урон
Таланту, едят его мошки?!
Зачем беспардонно уселась на трон
И свесила белые ножки?

Казнила на площади ямб и хорей,
До этого выколов очи.
Налейте же, братцы, налейте скорей!
Рассказывать нет больше мочи.

Пропали Бояны родимой земли,
А Несторы глухи и немые.
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Геройские русские темы.

Но если ничтожен мой песенный дар —
Сбирайся! — в ближайшую среду
Мы вместе с тобою пойдем на хазар,
Мы вместе одержим победу!

Одержим победу. Монарший венец
Ты примешь со скипетром царским:
Кому-то же надо владеть, наконец,
Великим народом хазарским?!

А я возвращусь по сугробам на Русь,
Земле поклонюсь принародно.
Ты справишься с царством хазарским, не трусь.
А Русь да пребудет свободна!

МЕДОВЫЙ ДЕД

Бедовый дед, крещеный пулей,
Ты все учел:
За ульем ставишь новый улей,
И славишь пчел!

Они — защита и расплата,
И свыше весть.
О том, что сбудется когда-то
И там, и здесь.

Пусть над твоим кержацким скитом
Кружится рой,
А ты не стал наследным скифом —
Не твой герой.

Остался ты медовым дедом,
Как и хотел;
А там — пожизненным полпредом
Пчелиных дел.

Твои слова мудры и дивны,
И голос густ!
Какие арии и гимны
Слетают с уст!

Синеет небо из-за тучек,
Гудит земля!
У ног твоих резвится внучек,
Крупней шмеля.

Что припозднился на пенечке,
Бедовый дед?
Ты спой про красные денечки
Грешной куплет...

А солнце припадает ниже
К земной меже.
А вот уже и месяц ближе,
И ночь уже.

Медовый дед, вослед за чудом
Твой путь лежит;
И звездный рой протяжным гудом
Всю ночь жужжит!

БОЖЬЯ КОРОВКА

Страсть какая и сноровка! —
Вся в малиновом соку,
Божья — в крапинку — коровка
Вверх ползет по стебельку.

Не свернет и не вернется,
Как бы ни был путь далек,
Все сильнее под нею гнется
И пружинит стебелек.

Не клянет она дорогу,
На препоны не глядит,
И все ближе, ближе к Богу,
И уже летит, летит...

Над рекой летит, над бездной,
Обрести мечтая кров...
Больше так, пастух любезный,
Не бросай своих коров!

ВЕРА

От рождения до смерти
В этом мире поперечном
Лишь в себя и в Бога верьте,
Наша вера — в бесконечном.

Чтоб нужда не подкосила,
Чтобы мы в тоске не кисли,—
Нам дается эта сила
И порыв высокой мысли!

Нам дается эта вера,
Это чудо — не иначе —
Как единственная мера
Против всякой неудачи!

От разбитого корыта
Сберегает эта тайна,
Что не может быть открыта
Ни научно, ни случайно.

Наша вера — ключ от клада,
Если клад угоден Богу;
И сомнения не надо
Подпускать к ее порогу.

Наша вера смертный лепет
Бесконечностью измерит,
Превратит в духовный трепет
Мысль того, кто свято верит.

Вера — вестник наш небесный,
Наш посланник к высшей силе
Возвратится к нам с чудесной
Вестью той, что мы просили!

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Дремучий сон глубок
Полночью слепой.
Не катится клубок
Неведомой тропой.

Схоронится под ель,
Задремлет на меже —
За тридевять земель
Не катится уже.

Боишься заманить
На скользкие пути?..
Оборванную нить
В чашобе не найти.

Я шарю по траве
Ослепшею рукой:
Не еж ли на тропе?
Колючий-то какой!

А нить свернулась в жгут,
Вся — узел на узле.
И жгут они, и жгут,
Как уголья в золе!

РЫСИЙ КОГОТЬ

Бор сосновый. Ночь — как деготь,
Мошкаринный перепляс.
Тонкий месяц — рысий коготь
В грузном облаке увяз.

Бродит хищник тихой сапой
С пылью звездной на усах,
Перекатывая лапой
Облака на небесах.

Бродит рысь тропой кромешной,—
Ночь проходит без следа.
Кровянеет над скворешней
Одинокая звезда.

Что-то будет, что-то будет!
Вот вонзился коготь в тын...
Сына родина забудет
Иль ее забудет сын?

Станет блудным, станет сучьим
И чужим через годок.
Коготок скользнул по сучьям,
А по коже — холодок.

Даже вслух никто не спросит:
И куда же он исчез?
Рысий коготь травы скосит
Где-нибудь на Пер-Лашез.

Лишь тогда его полюбит
Обезумевшая мать,
И хвалы ему вострубит
Всепрощающая рать.

Что ему до лести лисьей,
Если плоть укроет мрак?
Рвет потемки коготь рысий
И не разорвет никак...

Лучше прошлого не трогать
И не знать — что впереди.
Тонкий месяц — рысий коготь,
Старых ран не береди.

СТРАНИЦА ГОЛУБИНОЙ КНИГИ

Конница мерзлой дорогой процокала
Между берез, запорошенных с ночи.
Главный сокольничий выпустил сокола
Выклевать божьи пресветлые очи.

Выпустил... И до сих пор не дочитаны
Ни голубые, ни черные свитки.
Голуби, птицы мои беззащитные,
Не допустите языческой пытки!

Взвейтесь над полымем,
взвейтесь над бедами
И заслоните воскрыльями небо!
Вы ли не вскормлены, голуби белые,
Сырыми крохами божьего хлеба?

Совы ли прятались, лисы ли бегали,
Волки ли серые взвыли без памяти?
Кровью умылись вы, голуби белые,
Крылья свои распластали на паперти.

Вспомню ли нынче легенду любимую,
Вздрогну ли ночью от ноющей боли, —

В книгу хочу заглянуть Голубиную,
Вызвать хоть слово о жертвенной доле.

Вновь на ладони мои огрубелые
Падает снег, словно перья небесные;
Вы их роняете, голуби белые,
Вы возвращаетесь, сердцу любезные.

СИРЕНЕВЫЙ ДЕНЬ

Во времени не раннем и не позднем,
Когда звенит апрельский небосвод,
Идет отец, идет зеленым полднем,
Сиреневые саженцы несет.

Мы деревца под окнами посадим,
Притопчем землю, бережно польем
И рядом на завалинке присядем,
Задумаемся каждый о своем.

«Что,— прогудит,— славяне,
загрустили? —
В словах привычных плещется задор.—
Там человека в космос запустили!» —
Кричит сосед и лезет на забор.

Его сынишка плачет от обиды:
Ликует вся весенняя земля,
Но даже с крыши не видать орбиты
Гагаринского в небе корабля.

Пусть все, как было, так и остается:
Кричит сосед, звенит апрельский день,
Мальчишка плачет, мой отец смеется,
Под солнцем приживается сирень!

ИСПЫТАНИЯ

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока*.

Как под тем небосклоном
Перепелка поет.
Как над тем полигоном
Гриб из пекла встает.

* Строфа из Бадрутдина в переводе В. Бояринова.

Это вам не вполсилы
Целину поднимать,
Это вам не тротилы,—
Это кузькина мать!

На шальные просторы
Вырывается дрожь.
Прямо к сусликам в норы
Осыпается рожь.

Ключья атомной пены
Суховой поволок.
Осыпаются стены,
И трещит потолок.

Белит комнату мама.
Белизна потолка
И белее тумана,
И белей молока.

Не промолвит ни слова
И не станет корить —
Прослезится и снова
Начинает белить.

— *Что* ты делаешь, мама?
— Потолочек белю.
— *Что ты делаешь*, мама?
— Христа ради терплю...

РАЗЛУКА

Какие весны
Скрылись за излучкой
Степной реки!

Вплеснули весла
Над моей разлукой,
Как две руки.

И берег прежний
На глазах растаял,
Размылся вдруг.

И много строжней
Позади оставил
Смоленый струг.

Нельзя же вечно
Верить в наважденье,
И в чох, и в чет!

Но бесконечно
Сквозь твои владенья
Река течет.

И только гуси
Слезно прокричали.
И высоко,

Как будто гусли
Всколыбнул в печали
Хмельной Садко,

Поплыли звуки,
Силу набирая,
В слепом дожде.

У той разлуки
Нет конца и края,
Она — везде!

ПРЕДЧУСТВИЮ ВОСЛЕД

Я возвращусь не прежде,
Чем прозвенит рассвет.
Лечу вослед надежде,
Предчувствию вослед.

Звезда моя земная,
Моя земная суть,
Сама того не зная,
Предначертала путь.

Запел, забился зяблик,
В груди затрепетал:
«Не трогай райских яблок!»
А кто бы спорить стал.

Зачем о прошлом плакать,
Зачем скорбеть, когда
Вонзаешь зубы в мякоть
Запретного плода?

А косточки от яблок,
Подхватывая влет,
Клюет залетный зяблик.
И пусть себе клюет!

Владимир Резцов
(г. Тула)

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СТРАШИЛКА

Ныне телевизор — хоть и вовсе не включай: на всех каналах сплошь одна пошлятина, разврат и чернуха. Особенно возмущает героизация криминала. И никакого просвета. А так хочется, чтобы побеждало не зло, а добро...

Малютка просил сохранить ему жизнь,
Но грязный убийца воскликнул: «Ни в жизнь!
Скорее я палец себе откушу,
Чем с миром малявку домой отпущу!
В младенчестве папа учил меня: «Бей
Всех тех, кто добрее тебя и слабей!
Не ведай к ним жалости, бог им подаст!
Ведь это не люди,— отбросы, балласт!»
И пела мне мать колыбельную: «*Режь*
Всех ножичком остреньким, душеньку тешь!»
И шамкала бабка: «Ночною порой
Кто грабит прохожего, тот и герой».
Ни слова не вымолвил дед мой, молчун,
Сиделец бывалый и старый драчун.
Практичнее всех оказался мой дед:
На праздник он, молча, вручил мне кастет.

Я вырос, родительский сын, бабкин внук,
А дедов кастет — мой товарищ и друг.
Пришел я дать волю могучим рукам
На радость себе и на страх слабакам.
Я в самом начале своих славных дел.
Сомнения прочь, мой девиз — «Беспредел!»
Начальник милиции глушит коньяк:
В пределах его объявился маньяк!
Я — лютая смерть! Я — кровавый удар!
Я — ужас! Я — ваш полуночный кошмар!
Ты влип, паренек. От меня не удрать.
Живым не увидит ребеночка мать.
Завоет она — станет тошно чертям:
Твой труп будут ей приносить по частям!
Что будет с тобою, то будет и впредь,

И многим придется вот так умереть.
Вовеки не кончится этот бедлам:
Я детям искусство свое передам.
Сынов, что родятся, я буду учить
Всех *грабить*, и мучить, и *резать*... и *бить!*..»

Друзья! За мальчика не тревожьтесь, прошу:
С рождения он занимался ушу;
Отважен и ловок он с юных ногтей,—
Теперь у убийцы не будет детей!

Татьяна Ермакова
(г. Калининград)

Татьяна Алексеевна Ермакова — журналист, заслуженный работник культуры России, лауреат Всероссийского и региональных творческих конкурсов, комсомольской премии «Молодость Кузбасса».

После окончания Ленинградского университета работала на радио в городе Кемерово, а затем — в Калининграде. Была редактором, ведущей радиопрограмм с высоким рейтингом общественного признания, директором государственного радио «Янтарь».

Продолжила творческую деятельность в издательстве «Янтарный сказ», где стала автором и участником ряда проектов: «Калининград. Путеводитель», Энциклопедический справочник «Калининград-Кенигсберг», миниатюрные издания И. Канта, Ф. Шиллера, «Мудрость любви», «Сыну России» и др.

Еще одна яркая страница биографии — работа в Калининградской художественной галерее, где кроме участия в организации выставок изобразительного искусства удалось успешно осуществить социально-культурные проекты: «Энергия прекрасного — в подарок» (совместно с Калининградской ТЭЦ-2) и «Доброе имя», цель которых — не только приобщение к искусству, но и утверждение нравственных ценностей, объединение людей, живущих на одной земле. Печаталась в газетах «Калининградская правда», «Аргументы и факты», «Каскад», «ПРОФИ», «Страна и Калининград», в литературно-художественном альманахе «Балтика».

В 2008 году вышла в свет книга стихов и публицистики «Эхо сердца. Избранное», стихи из которой мы и предлагаем вашему вниманию.

* * *

На синем небе — купол золотой,
И белоснежны, словно лебедь, своды,
А ты, душой страдающий, постой
И ощути дыхание свободы.

С рождения завещана тебе
Та, солнцем проторенная, дорога,
Где места нет — разврату, лжи, вражде,
Спасенье — свет, сияющий от Бога.

Но ты — дремучий, дикий человек,
Ты жаждешь власти, золота и славы,

И обрываешь жизнью краткий бег,
Из мести или просто для забавы.

Спасти другого, и отдать свое —
Лишь этот смысл достоин Человека.
Но — не смолкает в небе воронье,
Не высыхают слезы — век от века...

РУЧЕЙ

Разорили гнездо. И под корень — судьбу.
Неизбывен он, род палачей...
Но душе не дано превратиться в рабу:
«Я свободна, как звонкий ручей!»
Да, ручей. Он всегда остается ничей,
Даже если продажна земля.
Но не вырастут спелые гроздья на ней,
Если он пересохнет, пыля.
Ах, ручей! Неподкупный земли казначей,
Чистотой ты, не золотом, звенишь,
Для тебя — глубина родниковых очей
И лесов заповедная тишь.
Без тебя превратилась бы в пепел земля,
А деревья — в огарки свечей,
Все живое погибло б, о влаге моля
Без твоих животворных речей.
И велик ты, ручей, потому что — ничей,
Силу жизни всем щедро даришь.
Но тебе не поить в жаркий день палачей,
Лучше ты — навсегда — замолчишь.
Ты свободен, ручей, от земных мелочей,
От корысти, чинов и наград.
И холодной ночью еще горячей
Отразится в тебе — звездопад.

ГОЛУБЬ

Впечатан голубь в мостовую.
Безжалостно — десятки шин
Исколесили плоть живую...
Куда ж ты мчишь, природы сын?
К какой такой заветной цели,
Презрев земного братства суть?
Чтоб — кто летает — не взлетели?
Но счастлив — будет ли твой путь?

ВОЗМЕЗДИЕ

Жестокость этих тварей — беспредельна:
Себе подобных — травят, режут, жгут,
Презрев и святость песни колыбельной,
И слезы матерей, что вечность — ждут...

Как к солнцу пробивается травинка,
Так сыну мать — все силы отдает,
Чтоб сердца ненаглядная кровинка
Счастливый в жизни обрела полет.

Чтобы мужал в любви и вдохновенье,
Опорой стал и дому, и стране,
Прославился талантом и умением,
Не сгинул на несправедной войне.

Как чудно и божественно сиянье
Любви, надежды, веры и добра,
Что ж род людской терзают злодеянья?
За все платить — настанет вам пора.

Сторицей вам воздастся за страданья
Распятых, оскверненных душ и тел,
Небесным громом вас пронзят рыданья
Тех, кто тиранов на земле терпел!

О человек! Венец всего живого,
Невежда, гений, раб и государь —
Как мог презреть святое божье слово
И превратиться в низменную тварь?

Прекрасны горы, солнце, дождь и реки,
Лес, море, ветер, травы, облака,
И только подлость недочеловеков
Кровавым шрамом запеклась в веках.

* * *

Каждый свое получит,
Презревший совесть и честь,
И чем он наглей и круче,
Чем слаще привык ближних «есть»,
Тем будет горше расплата
В объятиях сатаны,
За слезы и горы злата,
Украденные у страны,
За судьбы людей достойных,
Разбитые палачом,
За то, что, как прежде, войны
И беды пришли в наш дом,
За то, что у бедной старухи

Отнят последний приют,
И люди, как будто мухи,
На родине в муках мрут,
Я знаю, кто-то ответит
За все на Страшном суде!
Россия и в муках — светит,
Но где же спасенье,— где?

* * *

Сколько жизни потрачено зря:
В мелких дрызгах, в больших заблужденьях...
Но себя неустанно коря,
Не найти светлый миг утешенья.

Он — на тяжком, духовном пути,
В каждом верном поступке и слове,
Светит нам, чтобы дальше идти,
К испытаньям иным наготове.

Куполами сияет весна,
Что подарена снова судьбою.
Не испить эту чашу до дна,
Высоту — не измерить собою.

Алексей Скаредов *
(г. Тула)

АКТРИСЕ
(акrostих)

Не наблюдая, как растет трава
И зарекаясь пить — я вышел в дамки,
Но жизнь меня и здесь вогнала в рамки.
А что поделать — жизнь всегда права.

Финал борьбы не радует с утра,
Иль это оттого, что наши замки
Лишь плод воображения, лишь шванки **,
И боле ничего? Лишь боль нутра.

Меня излечит тихой правды зов.
Она — актриса, служка Мельпомены,
Шальной игрою скинула оков,

Колодок — узы, разнесла в пыль стены,
И выверяет с Богом ход веков,
Назло судьбе отыскивая темы.
Актриса хороша! И Бог каков...

МЫ РАЗМИНЕМСЯ...

Я возвращаюсь —
нетвердой походкой ленивца.
Я развращаюсь —
несказанной легкостью слова.
Я перепутал —
циркачка ты или львица?
Я перепуган —
зачем здесь звучит босанова ***?
Ты все мечтаешь,
но я не тяну на кронпринца.
Ты все вздыхаешь,
а я говорю: «Все не ново»...

* Наш постоянный автор (Прим. ред.).

** Шванк (нем.) — средневековый веселый, часто неприличный, рассказ

*** Босанова — бразильская этническая разновидность джаза.

Ты — суть дороги,
лихая, шальная девица?
Иль меня ноги
опять понесли мимо крова?
Мы разминемся!
Дорога — удел нечестивца...
В пыль перетремся,
но хлеба не выпечь иного:
только несчастье —
как повод друг другу присниться,
Только причастье —
как шанс появиться здесь снова.

7 НОЯБРЯ 1941

*Моему деду Федору Скарредову,
участнику памятного парада*

Мороз щипал за острия штыки,
но в полушубках было даже жарко —
вдоль Александровской ограды, мимо парка,
на площадь шли сибирские стрелки.

Тянули в небеса носок ноги,
стальной держали строй: держись брусчатка!
Кровава жертва от лихих побед начатка*.
На станции Тучково — вой пурги.

Там линия прошла по полотну:
здесь — наши, а через «железку» — немцы.
Ты юн и ранен — бьется страхом сердце
в твой первый бой — так не похожий на войну...

Но это после, а сейчас — на площадь,
у стен Кремля да с трехлинейкой — бравый вид.
И пусть нога болит и зло гудит:
«Марш! Левой, братцы!» — здесь никто не ропщет.

НА МИНАРЕТЕ СУННИТСКОЙ МЕЧЕТИ ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

*Памяти моего деда
Агубечира Хадарцева*

И с жаром аравийского самума,
и с жадой зеленеющей Корана —
я совладал. Не поднимая шума,
поднялся я на минарет и рана
на сердце запеклась — на вид как руна.

* Начаток (библ.) — первые плоды, приносимые в жертву Богу.

Что значит этот знак — увы, не знаю.
Иначе проорал бы с минарета,
что я готов в паломничество к раю:
хоть с этой башни и — до края света...
Но я молчу. И вновь спускаюсь в стаю...

* * *

Зеленой лампы мшистый свет,
суровый Дант, безумный Тассо,
стих без сюжетных выкрутасов —
предвестник глада, войн и бед.

Прогорклый вечер за окном
и тополиный пух на тапках,
кошачий вальс на тонких лапках,
попытки выйти за вином.

Да, к черту этот балаган —
все предугадано и сбылось.
Кому нужны, скажи на милость,
чужие сны? И рай — обман...

Я встал и сел. Взведа курки
ты молишь: «Только бы не мимо!»
Со стен больных Ерусалима
считаю адовы круги.

ВАВИЛОН

Извечный признак Вавилона —
грифон да бородатый страж.
Всем предлагая призрак лона,
готового к приятью клона
Мардука — прихоть, но не блажь.

«Я из мужей вам дал пророков,
и назореев из юнцов —
вином поили их, венцов
не чтили их. Своих пороков
не видели — не зная сроков,
падете ниц в конце концов!»

Так Вавилон нам стал наградой.
Стоит, хоть тресни, мы же — тлен:
нет слез, чтобы оплакать плен.
За вавилонскою оградой
укрылся мир, а нам отрадой
сожженный Храм — давидов лен* .

* Лен — владение, данное вассалу сеньором, в обмен на верность.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Одинокая изба на краю деревни —
Невысокое крыльцо, скользкие ступени;
Одинокий старичок — лет не знаю, сколько;
Небольшой половичок, печка, стол — и только...
Порыжевший самовар, крепкий чай в стаканах.
Что-то ветер напевал за окном отчаянно...
И иконы на стене — впалые глазницы,
От которых снова мне до утра не спится.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Полумесяц луны. Тишина и мороз.
Густо ветви сплелись в кронах стылых берез.
Небо в россыпях звезд, что мерцают вдали...
Мы лишь отблески их в этой точке Земли.

О ДРОВАХ

Горят по-разному дрова:
Сухие полыхают ярко,
Сырые — нехотя и парко,
Зато кружится голова.
Да только толку нет от них,
Нет душу греющего жара,
А много копоти, угара,
И валит дым из труб печных.
Такие в топку не клади,
От них тепла и света мало,
Они не вспыхнут смело, ало,
От них погаснут все огни.
И не завоет дымоход!
Они — сухие лишь снаружи,

Ну, а внутри — такая стужа,
Такой бездушный гололед,
Что станет страшно, если вдруг
Вот с ними попадешь в охапку
И задымишься едко, сладко,
Как будто испуская дух.

РУССКИЙ ДУХ

В заснеженных садах, лесах, долинах
Живет тревожный, древний русский дух.
Он — в небесах загадочных и синих,
И в кротком взгляде плачущих старух.

Он — в куполах, вознесшихся высоко,
Он — в матерщине пьяных передряг,
В надгробьях русских мальчиков, до срока
Отдавших жизнь за Родину в боях.

Он — на полях, заросших сорняками,
В молитвах побирушек и бродяг.
Он — в стоне сосен с вечными корнями,
И в кронах их, застрявших в облаках.

Он — в наших душах, что не очерствели,
В народной песне, вольной, словно Русь,
Когда бегут мурашками на теле
Ее слова про радость и про грусть.

Он — в наших чувствах, что всегда без края:
Так любим женщин и не чтим врагов!
Живи, наш дух, прощая и карая,
Несись рекой меж вечных берегов...

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.

И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить и к утру лишь устанет,
Обессилен совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладать с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли,
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
А поэтому мне вот сейчас не до сна.

Лариса Яшина
(г. Пенза)

PERSONALIA

Лариса Ивановна Яшина родилась 28 февраля 1941 года в г. Пензе в семье служащих.

Ее отец — Яшин Иван Ефимович (1905—1943) — погиб в ВОВ, мама — Баталина Нина Петровна, 1914 г. р. умерла в 1974 г.

Корни Ларисы Яшиной — пензенские, хотя в послевоенном детстве ей довелось жить в Подмоскovie, потом рядом с Калугой, немного — в Рязанской области.

Самые светлые воспоминания остались от вольного калужского детства, старенькой милой школы поселка Росвянского крахмало-паточного завода, где училась с первого по четвертый класс; уже тогда сочиняла стихи, и еще в 1-м классе дала обещание окончить школу с золотой медалью. Теперь это новая школа № 43 г. Калуги, и места эти входят в черту города. Затем, семья переехала под Рязань, а потом возвратилась в Пензу.

Л. Яшина окончила в 1958 году с золотой медалью школу № 1 им. В. Г. Беллинского г. Пензы; в 1963 г. — Пензенский политехнический институт, (ныне Государственный университет), затем аспирантуру при кафедре «Материаловедение», и до сентября 1984 г. работала в нем преподавателем материаловедения. Ее всю жизнь увлекала сцена, и она перешла в Пензенскую областную филармонию — мастером художественного слова (1984 по 1999 гг.). Как поэт и чтец, сотрудничала с Объединением литературных музеев и Областной библиотекой им. М. Ю. Лермонтова.

Поэт Лариса Яшина — необыкновенно активно живущий и работающий человек. В ее поэтическом багаже коллективные сборники: «Начало», «Голос поля», «Милая роца», «Красота спасет мир», «Край мой единственный...», «Защити все живое», «Волжские зори» и др. («Приволжское книжное издательство»), альманах «Поэзия», журнал «Крестьянка», «Антология современной поэзии», т. 5, 2010 г. М.

Авторские сборники: «Откровение» (1983 г.), «Время любви» (1987 г.), «Пока не занавесят зеркала» (1992 г.), «Перед простором чистого листа» (1995 г.), «Напоминает осени пора» (1998 г., 2006 г.), «Свет от света» (1999 г., 2002 г.), «Равновесие» (2003 г.), «Посвящения и живущим, и ушедшим» (2005 г.), «Стихи для детей Муррси» (2007 г.), «Разноцветье» (2008 г.), «Молю прощенья у любви» (2008 г.), «Зверские рассказы» — рассказы о животных (2009 г.), «Если б знал Куприн...» (2010 г.).

Лариса Ивановна Яшина — член Союза журналистов РФ с 1980 г., Член Союза писателей России с 1992 г., Академик международной академии информатизации, 2001 г., лауреат премии Пензенского комсомола (1981 г.), дважды лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, (2005 г., 2007 г.), Лауреат премии имени Константина Симонова с вручением золотой медали (2011 г.). Награждена орденом «Во имя жизни на Земле» (2009 г.), медалью «Во славу Земли пензенской» (2011 г.).

* * *

Перед простором чистого листа
Наверное, как все, я беззащитна,
Но служит память,
Словно верный щит нам,
И выручают люди и места...

Спасает мудрость нажитых годов
И все, что острой болью пережито.
Так в поле, к сроку,
Поспевает жито,
Так по весне — свобода ото льдов.

И все и всех увижу я теперь,
И пусть еще неуловима строчка,
Одно я знаю наперед и точно:
Она — мое спасенье от потерь!

ЮЛЬКА

В конце сороковых — начале пятидесятих годов (уже прошлого века!) мы жили недалеко от Калуги, а точнее в пятнадцати километрах, в небольшом заводском поселке возле деревни Росва. Время было послевоенное, кругом разруха, а по этим местам война прошла основательно.

Моего отчима сюда направили восстанавливать полуразрушенный крахмало-паточный завод. Места здесь были любопытные: лес довольно-таки далеко, километрах в семи, и недалеко друг от друга — две деревни Козлово и Яглово (в правильности названия могу и ошибиться). Разделялись они поймой маленькой, но родниковой речушки Росвянки, которая в половодье разливалась очень даже серьезно.

Росвянка совсем недалеко вливалась в реку Угру, а та — под самой Калугой — в Оку. Так вот, когда едешь из Калуги, то издали среди безлесного простора глаз выхватывает оазис — большой старинный липовый парк, когда-то посаженный по приказу господ, прежних хозяев завода. Сейчас, конечно, там совершенно другая современная картина, но память упрямо возвращает меня в прошлое. Как я любила эти заросшие кустарником и крапивой аллеи парка за полуразрушенной каменной оградой. Кроме парка, возле оставшихся плохоньких жилых домишек, о прошлой жизни напоминали, посаженные ровными рядами вокруг пруда, кусты дикой акации и барбариса, большой, но уже наполовину одичавший, фруктовый сад.

В пруду водилось много рыбы, особенно карасей, но, чтобы их ловить, надо было «выловить» сначала груды искореженного металла — наследия недавних боев. Когда пруд чистили, на берег были вытянуты обломки машин, пулеметы и всякое военное оборудование. Любой нынешний музей с радостью пополнил бы свои экспозиции этими бесценными экспонатами.

В траншеях, которые не успели еще полностью зарости травой, мы беспечно играли в прятки, «изучали» строение почвы, брали песок посыпать дорожки. И вот од-

нажды в этом песчаном слое откопали ящики с новенькими блестящими патронами. Такими подарками еще не раз «награждала» земля.

Перепахивая осенью поле, трактор выпахал большой снаряд. Ребятишки, мал мала меньше, стали бросать в него камешками, комьями земли. Снаряд взорвался, из пяти ребят остался в живых один, но без пальцев и глаза, с синими пороховыми «веснушками» на лице. Вот оно — эхо войны!

О войне тревожно напоминали и ночные перекрестные лучи прожекторов, в светящемся перекрестье ведущие серебристый самолет. А еще недалеко от поселка был военный городок, с аэродрома которого с огнем и грохотом поднимались первые реактивные самолеты.

Я увлеклась: так заманчиво и радостно, хотя бы в воспоминаниях, ненадолго вернуться в мир детства, когда все были рядом, молоды, живы...

Отец (не помня погибшего на войне родного отца, я отчима называю отцом, потому что он и стал для нас всех настоящим) был директором этого небольшого заводика и общался с некоторыми директорами калужских заводов. Один из них, директор автомобильного завода, передал нашему заводу трофейный «виллис». Машина была жесткая, военная, особенно больно было ехать на боковых металлических сиденьях, подпрыгивая на бульжниках шоссе, и все-таки это была легковушка, и ехать на ней было здорово, на зависть всем заводским и деревенским ребятам.

Наконец, я подошла к главному — героине моего рассказа Юльке.

Тот же директор, который дал заводу «виллис», подарил отцу восьмимесячного щенка овчарки, которую за то, что она была подвижной, как юла, назвали Юлькой.

Мать Юльки была на фронте «санитаркой», и Юлька уже многое умела: брать барьер, подавать лапу, выполнять различные команды. Она мучила всех нас, заставляя бросать подальше мяч, палку, потом находила их и тащила обратно.

Мы все очень любили Юльку, брали ее с собой всюду, особенно на речку или на пруд. Она любила купаться и лезла в воду в любую погоду, только брось ей туда палку. Поплывет за ней, принесет обратно и начинает около нас отряхиваться. Брызги летят, мы визжим, отбегаем, а она специально жметя к нам и продолжает осыпать нас мелкими брызгами, да еще с песком.

Еще нам нравилось заставлять ее брать барьер, а забор у нас был дощатый трехметровый. Бросим ей опять же любимую ее палку, она только раз оттолкнется задними лапами от доски забора и... перемахивает его.

Умная и чуткая, она удивляла нас своей «осведомленностью». Сейчас-то я знаю, что собаки и кошки получают информацию «напрямую», вот почему они знают о приезде хозяина прежде, чем придет телеграмма, находят дорогу домой «через моря и океаны»...

Так вот, отец возвращался из дальней командировки. Железнодорожная станция Воротыньск была от нас недалеко, в четырех километрах, и отца должен был встретить шофер на том самом «виллисе». Мы-то знали о его приезде, а Юлька дома металась от окна к окну, отодвигала носом шторы, скулила. Бабушка подумала, что она хочет на улицу «по своим делам» и открыла ей дверь. Юлька тут же перемахнула забор и умчалась. Через некоторое время к дому подъехала машина, на переднем сиденье гордо восседала Юлька: это она, первая, встретила хозяина! В самом деле, она бежала навстречу по шоссе, и ее, конечно же, не могли не увидеть.

Щенков Юлька приносила по шесть — семь; такие маленькие бутузики, смешные и очаровательные, но выживали не все. Неопытные, мы не знали, что их нельзя в щенячьем детстве кормить сырым мясом; они заболели «чумкой», да и достойных партнеров для Юльки в селе не было.

Отца перевели под Рязань восстанавливать подобный же Песочинский крахмальный завод. Мы переезжали на двух бортовых машинах, «полуторках». Вещи были по-

гружены, и отец пошел в опустевший дом проверить: не оставили ли что — то нужное? Юлька была привязана в кузове, увидела, как отец вошел в дом, заметалась, стала вытаскивать голову из ошейника и проглядела, как папа вернулся и сел в машину.

Машины тронулись, а она, думая, что хозяин остался в доме, а ее увозят, спрыгнула и помчалась в дом. Никто этого не заметил, мы проехали километра два, как кто-то из встречных начал махать нам руками, чтобы мы остановились:

— Собака вас догоняет! — По шоссе, высунув язык, мчалась Юлька.

Она прожила с нами всю свою жизнь до 1958 года, верный и любимый член семьи. Она ходила со мной в сад и ела прямо с куста малину, по-прежнему исправно приносила хорошеньких щенят, а самый последний единственный щенок Джек был с двупалой лапой, и он остался у нас после Юльки.

ВОСПОМИНАНИЕ

Шалашик в огороде
Мы строим для игры.
Братишка верховодит
Средь местной детворы.
Хлопчем озабоченно,
Костер горит едва:
Подсохла, да не очень
Пожухлая ботва.
Осенний зябкий холод
Пронизывает враз.
Пахучий, с глянцем, колоб
Эх, лакомство для нас!
Снежок морозно хрустнет —
И это нам с руки:
На речку мамы пустят —
Прикрутим «снегурки».
Из гимнастерки платье
Мне перешила мать...
И хочется заплакать,
Как станешь вспоминать.

* * *

*Моей первой учительнице
Евдокии Николаевне Липницкой*

У моей учительницы первой
В те года сдавали часто нервы.
Мы на перемене шумно скачем,
А она зайдет тихим плачем!

У моей учительницы горе:
Муж пришел с войны, да умер вскоре.
Вот и похоронка не досталась.
А вдовой, как многие, осталась.

У моей учительницы хата
Словно перед нею виновата,
На краю деревни — сиротою:
Кто теперь подправит и достроит?

В нашем классе ну и перемены!
Меньше шума стало в перемены,
Лучше и тетрадки, и ответы,
В головах отчаянных — «просветы».

А она заметила не сразу,
Что в плетне у дома нету лаза,
И калитка... то держалась еле,
Так теперь и петли не скрипели...

У моей учительницы первой
Снова слезы. Что поделать, нервы!
Ожила, оттаяла немного,
Поняла: она не одинока!

Двухэтажное старое здание школы стояло возле моста, отделявшего или наоборот, соединявшего заводской поселок с деревней Росва. Под мостом весело звенела тонкая светлая, с утренним росистым названием, речушка Росвянка, которая через километр-полтора впадала в более солидную речку Угру, а та, в свою очередь, прямо под Калугой впадала в Оку. Все речки моего детства были водами великой реки Ра, Волги: Угра, Пара (под Рязанью) и родная Сура.

РЕЧКА ДЕТСТВА

Прозрачной россыпью росы
Играет солнце спозаранку,
А я, девчонка из Росвы,
Бегу с ведерком
На Росвянку.
Она сверкает под горой,
Все родники
Спешат с ней слиться,
Но скоро ей
С рекой Угрой
Водой придется поделиться.
Все круче берега — бока!
Угре блаженствовать недолго:
Ее притока ждет Ока.
Оку ждет Волга,
Море — Волгу.

Час входит в день,
День входит в год,
А детство
Переходит в юность...

И кто из нас
Того не ждет,
Чтоб хоть на миг
Оно вернулось!
Как рано начали сесть!
Но и от старости
Есть средство:
Не растерять бы,
Разглядеть
В потоке жизни
Речку детства.

Мы росли на воле — это большое счастье. Пруд — коньки, холмы — лыжи, поляны — лапта, беговая, круговая... Уже взрослым человеком я поняла мудрейший смысл детских игр.

КРУГОВАЯ

Круговая,
круговая
С детства всем знакома.
Замыкается кривая
Во дворе у дома.

Мяч летает,
Мяч стреляет,
Как ядро из пушки,
Выбивает,
Выявляет:
Кто играет лучше?!

«Запасные» запасая,
Выручаю друга,
Но удар — и вылетаю
Я сама из круга.
Друг рискует тоже, ради
Моего спасенья,
Но ударил кто-то сзади —
Терпим поражение.

А бывает, человек,
Мною же спасенный,
Не рискует, ради «свечек»,
Собственной персоной.

Помня о других едва ли,
Станет извиваться,
Только чтобы не попали.
Чтоб в кругу остаться.

Для таких в команде места
Нету больше кона.
У игры, хотя и детской,
Взрослые законы!

Как мне хочется, хотя бы еще раз, побывать в тех местах!

ЛЕШКИНО УЩЕЛЬЕ

Я красивой не встречала места,
Где в бурьяне
Тонет Лешкино ущелье.
Здесь не встретишь
Ни старушки, ни невесты,
Не узнаешь ни печали,
Ни веселья.

Но по-прежнему
Живет здесь мое детство,
Оно снится мне
И часто и упрямо.
Годы-годы!
Никуда от вас не деться.
Приласкай меня,
как прежде,
Мама, мама!

Мой любимый сад
Бушует и поныне,
Только все в нем обмельчало,
Одичало
В теплом воздухе
Горчинка от полыни,
Как же хочется мне
Все начать сначала!

* * *

Куда девались майские жуки?
Их почему-то стала видеть редко.
Мы в детстве их всегда сбивали веткой,
И прятали, плененных, в коробки.

И, утолив немного свой азарт,
Мы слушали, как жук жужжит, поет там,
Восторженно встречали новый старт,
И быстроту, и высоту полета.

Подхватят нас простор и синева!
Лететь ли нам, бежать ли, не уставшим...

Но вот уже годам ушедшим машем,
Самих себя мы узнаем едва.

...У дочери глаза, как родники!
Природы русской доброе наследство.
И в них мое переселилось детство.
Куда девались майские жуки?

Живы в моей памяти учителя, одноклассники. Помню и оригинальную в своем роде женщину. Все звали ее Буслаиха.

БУСЛАИХА

У Буслаихи по лавкам
Уж не семеро,
А соседкам
Лишь плечами пожимать.
Говорят: коли сумела
Да посеяла,
Значит, остается пожинать!
У Буслаихи в избе
Едят не досыта,—
Прокорми, поди, сумей.
Такую рать!
Выбегают пацаны
Зимою, босые,
За машинами
Картошку подбирать.
— Одолеем!
Время нынче не военное! —
А у кумушек язык огнем горит,—
И она в минуту откровенную
Как-то раз соседкам говорит:
— То ли горя,
То ли счастья бабьего
Захотелось мне — другого ж нет!
Как война народу поубавила?
Вот и подымаю я процент!

Что ж, я — получается — гулящая,
Что ж, что нету светлого жилья,
Что ж, что нету мужа настоящего,
Проходящего жалею я,
А мальчонков не отдам
И не покину я,
Есть и сытые,
Да отдают в приют.
Соглашуся
На одну мякину я,
Только пусть
Хорошими растут!

МЫ ВСЕ УМЕЕМ ЗАБЫВАТЬ

Мы все умеем забывать,
И в этом наше преимущество!
Нельзя же все свое имущество
По жизни за собой таскать!

Но что-то в памяти моей,
Вдруг, так проявится отчетливо,
Что мне захочется,
До чертиков,
Возобновленья прежних дней.

Чтоб были старые друзья,
Чтоб снова встретились любимые,
Чтобы, как в дни неповторимые,
Мы были вместе: ты и я...

Мы все умеем забывать.
Но отчего так живо помнятся
Моя
С улыбкой доброй
Мать.
Моя апрельская бессонница,

И сына первые шаги,
И дочери счастливый лепет,
И тот невысказанный трепет
Удачно найденной строки,
И даже все мои враги!

ХАТА С КРАЮ

Никому не желаю лиха,
Но и жить не желаю тихо,
И в игру «Моя хата с краю»
Я давным-давно не играю.

В девятнадцатом,
Жарким летом,
Дед расстрелян был
Не за это ль?
Дом с детишками — краше рая,
Только был этот дом не с края.

Не за эту ли малую малость
Жизнь отца врагом отнималась:
Поле брани, земля сырая...
Чтоб мы сами были не с края.

Как обидно и больно было,
Когда слово злобное било,
Когда, эдак небрежно, бросят:
— Не спросили вас и не спросят!
И сжималось сердце, сгорая:
Но ведь хата моя не с края!

Можно всем под надежную крышей
Жизнь прожить спокойней и тише,
Только время мчится лавиной,
Не зовет к судьбе половинной.

И опять я бой выбираю:
Не стоять моей хате с краю!

УЧИТЕСЬ ВЛАСТВОВАТЬ СОБОЙ

Учитесь властвовать собой! —
Призыв мы слышим
Чаще, чаще —
И человеком настоящим
Быть в ситуации любой.

На испытание идешь,
Как удержать
В коленях дрожь?
Все силы собери
И — в бой!
Учитесь властвовать собой.

Ах, как охота подлецу
Наотмашь врезать по лицу!
Не учинять же мордобой,—
Учитесь властвовать собой!

Когда расстались мы с тобой,
Хотелось биться головой...
Ну, как сдержать мне бабий вой?!
Учитесь властвовать собой.

Учитесь властвовать собой!

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Раздел ведет Тамара Булевич)

Анна Боярская
(г. Новосибирск)

ЧЕТВЕРТЫЙ НОМЕР

Аспирантка и мнс в ГУНИИБХ СО РАМН. В свободное время от работы и детей, пишу небольшую прозу для взрослой и детской аудитории. В настоящее время готовлю к изданию книгу детских рассказов.

Путь господина К. лежал недалеко, и в этом затхлом городишке он был проездом. Так уж вышло, что в дороге он захворал, а без должного ухода состояние его особенно ухудшилось. Грузное тело господина К. постоянно сотрясалось от мучившего его тяжелого кашля, он справился о лучшей гостинице в городке, но, к его крайнему раздражению, все номера были заняты. И господин К. был вынужден остановиться в небольшой гостинице на короткой темной улице, где его очень вежливо принял метрдотель, мужчина лет пятидесяти ничтожного телосложения, заверив, что самый лучший номер как раз свободен, и что в нем будет очень удобно такому состоятельному и важному господину.

Хозяин всегда выражал почтение к тяжело болеющему господину занимающему самый дорогой четвертый номер в его заведении и лично относил ему поднос, обильно уставленный едой. Нужно отметить, что каждый раз, когда, поставив изрядно тяжелую ношу на небольшую тумбу в темном коридорчике, метрдотель вежливо стучался, для получения разрешения войти, ответом неизменно был все тот же громоподобный кашель. Опустив глаза, шепча себе под нос ежедневные приветственно-заискивающие речи и ловко придерживая ногой дверь с большой искусно вырезанной четверкой, он осторожно проносил поднос в комнату к больному.

Но если еду приносил какой-никакой мужчина, то забирать посуду входило в обязанности Анны, единственной горничной, кроткой молодой девушки с худым лицом и тонкими руками, которая беспрестанно была смущена тем или иным обстоятельством, а часто и по неизвестной причине. Был один случай, в общем-то, и случаем то не назвать, так... досадный пустяк, которым мне, право, неудобно даже занимать внимание читателя, но вот именно после этого пустякового происшествия Анна особенно не любила больного из четвертого номера и особенно сильно краснела в присутствии молодого врача. Дело было так. Вынося из комнаты, поднос с посудой,

Анна спиной прочувствовала взгляд, обернувшись, она увидела живущего в самом маленьком шестом номере с окном, выходящим в темный двор, того самого молодого врача. Он улыбнулся ей, от чего Анну бросило в краску, а хрупкие пальчики на маленьких руках побелели — так сильно она сжала поднос, и надо ж было господину, мучимому тяжелой болезнью, внезапно разразиться чудовищным по силе кашлем, особенно одолевавшим его после еды. Испуганная Анна, вздрогнув, не удержала тяжелого подноса, и составленная горкой посуда, обрушилась на пол, прямо на глазах у молодого человека. Убегая в слезах, Анна заметила, что он по-прежнему улыбался.

Постояльцам небольшой гостиницы пришлось мириться с тем, что после каждого звонкого девичьего смеха или веселого возгласа горло у больного сводило, и он, тяжело сопя, постепенно, но решительно ускоряя темп, вдруг разражался тяжелым, влажным и страшно выматывающим кашлем, осуждающим всех здоровых. Кашлял он долго, голоса за стенкой всегда пристыженно умолкавшие вначале, вдруг, забывшись, вновь возобновлялись. Тогда кашель на секунду замирал в изумлении, словно больной не верил своим ушам, и через мгновение раскаты кашля вновь оглашали небольшую гостиницу. Хотя некоторым постояльцам, особенно занимавшим соседние номера с тяжелобольным, казалось, что громяхающий треск неизменно заканчивающийся долгим рычанием и сплевыванием мокроты, сотрясает временами не только гостиницу, но и весь уездный городок.

Была среди постояльцев этой небольшой гостиницы сухонькая мнительная немолодая особа, на которую кашель производил особенное впечатление: после каждого приступа она замолкала, бледнела и даже иногда крестилась, шепча беззвучно слова спасительной молитвы, и было как-то неясно, о ком она просит Господа: об излечении несчастного больного или же, боясь страшной болезни, просила Всевышнего уберечь ее «от этой заразы», последнюю фразу она произносила чуть громче и разборчивее, нежели все остальное.

Молодой человек (то ли студент, то ли недавно окончивший медицинский), чье внимание лишало речи и без того немногословную, тихую Анну, был, пожалуй, единственным, кто оживлялся при звуке кашля из четвертого номера. Он даже несколько раз просил допустить его до больного, но щуплый хозяин довольно резко пресекал начинания молодого врача. Так как, по словам хозяина, столь вежливого с другими, если господин пожелает быть осмотренным врачом, то он пригласит настоящего доктора. Студент, казалось, свои намерения оставил, но время от времени справлялся у Анны, нет ли у больного жара или сыпи на спине. На что не получал ответов, вследствие сильной стеснительности, охватывавшей бедную девушку в его присутствии.

Среди господ, проводивших вечера в гостиной за игрой, был также некий солидный пожилой господин, кажется, в прошлом военный (это читалось по его жестам и лаконичным интонациям, хотя нельзя исключать, что этот подтянутый седой господин нарочно выработал подобные привычки, именно чтобы производить впечатление). Так вот этот почтенный господин, выпив лишнего, поделился как-то вечером с молодым человеком из шестого номера, что в последнее время выигрывает неспроста, что, мол, ему кашель больного подсказывает всегда, когда именно нужно остановиться и не повышать ставку. «И более того,— продолжал шептать седовласый господин, придерживая собеседника за лацкан, — и более того, если посчитать, вот именно, сколько раз больной кашляет, то можно даже определить, какие карты на руках у игроков». Юноша не поверил и даже позволил себе посмеяться над бывшим военным, чем страшно раздосадовал старика, который был уверен в предсказательной силе кашля: ведь за последние две недели он был в плюсе на 60 франков, спасибо больному.

Получив письмо, из которого больному господину К. стало ясно, что несмотря на болезнь, ему необходимо продолжать дорогу, он так же внезапно уехал, как и поя-

вился. Щуплый хозяин после отъезда состоятельного постояльца, внимательно осматривал номер, надеясь найти какую-нибудь оставленную в спешке вещь, обнаружил испорченный сигарой прикроватный коврик и трещину на хрустальном графине.

Солидный военный в два вечера проигрался новому постояльцу, недавно прибывшему из-за границы азартному молодому щеголю, и вынужден был съехать в номера за меньшие деньги.

Молодой врач получил распределение в небольшой городок за много верст на запад и, быстро собрав свои немногочисленные вещи, уехал, на прощание подарив Анне дурные дешевые духи и неумелый влажный поцелуй, а она так рассчитывала на предложение руки и сердца и даже была готова ехать с ним.

Анна вскоре после спешного отъезда молодого врача, с которым она в мечтах так крепко связала свое будущее, нашла утешение в объятиях нового постояльца, недавно прибывшего из-за границы и преподнесшего ей в первый же вечер чудесную шкатулочку, в которой, по его словам, она будет хранить его письма к ней.

Мнительная дама неосторожно провела за рукоделием вечер у окна, где ее продуло. Слегла, меньше чем за неделю сгорела и тихо скончалась от пневмонии, все так же беззвучно шепча непомогающие молитвы.

Иннокентий Медведев
(г. Братск)

ТРЕВОЖНЫЕ СТРУНЫ ДУШИ

Медведев Иннокентий Петрович. Родился 20 марта 1963 г. в деревне Банциково Нижне-Илимского р-на. Юрист. Специалист адаптивной физкультуры (АФК). Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» имени русского национального поэта Николая Рубцова (Москва). Лауреат международного литературного конкурса «Прекрасные порывы-2010» в номинации «А. С. Пушкину» (Симферополь). В настоящее время опубликованы подборки стихотворений во многих известных международных изданиях.

СТОНЫ

Слышишь стоны, тяжелые стоны,
Это стонет от бед наша Русь.
В унисон им церковные звоны,
В них веками заложена грусть.
Эти стоны вчера простонали,
Понесли их с собой журавли.
Стоны скорби и стоны печали,
Они рядом и где-то вдали.
Лишь душевноглухой не услышит,
Не увидит, как горбится Русь.
Как со стоном прерывисто дышит
Безутешна душевная грусть.

В ЦЕРКВИ

Добрый вечер, господа!
Добрый вечер!
Освященная вода
Всех излечит.
Пенье слов и зов души —
Наши встречи.
Вновь в молитвенной тиши
Ставим свечи.
Я под сводами стою
Со свечами.

Души грешных отпою
Вместе с вами.
Лучше молча постоять
Без рыданья,
Чем фальшиво оглашать
Отпеванье

ЭХ, ДУША

Эх, душа... буду пить и напьюсь,
Что-то тяжело в груди, что-то тяжело.
Может быть, я во тьме растворюсь...
Отпоет меня певчая пташка.
 На могилку мою пусть сирень
 Пустоцвет свой печально роняет.
 И стихи все мои — дребедень,
 Пусть их вовсе никто не читает.
Толк ли в том, что я жил или пел,
Крест судьбы Бог взвалил мне на плечи.
Не хотел я взлетать, но взлетел —
Время лечит и тут же калечит.
 ...Эх, душа, хмель тебя не берет,
 То есть пить ни к чему и не буду.
 Смерть за мной в этот миг не придет
 И о ней я сегодня забуду.

ДЕРЕВНЯ БАНЩИКОВО *

Есть дорога одна к Усть-Илиму —
Пахнет мятой, травой резедой.
Там своротка к деревне родимой,
К той, что скрылась давно под водой.
 Наверху только волны гуляют,
 А под ними нашла свой приют
 Та деревня. О ней уж не знают.
 Там в домах только рыбы живут.
Там мой дом. Там мы в прятки играли.
Там поля, мое детство и луг,
И туда птицы к нам прилетали,
И мужик там осваивал плуг.
 Но кружитесь, кружитесь над морем
 Мои ласточки, чайки, стрижи...
 Пусть слезами не выплакать горе,
 Но хоть память дано освежить.
Как вы гнезда заботливо вили
И растили под крышей птенцов.

* Деревня, которой нет.

Это, милые, вы не забыли,
Как и я своих дедов, отцов.
 Вот и я здесь стою на дороге,
 Той дороге, что в воду ведет.
 Волны моют мне босые ноги
 И там будто меня что-то ждет.
Веет холодом прошлое в душу.
Скорбь и боль, и тоска, и печаль.
Мир тебе. Твой покой не нарушу.
Отчей родины, сгинувшей, жаль.

* * *

Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля.
Я живу, и поэтому слышу,
Как зовет меня стоном земля.
Я пройду по деревне родимой,
Брошу куртку свою на плетень —
Вот она!.. всех дороже и зримей
В этот солнечный, ласковый день.
Здесь черемуха пахнет дурманом,
Взгляд слепит белоснежный наряд.
Здесь березки с загадочным станом
Привлекают прохожего взгляд.
Пусть завязла она на ухабах,
Пусть калитки висят на боку.
Как живет в ней девкам и бабам
Мне расскажет гармонь на лугу.
Пусть пропахла веками навозом,
Пусть дерется мужик за межу.
Пусть давно распрощалась с колхозом —
Я деревню за то не сужу.
Только жаль, что поля без потребности...
У калитки мне жаль мужика, —
Просит, нищий, у нищего хлеба,
Вместо плуга — бутылка в руках.
Я от солнца рукою прикроюсь —
Что-то птичек в лесу не слышать...
И деревне я сердцем откроюсь —
Только сердцем поля не вспахать!..
Прохожу мимо деда — горюет:
— Ты бы дал мне, сынок, закурить...
Сколько вас, городских, тут гостюет...
Навсегда бы приехали жить...
«Слушай, дед, Расскажи-ка на милость,
Что толкает Россию на край?
— Это, паря, похоже на сырость,
Видишь, сгнил у болота сарай...
Прохудилась над Русью-то крыша.

Да не вам, городским, залатать...
Сколько лет уже только и слышно,
Что Россию пора возродить...
«Слушай, дед, я же ваш — деревенский
Баншиковский, Петра средний сын.
Покажусь с виду, может быть, дерзкий,
Но скажу, я с деревни один,
Тот, кто наши поля воспевает,
Тот, кто нашу деревню бодрит.
Но не каждый про это узнает...
Слушай, дед!» — Только дед уже спит.
«Ну и ладно... ты спишь или умер?..—
Храп услышал,— так, видно, живой...
Вот такие они, наши думы,
И от них хочешь пой, хочешь вой.
Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля...
И поэтому часто я слышу,
Как зовет меня предков земля.

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ВОВКИНО ГОРЕ

В Ивановке, заброшенной деревеньке на сто дворов, селяне жили бедно, но дружно, как в далекие добрые времена. Завидовать некому и нечему: каждый кормился тайгой, рекой да подворьем по своим силам и умению. Беда — и та была на всех одна: неудержимое, беспросветное пьянство. С вечера взрослое население до одури ублажалось доступным зельем из огородного сырья, а поутру, по новому веянию, шли в церковь грехи замаливать. До обеда каялись, замаливали. Потом, перекусив что Бог послал, принимались за неотложные, бесконечные «надо», ради прокорма семьи. В сумерках, только бабы подоят коров, садились за длинный скобленный стол ужинать. И пошла-поехала новая гульба — разгульная. Бал правил уж самогон...

Так-то жили еще приличные хозяева. Большинство же мужиков любимому занятию как приятной повинности отдавали себя без остатка времени на домашние дела. Настоящей работы, за которую деньги платят, — никакой. Колхоз разворовали крутые ребята. Оставалась одна ферма. Ее мужики по очереди охраняли. Да не устерегли. Сгорела ферма-кормилица вместе с колхозными коровами и народившимися телятами. То ли те же вражьи дети по злобе спалили, то ли дед Кузьма со своей вечной самокруткой где-то искру сронил.

Что вокруг фермы творилось — страшно вспомнить. Коровий и бабий рев всю ночь разрывал в клочья ивановские души. Животину всякую жалко, а ту особенно: породистая, голландская. Миллионы за нее колхозниками плачено. Зато и молока было — залейся, и мяса — ешь, не хочу.

Бабы неделю воем выли. Как не выть-то?! Жаркие, непобедимые языки пламени слизали в одночасье семейный достаток селян.

До обрушения крыши успели-таки с десятков-другой молодняка выгнать. Из спасенных телят маленькая пятнистая коровка досталось и сироте Машеньке Кукушкиной. Так сход решил. Два года назад ее молодые родители Клавдия и Владимир, работающие на подвозе сена, погибли под тяжелым трактором «кировцем», слетевшем с дороги по непогоде в глубокий кювет.

Жила теперь скромная красавица Машенька одна-одинешенька у самой околицы. После восьми классов учиться дальше стало не на что. И поселковый совет временно определил ее подменной дояркой, чтобы руки набивала, на завтрашний день силенок набиралась, коих хватило бы на дойку десяти коров.

Девушка относилась к обязанностям рьяно, ответственно. После короткой по малолетству смены домой не спешила. Допоздна возилась с приплодом, который с любовью называла «пятнашками». Усердно кормила шустрых телят, не по разу меняла им в клетях быстро мокнущую соломенную подстилку. А в ту ужасную ночь сильно убивалась по задохнувшимся в дыму питомцам. Даже в огонь бросалась, слыша их отчаянный зов о помощи. Два мужика за руки удерживали Машу, а не то бы и ей погибели не миновать.

Оставшись не у дел и с детства переняв от матери швейное мастерство, Маша стала честно зарабатывать себе на пропитание шитьем. Ловко это у нее получалось. Обшивала и ребятишек, и взрослых. Огонек в доме у околицы светился далеко за полночь. Была и радость душе — подрастающая Буренка. Умудрилась сама стог душистого клевера для нее накосить. Основной Буренкин прокорм на зиму помогли добыть селяне. У заботливой хозяйки телочка росла здоровой, ухоженной. Позже Маша и кур завела с горластым петухом, чтобы по утрам будил на выгон Буренки в прибрежные луга.

Неизбалованный благами властей всех времен ивановцы шибко тосковали по настоящей работе. В одночасье порушилась их привычная колхозная жизнь до основания. Заново отстраивать ее никто не собирался. Председатель поссовета Таисия Тимофеевна Самгина, бывая у районного начальства, требовала сжалиться над умирающим селом, найти ему, наконец, доброго хозяина. Но нынешние гонористые олигархи объезжали неказистую, небогатую деревеньку стороной. Либо, приехав, и часу здесь не задерживались.

Однажды погожим летним днем село мигом облетела весть. Какой-то господин в соломенной шляпе и при здоровенном черном «Лэнд крузере», напомнившим некоторым старожилам печально известного «воронка», остановился у прежней конторы. Вроде, хочет колхоз возродить. Народ, от мала до велика, обступил его. Затихли, рты раскрыли, когда заговорил хозяин. Обрадовались: о людях радеет. Работа — она каждого уважаемым человеком делает. Самгина после его толково высказанных народу задумок даже в ноги ему поклонилась:

— Давайте, господин Трахов, действуйте. Всем миром поможем. Пить бросим. Пупки, как бывало раньше, надорвем, но Ивановку опять в люди выведем.

Тот умно хмурил брови, поддакивал. Наобещал перемен — выше конторской крыши. Потом неожиданно предложил:

— У кого есть ваучерные залежные земли, я готов выкупить их для нового колхоза. Не стану торговаться. Не поскуплюсь. Смело называйте цену. Конечно, в разумных пределах, — без конца вскидывая черные вразлет, густящие брови, тряс перед владельцами частной землитугими пачками денег. С зеленым отливом. Да обнищавшим вконец ивановцам до них ли?! Они давно позабыли, какие теперь в ходу, деньги-то. При разговоре он откровенно, до неприличности успевал разглядывать Машеньку Кукушкину. От таких поглядываний неловко делалось каждой стыдливой деревенской душе. Девушка не знала, куда глаза отвести. Лицо скромницы заливалось то лунным светом, то зарей вспыхивало. Наконец, Маша такого позора не выдержала и убежала домой.

Господин олигарх подозвал и представил своего юриста:

— Куплю-продажу земель чин-чином оформи. И сейчас же.

Тот без промедления приступил к исполнению прямых обязанностей, достав из кейса готовые бланки договоров и прочих бумаг. Пока хозяин строил планы о чудном преобразовании Ивановки, он успешно завершил сделки. В них, ради нового колхоза, поручителем Трахова выступил поселковый совет. Таисия Тимофеевна и печать в договорах поставила. Только нужной суммы для расчета у покупателя не оказалось: закончилась рублевая наличность.

— Вот мой залог, — и вновь предъявил народу объемистый сверток с пачками валюты в банковской обертке. — Прошу поссовет принять его, пока на днях полностью со всеми не рассчитаюсь.

Председатель, долго не разглядывая, положила залоговые доллары вместе с гербовой печатью в переносной сейф.

Селянам такой жест хозяина показался убедительным. Они громко захлопали, как им показалось, порядочному, честному человеку.

— Кто сомневается, можем завтра утром встретиться у Главы районной администрации.— предложил Трахов и на прощание пожал каждому присутствующему на сходке ивановцу руку.

— Да где там! На какие шиши им ехать-то? Зарплату который год в руках не держали,— сокрушалась радетьельница о селянах Таисия Тимофеевна.

Багряный закат весело и беззаботно раскачивался на богатой кроне крутобоких, раскидистых берез околицы, когда огромный «Лэнд крузер» вплотную прижался к покосившимся воротам Маши Кукушкиной. И когда ранним утром бабы выгоняли коров в табун, стоял там же. А уж домой возвращались жутковатой машины не обнаружилось. Тогда многим показалось, что Ивановка как-то сразу посветлела. Больно уж черный он, крузер-то... С ним исчезла и любимица Машенька. Заперла дом на замок, и все тут.

Вечером Буренку встречала ближайшая соседка и подруга ее матери Клавдии Прасковья Никитична Соломина. Всю жизнь прожила она напротив дома Кукушкиных и в большом почете, коим в русских селах испокон одаривали умелых бабушек-повитух.

— Чо, небось, увез хозяин нашу Машеньку в барские хоромы? Повезло ей, ай, повезло,— словно сговорившись, пытали Проню об одном и том же нетерпячие, любопытные бабы, сердечно радуясь за сироту.

Новый светлый день и другие последующие дни не принесли селу добрых новостей.

Прошли недели, месяц минул, но господин Трахов не объявлялся. Пропал бесследно. Первыми забеспокоились несостоявшиеся землевладельцы: «Не мошенник ли?!» Собрались в поссовете.

Федор Тулупкин, по жизни язвенник, не преминул подлить масла в огонь жадноватому Петру Давыдову:

— Ну, влип ты, батенька, в историю! Лопухнулся! Плакали твои дармовые гектары да сотки. Не жил богато, и чо в гору... в буржуи попер-то?!

Простоватый и доверчивый Прохор Сухов принялся защищать Трахова:

— Мало ли чего с человеком стряслось! А не знамши, уж клянете в хвост-гриву. Плохой бы человек не стал нашему брату подмогу делать. Знамо, на свой страх и риск колхоз сызнова создавать. А этот, вишь, задумал перестроить нашу скособоченную деревеньку.

За время ожидания заблудшего где-то олигарха сошедшая на нет с лица Самгина от их речей все громче ерзала в кресле.

— Что бы, хоть одному из вас, продавцов-то, к Трахову в крузер попроситься. Наутро в районе и прояснилось бы, кто он есть таков. Так нет! Пьете — попиваете! Никак, окаянные, не напьетесь.

Решено было разузнать о месте нахождения хозяина, для чего его поручительница Таисия Тимофеевна отправилась в районную администрацию. Вернувшись к вечеру, она вновь обнадежила.

— Приезжал наш богатей к самому главе. В тот же день ваши договора по закону оформили. Теперь Трахов — собственник купленных земель. Начальство заверил, мол, как вернется с Кипра, тот час приедет к нам для расчета. Сказывают, очень спешил господин Трахов за границу-то. Там жена сына ему родила. Первенца. А они, сыновья-то, на самом деле, отцам — счастье и гордость несказанные.

— Какая жена?! Какой первенец?! Тогда... где же Маша?— захлебнулись вопро-

сами ивановцы. И Самгина о том же переживала. Раньше-то у Машенькиной матери лучшей подругой считалась. Но о девушке ничего узнать не удалось. Никто в райцентре их вместе, либо ее одну, не видел.

... Маша Кукушкина вернулась в село перед самыми родами. Совсем другая, вроде, вовсе и не она. От прежней красавицы половины не осталось. Разве что, куда-то далеко провалившиеся глаза светили теми же необыкновенно бархатистыми, васильковыми огоньками. Но селяне сразу заметили: не в себе она, не в себе... Помогали, чем могли. Замученная, истерзанная, до дна злодейски испитая, Кукушкина молчала, боясь смотреть на них. Из дома не выходила, а с кем случайно через забор взглядом пересечется, тому вежливо кланялась и быстро пряталась в сенцах. Только Таисия Самгина да Проня общались с больной Марией.

Так уж повелось у ивановцев, что, как прилипнет к человеку имя либо прозвище с детства, так и тянется за ним до погоста. Прасковью Никитичну иначе никто и не называл: Проня и Проня. Только школьная детвора и подворная мелкота, с помощью Прониных рук на белый свет без единой родовой травмы выскользнувшая, ласково величала ее бабушкой. Она и Машеньку на свои руки приняла. Тяжелые были роды у подруженьки. Долго дитя спасала, чуть живую вытащила. Потом Клавдию едва выходила.

А Машенькин первенец сам торопливо в мир выскочил, прямо на повитухин белый фартук. Крепенький, хорошенький. Отчего-то долго плакал, словно на кого-то жалуясь бабушке, которая с того дня стала жить у Кукушкиных. В свой дом уходила на час-другой, чтобы с коровой управиться да печи протопить. Апрель то оттепелями баловал, то нештучные морозы засылал. Внимательно, день за днем, присматривалась она к Марии, но той, вроде, после родов хуже не стало. Хотя и здоровья не добавилось. Лицо оставалось болезненно бледным, неулыбчивым. Лишь, когда кормила и пеленала сына, делалась необыкновенно радостной и счастливой.

— Видела бы Клавдия доченьку с младенцем... Вот что материнство с бабами совершает.— частенько говорила Машеньке в такие минуты Прасковья Никитична, смахивая быструю слезу. Учила молодую маму разным проверенным хитрушкам да мелочам, чтобы малыш рос здоровым да умелым.

Вовке исполнилось три месяца, и председатель поссовета принародно выписала малышу свидетельство: Владимир Семенович Кукушкин. Маша попросила дать сыну имя своего отца, а отчество прадеда. Крестной матерью определили Проню, крестным отцом — Прохора Сухова, который торжественно держал кроху на жилистых рабочих руках.

— Высказать не могу, так рад Вовке! Первый сынок-крестник объявился. Стало быть, не совсем уж падшим грешником у Господа числюсь. Благодарю за честь и обещаю стать ему, Машенькиной кровинке, настоящим, добрым отцом.

— И вправду, малой Вовка — роса к росинке, ее копия, только с писуном. В остальном — один к одному похож. И личиком, и тельцем. Солидный народился малыш. Наш, ивановский,— подтвердила Проня, а слово ее, что печать Самгиной, топором не вырубишь.

Рядом стоящая с мужем бездетная Нюся уже не преминула хлестнуть Прохора худой ладонью по затылку.

— Я те покажу, старый дурак! Ишь, чего захотел... отцом настоящим! Маша-то тебе, черту лысому, во внуки годится. Ну, кобелина, ну, стервец!..

— Да успокойся ты! — грубо оборвала Нюсю Самгина. — Место и время понимать надо. Прохор младенца-ангелочка на руках держит, а у тебя дурь на уме. Вот же бабье! Все одной думкой живете. Да наша Машенька не из тех... чтоб чужими мужи-

ками тешиться. Запомните слова мои! И мужики, и бабы! Не то со мною сквитаетесь. Худого с Кукушкиными не дозволю! Не дам в обиду, поняли, оглашенные?!

Ивановцы давно знали: с Таисией шутки плохи. В гневе — зверь баба. От рычащего голоса председателя мухи по углам забивались. Мужа и того не щадила, если, бывало, чем-то провинится перед ней. Бедный, прятался по соседям до той поры, пока сама не разыщет. Но такое у Самгиных случалось редко, и селяне плохого за ней не помнили. Ценили своего председателя за радение, справедливость, способность драться до победного конца за каждого, кто попадал в беду.

Мужики первыми поддержали Самгину, тоже приструнив ревнивицу Нюсю. А Таисия Тимофеевна, справившись с собой, достала из сейфа две бутылки шампанского с коробкой конфет в красивой целлофановой обертке, подаренные районным начальством к 8 марта.

— Раста, Вовка, богатырским мужиком да будь нам сыном желанным,— проследзила с комком в горле Таисия Тимофеевна,— вот бы мать с отцом порадовались... Теперь, Машенька, зря времени не теряй. Берись-ка вновь за свое ремесло, матерью тебе нареченное. Совсем мы обносились. Покупать-то обнови не на что. Времена не те.

Так и вошел в большое ивановское семейство желанным сыном Вовка Кукушкин. Владимир Семенович, внук уважаемых Кукушкиных, а не какого-то там Трахова сын, папаша которого разбередил мечтами душу и сунул залогом за купленную землю валютную «куклу». Договорились ивановцы, чтоб и духу траховского тут не было.

Мария вновь села за швейную машинку. Головы не поднимала. За неделю ворох новых вещей нашивала: рубах, штанов да юбок с кофтами.

Ошалелое время пролетало незамеченным. Вот и ее сынишке исполнилось четыре годика, но по виду все пять дашь. Рослый малыш, ласковый и смысленный, сам находил себе занятия. Любил рисовать самолеты.

— Бабуля, а куда папка мой уехал? — Прасковья Никитична вовсе не ожидала такого услышать. Маша тем часом доила Буренку.

— Дак это... на войне фашистов бьет. Нескоро повидаться вам придется, сынок.

— А ты мне, бабуля, нарисуй его. И самолет тоже.

— Смогу ли? — не на шутку испугалась Вовкиного задания престарелая крестная мать, после окончания начальной школы в тридцатых годах не державшая карандаша.

— Сможешь, сможешь. Я помогу. В моей книжке видел и самолет, и папку.

Распластавшись по чисто выскобленным половицам, они вдвоем принялись создавать задуманный рисунок. За этим усердным художеством и застала их Маша.

— Чего на полу-то катаетесь? Стола мало? — нарочито строго спросила она.

— Мамочка! Мы папку в самолете рисуем. На войне он. Фашистов... тыр-тыр-тыр... из пулемета бьет.

Маша от неожиданно прозвучавшей, но давно мучавшей ее темы, растерялась.

— Вот оно что... на войне, значит...

И опять весь вечер сосредоточенно обшивала малых и взрослых селян.

— Тебе с малолетства не привыкать работать-то. Но ты, дева, и об малом сыне не забывай. Вишь, глазенки с мамки не сводит. Только и зыркает. Поласкайся и ты с ним. Завтра, чай, Вовкин день рождения. Устрой парнишке праздник, сама передохни малость. По селу прогуляйтесь. К Таисии Тимофеевне не позабудьте заглянуть да к Прохору. Люба ты им. И дитя твое в радость людям пришлось. Нераз слышала: «Наш Вовка! Наш Вовка!» Вот и покажи, как он попрос, бутуз краснощекий.

Прасковья Никитична сильно привязалась к мальчонке и опять принялась целовать любимого крестника, «ненаглядного кукушонка», давно прописавшегося в ее пожизненном одиночестве дорогим человечком.

Поутру Маша нарядила сына, сама приделась, причесалась. Красавица. Но глаза по-прежнему оставались грустными-грустными. Оба нарядные, пригожие вскоре уж здоровались с ивановцами на подворьях.

Тетя Тая подарила имениннику голубой самолет с красными звездами на крыльях.

— Кем станешь, когда в школе выучишься? — спросила она у любимца, глядя белобрысые завитушки.

— Летчиком. Всех над тайгой прокачу.

Маша заметно заволновалась. «Только бы про «доблестного» папашу чего не нафантазировал!»

А сын уже бойко читал Самгиной детский стих: «Идет бычок качается, вздыхает на ходу...»

Обрадовались их приходу и крестный Прохор с Нюсей. За стол усадили, накормили пирогами. Вовке к чаю подали припасенные три шоколадные конфеты «Мишка на севере».

Вернулись Кукушкины домой к ужину. Да не одни. С Прохором, который сзади на тележке вез в их дом непонятный груз. Вовка светился от счастья, хвастаясь бабуле самолетом и конфетами.

Прохор тем временем начал собирать смастеренную из мареной листвянки для Вовки широкую кровать. Снизу кровати приладил плетеную решетку в резной рамке. Для игрушек. В угол поставил небольшой комод для одежды. Но очень уж обрадовался крестник аккуратно сбитому из строганных досок ящику с крышкой. Чего там только не было! И маленький молоточек, и брезентовая сумка с гвоздями, и старая пилка с ручкой. Да премного других, крайне нужных смекалистому мальчугану «взрослых игрушек».

— Хватит, сынок, с бабулей на печи нежиться, — наставлял Прохор. — Один спи. Мужик уж какой, елы-палы! Четыре года! Это тебе не баран чихнул. Пора собственным хозяйством обзаводиться. К ящику-то особливо баб своих не допускай. Больно ценные в нем для мужицкой жизни штуки хранятся. Вмиг растащат. Опосля ищи-свищи. А тебе, елы-палы, надо за домом смотреть. Где чего приколотить, либо спилить понадобится. Так действуй, сынок, не зевай.

Малыш вытянулся перед Прохором в струнку и преданно смотрел на своего понятливого и щедрого крестного.

— Смело прибегай ко мне, Вовка, коль, чем помочь потребуется. Большой уж. Мало ли забот у взрослого ребенка... Смастерить, к примеру, табуретки надумаешь, либо скамеечку матери под корову садиться. Две головы, оно завсегда лучше.

Давно Прасковья Никитична заметила, что Маша не притрагивается к сыну с ласками да поцелуями. Не моет его. Все бабуля за нее восполняет, ежедневно купая и беспрестанно тиская крестника в объятьях. Вот и сейчас не удержалась. Но тот привычно стер рукавом с пухлых щек ее поцелуи.

— Ну, что ты, бабуля! Слышала от крестного: я большой. Стыдно мне с бабами чмокаться.

— Дак это... я за себя и за мамку. Она-то не жалуется нежностями, разве словами. Сто раз говорено: мальчонке ласки нужны, а все отмалчивается, знай, жмет педаль швейки. Понежить ребенка недосуг. Сидит белым-белехонька, будто с креста снятая, за спину от усталости хватается да губы кусает.

Через неделю Мария совсем разболелась.

— Надо ли тебе, дочка, денно-нощно хлестаться с шитьем-то! Всех денег не загребешь. Об малом подумай, понянькайся с ним. А то вовсе сына не касаешься. Хотя, вижу, души не чаешь. Скоро он от наших женских приставушек сам отворотится. Парнишка ведь. Захочешь помилиться, да не дастся.

Мария после ее упреков в голос разревелась.

— Что ты, дочка, Господь с тобой! Хотела на добро, любя, наставить, а ты вона... из-за ничего растрогалась.

— Нет, тетя Проня... О другом плачу... Давно надо повиниться перед тобой, душу излить. Не чужая мне...

Прасковья Никитична подошла к ней и, прижавшись к худенькому Машенькиному телу, дотронулась губами до пылающего лба.

— Нет-нет!.. — та испуганно отстранилась. — Не прикасайся! Я грязная...

— Чего удумала-то, красавица? За четыре года, чай, родной дочкой стала. Какая еще «грязная»?! Опомнись. Девичий грех твой давно селом прощен. Я и вовсе не судья.

— Умираю я, тетя Проня... умираю.

— Не дури, дева! В твои-то годы?! Ну, уж нет! Чахотка? Или по-женски? Давай, посмотрю. Скольким бабам помогла да по сей день помогаю, будь они во веки веков здоровы. И тебя выхожу. Пойдем, милая, в мой дом. На кресле с лупой гляну.

— Поздно, тетя Проня, поздно... Нутро из меня истекло уж. Заразная я. Недолго терпеть осталось. — И, рыдая, упала перед ней на колени.

— Вовочку моего... сынка ненаглядного... не бросай. При тебе он, как при родной матери... В сиротский дом не отдавай, заклиная и Христом Богом прошу. Коль обявится... по случайности, ему — ни за что! — Вовка насторожился и подошел к матери. — А ты, сынок, во всем слушайся крестную маму, помогай по дому. Живите здесь, в нашем... Долго и дружно. С твоей помощью, тетя Проня, стен родных вырастит мой сынок честным да добрым.

— Маша, детка, чего говоришь-то?! Обязательно поправишься. Из любой беды вызволю, лишь сама того захоти. Выжить-то... Сын ведь у тебя — совсем малой, — запрочитала теперь и Прасковья Никитична.

Маша подошла к материному комоду, выдвинула ящики.

— Они полны Вовочкиной одежды на разные годы. Кое-что и в старших классах пригодится. А в льяном мешочке... на дне — деньги. От деда Вовы с бабой Клавой, от меня... Не бедствуйте, — и в изнеможении упала на кровать.

Прасковья Никитична тоже онемела от свалившегося на седую голову горя. Сидела под божничкой пунцовая и терла зареванные глаза. Немного успокоившись, Маша начала исповедоваться о своей жизни у Трахова, бандитского главаря.

— Три месяца держал на третьем этаже загородного коттеджа. Под запорами, а ключи в своем кармане хранил. Говорил, «шибко клевая, красивая, чтоб в лесу дремучем вольной оставаться». Охранники только в туалет выпускали. Еду в комнату приносили. Им главный злодей тоже не доверял. А когда узнал, что ношу его ребенка, озверел от ярости и в тот же день бандитам, псам бешеным, бросил на растерзание. Кто-то из них и опаскудил...

— Что ли соседей поблизости никого не видала, криком-то на помощь призвать?

— Какие соседи?! Тайга на десятки километров, а в комнате той, где жила, — ни одного окна. Лишь в потолке поблескивало цветное оконце. До него высокому мужику не допрыгнуть.

Прасковья Никитична под села к Маше и теплой рукой гладила ей холодные ноги, понимая, сколько бедняжке пережить пришлось, и почему она своего первенца никогда на руки не брала, не целовала, лишь нежно, трогательно и любовно разговаривала с ним. Заразить боялась.

— Сама сбежала-то от извергов, ни дна им, ни покрывшки?

— Обманула. Сказала, схватки начались. Кричала, умоляла отвезти в больницу. Сначала не обращали никакого внимания, потом поговорили с хозяином, после накинули на голову мешок и повезли к шоссе. Дальше ничего не помнила. Видно, ударили по голове и бросили на обочине. Подобрал меня, сказали, какой-то пожилой мужчина, привез в больницу. Очнулась на больничной койке. Начали лечить

сотрясение мозга. Тогда-то и объявили мне срамной приговор... Лучше бы бандиты убили...

— Опомнись, Маша! Малыш-то смотри какой! — не сдержавшись, перебила ее Соломина.— Прости, милая... Рассказывай, рассказывай!

— Врачи хотели перевезти в диспансер, но я ночью сбежала. Хорошо, документы сохранились в белье. Показала водителю автобуса свою прописку. Удалось уговорить его довезти без денег до райцентра. В Ивановку на попутке добиралась.

— Машенька, детка, я постараюсь вылечить...

— Нет-нет, тетя Проня, не позволю, чтобы ты свои чистые, святые руки об меня пачкала. Да и чувствую, вот-вот конец мукам моим.

— Почему ж ты тогда, при родах, не открылась? Вылечила бы, обязательно вылечила... Не заразила ли мальчонку?

— Плохо знала тебя, боялась, ославишь... Мне-то одна дорога... на погост, а сыночку с вами жить. Теперь уверена, сохранишь мою тайну. И напоследок, тетя Проня... Сними хоть один грех с моей смертной души. У края могилы прошу. Свози Вовочку в район к врачам. Пусть хорошенько посмотрят, проверят, анализы сделают. Сошлись на причину, что с плохими, мол, приезжими людьми общался. Сама для верности докторам покажись. Денег ни на что не жалея. Купи лекарства, если пропишут. Я же с нетерпением, страхом и надеждой постараюсь дождаться вас... С этого дня ты, тетя Проня, и есть Вовочкина мать. Не жилица я, нет, не жилица...

Всю неделю, показавшуюся Марии вечностью, пробыли Прасковья Никитична с Вовочкой в райцентре. Пока врачам показались, дождались анализов.

— Сказали, крепыш. Совершенно здоров. Бог, значит, уберет. И меня тоже.

— А ты, тетя Проня, не жалеешь? Ничего не скрываешь? — допытывалась несканзанно обрадованная Маша, целуя через глаженный платок пухлые ручонки ненаглядного сынули. Но едва уже говорила затухающим голосом. Без слез. Все до капельки выплакала.

— Клянусь, детка, Богом и светлой памятью Клавдии. Ни пятнышка на нашем ангелочке. Чист. Таким и дальше растить станем. Ты, дева, за соломинку держись, но живи, слышишь, живи!

...Мария лежала молодая, спокойная, красивая. У передней стены горницы стояли венки от селян и несколько ведер тополиных веток с набухшими почками. Во всем доме занавешены зеркала. В горнице полно народу.

Прасковья Никитична рыдала над Машенькой молча, чтобы поберечь малыша, и без того настрадавшегося за последние дни.

Вовка ходил вокруг матери с красными глазами, которые неистово тер кулачками. Без конца перекладывал на белом саване искусственные розочки. А то вновь принимался причитать со всхлипами осипшим голосом:

— Не уходи от меня, мамочка... Я маленький... Как жить стану... Я боюсь...

Бабы не выдерживали, начинали воем выть, а мужики выскакивали на улицу.

— Хватит плакать, сынок, хватит. Твоей маме и так тяжело с тобой расставаться...

Она взяла мальчика на руки и сбрызнула с ладони святой водой не в меру раскрасневшееся личико. Вовка затих, прижавшись к ее груди.

Потом еще долго Прасковья Никитична качала его у гроба и отнесла, уснувшего, в спальню. «Хорошо, Вовочка, хорошо... Спи, сынок. Не по твоим силенкам видеть похороны матери».

На следующий день Вовка с Прасковьей Никитичной пришли на кладбище с миской блинов и двумя вкрутую сваренными яйцами.

В березовой роще громко гомонили птицы. Малыш растерянно смотрел на вздыбившийся перед ним невероятной высоты холм.

— Моя мама будет здесь жить... под землей?! Всегда?! — испуганно, в отчаянии спросил он и принялся быстро-быстро рвать повсюду растущие подснежники, торопливо втыкая их в могилу матери между комьями сырой земли.

— Я больше не хочу летать летчиком. Лучше стану лечить мам. Всех-всех... Чтобы мамы и ты, бабуля, никогда-никогда не умирали.

Он расстегнул куртку, задрал рубашонку. Достав из-за пояса свой любимый самолет, воткнул повыше, насколько смог дотянуться...

Прасковья Никитична подошла к малышу и крепко стиснула испачканную глиной, дрожащую ручонку в своей руке. Вовка доверчиво и взросло посмотрел на нее. Умные Вовкины глазенки говорили ей, что никого роднее у него теперь нет.

— Верь мне, сынок. Я сделаю все... Ты обязательно выучишься на врача.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Гора
(г. Линкольн, Калифорния, США)

ЗАЧЕМ ТЫ ВНОВЬ ЖЕНИЛСЯ, НЕ ЛЮБЯ?

Родился в Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Переехал в США как приглашенный специалист. Один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций; один из первых постсоветских ведущих телевизионных ток-шоу; был известен в России и как переводчик медицинских журналов. Имеет ученую степень из Ленинградского университета, подтвержденную правительством США. Выпустил ряд поэтических сборников, получивших хорошие отзывы читателей, отмечавших способность автора подметить и бесстрастно осветить мельчайшие детали окружающих событий и явлений.

Не обижайся, если огорошу,—
Один вопрос томит меня, свербя:
Мой добрый друг, искатель счастья, Леша,
Зачем ты вновь женился, не любя?

Конечно, секс — серьезная затравка.
Конечно, честь — достоинство твое.
Но, ведь, наступит будничное завтра,
И сердце сразу выявит вранье.

И будешь снова рваться ты на части:
К жене и к сыну, к теще напоказ.
Семейный стол, как призрачное счастье
Тебя утешит... максимум на час.

Тебе на свадьбе все кричали: «браво»
И продолжают до сих пор кричать.
Конечно, не мое «собачье» право
Тебя чему-то в жизни поучать.

Но разум просит музыки потоньше,
Чем звуки труб, что льстят тебе, губя.
Мой добрый друг, искатель счастья, Леша,
Зачем ты вновь женился, не любя?

Камелия Санрин

(г. Роял Танбридж Велс, Великобритания)

СКАЗКИ ДЛЯ ГЛУПЫХ ВЗРОСЛЫХ

Родилась в Новосибирске. В разные годы жила в Сибири, Узбекистане, Англии. Писать начала рано, но публикациям уделять внимания не могла, по причинам материального порядка — нужно было растить детей. Собственности не нажила, в 2008 попала в лонг-лист «Русской Премии» со своими «Сказками для глупых взрослых», вышедшими в издательстве «Книга и бизнес», Москва.

Самый сложный жанр для меня — автобиография.

Люблю весну, котят, одуванчики — за нежность; кофе и критиков — бодрят; спортсменов — за открытость и простодушие, когда человеку нечего скрывать и душа как на ладони. Люблю Сибирь за одиночество и величие. Люблю Узбекистан за тепло и лень. Люблю Москву за въедливую пытливость. Люблю Англию за любопытство и сдержанность. Не люблю, когда больно беззащитным и не могу помочь.

Люблю писать разными шрифтами плоской кисточкой. Люблю стучать по клавиатуре, не попевая за ходом мысли — и взрывая одиночества словами. Люблю, когда захватывает дух у читателя. Люблю аттракционы, всякие карусели вверх ногами или просто качели до небес. Люблю прямой взгляд без всяких шторочек. Люблю верить и не обламываться — это как качаться на качелях.

СКАЗКА ПРО КЛАУСТРОФОБИЮ

У одной девочки мама была трусиха и всегда боялась спать одна. Поэтому когда папа уезжал в командировку, то мама звонила папиным друзьям и просила их прийти и с ней поспать. Так она сильно боялась. А папа на нее за это сердился и просил перестать так делать. Потому что у друзей есть свои семьи, и тоже, может быть, бояться. И ему так перед друзьями уже неудобно от этого было. Но он ничего с ней не мог поделать.

Тогда девочка решила маму отучить, чтоб она боялась, а чтобы мама уже стала смелая. Потому что ей было жалко, что папа с мамой друг на дружку обижаются, а хотелось, чтобы они не ссорились. А у нее мама еще сильно боялась тараканов.

И вот девочка поймала таракана и ночью, когда папа опять в командировку уехал, она маме с папиным другом в постель таракана запустила, когда они спали. Но таракан этот ушел, и так они его не заметили. Она в другой раз решила двоих тараканов запустить. И так сделала. Но только они опять ничего не заметили. Тогда девочка поймала троих тараканов, двое больших, а один маленький еще совсем. И она их всех маме в постель запустила.

Два больших таракана побегали-побегали и убежали. А маленький таракан ничего не понял, а только в волосах у папиного друга заблудился. И там он нашел у него ухо. Оно было для него большое, как белый прыгучий трамплин вокруг тоннеля. И

ему стало интересно, что там такое дальше в конце тоннеля? И он туда поэтому побежал. Пробежал немножко, а там темно и ничего не видно. Ему от этого стало страшно, и он решил повернуть назад. А там было тесно, даже для маленького таракана. Он тогда совсем испугался, что некуда больше идти, и у него началась от этого клаустрофобия. И он стал поэтому об стенку биться в истерике и ничего не мог с собой поделать. А потом начал просто грызть стенку.

И тут папин друг проснулся. А у папиного друга был бас. Это самый страшный голос, какой бывает у мужчин. А мама от этого голоса испугалась, и она тогда проснулась и закричала тоже сперва, пока не охрипла. Потом она перестала кричать, а молча папиного друга отправила к себе домой. А потом она стала смелая и уже не боялась спать одна, а наоборот боялась спать с папиными друзьями, что у них у всех были мужские голоса. И папа от этого сделался счастливый и больше на маму не ругался.

СКАЗКА ПРО ПЕРФЕКЦИОНИСТКУ

Жила одна девочка. Она была перфекционистка. И от этого у нее всегда уроки все были вовремя сделаны, и в портфеле сплошной идеальный порядок, и косички туго заплетенные. А она не знала, что она перфекционистка, думала так и надо. А еще у нее был папа перфекционист. Он был сильный и красивый, два раза в неделю ходил в спортзал качаться, и у него карьера была хорошая, и носки он по квартире никогда не разбрасывал, а в туалете всегда крышку поднимал. Так все перфекционисты делают.

А мама у них была взбалмошная, а еще она была растяпа. И она всегда все делала не так. А папа ей говорил, что она сделала не так, а как надо было сделать, чтоб правильно. А девочка, когда маленькая была, то не говорила, а потом выросла большая и тоже стала маму учить. Только мама была взбалмошная и упрямая и никак ничему не научалась из-за этого. А однажды взяла и насыпала яду в суп. А девочка в тот день была на подругином дне рождения и поэтому суп не стала есть, а только чаю с печеньками перед сном попила и спать легла.

И вот она утром просыпается, а папа с мамой у нее уже умерли, оказывается. И лежат поэтому в спальне, хотя уже светло, и на работу пора. Тогда она решила их похоронить. Она после школы приходит в похоронное бюро и говорит там хозяину этого бюро:

— Здравствуйте! У меня сегодня папа и мама умерли, как бы мне их теперь похоронить?

А он обрадовался, что у него сразу два клиента, много денег заработает, и говорит ей:

— Здравствуй, девочка! А тебе какие похороны больше нравятся — с музыкой или без?

А она очень любила классическую музыку, поэтому говорит:

— С музыкой.

А у них если с музыкой, то дороже выходит. Он поэтому еще больше обрадовался и говорит:

— А закапывать на каком кладбище будем? — есть места подешевле, есть дороже, на солнечную сторону с видом на море.

А она раз перфекционистка, ей все надо самое лучшее. Вот она и заказала самые лучшие места в первом ряду. Он тогда совсем радостный стал и спрашивает, какие гробы ей надо. А она ему говорит:

— Мне не надо два гроба. Мне надо, чтоб они оба в одном гробу были. Это у ма-

мы потому что самое главное было желание всей жизни, чтоб папу в гробу увидеть в белых тапочках. А если их в разные гробы положить, то как она тогда увидит?

Он тогда немножко расстроился, но думает: «Уломаю».

И стал ей показывать, как хорошо когда в отдельном гробу, если лежишь, удобно так. И дал ей самой примериться. Ей гроб понравился, красивый такой полированно-го дерева и подушка удобная. Но она все равно на своем настаивает. А он и так, и эдак — охота же, чтоб побольше денег получить: то ли за один гроб, а то ли за два целых гроба сразу. И он тогда ее решил в ресторан пригласить, чтобы там поугваривать. Он ей говорит:

— А давайте сходим в ресторан покушать и там все обсудим как надо?

А она помнит, что дома суп вчерашний стоит, может пропасть. И она ему сказала, что дома есть много вкусного борща, мама перед смертью наварила. И ему сильно захотелось этого борща. Вот они приехали к ней домой. Она постелила на стол скатерть, на скатерть положила подставочки для тарелок. На подставочки она положила ложки и вилки красиво, как в ресторане, и поставила большие плоские тарелки, чтобы на них сверху суповые тарелки ставить. А суп за это время как раз закипел. Она суп налила в тарелки и поставила на блюда. А он за столом сидит с помытыми руками уже. И она тоже села, а тут только заметила, что салфеток-то и нету на столе. Так ей это стыдно стало, что она встала и давай перед ним извиняться и говорит:

— Я быстренько, только сбегаю в магазин за салфетками, вы только подождите не ешьте без меня! Надо, чтоб все как положено было,— и убежала в магазин за салфетками.

А он без нее не выдержал и весь свой суп съел. Даже без салфеток. Она из магазина приходит — а он уже мертвый лежит, ее дожидается.

И вот ей пришлось его тоже хоронить. Она раз все уже знала, как у них делается, он ей показывал. И вот она сделала двойной гроб с музыкой для папы с мамой и еще один красивый гроб с красной полировкой для хозяина этой конторы. Так все красиво сделала, всем очень понравилось. И после этого стало очень модно хорониться в двуспальных гробах, и она из-за этого разбогатела и стала преуспевающей бизнес-дамой. Ей это папа всегда так и говорил:

— Хорошим девочкам гарантирован успех в бизнесе. Просто нужно делать все как надо.

И теперь она самая богатая девочка в своем городе.

СКАЗКА ПРО ПАПИНО ПЛАТЬЕ

У одной девочки папа очень любил мамины платьюшки мерять. Ему в них было очень красиво. У него были очень красивые ноги и все остальное. А мама на это обижалась, что ей самой охота это платье одеть, она его только что купила. А сама приходит домой, а папа уже в нем перед зеркалом крутится. И ей помады никогда не хватало, и тушь от Ланком сразу заканчивалась вся. А главное, колготки на нем постоянно рвались почему-то.

И еще у них был дядя. Он думал, что папа дурак и хотел, чтобы мама себе мужа поменяла. Только он им об этом не говорил.

А один раз папа с мамой чуть не подрались. Мама купила себе очень красивое новое платье в бутике. А дома пока пошла в ванну руки мыть, а папа его уже на себя надел прямо с грязными руками!

Но тут к ним пришел дядя, и они не подрались, а только стали ему ябедничать и жаловаться друг на друга. У дяди из-за этого разыгрался юмор, и он стал много шутить. А папа сказал, что ему жизненно важно быть красивым и ничего тут смешного.

Мама сказала, что ей это тоже смертельно важно, чтобы чувствовать себя женщиной в своей тарелке. А он сказал, чтобы они менялись и по очереди чувствовали себя женщиной через день, раз это для них так жизненно смертельно важно. Так папе показалось справедливо, а мама обиделась, что ей нужно себя мужчиной чувствовать через день. Она сказала:

— Не хочу и не буду.

И тогда девочка придумала, чтоб самой сшить папе платье. Она только попросила папу вставить нитку в машинку. А папа увлекся и сам все платье сшил. Мама его померяла, и платье на ней порвалось. Тогда папа сшил другое платье. Мама его померяла и говорит:

— В этом платье хорошо на пляж ходить. Чтоб там быстренько снять и никто чтоб не видел. Или в сауну.

Папа тогда сшил еще другое платье. Мама его померяла и говорит:

— В этом платье хорошо гостей встречать, которые надоели уже. Чтоб они как его увидят, так быстренько улепетьвали сами.

Тогда папа накупил много всяких журналов по кройке и шитью и сделался задумчивым. А дядя к ним часто приходил и тортики приносил. Он хотел, чтобы папа от них стал толстый. Папа потому что тортики очень любил. И он от этого начал даже толстеть. А сам не замечал, что толстеет. Потому что он ходил все время в старом бабушкином платье, а больше ему не в чем было ходить. Но тут он уже взял и платье маме дошил. Мама его померяла и ничего не говорит. Стоит только перед зеркалом, вылупилась и не отходит. И папа понял, что ей платье понравилось.

Тогда они пошли на вернисаж, и там все на маму тоже вылупились, а на картины даже не смотрели. Потому что у мамы было такое платье сногшибательное. И все стали спрашивать, откуда такое платье и просить папу, чтобы он им тоже сшил. Так папа стал известным модельером, и больше он уже тортики не ест, а только таблетки для похудения. У него от них талия, и он может носить что угодно.

А дядя расстроился, что папа оказывается такой талантливый, и мама его ни на что не поменяет. И он пошел с горя и наелся черной икры. Потому что ему так было плохо, и он не хотел, чтобы из этой икры еще что-нибудь вылуплялось.

СКАЗКА ПРО СМЫСЛ ЖИЗНИ

Люди все разные. Есть такие, которые любят конфеты, а есть которые не любят. И есть люди, которые любят собак, а есть — которые кошек. А еще есть люди с чувством юмора и высокие сильные люди-спортсмены, добрые внутри. А есть учительницы в школе. Или в магазине продавщицы. А мужчины есть летчики в самолете или директор школы. Все разные. А некоторым интересно искать в жизни смысл. Они для этого в школе хорошо учатся и потом в университеты поступают и там ищут. А если не найдут, то учатся дальше и пишут потом диссертации всякие на свободную тему: «В чем смысл жизни?» и «Где его искать?»

А мальчик Витя про это ничего не понимал и не искал. А потом его во дворе побили, и он пошел к папе, чтобы папа его защитил. Но папа был пьяный и не мог самостоятельно передвигаться. Вите стало грустно, и он начал думать про смысл жизни. Чтобы самому не думать, он решил спросить у папы:

— Папа, а в чем смысл жизни?

И папа ему ответил, что есть мужчины, а есть еще женщины, некоторые как-то выкручиваются, а он вот женился, и у него такой пацан.

Тогда Витя в школе на уроке поднял руку и спросил у учительницы:

— Надежда Николаевна, а в чем смысл жизни?

А учительница ему ответила, что для этого они в школе учатся, чтобы это понимать. И что нужно хорошо учиться, и тогда все узнаешь. Потом.

И Витя стал в школе хорошо учиться и делать уроки дома. У него от этого успеваемость повысилась, и папа радовался, что такой пацан башковитый, оказывается. И мама радовалась. Но только в школе Витя про смысл жизни еще так ничего не выучил и пришлось поступать в университет. Там он встретил Лену, и они стали учиться вместе. А потом Лена его полюбила, и он бросил университет, потому что нашел, что искал.

А потом Лена его бросила, и он понял, что ошибся — и ушел в армию.

В армии он поговорил со многими людьми и выяснил, что смысл жизни у людей — дембельнуться, а у прапорщика — получить пенсию. К концу армии он стал физически сильный и выносливый и решил продолжить учебу в университете.

В университете ему обрадовались и стали учить. Витя научился пить, разговаривать со студентками и писать стихи. Стихи у него получались плохие, студентки обижались от таких разговоров, а пить получалось нормально.

А еще ему пришлось жениться на студентке Даше, чтобы она не плакала и не боялась детей. И у них родился Павлик, а Вите пришлось много работать, чтобы Павлика прокормить. Он отдыхал душой во время разговоров с Павликом и при употреблении спиртного.

А однажды Павлик спросил:

— Папа, а в чем смысл жизни?

Витя подумал и понял, как все-таки классно, что у него есть такой пацан, с кем можно на всякие умные темы поговорить. И так ему и объяснил.

Вот так случайно у Вити нашелся смысл в жизни.

СКАЗКА ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРОЙ НЕ ХВАТАЛО ДЕНЕГ

У одной девочки вечно ни на что денег не хватало. Вот она захочет покушать, пойдет в ресторан, а ей денег, оказывается, не хватает, и приходится тогда идти в кафе. Или захочет себе платье какое-нибудь купить от кутюр, а денег опять не хватает, и приходится ходить в чем попало. От этого ей было ужасно стыдно перед людьми, что все девочки как девочки, а она одна в чем попало ходит одетая. А она же была не уродина какая-нибудь. И вот однажды у нее денег не хватило даже на кафе. Она так от этого сильно расстроилась, села возле кафе на лавочку и заплакала. И тут к ней подходит какой-то мальчик и говорит:

— Девочка, а девочка, а ты чего плачешь?

Она ему сказала, что кушать хочет, а денег на кафе не хватает, и вот она поэтому голодная такая плачет. Тогда он ей сказал, чтобы она не плакала, потому что у него есть пластиковая карточка, и он ее в кафе сводит. Пошли они в кафе, покушали. Потом он ее на своей машине по городу покатал, а потом еще в ресторане нормально поужинали. А утром он ее спрашивает, чего бы ей еще хотелось? А она говорит:

— Вот мы вчера в ресторан ходили, ты видел как на меня все пальцем показывали, что на мне что попало надето? Конечно, мне нужно платье от кутюр.

Поехали они в салон бутик, и она там стала все на себя примерять и радоваться, а потом уже вечером когда покупать надо, оказалось, что у него денег не хватает на все. Она так расстроилась, чуть сквозь землю от стыда не провалилась. Выбежала из бутика и побежала от этого мальчика подальше, так ей из-за него стыдно было. Сама бежит, а слезы из глаз прямо ручьем текут от обиды. А ей навстречу какой-то мужчина, увидел и говорит:

— Девочка, а девочка, ты почему плачешь?

И тут она ему все рассказала, какая она несчастная, и как ей не повезло с тем мальчиком. Мужчина тогда улыбнулся, а зубы у него оказались золотые, и карточка у него тоже оказалась золотая. Он поэтому ее в бутик отвез и все, что она себе хотела из одежды — он ей все это купил тут же. А потом они пошли в самый шикарный ресторан, и там ей очень понравилось, и все было очень вкусно. Она стала веселая и улыбочивая поэтому. А утром он ее спрашивает:

— Золотко, у тебя какие планы на завтра?

Она ему улыбнулась и сказала, что очень хочет на Кипр, она там потому что ни разу не была. И они с ним съездили на Кипр, а потом на Канары, а потом собрались в Куршавель, а у него денег не хватило. Она сразу прямо в гостинице, где они жили, прямо в кресло упала и заплакала прямо в фойе. И тут к ней подходит какой-то старичок старенький и так у нее спрашивает:

— Девочка, а девочка, а ты почему плачешь?

Она ему говорит:

— Дедушка-дедушка, ну вот как мне не плакать? Только я собралась в Куршавель, а тут денег не хватило...

А он ей тогда говорит:

— Во-первых, я тебе никакой не дедушка, а во-вторых, называй меня просто Вова.

И он ее повез потом в Куршавель. И еще куда она хотела, везде повез. Потому что у него была платиновая карточка. И он ей все покупал, что ей было надо, а потом даже на ней женился, чтобы у нее тоже платиновая карточка появилась, и чтоб ему не заморачиваться по бутикам ездить. И потом уже ей всегда денег на все хватало, потому что Вова оказался новый русский подпольный миллиардер.

СКАЗКА ПРО НАИВНУЮ ДЕВОЧКУ

Жила-была одна девочка. Она была очень наивная. Мама ей говорила, что нельзя быть такой наивной, а она все равно всем верила, такая была неисправимо-наивная. А мама ей говорила, что останешься из-за своей наивности с ребенком и без денег, потому что мужчины все только гадости любят делать, а по-настоящему они нехорошие и жадные. Потому что у мамы у самой так в жизни получилось, и она свою девочку хотела научить, как правильно жить. А девочка очень любила свою маму и во всем ее старалась слушаться, только это не всегда получалось.

И вот она однажды идет по улице, а рядом с ней машина останавливается, и ей оттуда какой-то мужчина говорит:

— Девочка, а девочка, давай я тебя подвезу, а то у тебя, наверное, ножки уже устали.

Она удивилась, откуда он знает, что у нее ножки устали, что она новые туфли на каблучках одела, и от этого у нее мозоли? Но она помнила, что ей мама говорила: нельзя мужчинам доверять — и она ему поэтому твердо сказала:

— Хоть у меня ножки и устали, а я в вашей машине все равно не поеду, потому что у вас одни только гадости на уме и потом останусь еще с ребенком и без денег.

Он очень обиделся, что она так сказала, и достал свой кошелек, и все деньги оттуда достал, и ей отдал. Она аж остолбенела. Там было потому что очень много денег. А она даже не думала, что мужчины такие добрые могут быть. И она тогда села в его машину и поехала домой. Он только немножко ее по городу покатал и домой сразу отвез. И так они стали часто в машине кататься, и он ей все время денег давал. А она маме про это не говорила. А с мужчиной с этим они много разговаривали, и он ей рассказывал, что ребенок — это личное дело каждого, а вовсе не божеское наказание, и что мужчины вообще очень добрые и любят дарить подарки,

а если тебе надо деньги, то об этом надо прямо говорить, потому что телепатия у мужчин недоразвита.

И он ее очень полюбил, и она его тоже. Только они пожениться не могли, потому что у него уже была одна старая жена, и он не хотел ее обижать, чтобы она расстраивалась. И он ее познакомил со своими друзьями, и они тоже все оказались очень добрые и всегда давали ей денег, когда она только просила. Так у нее накопилось много денег, и она купила всю мебель новую и стиральную машину. А еще она купила маме телевизор большой и себе компьютер, чтобы со своими друзьями по интернету общаться. А мама поняла, что ничего плохого нету, чтоб быть наивной. А просто нужно людям прямо говорить, что тебе надо — и все будут стараться помочь. Людям нравятся помогать.

СКАЗКА ПРО ЗЛУЮ ПРОДАВЩИЦУ

В одном городе был магазин. И в том магазине была продавщица — ужасно невоспитанная. Она умела так невежливо разговаривать, что ее все боялись, а некоторые старушки плакали, нервные. А она от этого радовалась и даже выучила сколько-то нехороших слов, чтобы еще больше боялись. Потому что она не любила, когда в магазине много народу, а любила тишину. И так у нее был магазин все время пустой почти что, и там было мало народу.

А в этом доме, где магазин, жили люди. Им когда сильно хотелось чего-нибудь покушать, то они садились на автобус и ехали в другой магазин и там все себе покупали, что нужно. Молоко и хлеб. И сметану тоже там покупали. А одна девочка не могла ездить на автобусе, у нее была морская болезнь. И у нее в автобусе эта болезнь просыпалась — и начинала ее укачивать. И девочке от этого становилось нехорошо. Поэтому все думали, что она очень смелая, что в тот магазин, где продавщица злая ходит. А она просто боялась умереть в автобусе, поэтому ходила к той продавщице, а на самом деле она продавщицу тоже очень боялась, как и все.

И вот однажды у них в доме вся еда закончилась, и мама стала просить девочку, чтобы она сходила в магазин и хоть какую-то еду там купила. А девочка тоже была очень голодная, но сперва терпела, долго, и только вечером уже от голода совсем озверела и пошла тогда в магазин. Она, когда по лестнице спускалась из своего подъезда, подумала, что нужно уже что-то сделать с этой продавщицей, а то люди голодные, может уже кто-то умер из-за того, что она здесь. Девочка придумала много всяких способов, что можно с продавщицей сделать, только ей в тюрьму не хотелось, поэтому она решила еще что-нибудь другое придумать. И еще ей очень хотелось быть смелой и не бояться. Она зашла в магазин и смело сказала:

— Здравствуйте!

Продавщица так удивилась, что девочка такая смелая, что жевачку чуть не проглотила. Такой у нее был разгрузочный день, что она съела три пирожки и шоколадку и уже до жевачек добралась, все равно их никто не покупает. И ей сильно не хватало общения. Только никто об этом не догадывался. Она с девочкой стала общаться. Она ей сказала:

— Чиво?

Девочка удивилась, что продавщица на нее не кричит и забыла, зачем пришла в магазин за хлебом, кефиром и полкилограмма рису. А только стоит посередине и глазами моргает. А продавщица подумала: что это с ней? — и открыла свой заборчик, и из-за прилавка вышла сама на свободу. А у нее оказались красивые ноги. Девочка так вообще сильно тогда удивилась, что даже вслух об этом сказала:

— Ой, а у вас ноги!

А продавщица у нее спрашивает:

— Чиво?

Тогда девочка ей объяснила:

— Красивые.

И у продавщицы произошел психологический слом. Она же не знала, что у нее ноги красивые, думала, она вся совсем уродина, и ей надо поэтому быть злой. А девочка стала продолжать наступление. Она придумала, что надо продавщицу выдать замуж за дрессировщика, чтобы она была воспитанная. Потому что у них дядя работал дрессировщиком в цирке, и у него все звери были воспитанные и не рычали. И она продавщице подарила билет в цирк, а потом купила еды и убежала домой звонить. Она дяде сказала, что на этом месте будет сидеть другая девочка, только она немножко дикая. Она так нарочно сказала, чтобы дядя повелся. Он и повелся и приручил эту продавщицу. А потом вообще увез в другой город. Он же профессионально любил дикость приручать. А тут тем более ноги красивые.

ВРЕМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Женщины все хитрые. Мужчины не очень. Мужчины только чтоб пожрать или для секса, наивно по-детски. И они не знают про время. Мы им говорим, а они тарашатся и башкой кивают. Не воспринимают всерьез совсем. Изобретают часы и календари, чтобы показать, типа, поняли что-то. А нам пора замуж. Или рожать. Или сына женить. Время. А им хоть кол на голове чеши. А мы еще и влюбляемся в этих недоумков. Одна была хитрая-прехитрая и вообще ни разу не выдала своему, что знает. Она как увидела его, влюбилась — и бежать. Домой, к маме. Отдышалась, посоветовались. Мама хитрая говорит: «Только про время ему не заикайся. Не захочет жениться — пускай отчаливает. Их временем не привяжешь».

Она и не заикалась про время. И после свадьбы молчала, как рыба об лед. И что рожать пора, не сказала. Он так и думал, что у них дети всегда были, с самого начала. Выросли, разъехались — она молчит. А он и не заметил. Волосы седые никогда ему не показывала. А он глупый сам. Не показывает — значит нету. Целлюлит всякий или морщины — молчит, хоть ты ее режь! Зубы поменяла на вставные — и ниче, как будто так и было. Очки толстенные на нос напялит, носки ему вязать — а он ни в ус ногой! Мужчина он у нее был. На все сто. Дурак непонятливый. Потом уже совсем с тросточкой стала ходить, целоваться начнут — так на нем и повиснет. А он радуется. Ну, и что такому скажешь? Ему хоть заобъясняйся, не поймет. Только стала ее земля тянуть, время берет свое, ясное дело, уже далеко за сотню-то, надо ж и честь знать. Вот и решила сказать ему...

Он ничего не понял. Обнял ее и давай целовать. В глаза друг другу засмотрелись и не заметили, как умерли.

СКАЗКА ПРО ПРОБЛЕМЫ С СОВЕСТЬЮ

У мальчика Леши была совесть большая-пребольшая. Он ее много упражнял физически, и она от этого развивалась и переразвилась. У Леши сделалась походка медленная, он все время себе под ноги смотрел, чтобы на жучка на какого-нибудь случайно не наступить. И он слова всякие вежливые всем говорил, чтобы люди не обижались и не расстраивались от невежливых. А еще он всегда все делал вовремя и даже немножко заранее, чтобы не опаздывать и совесть иметь. А люди же не понимали, что это у него из-за совести, что она большая такая. И нарочно еще его часто-часто

просили: «Ну ты совесть поимей, а?» — а они так его заставляли, чтобы он им что-то хорошее отдал или сделал. И он так делал. У него из-за этого ничего хорошего не появлялось, а только совесть выросла до супергигантских размеров и стала уже мешать ему жить.

Мама с папой когда это увидели, они только между собой переглянулись, присвистнули и заплакали. Они поняли, что внуков им не видать.

Потом папа сказал:

— Не плачь. Что-нибудь придумаем.

На самом деле папа и мама были у Лешы очень симпатичные, а он весь в них пошел и девушкам поэтому нравился. А он на них не смотрел: неприлично же на девушек смотреть! От этого нехорошие мысли всякие получаются и совесть сразу так наваливается, что хоть сквозь землю проваливайся, хоть стреляйся — везде достанет и сожрет. Она у него агрессивная уже сделалась.

Лешины родители занялись срочными исследованиями на темы нравственности. Папа стал лазить в интернете, а мама советоваться с соседками. И они независимо друг от друга пришли к одному и тому же выводу, что нужно совесть у Алешеньки как-то слегка ампутировать хоть на время. Потом пускай разрастается, когда он уже женатый делается.

Они поделились выводами друг с дружкой и так подтвердили результаты своих исследований.

Вот они записали Лешу в институт нравственной травматологии и ортопедии и поехали в назначенный день на прием.

Все врачи, доктора и кандидаты, захотели на него посмотреть. У них в институте лечились всякие моральные уроды, и никому из ученых в голову даже не приходило, что слишком большая совесть тоже нехорошо.

Но папа и мама им очень убедительно все рассказывали, и соседка с нижнего этажа подтвердила, а соседи из дома напротив сказали, что они тоже начали испытывать угрызения совести, когда мусор под окнами высыпали, и пришлось поэтому прекратить. Оказалось, это заразно. Алеша очень извинялся и у них просто руки опустились что-то подобное впредь творить.

Так врачи их слушали целый день, разинув рот и написали длинную интересную историю Лешинной болезни. Они ее потом издали отдельной книгой под названием: «Бесконтрольное разрастание совести. Диагностика и лечение». — а там все было про Лешу написано и про его совесть. А лечение оказывается только оперативное.

Сначала хотели оставить немножко от Лешинной совести на развод, но потом забоялись метастазов и решили всю вырезать и заморозить для лечения своих других пациентов.

Папа с мамой не любили никаких операций. Они побледнели и заплакали. Им дали пятьдесят граммов коньяку и валерьянки и сказали:

— Ну что вы, в самом деле? Это совсем не больно. Медицина не стоит на месте, а наоборот, идет вперед. У него даже шрамика не останется. А когда все заживет, мы ему кусочек его же совести обратно пришьем.

И так и сделали. Дали Алеше дышать чем-то невкусным и попросили рассказать таблицу умножения. Алеша начал запинаться на трех, ему было ужасно неудобно, он на трижды семь густо покраснел, а на трижды девять уснул.

А проснулся уже без совести, как и обещали. Он тут же встал по привычке, что неудобно в постели валяться, когда день на дворе — и удивился какая во всем теле легкость и в душе.

Папа с мамой увезли его домой и просили полежать еще. Он ложился, а сам потом вставал, когда они уходили. И ходил по комнате, и ему не было стыдно, что он так не слушается, а только странно и непривычно. Леша удивлялся.

Через неделю родители уже совсем за него успокоились, потому что у мальчика аппетит хороший и улыбается, в принципе, и на работу не опаздывает. И уехали в Анталью.

А Леша без них получил получку и стал смотреть на небо на облака, чтобы не заметить, кому какая помощь материальная вдруг понадобится, а донести деньги домой.

У него проснулась хитрость.

И она ему помогла все почти деньги до дома донести, а только дать одному голодному мальчику на сигареты и соседу из восьмого подъезда на опохмел.

А назавтра случилась суббота. Леша встал, сварил овсянки, приготовил себе кофе и пошел завтракать на балкон. Возле балкона рос большой тополь и светило солнышко. Леша посмотрел на свои белые руки и вместо того, чтобы смутиться от их вида, покраснеть и быстренько побежать одеваться, решил этим летом загореть. Он представил себе, как он идет на пляж в клевой футболке и скаутских шортах, и что на ногах у него шикарные сандали и ему очень захотелось клевою футболку, скаутские шорты и шикарные сандали.

Леша приоткрыл платяной шкаф и скептически в него заглянул. Летнее настроение не находило поддержки в одежде. Он оделся, как всегда одевался на работу, в костюм и белую рубашку. Подумал и снял пиджак, убрал его назад на плечики. Посмотрел в зеркало. Подумал еще и снял с себя галстук, вынул запонки из манжет и решительно закатал рукава по локоть. Отражение в зеркале скривило кислую рожу и покрутило пальцем у виска. Леша сказал:

— Извини, брат, так надо, — и повернулся к нему спиной.

Леше предстояла большая работа по поиску и выбору запланированной одежды. Работа малознакомая, пугающая, но необычайная легкость во всем организме захлестывала душу и толкала вперед. Леша заскакал по ступенькам вниз и выбежал из подъезда. Ближайший дворец торговли втянул в себя кошелек с прохожим, и Алексей заметался в поисках одежды. Он метался между кастрюльками и мебелью, а после бытовой химии скорость у него начала снижаться. Он стал замечать продавщиц. К отделу мужской одежды он приблизился медленно и с одышкой. Он был самый симпатичный из покупателей и растерянно озирался так, что все продавщицы решили сразу ему помочь с выбором одежды. А заведующая показала девушкам других покупателей и пошла за Лешей в примерочную и на пляж. Так у Лешы сбылись первые три мечты в его жизни: клевая футболка, скаутские шорты и шикарные сандали. А у родителей сбылась другая мечта, когда они приехали из Антальи и увидели, что у сына в комнате живет заведующая отделом мужской одежды из дворца торговли. Они только присвистнули и засмутились. А потом вымыли руки и познакомились.

Заведующую звали Таня, и у них с Лешей была любовь. А потом они поженились, и Таня стала носить Лешины рубашки и будить на работу, чтоб не опаздывал. Он очень любил по утрам поспать, и приходилось его расталкивать и много раз напоминать, что уже пора вставать.

А Таню он любил больше, чем поспать, и поэтому просыпался, когда она попросит. А однажды он проснулся сам, еще задолго до рассвета и без будильника. У него распухла совесть и не давала спать. Пришлось встать, выйти потихоньку на кухню и сделать там генеральную уборку, и приготовить обед для всей семьи из четырех блюд. В следующую ночь он сделал генеральную уборку в зале и во всем своем подъезде. Он очень боялся кого-нибудь разбудить и поминутно вздрагивал и заливался потом. Через несколько дней дом весь блестел изнутри и делать нечего, Алеше пришлось выйти на улицу и там начать подметать возле помойки. А сказать своим, что у него опять совесть проснулась, он не решался. Ночью на улице людей мало, а только какой-то очень замерзший человек попросил у Лешы его шапку и пальто, что-

бы согреться. А еще Лешины зимние башмаки ему понравились. И Леша ему подарил. Потом тот человек подумал и попросил еще костюм новый хороший, в котором Леша на работу ходил и рубашку тоже попросил. У него такой рубашки потому что не было. А трусы и носки он не захотел брать, а Леша сам ему предлагать постеснялся. Хотя они были чистые.

Утром у Леши оказалась высокая температура, и совесть его мучила так, что он плакал и просил у всех прощения. Тут уже всем стало понятно, что у него рецидив с обострением. Таня сидела возле него на стуле, гладила по голове и говорила, что от скромности Леша не умрет. Но они оба знали, что это неправда, что это просто бальзам ему для души, а нужна операция.

Операции не помогали, и врачам пришлось поставить Леше очень дорогой нравственный диспенсер, который никому даром не нужен, и отправить в тюрьму, потому что к нормальным людям с диспенсером близко подходить незэтично.

Так Леша и живет. Лешина тюрьма — самая лучшая в мире. Каждый, кто там сидит, непременно всегда говорит «спасибо», «пожалуйста», «извините». Тюрьму часто показывают по телевизору, только заключенные стесняются камеры и прячутся где-нибудь в розарии и зрители думают, что это какой-то курорт им показывают. А Леша начальник тюрьмы, ему прятаться нельзя, и он смущенно показывает журналистам тюремный музей с их картинами и вышивками. Он очень гордится своими преступлениями.

СКАЗКА ПРО ПОЭТА С УКЛОНОМ В ЛЮДОЕДСТВО

У одной девочки были зубы на два размера больше, чем надо. Они поэтому у нее во рту все не помещались, а самые передние все время вылезали наружу, как будто она улыбается. Дети ее боялись, думали, что она вампир. А папа думал, что она не его дочь, а кролика Роджера. А она была его дочь, просто она внутриутробно неправильно развилась. А мама у нее была настоящая красавица. И девочке от этого все время грустно было, что ее никто не любит. И характер у нее поэтому стал как у меланхолика. Никто об этом не догадывался, все думали она веселая и улыбочивая. Так ей приходилось притворяться веселой, раз уж она такая была улыбочивая. А еще она любила поэзию и мечтала о большой настоящей любви.

А у них в городе жил один мальчик, который писал стихи. Он потому что был меланхолик. То есть, он был часто грустный и писал стихи о смысле бытия и другой всякой философии. И все думали, что он поэт. А он на самом деле был не поэт, а людоед. Только он сам об этом не знал сперва. А мама его думала: «Что он такой грустный? надо его наверное накормить чем-нибудь вкусненьким». А он от еды наоборот толстел только и печально вздыхал. А мама думала: «Наверное, невкусно накормила». — и опять придумывала, как его порадовать. И она ему всякие красивые штуки делала на завтрак из каши: то домик, то ежика, то девочку с глазиками из изюма и в платишке вареньевом. И еще мама заметила, что он может ежика всего не доест или там, домик кашный, а девочку всю съедает и даже потом тарелку облизывает. Тогда она стала ему на завтрак только одних девочек готовить.

И вот однажды к ним в гости приехали какие-то друзья погостить со своей дочкой. И мальчик этот с ней стал гулять везде целыми днями и с нее глаз совсем не сводит, а сам веселый стал и ничего не ест. А еще он ей свои стихи читал красивым голосом. И она становилась от этого такая задумчивая и нежная, что ему уже ее очень хотелось съесть. Он ей об этом не говорил. А сам так целую неделю не ел, сколько они у них жили и стал от этого ужасно веселый и только с ней все время баловался и шутил. Так ему было весело. И еще он был голодный, только никто об этом

не знал. И вот он в последний день, как им уезжать, взял ее и съел. И сразу стал грустный и меланхоличный, как он всегда сытый становился. Потом он косточки собрал в пакетик и написал стих о смысле жизни — такой печальный, что все, кто читал — плакали. А мама решила, что у нее сын гений. А он на самом деле был не гений, а людоед. Только никто об этом не знал.

Гости девочку поискали везде, где могли, а потом уехали к себе домой.

А мальчик опять стал грустить и кашу по утрам кушать. А кроме каши он не ел ничего, поэтому к вечеру уже обратно становился веселый. Мама переживала, что у него плохой аппетит и решила его с какой-нибудь девочкой познакомить. И так и сделала. А он ту девочку тоже съел потом. И еще несколько девочек. А стихи у него от этого получались, действительно, безумно гениальные. А потом мама его познакомила с той девочкой с большими зубами, и они с ней стали встречаться, и он ей читал стихи. А она очень любила стихи, и ей так от них делалось нежно и грустно, как всем другим девочкам до нее, но только она не могла перестать улыбаться. И он поэтому не мог ее съесть. Думал, что она еще к этому не готова.

Тогда он решил на ней жениться. А она все не верила, что он ее любит, и поэтому хочет жениться. И тогда он ей объяснил, что на самом деле все девочки одинаковые, а только у них внешность разная. А девочки правда все на вкус почти одинаковые и пахнут все одинаково и очень вкусно, если их только духами не забрызгать. А он ей сказал, что она его одна первая поняла, какой он добрый, а он раньше сам этого про себя не знал, а думал, что наоборот. И он тогда решил стать врачом вместо поэта. Потому что поэты все или алкаши или людоеды. А он уже больше решил не быть людоедом.

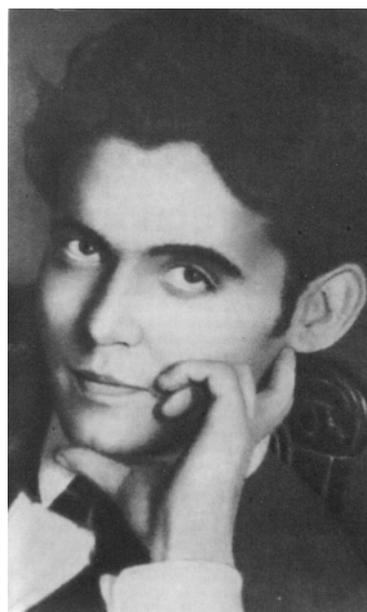
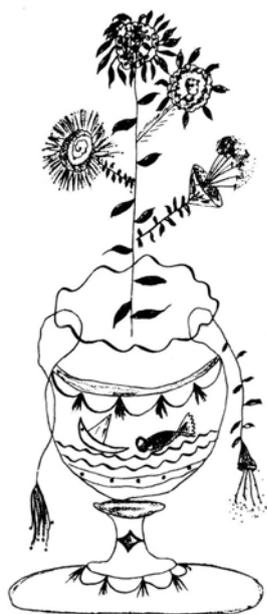
И теперь он работает хирургом в больнице и девочек уже больше не ест, а только если его попросят что-то лишнее у пациенток отрезать, он тогда это отрезает и ест. А они его за это любят и дарят ему конфеты и бутылки. И он их домой своей жене приносит. И стихи если пишет, то ей только одной читает, так ему теперь от этого теперь стыдно.

К ЗАВЕРШЕНИЮ ГОДА ИСПАНИИ В РОССИИ

Марина Баланюк
(г. Тула)

«ХРУСТАЛЬНЫЕ БУБНЫ ПЕЧАЛИ...»
К 75-летию гибели выдающегося испанского поэта XX века
Федерико Гарсия Лорки

Federico Garcia Lorca

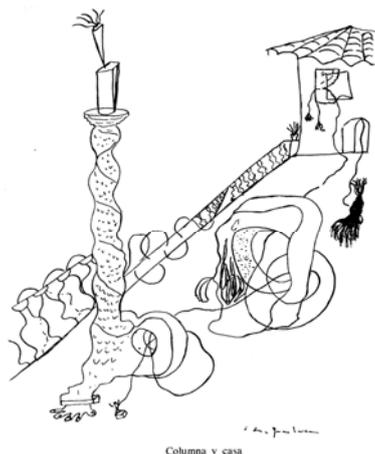
Федерико Гарсия Лорка — выдающийся испанский поэт, драматург, публицист XX века. Родился 5 июня 1898 года в селении Пастуший ключ, недалеко от Гранады. Расстрелян фалангистами 19 августа 1936 года по дороге Визнар-Альфакар ровно через месяц после начала братоубийственной войны, навязанной испанскому народу франкизмом. Продолжатель крупнейшего и оригинальнейшего представителя испанского барокко в поэзии Луиса де Гонгора и Арготе (1561—1627).

POEMA DE LA SOLEA

PUEBLO

Sobre el monte pelado
un calvario.
Agua clara
y olivos centenarios.
Por las callejas
hombres embozados,
y en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
¡Oh pueblo perdido
en la Andalucía de llanto!

1921 г.

Колонна и дом.
Рисунок Ф. Гарсиа Лорки

ПОЭМА О СОЛЕА

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
на темени голом —
часовня.
В жемчужные воды
столетние никнут
маслины.
Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер.
Вращается денно,
вращается ношно,
вращается вечно.

О, где-то затерянное селенье
в моей Андалузии
слезной...

(Перевод М. Цветаевой)

ROMANCERO GITANO ROMANCE SONAMBULO

Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.
Ei barco sobre la mar
y el caballo en la montaña.
Con la sombra en la cintura
ella sueña en su baranda,
verde carne, pelo verde,
con ojos de fría plata.
Verde que te quiero verde.
Bajo la luna gitana,
las cosas la están mirando
y ella no puede mirarlas.

ЦЫГАНСКОЕ РОМАНСЕРО СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС

Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
Корабль на зеленом море,
и конь на горе лесистой.
До пояса в темноте,
мечтает она у ограды,
и зелены волосы, тело,
глаза серебра прохладней.
Люблю тебя в зелень одетой.
Цыганский месяц тревожен.
Глядят на нее предметы,
она их видеть не может.

*

Verde que te quiero verde.
Grandes estrellas de escarcha,
vienen con el pez de sombra
que abre el camino del alba.
La higuera frota su viento
con la lija de sus ramas,
y el monte, gato garduño,
eriza sus pitas agrias.
¿Pero quién vendrá? ¿Y por dónde...?
Ella sigue en su baranda,
verde carne, pelo verde,
soñando en la mar amarga.

*

Compadre, quiero cambiar
mi caballo por su casa,
mi montura por su espejo,
mi cuchillo por su manta.
Compadre, vengo sangrando,
desde los puertos de Cabra.
Si yo pudiera, mocito,
ese trato se cerraba.
Pero yo ya no soy yo.
Ni mi casa es ya mi casa.
Compadre, quiero morir
decentemente en mi cama.
De acero, si puede ser,
con las sábanas de holanda.
¿No veis la herida que tengo
desde el pecho a la garganta?
Trescientas rosas morenas
lleva tu pechera blanca.
Tu sangre rezuma y huele
alrededor de tu faja.
Pero yo ya no soy yo.
Ni mi casa es ya mi casa.
Dejadme subir al menos
hasta las altas barandas,
¡dejadme subir!, dejadme
hasta las verdes barandas.
Barandales de la luna
por donde retumba el agua.

*

Ya suben los dos compadres
hacia las altas barandas.
Dejando un rastro de sangre.
Dejando un rastro de lágrimas.
Temblaban en los tejados
farolillos de hojalata.
Mil panderos de cristal,
herían la madrugada.

*

Люблю тебя в зелень одетой.
Как звезды, иней сияет,
как рыба — потемки скользки,
дорогу заре открывая.
Смоковница трется о ветер,
как лапой, веткой шершавой,
гора — дикобраз огромный —
щетинится каждой агавой.
Но кто же придет? И откуда?..
Она все стоит у забора,
и зелены волосы, тело,
и видит горькое море.

*

— Сосед, на ее каморку
коня своего я сменял бы,
на зеркало — сбрую с седлом,
мой нож — на ее одеяло.
Сосед, я пришел весь в крови
из Кабры, с гор, с перевала.
— Будь воля моя, паренек,
давно состоялась бы мена.
Но я-то уже не я,
и не мои эти стены.
— Сосед, я хочу умереть
в своей кровати, как должно:
на прутьях стальных с простынями
голландскими, если можно.
Ты разве не видишь, что рана
раскрыла мне грудь до горла?
— На белой груди твоей
три сотни розанов черных.
Сочится и пахнет кровь,
кушак твой весь в красной пене.
Но я-то уже не я,
и не мои эти стены.
— Так дай мне, по крайней мере,
подняться к высокой ограде!
О, дайте, дайте подняться
к зеленой лунной ограде!
За нею вода грохочет,
там воду всегда лихорадит.

*

И вот к высокой ограде
подходят оба соседа.
И кровь по следу сочится.
И льются слезы по следу. Фонарики
жестяные
на черепицах мерцали,
и ранили раннее утро
хрустальные бубны печали.

*

Verde que te quiero verde,
verde viento, verdes ramas.
Los dos compadres subieron.
El largo viento, dejaba
en la boca un raro gusto
de hiél, de menta y de albahaca.
¡Compadre! ¿Dónde está, dime?
¿Dónde está tu niña amarga?
¡Cuántas veces te esperó!
¡Cuántas veces te esperara,
cara fresca, negro pelo,
en esta verde baranda!

*

Sobre el rostro del aljibe,
se mecía la gitana.
Verde carne, pelo verde,
con ojos de fría plata.
Un carámbano de luna
la sostiene sobre el agua.
La noche se puso íntima
como una pequeña plaza.
Guardias civiles borrachos
en la puerta golpeaban.
Verde que te quiero verde.
Verde viento. Verdes ramas.
El barco sobre la mar.
Y el caballo en la montaña.

(1924—1927)

*

Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
И вот добрались соседи.
А ветер с горы лесистой
во рту оставляет привкус
полыни и ягоды волчьей.
— Сосед! Но где ж твоя дочка,
что горше мяты и желчи?
Я ждал ее столько раз!
Я ждал, и касалась прохлады
лица и черных волос
у этой зеленой ограды.

*

Покачивалась цыганка
в бассейне на водной глади.
Зеленые волосы, тело,
глаза серебра прохладней.
И лунная льдинка ее
поддерживает над волнами.
А ночь уютна, как площадь,
зажатая между домами.
Гвардейцы гражданские спяна
стучали в дверь кулаками.
Люблю тебя в зелень одетой.
И ветер зелен. И листья.
Корабль на зеленом море,
и конь на горе лесистой.

(Перевод О. Савича)

* * *

Над безвестными мертвыми, над человеческим одиночеством, над всей трагической землей Андалусии звонят колокола рассвета, и как эхо последнего удара снова оживают в памяти слова:

*О, где-то затерянное селенье
в моей Андалусии
слезной...*

(Перевод М. Цветаевой)

Творчество Федерико Гарсиа Лорки — редкий пример создания цельного поэтического мира. Есть великие поэты, которые полнее и богаче отзывались на каждое движение природы и человеческой души, всякий раз находя новый и точный звук. Мир Лорки иной. В нем нет такого разнообразия, но нет и фрагментарности, он логически завершен и подчинен таким же строгим внутренним законам, как законы природы; это свободная и причудливая логика сказки. Творение человеческого духа, этот мир покоится на таком подлинном и глубоком знании, что он реален и осязаем для нас. Мы знаем, как в этом мире пахнут цветы и текут воды, как любят и как умирают в нем люди. Прекрасная и свободная человеческая страсть восстает и торжествует

над насилием, реки оплакивают павших, и лунный сумрак легенды смягчает резкие и страшные черты смерти. Такое единство элементов, слагающих поэтический мир,— свидетельство высшей творческой мощи.

Образцом такого единства служит лучшая, может быть, поэтическая книга Лорки «Цыганский романсеро» — грандиозная ночная панорама, магическое зеркало, в котором отразился прекрасный и скорбный лик Андалусии.

Романс — едва ли не самая исконная форма испанской поэзии, и прежде всего народной. Романсы — народные баллады о королях и маврах, рыцарях и пастухах, о любви и о смерти — живы донныне; и сейчас можно услышать, как дети, играя на деревенской площади, поют о несчастном короле Родриго, который потерял Испанию. Романсы поются, и в этих напевах, протяжных, тоскливых и завораживающих, слышится печальное эхо мавританских мелодий. Испанские поэты, большие и малые, неоднократно прибегали к романсу, но только Лорка по-настоящему обновил его древние формы. Он создал свой, совершенно новый тип романса, заменив традиционную повествовательную манеру ярким динамическим действием, где причудливо сплетаются реальное и колдовское, обыденное и сказочное.

Уже в самом названии — «Цыганский романсеро» — таится та же грустная поэтическая ирония, которая заключена в рыцарском титуле «Дон-Кихот Ламанчский». В «Цыганском романсеро» нет ни королей, ни рыцарей, ни старинных преданий, и если пристально взглянуть, сквозь образную ткань легко различаются реальные черты яркого и горького быта нищих андалусских селений. Это подлинная жизнь, но приподнятая гением Лорки до поэтических высот легенды.

Многие романсы связаны с именем Антонио Торреса из прославленного в Андалусии цыганского рода Камборьо. Есть версия, что Антонио Торрес Эредия действительно существовал и был другом Лорки,— версия, возможно, и недостоверная, но достоверно известна народная песня о том, как Антонио Эредия с веточкой ивы спускался к реке, и как выпала из мертвых рук веточка ивы, и Антонио не стало. Герой цыганского романсеро, воплощение мужественной красоты, Антонио Торрес Эредия, преследуемый и свободный, бесстрашный и обреченный человек, у которого смутные отношения с небом и скверные с властями,— это тот самый бессмертный удалец, которого под разными именами воспевают и оплакивают песни всех народов мира. Этому народному герою и отдает Лорка всю нетленность и полноту своего поэтического голоса.

Одна из чарующих особенностей цыганского романса Лорки — его недосказанность. Она делает романс таинственным, но есть здесь и нечто большее. Это вообще один из поэтических принципов Лорки. Стихотворная ткань романса похожа на музыкальное сопровождение какой-то смутно проступающей трагедии, и именно это заставляет нас, читая, в какой-то мере делаться поэтами. Яркие, цветные аккорды властно направляют наше воображение, и, подчиняясь их ритму и краскам, мы сами, с известной свободой, конструируем сюжет. Таков, например, лучший, может быть, из цыганских романсов — «Сомнамбулический романс».

Поэзию Федерико Гарсиа Лорки трудно анализировать — у него нет приемов. Некоторые его стихи — «Ампаро», «Девушке», «Это правда» — созданы будтодыханием, почти без слов. В одной народной севильяне поется, как спущенные на воду барки покидают Севилью, и весла, коснувшись воды, внезапно одеваются зеленью. Здесь снова в волшебном зеркале андалусского воображения свежие, пахнущие смолой весла и зеленые брызги, дрожащие на них, как молодая листва, перевоплощаются в «маленький миф» о неумирающей природе. Такова поэзия Лорки — движение и зеленый ветер весны. Ее обаяние — это обаяние юности.

Федерико Гарсиа Лорка родился 5 июня 1898 года, но по семейной традиции день своего рождения он всегда праздновал в июле, в день святого Федерико. И в роковое лето 1936 года фашистский мятеж застал его на родине, в Гранаде; ему исполнилось

тридцать восемь лет. То была пора его расцвета. Последние литературные недруги, отчаявшись нацепить на него какой-либо окончательный ярлык, один за другим смолкали: его поэзия лилась и ломала все искусственные плотины литературоведческих схем; каждая новая вещь была новой, высшей ступенью, и трудно вообразить, к каким вершинам вводила эта лестница. В то лето 1936 года он завершал книгу стихов «Сонеты сумрачной любви» — по отзывам современников, лучшее из написанного им; рукопись эта погибла. Созревали замыслы по меньшей мере трех пьес: одна из них — снова о судьбе женщины в андалусских селениях, о девушке, красота которой стала ее проклятием и обрекла ее на одиночество, — в чем-то, видимо, перекликалась с шедевром Лорки, трагедией «Йерма» (1934); вторая пьеса — о революции. В мировой культуре рождалось новое явление — театр Лорки; поэт, создавший в наши дни образцы высокой трагедии, мог стать величайшим драматургом двадцатого столетия.

В ночь на 19 августа Федерико Гарсиа Лорка был вывезен из Гранады и на рассвете расстрелян.

Весть о его смерти показалась невероятной, ходили даже слухи, что убит не Лорка, а другой поэт-андалусец — коммунист Рафаэль Альберти. В гибель Лорки не верили и потому, что она так не вязалась со всем его обликом, и потому, что он, в общем, стоял в стороне от политической борьбы. Многие даже близкие ему люди были уверены, что, по крайней мере, жизни его опасность не угрожает. Однако сам Гарсиа Лорка был прозорливей друзей; его не покидало предчувствие неизбежной гибели. Однажды, еще в Мадриде, он вернулся с митинга очень взволнованным и рассказал, что в толпе заметил человека, который в него целился. Лорку стали успокаивать. Какие у него могут быть враги, да и как можно разглядеть, в кого именно целились из толпы? Но Федерико качал головой: «Он целился в меня!» Это не был просто страх смерти. Лорка не раз говорил: «Как не заботился я о собственном рождении, так же не заботит меня и собственная смерть». Скорее, это было доведенное до физического ощущение смертельной опасности, нависшей над всеми. Гарсиа Лорке не пришлось извне прокладывать путь к своему народу; выросший в деревне, подобно Сергею Есенину, он чувствовал себя волной народного моря. Поэтому он был уверен, что пули, нацеленные в народ, его не минуют. Лорка действительно не входил ни в одну политическую партию, но твердо заявил, что причисляет себя к «партии бедняков», и говорил, что не рожден борцом, но сам был им. В 1936 году он участвовал в работе Мадридского союза антифашистской интеллигенции, созданного Рафаэлем Альберти. Лорка написал стихи о ночных призраках андалусских дорог — об испанской жандармерии. Жандармы не читают стихов, но эти стихи они знали: то был образ Дантовой силы, и смыть такие строки невозможно было даже кровью поэта.

На смерть Гарсиа Лорки уже наброшен покров легенды — народное сознание не мирится с бессмысленностью гибели дорогих людей. В этой легенде Лорка перед смертью импровизирует стихи, иногда приводятся и сами строки — в них как в большинстве его стихов, есть луна и смерть.

В действительности все было просто и страшно. За последние годы тайна, окружавшая обстоятельства убийства, прояснилась; палачи стали словоохотливей и, наверное, станут еще словоохотливей: причастность к смерти великого человека — тоже своего рода шанс попасть в историю.

После захвата фашистами власти в Гранаде, владельцев автомашин обязали возить заключенных к месту казни. Один из них вез Лорку, его рассказ пока наиболее достоверное из того, что известно о гибели поэта.

В ночь на 19 августа Лорка был выведен из одиночной камеры и посажен в машину вместе с другим заключенным, стариком, имя которого осталось неизвестным. В машине было трое фалангистов. Отъехав от Гранады, они остановились в маленьком селении — дожидаться рассвета; по старой и во всех отношениях удобной тра-

диции расстреливают всегда на рассвете. Гарсиа Лорка ничего не подозревал: заключенным сказали, что их отправляют в лагерь. На деревенской площади с неизменным фонтаном было пусто; вокруг этого фонтана они и прогуливались в ожидании утра, все вместе — палачи и жертвы. Лорка был оживлен: он истосковался в камере и опьянел от ночного воздуха, пения цикад, от теплой уличной пыли. И, кроме того, рядом были люди — какие ни на есть, но люди. Он говорил о театре. В последние годы он бредил театром. Теперь он говорил о том, что в лагере хочет создать небольшую труппу из заключенных и, может быть, поставит свою пьесу. Фалангисты молча курили, и в темноте не видно было их лиц. Потом стало светать, они выехали из селения и остановились где-то на дороге. Первым увели старика. Лорка по-прежнему ничего не подозревал; только когда раздались выстрелы, он замолчал.

Он не хотел умирать. С трудом удалось оторвать его руки от борта машины; он плакал. Его хрупкое тело упорно сопротивлялось смерти, и после нескольких пуль он все еще пытался встать. Тогда один из фалангистов ногой придавил его к земле и выстрелил в лицо. Могила Лорки неизвестна.

А всего за какие-нибудь три-четыре месяца до этого поэт Хорхе Гильен говорил его отцу: «Если будет переворот и уцелеет один-единственный испанец, это будет Федерико». Трагическая ирония — так это называлось в античной драме.

Знали ли фалангисты подлинную цену человеку, которого убили? Для скудоумного гранадского мещанства, не шевельнувшего пальцем, чтобы спасти гордость Гранады, он был просто столичный поэт, «красный», ненавистный вдвойне, — человек из одного с ними города и совсем из другого мира. Но главари фаланги, отдавшие приказ о его убийстве, были, что называется, образованными людьми. По странной игре природы, Франсиско Франко не чурается изящной словесности — его перу принадлежит вполне добротный нацистский опус, киносценарий «Раса» (пышно и безуспешно экранизированный).

Гарсиа Лорка был только одной из первых жертв, но далеко не единственной.

А. Гелескул. Из предисловия к книге : Федерико Гарсиа Лорка. — М.: Художественная литература, 1966, с. 15—21.

Литература:

1. *Федерико Гарсиа Лорка*. Театр. — М.: Искусство, 1957.
2. *Федерико Гарсиа Лорка*. Лирика. — М.: Художественная литература, 1966. Предисловие А. Гелескула.
3. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. Поэзия. Проза. Театр. — М.: Институт ДИ-ДИК, издательство АСТ, 2000.
4. *Франсиско Гарсиа Лорка*. Федерико и его мир. Перевод с испанского под ред. Н. Малиновской. — М.: Радуга, 1987. (Francisco Garcia Lorca. Federico y su mundo. — Madrid: Alianza Editorial, 1981.)
5. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранные произведения в двух томах. Т. I, Т. 2. — М.: Художественная литература, 1975.
6. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. — М.: Просвещение, 1986.
7. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное: стихи, статьи. — М.: Московский рабочий, 1983.
8. *Федерико Гарсиа Лорка (1898—1936)*. Библиографический указатель, вст. З. И. Плавкина. — М.: Книга, 1971.
9. *Вайсборд Мирон Абрамович*. Федерико Гарсиа Лорка — музыкант. — М.: Советский композитор, 1970.
10. *Федерико Гарсиа Лорка*. Самая печальная радость: Художественная публицистика. Пер. с испанского / Сост., авт. Предисл. и комментарии Н. Малиновская. — М.: Прогресс, 1987. Однотомник прозы Ф. Гарсиа Лорки (1896—1936) приурочен к 50-летию гражданской войны в Испании, когда трагически оборвалась жизнь выдающегося испанского поэта, драматурга, художника. На его родине 1986 г. объявлен «годом Лорки».
11. *Федерико Гарсиа Лорка*. Избранное. На испанском языке. — М.: Прогресс, 1979.
12. *Филиппова О. Н., Павон М. С., Разыграева Л. И.* Испанско-русский и русско-испанский словарь — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962.

Публикация подготовлена М. Баланюк

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ «МАНИФЕСТА НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»*

Проект «Манифеста нового русского критического реализма» (далее «Манифест») был опубликован в № 1, 2011 «Приокских зорь», а также в № 17 (2011 г.) красноярского журнала «Истоки» и в альманахе «НЛО» (г. Новомосковск Тульской области). Учитывая, что журнал «Приокские зори» публикуется в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru, содержание «Манифеста» было доведено до всех читающих по-русски. Приглашение к участию в дискуссии содержалось как в самом тексте документа, так и доводилось до сведения всех лиц и организаций, не чуждых дальнейшему поддержанию и развитию русского литературного процесса.

Поясним: понятие «русский» в названии «Манифеста» — это не этнический термин, но обозначение принадлежности авторов, читателей, общественных и иных организаций к великой русской литературе, ее продолжению в лучших произведениях русской, интернациональной советской литературы, современной русской, российской реалистической литературы.

Редколлегия нашего журнала, как организатор дискуссии, была приятно удивлена активностью ее участников, неформальным, выверенным подходом к сущности положений «Манифеста». Это очень приятно и даже символично на общем фоне современного культурного угасания — не только в России, но и во всем так называемом «цивилизованном мире», — очень напоминающем вялотекущую морально-эти-

* См. также выше интервью с В. В. Жириновским, где затронуты некоторые положения «Манифеста нового русского критического реализма».

ческую и нравственно-культурную шизофрению... Другого слова не подыщешь, если под современной литературой понимать глянцевые журнальчики, примитивнейшие детективы с женскими псевдонимами и коммерческие, запиаренные издания.

Вполне естественно, что наиболее активное участие приняли в дискуссии постоянные, новые и потенциальные авторы «Приокских зорь». Символично и симптоматично, что прислали свои отзывы, комментарии и предложения наши авторы и читатели из других стран: США, Великобритании, Германии. Это тем более ценно, что мы имеем «взгляд издалека». А со стороны и издалека — по аналогии со зрением — все видится укрупненно, в несколько ином ракурсе.

Правда, оказались и зарубежные респонденты, ответившие в том смысле, что этот «Манифест» не для них, поскольку они уже давно не живут в России (а ранее в СССР). Что здесь сказать... Даже — представим умозрительно — что вы проживаете, как полковник разведки генштаба Российской империи Миклухо-Маклай, на глухом берегу Папуа — Новой Гвинеи, либо же который сезон полярничаете в Антарктиде на станции «Скотт-Амундсен», но пишете по-русски, активно печатаетесь в российских литжурналах, получаете престижные российские литературные премии, в статусе которых значится «активное участие в современном русском литературном процессе», то почему же «Манифест» не для вас? Впрочем, свободу выбора и мнений никто директивно не отменял...

Далее. За исключением членов редколлегии, в дискуссии вовсе не приняли участие тульские литераторы, в том числе многочисленные авторы «Приокских зорь». Все в строгом соответствии с пословицей: сапожник без сапог.

Понятно неучастие и руководителей, функционеров различных писательских союзов, творческих клубов, литературных объединений. — Им не до того, сохранить бы в полном безденежье и отсутствии госпризнания, хотя бы формально, свои организации. Редколлегия журнала прекрасно это понимает и не ропщет на невнимание к «Манифесту».

Не менее понятен и этакий снобизм кузницы писательских кадров — Литературного института им. А. М. Горького. Кстати, имеющего в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику. Учившиеся в Литинституте на рубеже 70—80-х гг., когда в воздухе уже витал запах будущего либерализма, вспоминают, как молодые тогда их наставники, ассистенты и старшие преподаватели, на занятиях, заговорщицки приглушив голос, говорили о необходимости обновления и дополнения базовых положений соцреализма и реализма вообще.

...Прошли годы. Ассистенты и старшие преподаватели Литинститута стали докторами филологических наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами... Надо полагать, что для себя они нашли эти приемы обновления и дополнения, но поделиться ими в рамках дискуссии не торопятся... Но выпускники Литинститута указанных городов благодарны им. Они, как и Герцен, памятник которому стоит во дворе Литинститута, зажгли в своих воспитанниках искру творчества... и методологии этого творчества.

Но вот непонятно упорное молчание наших авторов-сибиряков. Они не первый год имеют в «Приокских зорях» свою обширную рубрику. Они так стремятся печататься в изданиях Европейской России ... и никакой реакции на «Манифест».

Но мы, как люди доброжелательные, и этому факту найдем объяснение. Как люди прямодушные и уважающие мнения корифеев русской литературы, они не менее прямо следуют завету гения нашей поэзии: *«Во глубине сибирских руд храните...»*. И так далее.

На этом и закончим преамбулу и перейдем собственно к материалам дискуссии.

...Все же пришла и весточка из «сибирских руд», от **Сергея Прохорова**, главного редактора литературного журнала «Истоки», дружественного «Приокским зорям».

Журнал этот уникален даже и потому, что издается в поселке Нижний Ингаш на самом востоке Красноярского края. Тем не менее известен и в России, и за ее пределами.

...А насчет обсуждения «Манифеста» даже не знаю. Умные мысли как-то не приходят. А, может, я просто слегка в стороне от реализма вообще, не говоря уже о критическом. Хотя где-то иногда и проскальзывает что-то в своем творчестве. Но это так мелко. Пример надо брать у литературных зубров. И если, по мнению А. М. Горького, последним критическим реалистом XIX века был А. П. Чехов, то по моему мнению, последним жестким реалистом второй половины минувшего и начала нынешнего веков был наш сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев, волею судьбы он — мой крестный, при жизни благословивший меня на правдивое слово в творчестве. Я, конечно, понимаю суть и цель Манифеста критического реализма, может, как-то по-своему, как и каждый, прочитавший его (в зависимости от своего сегодняшнего взгляда на современную литературу), тоже понимает это по-своему. Единственное, с чем мы должны быть единомышленниками — литературное слово не должно исказить ни нравственность, ни сущность характера героя, ни тем более истории места, края, государства. И нести в себе положительные флюиды в строительстве нашего земного социального сосуществования. И в малом, и в глобальном масштабах. Вот куда меня понесло! Простите меня, но, ей-богу, не знаю, как организовать отклик на Манифест.

Сергей Тимофеевич пишет искренне, не завуалировано. Но он сосредоточился только на «жестком реализме», а это всего лишь только одна из многих ипостасей широко понимаемого критического реализма. Тем более нового.

Также дружественный «Приокским зорям» Творческий клуб «Московский Парнас» (основатель и руководитель ведущий современный русский критик Леонид Васильевич Ханбеков) не остался в стороне от обсуждения «Манифеста».

Обстоятельный отзыв написала **Ирина Кедрова**, профессор из Москвы, академик Академии российской литературы, лауреат литературных премий, писатель-прозаик, критик и публицист, заведующая отделами критики в журналах «Приокские зори» и «Московский Парнас»; член Союза писателей России.

Размышляя о Манифесте нового критического реализма

По привычке обращаться к значению слов, чтобы разобраться в сути сказанного, заглядываю в словарь.

Манифест — обращение общественной организации с изложением взглядов, программ и предложений.

Итак, общественная организация — Академия российской литературы — обращается к читателям с провозглашением идей, на которых объединяется большая группа современных писателей, стоящих на позиции главенства творческого метода, называемого критическим реализмом.

Известно, что этот метод, как и одноименное литературное направление, берет начало в России в XVIII веке, проявляясь значимыми элементами в творчестве А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и Н. И. Новикова. Однако силу он набирает в XIX веке, и, как отмечают историки литературы, проходит от этапа дворянского (К. Ф. Рылеев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь) к буржуазно-демократическому (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов), а затем и к социалистическому, создателем которого явился А. М. Горький.

От перечисленных имен, начиная с А. Д. Кантемира и заканчивая А. М. Горьким, дух захватывает. Кто из современных писателей не хотел бы встать рядом с ними? Кто откажет им в умении проникнуть в глубину человеческого характера, неминуемо связанного с социальными обстоятельствами и с жизненными условиями, как на этапе формирования, так и затем — в проявлении? Разве не предназначена ху-

дожественная литература для того, чтобы вскрывать типическое и высвечивать уникальное? Чтобы специфическими средствами, а именно: словом, словосочетанием, замыслом, сюжетом, фабулой, литературной формой правдиво отразить реальную действительность? Да разве не находим мы в произведениях, написанных методом критического реализма, отражение нынешней действительности?

Кто из вас, дорогие читатели, отрицает современность слов Д. И. Фонвизина, написанных им еще в 60-е годы XVIII столетия?

...Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя...
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!..

По данным Счетной палаты РФ ежегодно уходит на сторону один триллион рублей из суммы, выделенной бюджетом страны на госзакупки. Куда эти деньги уходят? Председатель Счетной палаты С. В. Степашин заметил в декабре прошлого года: «Из 6 триллионов рублей, направляемых в год на госзакупки, около триллиона рублей оседает в карманах жуликов и проходимцев». Эти средства могли бы значительно улучшить социальную сферу, повысить пенсии, зарплаты учителям и врачам. «За деньги... готовы обмануть».

Вряд ли мы откажем Г. Р. Державину в остром и весьма современном взгляде, который, например, обнаружился в такой характеристике:

«Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами...
(«Вельможа», 1794)

К сожалению, и в наши дни «осел останется ослом...», какое бы значимое место в обществе он ни занимал.

Живая разговорная речь утверждалась в русской литературе XVIII века, хотя еще сильны были каноны риторического выражения мысли, однако введение разговорного русского языка явилось одним из проявлений реалистичного отображения жизни.

А в XIX веке реалистический стиль изложения характеризуется активным внедрением живого разговорного языка в текст, как в авторский, так и в речь персонажей произведений. И эта речь становится дополнительной характеристикой персонажа, доказательством его принадлежности конкретному социальному слою.

Вместе с тем происходил двусторонний процесс, в котором реальная жизнь проникала в произведение через разговорную речь, но и художественная литература влияла на речевое развитие общества. Создавались нормы языковой культуры, и в этом состояло величайшее значение литературного отображения жизни.

Вот и сейчас, не раз и не два мы, в минуту грустную, в обстоятельствах неясных или, наоборот, весьма прозрачных, вспоминаем строки А. С. Грибоедова:

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»;
«Что за тузы в Москве живут и умирают!»;
«Служить бы рад, прислуживаться тошно»;
«Свежо предание, а верится с трудом»;
«Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».

Современный литературный процесс идет разными путями. Некоторым не нравится выражение «литературный процесс». Но слово «процесс», означающее последовательную смену состояний, единство закономерно следующих друг за другом стадий развития, составляющих непрерывное движение, наилучшим образом отражает обсуждаемую нами тему.

В недрах классицистической литературы зародилось романтизированное отражение действительности, всегда возвышенное, находящееся в непрерывном поиске героя. Существует точка зрения, что романтизм и реализм — противоположны друг другу. Мы же убеждены в том, что романтизм нередко проникает в реалистический метод изображения действительности и делает это изображение ярче и привлекательнее.

Логичным развитием литературного процесса является возникновение критического реализма, главная задача которого состоит в том, чтобы исследовать социальную действительность, общественные отношения и процессы развития личности в этой действительности и в характерных для общества отношениях.

Критический реализм отражает происходящие в обществе изменения, да и сам в них отражается. Активное участие в войне 1812 года народных масс, выдержавших на себе ее тяготы, спасших Россию от французских захватчиков, привело к новому взгляду на действительность. Усиливались свободолюбивые настроения, появилось неприятие крепостничества, развился интерес к простому человеку — не к великому государственному деятелю, не к бесстрашному герою, а к тому, кто тяжким трудом ежедневно создает «богатство» России, кто способен ее защитить в трудный час, кто чувствует, любит, страдает, и кто достоин изображения в литературном произведении.

Так, например, А. И. Полежаев создал в поэме «Сашка» образ свободолюбивого студента, у которого «свобода в мыслях и поступках». Характеру полежаевского героя свойственно:

Не знать судьбу никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемерия ханжей,
Но жажду вольности строптивой
И необузданность страстей» (1825).

Поэма, проникнутая вольнолюбием, послужила причиной ареста А. И. Полежаева и отправки в военную службу.

Народ описан во многих произведениях послевоенного времени. Назовем произведения, известные со школьной скамьи: «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сорока-воровка» А. И. Герцена, «Записки охотника» И. С. Тургенева и др.

Связь с народом, глубокое осмысление его роли и потенциала в общественном развитии, становится одной из ведущих черт критического реализма.

Критика существующего строя, государственной власти, несправедливости общественных порядков — эта нескончаемая тема литературно-художественного исследования оказалась необходимой в поиске путей развития России.

Эта тема возвела литераторов на новый этап критического реализма, связанный с развитием революционно-демократических идей. Произведения Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского вскрывали мощь и силу народных масс, способных взорвать социальный порядок. В творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова раскрывалась личность, способная мир перевернуть и себя преобразить.

Каждый из названных авторов делал это особым, ему присущим, способом. Так

А. П. Чехов, придерживаясь метода критического реализма, внес в него авторское отношение, наполненное легкой усмешки и грустного юмора.

Когда же на политическую арену вступил пролетариат, не желавший жить в прежних порядках, критический реализм пережил новое состояние, которое назвали реализмом социалистическим.

Мы можем спорить о нужности, важности и сути социалистического реализма, можем его отрицать, но он существовал без нашего на то соизволения. Этот метод поставил на первое место человека рабочего труда, революционно добивавшегося своих прав, начавшего строительство государственного строя, который, по утверждению мыслителей прошлого, мог дать ему свободу и лидерство в общественном развитии. Критическое отношение к общественным отношениям, построенным на эксплуатации человека, усиливалось и становилось определяющим, хотя сама эта эксплуатация рассматривалась ограниченно, лишь в рамках отношений «хозяин собственности и работник, преумножающий эту собственность».

Что произошло? Стал ли рабочий хозяином слова, страны, вершителем судеб? Да и был ли у него потенциал для руководящей силы в созидании? Устранил ли он эксплуатацию человека человеком? Эти вопросы находятся вне нашего обсуждения. А литература, отстаивавшая новые — социалистические — идеи, отразила свое время и вырастила своих авторов.

Итак, литературный процесс, непрерывно развиваясь, не только отражает реальную действительность, но и связан с условиями жизни общества.

Однако обратимся к современной литературе. Реалистична ли она?

Надо ли сегодня раскрывать роль народа, вскрывать недостатки существующего общества, проследить путь созидания в человеке личности, связанный с общественным развитием?

Для нас ответ на этот вопрос утвердителен. Впрочем, современный реализм, как и реализм прежних времен, не может быть представлен в «чистом» виде.

Раскрытие правды, овеянной критическим отношением, нередко переплетается с содержанием, в котором в реальных обстоятельствах действуют, на первый взгляд, нереальные силы. И можно говорить о литературе фантастической, сюрреалистической, психоаналитической, эзотерической и т.д., и т.п. Главное здесь заключается в том, что автор ищет свой путь, свою форму, свой метод литературного исследования действительности.

В большинстве своем он стремится к зарисовке той жизни, которую видит, и она ему представляется, нередко, более реалистично, чем тому, кто, выступая за новый критический реализм, и только за него, понимает в нем лишь строгое следование реальному событию и описание такое, чтоб «как в жизни».

Но будет ли такое описание литературой? Художественной? Или это будут дневниковые записи событий жизни конкретного человека, не всегда, кстати, самого автора?

Убеждена: критический реализм в новых условиях остается ведущим методом, который, безусловно, отражает действительность, вскрывает недостатки жизни общества, видит теснейшую связь между обществом, условиями жизни и личностным содержанием, опирается на народную силу. Без народности невозможно. Справедливо отмечал В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «...народность суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения». И еще он там же подметил: «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ».

Опора на народность проявляется, прежде всего, в богатстве, сочности, точности родного языка, используемого авторами для выражения мысли, для описания

событий и характеристики персонажей — от героя до легко зарисованного персонажа, который, казалось бы, незначителен, а на самом деле вносит нужный колорит в изложение событий, явлений.

Народность проявляется и в том, что в круг внимания писателя включена жизнь разных слоев населения — сельские и городские жители, из столицы и из глубинки, рабочие, крестьяне, интеллигенция, простые граждане, на которых держится Россия, и высокопоставленные лица. В каждой группе людей есть свои радости-горести, бедствия-удачи. Выявить типическое, уловить единичное, вскрыть общественные нарывы, показать возможные пути развития человечества — в этом назначение современного писателя, которому не обойтись без метода критического реализма.

Не менее важен и такой вопрос: имеет ли право писатель, проявляя свою самость, создавая свой, уникальный, стиль письма, выбирать темы, которые ему кажутся наиболее значимыми и интересными, и способы раскрытия этих тем? Пренебрегать ожиданиями, потребностями и интересами читателя? Отказываться читателю в его, особом, восприятии произведения? Навязывать ему как единственно верную свою точку зрения? Быть много впереди читательского запроса?

Думается, что ответ на эти вопросы не может быть однозначным, однако задавать их себе необходимо, хотя бы для того, чтобы те, ради кого создаются произведения, не оказались вне современной отечественной литературы.

Новый критический реализм — это новый этап развития метода, который зародился в России в XVIII веке, стал определяющим в XIX веке, несколько изменился в XX веке и с новой силой, в современных условиях жизни, проявляется в современной литературе.

...Здесь и добавить нечего. Пишет профессионал: писатель и критик. За небольшими разночтениями Ирина Кедрова поддерживает основные положения проекта «Манифеста». Особенно ценны ее строки, посвященные сущности соцреализма, как неотъемлемой части, этапа развития русского критического реализма, причем его специфика созвучна имевшей быть место исторической эпохе в развитии СССР — России. Да и не только нашей страны.

Здесь надо различать идеологизированную прямолинейность соцреализма 20—30-х гг. с сохранившейся «пролеткультовской закваской» и соцреализма второй половины XX века. Если для первой характерен схематизм романов Федора Гладкова и Мариэтты Шагинян, то уже по-другому мы воспринимаем произведения второй ипостаси соцреализма. «Цемент» и «Гидроцентраль», нужные в свое время, достаточно скоро «сошли» со сцены читательского внимания, но «Журбины» Кочетова — это уже классический реалистический роман.

Конкретизирует некоторые положения «Манифеста» другой член Творческого клуба «Московский Парнас», также академик Академии российской литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год, постоянный автор «Приокских зорь» **Наталья Квасникова** из Москвы; член Союза писателей России.

Критический реализм, в моем понимании, предполагает руководящую роль литературы в воспитании общества. Слово действительно воздействует на личность и социум иначе, нежели другие, наглядные виды искусства, следовательно, оно имеет особые права и обязанности. Считаю, что произведение любого литературного жанра и направления должно нести смысловую нагрузку, не разрушающую и не развращающую читательскую аудиторию. Именно данный пункт я предлагаю внести в формирование содержания Манифеста. Несколько нижеследующих умозаключений послужат, надеюсь, к пояснению этой формулировки.

Современная литературная атмосфера пронизана тлетворным одурманиваю-

цим туманом легковесного и лишённого всякого смысла читива. Книжный рынок утопает в низкопробной детективщине, псевдолюбовной, а на деле развращающей бульварщине, агрессивно-бессмысленной мистике и т.п. Сегодняшняя поэзия представлена по большей части двумя категориями авторов: во-первых, теми, которые приобрели известность в нелитературной области, обладают определенной начитанностью и на этом основании считают необходимым публиковать свои сентиментальные стихи любительского уровня, поскольку наличие известного имени, а в некоторых случаях, вероятно, и денег открывает им двери в крупные издательства и магазины; во-вторых, люди, пишущие на жаргонно-идиоматическом наречии мрачные, человеконенавистнические по сути и настроению вирши, часто с натуралистическим пошлым окрасом — или откровенно бессмысленные во всех отношениях.

Вот примеры такого ультрасовременного стиля (Узлова О.):

*И словно катая тяжёлые шарики ртути,
Сливаю усталые буквы в пустые слова.
И держит кольцо, как живую деталь парашюта,
С трудом уцелевший желающий прыгнуть с ума.*

Или еще образец (автор тот же):

*Память тела. На кончиках пальцев гнездятся эмоции —
Вместе с ногтями остригла остатки прикосновений.
Небо как раз пеленало недоношенное солнце
После ежеутреннего кесарева сечения.*

Будучи очень опытным читателем с огромным стажем, возлюбившим огромное разнообразие стилей и ритмов, в том числе современных, не могу воспринимать подобной литературной отрывки на публику — именно такое впечатление на меня производят данные творения.

Замечаю одну интересную закономерность: если излить все это на обычную зрительскую массу любителей поэзии, она редко вытерпит все эти нудные анатомические сравнения дольше десяти минут слушания. Не зря множество «толстых» литературных журналов, лет двадцать пять назад являвшихся законодателями литературной моды, сейчас залеживаются на складах чуть не целыми тиражами. Распространено мнение, будто поэзия в наше время малоинтересна читателю — мой собственный опыт показывает, что это не так. По-видимому, дело в навязываемом типе стихотворчества, который преподносится, как «новое слово» в литературе, однако опыты подобного рода производились в разные периоды истории еще с догомеровских времен, большой всплеск поисковых работ на данной почве был на рубеже XIX—XX веков, но уцелели единицы, причем, заметьте, — максимально приближенные к традиционно возвышенному образу. Язык нашей поэзии должен быть современным, несомненно, но не утробным словесным испражнением, что нам навязчиво преподносят как эталон.

В отношении прозы могу сказать о тенденции детектива к вырождению в детективообразную фантастику с элементами триллера. К примеру, одна из лучших, на мой взгляд, мастериц современности в данном жанре Александра Маринина после нескольких сильных работ («Стилист» и некоторые другие) съехала в несоответствующее жанру и портящее его фантазерство на тему антенн, вызывающих агрессию, облучений, формирующих человека с определенными интеллектуальными или рабочими качествами и т.п. Об эротическом вздорно-любовном романе говорить просто неинтересно — жвачка от скуки, не в обиду будь сказано читателю, утомленному трудностями переходного периода существования.

Вывод: учитывая приведенные примеры, считаю критический реализм, неуклонно сочетаемый в современной литературе с формирующим социально приемлемую и

высокоорганизованную человеческую личность традиционализмом наиболее необходимым направлением развития.

В целом Наталья Валентиновна подчеркивает эстетическую, художественную ипостась расширенно понимаемого метода критического реализма. Особо удачны ее примеры в части поэзии. Действительно, многие современные поэты — молодые и не очень* — из кожи вон лезут, якобы создавая новые стихи, формы и поэтические тропы. Наивные! Они явно не читали поэтов-модернистов рубежа XIX—XX вв., о которых выше говорит Наталья Валентиновна. Маяковский, Шершеневич, Кусиков, Андрей Белый, молодой Асеев, Давид Бурлюк и многие другие. — Какие (и сейчас не забытые) имена, какие таланты! При всем их гипермодернизме, который и не снился нынешним корежителям рифм, ритмов и понятийных образов. Но те-то имели огромный поэтический дар. Более того, все они, футуристы, имажинисты, кубисты, дадаисты и прочие «ничивоки» не просто писали с невыразимой ныне экспрессией:

*Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*

(Вадим Шершеневич «Песня Песней»)

...Не только писали, скандировали и горлопанили, но создавали идеологии своих поэтических школ. Что стоят только теоретические работы Андрея Белого («Ритм и «Медный всадник» и др.)?

А наши футуристы в теории и в практике стихосложения на две головы опередили родоначальников этого жанра в поэзии — итальянцев во главе с их захваленным Маринетти...

Итого, как говорят скрупулезные бухгалтеры и счетоводы: критический реализм, тем более новый, понимаемый расширенно, не есть железобетонная догма, но он приветствует любые формы самовыражения (кроме нецензурных, к чему время от времени призывают нынешние модернизаторы русского языка); если они осмысленны, не оторваны от реальной жизни, а главное — не выходят за рамки тысячелетних — от античных времен — традиций.

Об этом же говорит и наш постоянный автор, писатель-прозаик и эссеист, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год **Наум Ципус** из немецкого Бремена.

Извиняясь за невозможность более активного участия в дискуссии, вызванной личными обстоятельствами, Наум Эфроимович пишет:

Теперь о дискуссии. Я за два месяца неизвестности и послегриппозного состояния тоже еще не совсем пришел в себя. А дискуссия, судя по Манифесту, должна, обязана по определению, быть серьезной. И уж во всяком случае, требует от участников солидной историко-литературоведческой подготовки. И это кроме заряженности внутренней, называемой спортсменами куражом. Ничем из перечисленного на данный момент я не обладаю. И даже, если бы позволил себе что-то сказать по столь серьезному предмету — только с эстетической точки зрения, то и этого не смогу: постоянное чувство тревоги не дает даже толком прочесть текст среднего уровня. Прошу извинить мне мою неготовность к этой редкой, но современной и нужной дискуссии. Желаю участникам плодотворно поспорить об инструментах современной и будущей русской литературы.

* Понятие молодости в поэзии весьма растяжимо. Вот к примеру кумир поэтической молодежи 60-х гг. некогда скандировал в переполненном зале Политехнического музея: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Сейчас, в канун своего 80-летия (с чем мы его поздравляем), в том же зале он читает свои новые стихи... — Прим. авт.

Еще одну ипостась нового русского критического реализма, досадно «пропущенную» в проекте «Манифеста», а именно профессионализм в своеобразной манере затрагивает наш новый автор *Камелия Санрин* из английского городка Роял Танбридж Велс («Королевские колодцы у моста через Тан» — по-русски) — ближнего пригорода Лондона. Камелия пишет:

А я вот думала-думала о чем... о профессионализме. Как человек не насыщается, обладая вещами — и как гордится своими знаниями и умениями. Я много чего умею делать руками, что сегодня не очень-то нужно кому... но здесь меня уважают, когда узнают, что я умею и шить, и вязать, и готовить — обычные для русской женщины умения, в общем-то. И мне пришло в голову, что вот такую гордость умельца я узнаю ныне в программистах и дизайнерах — новые профессии, новые навыки — но человек все тот же. И написала я длинный стих на эту тему... а вы же знаете, как поэтам не терпится свои стихи всем читать и показывать? Вот только боюсь, кто-нибудь может привязать меня к политике, а я политики (и политиков) опасюсь и не доверяю им, политикам.

Прохожему, обдумывающему житье

*Слушай! Слушай сюда, прохожий!
Продемонстрируй рабочий ум —
всею своей пролетарской рожей
отобрази многотрудность дум!*

*Вспомни, товарищ, труд Стаханова,
вспомни родной заводской гудок.
Вспомни обгон пятилетки плановой,
славу труда из газетных строк!*

*Гордость свою пролетарскую вспомни,
тысячи ждущих рабочих мест.
Звоном набат революционный:
«Кто не работает — тот не ест!»*

*Умерли фабрики. Стали заводы.
Плакаты забыли славу труду.
Думаешь, кончатся смутные годы
в две тыщи семнадцатом году?*

*Нечем гордиться в век потребления,
вместо труда — гордись мишурой!
Гордость рабочая — на колени.
Новое время — новый герой —*

*с экранов, в журналах — лобковой вошью,
куда ни помотришь — плодится и ест.
А ты на алтарь потребления брошен —
тебе ни станков, ни рабочих мест,*

*ни строек гигантских тебе не доверено.
И впору поверить в правдивость лжи.
Ты выпал, товарищ, из нового времени,
из светлого завтра. Новая жизнь*

*к тебе обернулась оскалом раящим —
не жди, мол, уже никаких побед...
Не верь, дорогой пролетарский товарищ
мой! В криках журнальных истины нет.*

*Просто, пока ты трудился над будущим,
строил его трудовой рукой —
вошь захватила прессы орудие —
и стала вопить, что весь мир такой,*

*каким его видят сплетники вишивые:
«сношаться и жрать — значит, радостно жить»!
Им невдомек, что за всякой наживой
радость труда в основаньи лежит.*

*Вот и не надо, в печали скукожась,
вишивые ценности в горсть собирать!
Нам пролетарская совесть поможет
новое время вновь создавать.*

*Дадим основание новым ремеслам,
знаний осиливая капитал!
И на борьбу с невежеством бросим
знания, труд и бойцовский запал!*

...Политика — дело стремное. Искренности и чувств в ней 0,00... %. С поэзией она совместима лишь тогда, когда эта самая политика приобретает некие, почти романтические черты, понятно, что при этом она четко преследует свои цели... Тогда и только тогда она привлекает внимание поэтов. Это и Маяковский, восхищенный бурными событиями молодой Советской страны, или тот же Редьярд Киплинг, воспевавший, причем совершенно искренне, мощь и величие Британской империи, над которой не заходит солнце: «Запад есть Запад, Восток есть Восток // И вместе им не быть...».

Нет, мы «привязываем» стихи Камелии Санрин исключительно к теме профессионализма, которую Вы несколько иносказательно — в соотношении с темой дискуссии — так образно раскрыли в своем стихотворении, первые читатели которого — это раскрывшие настоящий номер «Приокских зорь».

Да, без профессионализма, без постоянного стремления к нему нет литературы, литературного творчества по определению. И профессионализм — это еще одна, пожалуй, наиболее существенная составляющая метода нового русского критического реализма. Здесь нам есть на кого равняться: велика русская литература XIX века и ее продолжение в лучших образцах литературы советского периода нашей истории.

...И Камелии Санрин нельзя не верить, ибо она — прирожденный провидец, то есть человек тонко анализирующий и делающий логически непротиворечивые выводы. Один пример нас убедил в этом. Еще в середине июля она писала, что в Англии, в Лондоне тож, необычная жара, а сама столица Королевства как-то в одночасье приобрела сходство с теми же итальянскими городами: чопорные британцы вдруг засуетились, покрылись средиземноморским загаром, на улицах все бурлит, водители машин орут на пешеходов, а те проклинаят всех и вся, взывая к справедливости и ликвидации классового неравенства... Так, мол, и назревают революции.

И что ж вы думаете? Прошла неделя-другая, а мы видим (эти строки пишутся в первой декаде августа м-ца) на экранах ТВ «революционные» грабежи, пожары и

битвы с полицией в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере и пр. И как нас ни убеждают наши СМИ — уже хвалящие не советскую власть, а капиталистическую: что поделаешь, «вторая древнейшая», — что это всего лишь хулиганство подростков из бедноты, но это есть самый настоящий классовый взрыв. То, что мы совсем недавно наблюдали в странах арабского Средиземноморья.

...Однако, вернемся от этой увлекательной темы к материалам дискуссии.

Нам пишет постоянный автор «Приокских зорь», лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за это год, **Рудольф Артамонов**:

Подходит срок реакции на Ваш Манифест, а все оттягиваю время ответа, потому что боюсь Вас огорчить тем, что хочу сказать. Мой бог в литературе — Чехов. Я боюсь всяких «направлений» в литературе и искусстве. Реализм, акмеизм, модернизм, постмодернизм и т.д. Не знаю, что такое реализм, а тем более критический. Придерживаюсь той точки зрения, что реализм вообще невозможен. Каждый из нас отображает действительность по-своему, так, как видит. Так, как видит только сам. Каждый за письменный стол создает свой, только им увиденный мир. А то, как читатель воспримет написанное, так же, как автор, или по-другому, это его, читателя, личное дело. Церковь обвиняет авторов в том, что они претендуют на роль бога, создавая иной, чем созданный Богом мир. Я православный христианин и считаю, что Господь не возбраняет познавать описанием созданный Им мир. Он как отец, который построил дом и вводит в него своего сына и хочет, чтобы он ознакомился с вверенным ему домом, походил, заглянул во все уголки и узнал и понял, что же отец ему дал.

...Решаюсь еще раз высказаться по поводу Манифеста. Не прогневайтесь, пожалуйста.

Как говорили в свое время большевики, сейчас нет «революционной ситуации». Верху себе правят, как хотят, низы терпят. Поэтому ничего удивительного, что желающих высказаться по поводу критического реализма немного. Критиковать есть за что, только чего и как надо, никто толком не знает. Потому и помалкивают.

Известно, что Горький называл Чехова реалистом. Только эта оценка еще раз утверждает меня во мнении, что у каждого свой реализм. У Горького Челкаш, Сатин, Клим Самгин, у Чехова Мисюсь, Ванька Жуков, что пишет «на деревню дедушке», дядя Ваня. Унтер Пришибеев и Хамелеон, скорее, исключение, да и критикой это назвать трудно. Это усмешка никого и ничего не осуждающего человека.

Вы, Ваш журнал «ПЗ» делаете большое дело для русской словесности. Горы рождаются на всхолмии, среди взгорья. Их не бывает среди голой равнины. Журнал создает литературное взгорье, а дальше: «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется, И нам признание дается, Как нам дается благодать». И в этом деле не должно быть «наших» и «ненаших». Вы создаете сообщество людей, любящих русский язык, русскую литературу, желающих сказать свое слово. И, слава Богу. Дай Вам Бог здоровья и силы продолжать это дело.

В словах Рудольфа Георгиевича «не знаю, что такое реализм, а тем более критический» — великолепное подтверждение той истины, что метод критического реализма суть не догма, а самодовлеющая методология. То есть писатель вовсе и не обязан, не должен знать всякие там каноны, законы, манифесты и пр., описывающие законы критического реализма, но, тем не менее, он интуитивно им следует, будучи воспитан на русской и советской классической литературе.

Так случилось и с Рудольфом Артамоновым. Премии «Левша» им. Н. С. Лескова он был удостоен за замечательную, глубоко реалистическую «Повесть о русской Сольвейг» (см. «Приокские зори» №№ 1—3/2011).

Что же касается акцента нашего автора во второй части сообщения на слове «критика», то выражаясь в терминах психологии творчества и восприятия (тем более,

что Рудольф Георгиевич сам ученый в области медицины, он нас прекрасно поймет), здесь обычное для нашего мышления сочетание эффектов сдвига мотива на цель и фрустрации. То есть человек читает или слышит о критическом реализме и мысленно разделяет это единое понятие на два автономных: критика и реализм. Но ведь критический реализм — это не сугубая критика. Это критическое отношение к реальному миру вещей, понятий, отношений. Критическое не в смысле: критиковать зло, апеллируя к добру. Совсем нет, здесь критическое отношение суть философская «бритава Оккама»: разделять добро и зло, но в то же время прекрасно понимать, что одно без другого не существует. Это почти как в утилитарной этике Дж. Мура, Бертрана Рассела и Людвиг Витгенштейна — столпов этики ведущей философии современного буржуазного общества — неопозитивизма.

Но современный, новый русский критический реализм не приемлет этики неопозитивизма. Признавая онтологическую необходимость сосуществования добра и зла, метод критического реализма, особенно в его русской интерпретации, учит не беззубо *критиковать зло*, а доступными писателю, вообще художнику, средствами *преодолевать это зло*. Такова этимология словосочетания «критический реализм». Спасибо большое Рудольфу Георгиевичу, «подкинувшему» нам тему такой стороны дискуссии.

А вот понятие реализма хорошо определила *Людмила Авдеева* из Москвы, наш постоянный автор, член Союза писателей России. В качестве внештатного корреспондента она представляет интересы «Приокских зорь» в Госдуме ФС РФ. Она пишет:

Многомерность реализма

Разработка «Манифеста новогорусского критического реализма» своевременна и необходима для поиска выхода из кризиса, поразившего современное гуманистическое сознание, для сохранения исконной духовности русской культуры. Документально оформленный творческий метод должен стать направляющим в раскрытии стилевых возможностей современной литературы, выявлении коллективной индивидуальности литературного направления, наиболее адекватного задачам словесности в условиях мировой глобализации. Причем главной задачей нового русского критического реализма, должно быть не только усиление «критичности», а утверждение подлинных духовных ценностей. Не надо забывать и о необходимости принципиально высоких требований к художественной ценности самих произведений. Литературное направление обязано сохранить лучшие традиции классической отечественной словесности, основные принципы объективного художественного отражения действительности, то есть «достоверное отображение типичных характеров в типичных обстоятельствах». Понятие «реализм» не надо ограничивать социально-бытовым, а необходимо включить в него всю многомерность, объемность жизни и при этом, неплохо бы новому критическому реализму взять лучшее и в романтизме, а именно интерес к внутреннему миру человека как личности и некий идеализм, эмоциональность, без которых произведения литературы сухи и схематичны. Тем более и в романтизме прошлого была критическая струя в отношении буржуазной цивилизации. Произведения нового критического реализма должны нести идеалы справедливости, добра, свободы, любви... Читатель ждет от литературы не столько «сна золотого», сколько поддержки, указания пути для выхода из социально-общественного и нравственно-этического тупика. Литература во все времена была государственным делом. Писатель обязан быть гражданином, общественно ориентированной личностью. В «Манифесте» очень точно отражена оппозиционность писателя к властным структурам с учетом смены объектов критики и, безусловно, «Манифест» объединит людей, для которых Слово Правды — основное оружие возрождения духовно-нравственных основ русского общества и сохранения величия русской литературы на мировой культурной арене.

...Сказанное Людмилой Евгеньевной существенно дополняет и разъясняет значение — понятийное и терминологическое — словосочетания «критический реализм».

Наш постоянный автор из Тольятти, инженер по образованию и работающий по специальности, **Сергей Лебедев** видит в обновленном критическом реализме мощное оружие в борьбе-противостоянии бездуховности, поглотившей нынешнюю Россию. В частности, он пишет:

Прочитав проект Манифеста, главное, что я понял — основная мысль Манифеста — сохранить лучшие духовные традиции нашего Отечества. И в первую очередь, русской литературы. А значит сохранить базовый фундамент русской культуры, который развивался в условиях существования многонационального государства. Задачи Манифеста отстоять русскую цивилизацию, которая была заложена русской литературой не только в 19—20 веках, но еще со времен принятия православия на Руси. Этого истока русской духовной культуры.

И сейчас, когда за двадцать лет существования русской компрадорской буржуазии, разрушены многие духовные ценности, памятники культуры, на поверхность всплыли прогнившие принципы нового русского капитализма.

Как никогда, здравомыслящим людям становится понятным, что материальное благополучие, которое пропагандируется насильно, не может быть мерилом счастливой жизни людей. Это путь в бездуховность, а значит в общество людей-истуканов.

Всеми способами идет осознанная пропаганда под контролем русских капиталистов вседозволенности, бездуховности. Ставится, невидимый пока, запрет на образование. Но наступит день, когда образование будет получать только кучка детей магнатов. Уже сейчас воспитано поколение бездуховной, маргинальной молодежи. Они порой не могут назвать имен русских поэтов и писателей, а значит, в 18—20 лет никогда не читали книг Гоголя, Достоевского, Толстого. Нельзя допустить нравственной гибели нашего Отечества. К этому и призывает Манифест.

Приведем пространную выдержку из отзыва **Якова Шафрана** (г. Тула), сопредседателя Тульского литературного объединения православных писателей «Ковчег»:

Процессы, происходящие в мире, влекущие за собой и все более усиливающие бездуховность, безнравственность, отсутствие сострадания и милосердия, нелюбовь, частнособственнические инстинкты, стяжательство, накопительство, потребительский дух, обездушенность, механистичность, приоритет силы, практику двойных стандартов, презумпцию виновности и другие, ведут к деградации человечества, к превращению его во что-то противоположное. Этому нужно противостоять. Многого в этом плане может сделать литература и ее действенный механизм — критический реализм. Созданная на его основе великая русская и советская литература всегда помогала людям действительно противостоять и произволу властимущих, и всем негативным, антисоциальным общественным явлениям, и недостаткам государственного устройства, и недостаткам идеологическим.

Совершенно верно сказано, что сейчас мы живем в переходный период. Предыдущий период истории заканчивается, а вместе с ним постепенно уходят и старые методы работы во всех сферах жизнедеятельности. Исчерпал себя и классический критический реализм.

Но позволю себе не согласиться с автором проекта, когда говорится о полной тупиковости предыдущих экспериментов, а также о жестком и даже жестоком процессе глобализации, как о единственном и predetermined механизме «одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию».

Библия говорит о том, что «Бог творит все новое». Да, это так. Но Библия говорит и то, что Бог ничего не делает без человека. Поэтому от того, какой человек

будет делать, каково его сегодняшнее состояние, и зависит, что он сделает в итоге, каким будет наше завтрашнее устройство. В этом плане и предыдущие эксперименты могли идти несколько иными путями. Тем не менее, их неоценимый опыт может пригодиться для будущего строительства. Что касается возможного объединения человечества, то и здесь также есть варианты — будет ли проходить глобализация и далее под управлением «трех толстяков» (что мы наблюдаем в действительности), или она будет проходить под управлением духовно-, нравственно- и социальноориентированной ответственной общественности всех стран, независимо от их экономического уровня развития (здесь также возможны варианты в зависимости от степени наличия или отсутствия перечисленных параметров такой общественности в тех или иных странах). И, безусловно, Россия будет участвовать в этом процессе как страна с великим, неразрывным и разумным прошлым, а не с фрагментарной, бессвязной и нелепой историей, какую нам пытаются навязать.

Очень верна мысль автора проекта, являющаяся программной, являющаяся, собственно, Манифестом — «Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект расчеловеченья человека ноосферного (нотто *noospheres*). Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли». Здесь бы еще добавить — и способствуют лучшему устройению цивилизации.

Ради этой великой цели, ради того, чтобы наши дети и внуки жили в человеческом мире, под Манифестом нового критического реализма подпишутся все сознательные литераторы и люди, неравнодушные к литературе.

Но если сценарий глобализации и тип будущей цивилизации предрешены, и расчеловеченье неотвратимо, а задача литературы и творчества состоит только в том, чтобы максимально длительно противостоять, то это мало кого вдохновит.

...Что ж, единственный туляк, принявший участие в дискуссии, оправдал пословицу: мал золотник да дорог. В том смысле, что Яков Наумович четко почувствовал по содержанию «Манифеста» — чем же коренным отличается традиционный критический реализм от его новой ипостаси? А отличие в том, что все мы живем сейчас в эпоху глобализации. Соответственно, смещаются и акценты творческого самовыражения, литературы в первую очередь.

Отрадно, что в дискуссии приняли участие не только отдельные ученые, писатели, литераторы, но и литературные общества. Ниже приведем коллективный отклик сразу двух **литературных объединений из Москвы: «Вдохновение» и «Орфей».**

Сохранить все лучшее

Обсуждение «Манифеста нового русского критического реализма» прошло в литературных московских студиях «Вдохновение» и «Орфей», а так же в студии «Русич» (подмосковный город Пушкино), в котором приняли участие поэты и прозаики. «Манифест», как четко изложенная декларация современного творческого литературного метода, был встречен с интересом. Отмечалось, что классический критический реализм, как в европейской, так и в русской литературе, на протяжении веков был действенным и основным творческим методом, благодаря которому созданы произведения мирового значения. К сожалению, сегодня мы стали свидетелями разрушения отечественной культуры, и в частности русской литературы. Классические формы критического реализма практически исчерпаны. Появились

литературные течения, группы и объединения модернистского толка, не имеющие четкой творческой платформы, методологических программных документов, теоретических обоснований. Только истинная русская литература хранит еще дух народа, дух независимости, стремления к идеалу. «Манифест» призван очистить кладовые российской литературы от течений и групп, противостоящих исконной духовности русской культуры. В период глобализации цель литературы противостоять разрушительным процессам, для чего необходимо единение всех творческих сил на базе программного документа, каковым и может стать «Манифест нового русского критического реализма». Но сохранение преемственности традиций для перспективного развития отечественной литературы необходимо. Нельзя сбрасывать «с корабля современности» завоевания русской литературы, которые принесли ей мировую славу. Новый критический русский реализм должен взять все лучшее, проверенное из великой русской классической и советской литературы. Могла бы обогатить палитру современной поэзии и прозы и аура романтизма (достаточно вспомнить лучшие образцы романтизма, например, «Алые паруса» Грина или «Кавказского пленника» А. Пушкина). Как правильно отмечено в «Манифесте», время меняет идеалы и не надо доводить их до абсурда, но основные морально-этические нормы жизни продолжают жить в человеке, не отказавшемся от идеалов справедливости, борьбы со стяжательством, цинизмом, за лучший мудрый мир. Полное согласие вызвали положения «Манифеста» о гражданской позиции писателя и необходимости средствами литературы подвергать критике негативные явления в общественной жизни, чему и способствует творческий метод нового русского критического реализма. Среди высказанных замечаний — совет при доработке документа помнить, что он станет достоянием не только интеллектуалов, но и читателей, среди которых люди, не всегда знакомые с научной терминологией. Сложность речевых оборотов, научных терминов может затруднить восприятие текста в целом. А основы новой творческой методологии, ее теоретическую базу необходимо донести не только до пишущих, но и до широкого читателя. Но в целом «Манифест» актуален, необходим, своевременен и открывает реальные перспективы для переосмысления современного состояния российской литературы в эпоху надвигающейся глобализации.

В качестве послесловия к выказанному:

Модернистам

*Не пытайтесь, словно ластиком,
Все стирать, что в жизни было.
Не расправиться вам с классиком.
Он силен и за могилой.
Рассыпаются все изыски,
Словно домики песочные.
Ваши строчки только призраки,
Только слабые подстрочники.
Называйтесь хоть течением,
Направлением, модерном...
Вы плывете по течению
Щепкой брошенной, тленной.
Сколько было всяких измов,
Тех, что гениев душили.
Но с рассветом тает призрак.
Набирает Правда силы.*

Рядом с Правдой — реалисты.

Сквозь века — перо, бумаги...

Помнить будут даже сфинксы

Строки веры и отваги.

(Л. Е. Авдеева)

Завершим подборку материалов дискуссии по-американски обстоятельным, систематизированным материалом нашего постоянного автора *Сергея Горы* из города Линкольна (шт. Калифорния, США), филолога-лингвиста, получившего ученую степень в Ленинградском университете, нострифицированную, то есть подтвержденную, в США. Сергей Александрович известен и как поэт, и как один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций и ведущих телевизионных шоу.

Мы не будем особо комментировать пространный и логически выверенный отзыв Сергея Горы на «Манифест» (ссылки автора на страницы и абзацы «Манифеста» — по его тексту в «ПЗ» № 1, 2011), ибо сам Сергей Александрович комментирует свои исходные послышки. А комментировать комментарии — это, на наш взгляд, есть некое «архитектурное излишество». Словом, перед вами, уважаемый читатель, отзыв поэта, ученого-филолога, эрудированного человека, настоящего современного русского американца.

Единственное наше *nota bene* — в отношении фразы Сергея Горы, что «высококультурные американцы... ничего не слышали о В. И. Вернадском и его теориях». Имеется в виду теория ноосферы* и ее современное развитие — см. 9-томную монографию.**

Что здесь сказать, чтобы и *status quo* сохранить, и высококультурных граждан США не обидеть? Поэтому не будем апеллировать к мнению последних. Заметим только, что одно из величайших предвидений XX века — концепция нашего выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу, то есть «сферу разума», на рубеже XX и XXI вв. начала с поразительной скоростью сбываться. О Вернадском и его теории (теперь уже практике) ноосферы знает каждый образованный человек России, Европы и так далее.

Вместе с тем, чтобы при чтении «Манифеста» читатель не акцентировал свое внимание на термине «Ноосфера», мы полагаем нужным в окончательном варианте этого документа воспользоваться его более привычным синонимом...

Однако — слово Сергею Александровичу:

Примите в приложении пять моих предложений по Манифесту, которые строятся по следующему принципу:

номер ремарки (предложения) →

«философствование»-обоснование →

конкретные примеры, где желтым обведены строчки, рекомендуемые к обработке.

Главное примечание по Манифесту: Не стоит ограничивать (сужать) метод нового критического реализма ссылками на конкретных лиц, явления и теории. Любой «Манифест» — это призыв-контур теории, а отнюдь не ее детали. Это грубый штрих, если хотите, — не Ван Дейк и Рембрандт, а Модильяни и карандашный Матисс. Это грубый стих Маяковского, а не финтифлюшки сентименталистов...

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р. К. Баландина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 576 с. (Библиотека истории и культуры).

** Яшин А. А. Информационная виртуальная реальность (Тула, 2003); Яшин А. А. Живая материя: В 3-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2007, 2-ое издание в 2010); Яшин А. А. Предтеча ноосферы: В 2-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2010); Яшин А. А. Развертывание ноосферы: В 2-х тт. (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011); Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Заключительные главы и прогностика (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011).

Вспомните, например, что Маркс в 1848 году в своем манифесте не уточнял, откуда именно и какие именно польются блага при коммунизме, и каковым именно будет соответствующий поток...

Хочу особо отметить, что мои примечания не всегда соответствуют моему собственному мировоззрению — просто, я хочу представить себе реакцию Ваших потенциальных писателей, читателей, попечителей и меценатов, которые однажды прочтут Манифест как документ, объединяющий ряд издательств, журналов и т.д., чтобы решить, вносить свои таланты, силы и средства в данное предприятие или нет.

Например, представьте, что «завтра» появится (и объявится) великий критический реалист, которого мы условно назовем «Иван Петров», подразумевая при этом, что он может быть родом из Тулы, из Москвы, из Австралии и т.д.

И вот этот самый «Иван Петров» узнает, что «Приокские Зори» следуют методу «нового критического реализма», который подразумевает:

- (1) Ссылку на авторитет Карла Маркса;
- (2) Следование В. Вернадскому и его теории о ноосфере;
- (3) Духовную опору в византийском православии; и, наконец
- (4) Равнение на СССР.

И «Иван Петров» вдруг начнет рассуждать следующим образом:

(1) Маркса я не люблю. Уж больно бородат! К тому же его теория оказалась пишиком на 1/3 земного шара! В Гвинее и то при социализме кончились бананы...

(2) Что такое ноосфера — я просто не в курсе (кстати, все мною опрошенные высококультурные американцы [знающие по 3—4 иностранных языка в совершенстве] ничего не слышали о В. Вернадском и его теориях);

(3) Я недавно читал книги о Византии: какой там был кошмар; они ведь выкалывали друг другу глаза; жены императоров были просто проститутками; патриархи были в основном подхалимами и лизоблюдами;

(4) СССР вдруг развалили... Чего же это люди не поспешили заступиться за столь социально ориентированное государство? За Ливию, вон, и то заступаются.

...И «Иван Петров» делает вывод: Критический реализм — не мой метод, а «Приокские Зори» — не мой журнал!

Хотите Вы этого, Алексей Афанасьевич? Наверяд ли!

В то же время отсутствие конкретных ссылок вовсе не означает «ограничение критического реализма» для тех, кто верит в Маркса, следует за Вернадским и питается исключительно византийским православием. Просто, дверь рекомендуется держать открытой пошире, чтобы талантливые желающие могли в нее войти, невзирая на свои философско-политические привязанности.

Комментарии прилагаются.

С уважением, Сергей Гора

Выражая искреннее уважение авторам манифеста, сразу же подчеркну, что мои примечания ни в коей мере не должны рассматриваться как настойчивые, и, как говорится, только Вам, основателям и вдохновителям журнала, судить, что следует учесть, а без чего вполне можно обойтись.

Позвольте, однако (как говорят чукчи в анекдотах), сделать несколько комментариев.

1. Разложив перед собой энциклопедические толкования критического реализма, я бы хотел подчеркнуть двойную природу основополагающего понятия: реализм состоит из двух противоположных начал (как Вы справедливо заметили со ссылкой на Гегеля), где борются демонические и божественные силы с целью уничтожить (т.е. «расчеловечить») или усовершенствовать человека. В этой связи задачей критического реализма может являться борьба с теми явлениями, которые уничтожают

человеческую природу, равно как и восхваление (в качестве сравнительного фона) тех полезных качеств и привычек, которые ведут к укреплению духовности, в частности, и личности, в целом. Рассуждая на данную тему, хочу подчеркнуть, что духовные качества человека всегда оставались незыблемыми на протяжении всех известных нам веков и цивилизаций: страх, любовь, совесть, чувство долга, желание отомстить, похоть, и т.д. являлись одним и тем же ощущением на протяжении тысячелетий, невзирая на материальный прогресс. Человек убегал от мамонта так же стремительно, как от танка или от взрывной волны атомной бомбы, причем с той же скоростью, т.е. максимально возможной, забывая при этом начисто о своей культурно-национальной идентичности. Поэтому с этой точки зрения российская литература критического реализма не может не отражать той общецивилизационной всевременной и общекультурной (если хотите) гуманистической преемственности, которая, грубо говоря, передавалась по исторической эстафете от Гомера Аристофану, потом Шекспиру, Пушкину и далее Тагору, Горькому и прочим современным Хемингуэям с Прилепиными и Улицкими. В то же время я готов полностью с Вами согласиться относительно прибавления слова «новый» к словосочетанию «критический реализм». Дело в том, что, во-первых, термин критический реализм настолько был укоренен в советской литературоведческой пропаганде, что волевым решением просится соответствующее определение со словом «новый»; во-вторых, учитывая такое толкование понятия **новый критический реализм**, предлагаю внести следующие коррективы в текст манифеста:

1.1 (третий ромбик, 17-я - 21-я строчки сверху на стр 7.)

Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологическому обусловленному устремлению человека разумного ... к социально-ориентированному обществу, **потенциально способствующему усовершенствованию его личности (как совокупности духовных и физических качеств): от семьи до государства...**

1.2. Полностью убрать тезисы, следующие под четвертым и пятым «ромбиками» (Данное устремление... и Из всех видов...) 22-я - 28-я и 29-я - 33-я строчки сверху на стр. 7.

Примечание: Это очень хорошие фразы сами по себе, но какое отношение все это имеет именно к критическому реализму, а не, скажем, к экзистенциализму или научной фантастике?

1.3. (Скорее вопрос, а не комментарий) За следующим ромбиком, Вы пишете: **...русской литературе [а не российской литературе]** (14-я строчка снизу на стр. 7), а далее следует ссылка на Византийское православие (8-я строчка снизу на стр. 7). Тогда позвольте: С чем соотносить специфику Украинской, Белорусской, Грузинской, Армянской и Восточно-Молдавской литератур, которые тоже исповедовали Византийское православие и были при этом частями Российской империи, а позже — СССР? Речь здесь, прежде всего, о том, что само понятие «специфика» подразумевает уникальность принадлежности того или иного явления, иными словами, если это присуще только России, то этого нет и не может быть у Украины, Грузии, и т.д. Например, в чем специфика тигриной шкуры? Говоря о ее полосах, мы ведь подсознательно предполагаем уникальность тигриного окраса, не похожего на шкуру других кошачьих (львов, пантер и т.д.)

2. Продолжая комментировать данный пункт, замечу, что если у Вас хватит терпения дочитать мои философствования до конца, то Вы увидите, каким именно я вижу «ромбик» **о специфике русского критического реализма** (10-я - 3-я строчки снизу на стр. 7). А философствования эти, как и упомянутый окончательный вывод к ним, связаны со следующими четырьмя понятиями: (1) Византийское православие, (2) Идолопоклонство (3) Общинность, и (4) Социальная ориентация СССР. Итак, по

порядку. Уникальность и, если хотите, специфика России (а не Бельгии и Франции, скажем) заключается как раз в том, что христианство здесь не только не вытравило идолопоклонства, а, наоборот, сосуществовало с таковым параллельно, явно уступая последнему в сердцах людей. В этой связи позвольте порекомендовать Вам обратиться к ведущим фольклористам России (например к д-ру Михаилу Алексеевскому), которые расскажут Вам, сколько неприкрытого язычества присутствует до сих пор в нашей повседневной жизни; от рассадки членов семьи на кухне до троекратно сплевывания при виде черной кошки. А разве в той же русской литературе не упоминались лешие и кикиморы, и разве наши классики не писали о домовых, заговорах болезней и т.п. Вспомним Пушкина, который (аж в XIX-м веке!!! т.е. почти через 10 веков после принятия православия) писал: «Татьяна верила преданьям простонародной старины... таинственно ей все предметы провозглашали что-нибудь, предчувствия теснили грудь...» Что сделали россияне (как говаривал царь Борис) в 22-м? Вместо «идола-Богородицы» в красном углу повесили портрет Ленина и назвали красный угол красным уголком. Общинность — это, если пристально взглянуть, и есть лучшая почва для идолопоклонства. Ведь кто такой идол? Это незаслуженно обожествленное лицо или явление, возвышающееся над определенным обществом людей и, якобы, покровительствующее ему. Итак, если Вы — член общины, значит Вы вынуждены быть ее частью (из-за климата, суровых условий, целей коллективной обороны), и это значит, что Вы равный среди тех, над кем есть идола-начальник (староста, смотрящий, воевода, целовальник, атаман, барин, помещик, комиссар, вор в законе и т.п.), которого Вы обязаны превозносить и постоянно беспрекословно слушаться, иначе не выживите. С подобным общинно-идолопоклонческим устройством и боролся русский классический критический реализм. Переходя напоследок к собственно Византийскому православию (с его явно неправославными арианством, несторианством, монофизитством, монофилитством и иконоборчеством), оставляю в стороне ряд напрашивающихся негативных ссылок на беспримерную жестокость византийцев (изобретение многих орудий пыток), распушенность нравов (взять хотя бы Евдокию, которая трижды изгоняла патриарха Иоанна Златоуста), повальный алкоголизм и интриганство, а приведу лишь один пример: когда Мехмет II захватил Константинополь в 1453 году, он собрал местных олигархов и спросил: господа, что же вы на ваши несметные сокровища не наняли наемников, чтобы преградить мне путь в Ваш город? — А мы берегли все наши деньги для тебя — ответили «православные» олигархи. Тогда Мехмет II приказал всем им отрубить головы... Уверен, что вышеприведенный пример «византийского православия», мягко говоря, несродни ни русскому классическому ни новому критическому реализму (как-то не вяжется вышесказанное ни с творчеством Ф. Достоевского, ни с «Поднятой целиной» М. Шолохова). И последнее: категорически не соглашусь с мнением о социальной ориентации СССР. И дело здесь не столько в ГУЛАГЕ и Сталине, сколько в объективных статистических данных, однозначно свидетельствующих о деградации и вымирании общества (т.е. социума). Одним словом, идеологическая декларация отнюдь не трансформировалась в реальность.

Заключая вышесказанное, следует признать, что новый критический реализм как раз и призван бороться, с одной стороны, со стадным инстинктом, идолопоклонством, и с другой стороны, с византийской чванливостью, псевдотеологической демагогией, интриганством, коварством и жестокостью, которые в разное время были привнесены в русскую жизнь и явно до сих пор прямо или косвенно способствуют деградации русской личности. Возвращаясь к специфике русского критического реализма предлагаю следующий «ромбик» (10-я - 3-я строчки снизу на стр. 7):

2.1. Спецификой русской [...] оставляем все как есть...] отечественной литературы, традицией [убираем слово: общинной] мироустройства русской жизни, являет-

ся выявление, описание и обличение **общественных и личных пороков, включая неприятие стяжательства и накопительства, а также любого частнособственничества, направленного исключительно на личное обогащение и карьеризм, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при ярко выражаемом недоверии к низшим и средним звеньям власти исполнительной.**

Примечание: предлагаю также **убрать** ссылки на (1) «**грамоту царя-батюшки и... бояр**» (Во многих произведениях русского классического критического реализма этого мотива просто нет). (2) «**абсолютное неприятие частнособственничества**» (любой иностранный дока-литературовед скажет Вам, что ни в классической, ни в современной русской литературе нет прямого неприятия самого института частной собственности. Другое дело, что критикуются пороки определенных частных собственников, но отнюдь не сама экономическая категория. Кстати почти все представители классического критического реализма России XIX — начала XX веков были ярко выраженными частными собственниками, чем отнюдь не гнушались. (3) Сейчас, а также в различные периоды прошлого (хотя и не во все), высшие звенья исполнительной и законодательной власти представляли собой по сути одно и то же. Поэтому и внесено соответствующее указание на **низшие и средние звенья исполнительной власти**, а не на всю исполнительную власть вообще.

2.2. Третий «ромбик» на стр. 8 (26-я — 33-я строчки сверху на стр. 8)

Предлагаю убрать: «..., учитывая социальную ориентированность СССР» по причине, указанной выше.

3. Невзирая на достаточно часто встречающуюся в российских СМИ полемику относительно терминов разрушение, развал и распад (СССР), хочу отметить неразрывное семантическое сходство этих понятий. Ведь, распасться может только то, что (1) разрушали (неважно изнутри или снаружи) или (2) само по себе разрушалось. То есть процесс разрушения — это физическая причина распада, а распад — это, в любом случае, результат процесса разрушения в той или иной его форме. Короче, «что в лоб, что по лбу» — эффект одинаковый. Если в Манифесте будет употреблено только одно (любое!) из этих слов, то документ будет выглядеть гладже, без явно оцутимого заочного спора с кем-то тайно несогласным с предлагаемыми доводами. Предлагаю:

3.1. Третий «ромбик» сверху (18-я - 21-я строчки сверху на стр. 9)

...с момента разрушения [или распада — все равно] в русской... метододов. [точка!]

Примечание: Предлагаю убрать строчки относительно неконструктивного критического реализма. Согласитесь, что это звучит слишком оценочно и эмоционально. К тому же литературоведческое определение критического реализма (а значит и нового критического реализма) не подразумевает какой-либо особенной (точно измеряемой) степени конструктивности.

4. Не вдаваясь в политическую, а тем более в научно-теоретическую полемику относительно прозорливости Карла Маркса и Владимира Вернадского, отмечу только то, что широко известно даже неучам: мозг самого талантливого человека развит максимум на 10—12 % своего потенциала. Поэтому не стоит слишком доверять глобальным прогнозам философов и ученых (не сочтите за обиду, Алексей Афанасьевич). Ведь смотрите, что всегда и всюду происходило: теория признаваемая конечной и единственно верной вдруг в одночасье становилась изжитой и ненужной. Великой, например, считалась теория эволюции Дарвина... до открытия ДНК Уотсоном, а открытие последнего вдруг поблекло после обнаружения волнового генома. А разве примеры открытий Исаака Ньютона и Карла Линнея не свидетельствуют в пользу того же? Сотни ученых и философов XIX—XX-го веков считали, что вселенная неизменна, а Хаббл вдруг доказал, что она расширяется. (Кстати,

А. Эйнштейн потом говорил, что он тоже так же думал, но боялся объявить, ибо все вокруг были материалистами.) Ученые и философы имеют дело, как правило, с материальным, которое постоянно изменяется в сознании под напором новых открытий и более окрепших мозгов. В то же время искусство и литература отражают вечное и неизменное — сиречь духовный мир — и потому, по определению, не могут обуславливаться какими бы то ни было научно-философскими теориями, политическими приоритетами и/или симпатиями, и прочими конкретными материальными явлениями, ощущаемыми в определенный период времени. Поэтому:

4.1. **Пятый (Исчерпанность на рубеже... 25-я - 31-я строчки на стр. 9) и шестой (На нынешнем, активно... 32-я - 37-я строчки снизу на стр. 9) «ромбики» предлагаю убрать.**

5. Любое явление, обозначаемое термином, оканчивающимся на «изм» и «ция» требует дополнительного уточнения (например, в СССР для членов Политбюро был полный и настоящий коммунизм, где все мыслимые и немыслимые блага лились полным потоком, а простой народ жил при самом настоящем рабовладельческом строе, где любого человека можно было заставить трудиться бесплатно, психологически сломать и, наконец, попросту убить (ссылки на описание ГУЛАГа у Солженицына, Шаламова, Аксенова, и т.д.). При этом взаимоотношения федеральных и региональных властей были чисто феодальными, а теневая экономика являла собой яркий пример дикого капитализма. Поверьте, я это знаю не только по книгам...

Аналогичная логика применима и к термину «глобализация». Говоря проще, имеет место быть как «глобализация добрых начал» так и «разрушительная глобализация». Тут дела обстоят так же как с Интернетом: хочешь отождествляй его с порнографией, хочешь — с доступом ко всем новостям, а хочешь — с вебсайтами про святых мучеников и той же высокой литературой. В силу вышесказанного, задачей современного российского критического реализма должна являться не борьба против глобализации вообще (т.е. как таковой) или же потакание ей как одному целому, а критика разрушительных явлений глобализации при отстаивании ее добрых начал. Ну, кому, скажите на милость, будет претить глобализация немецкой аккуратности, японского патриотизма, славянского гостеприимства или английского дружелюбия; и кто дерзнет защитить глобализацию пол-потовской жестокости, африканской распущенности и всепроникающей пост-советской коррупции?

Добавляя к сему пожелание отказаться от излишней категоричности, предлагаю:

5.1. **(13-я строчка снизу, на стр. 9 журнала): ... критического реализма являются те разрушительные процессы глобализации, которые наносят ущерб национальной специфике отдельных культур.**

5.2. **(10-я строчка снизу на стр. 9 журнала):** Поскольку в эпоху глобализации **может отсутствовать «сравнительная база» национальных литератур...**

5.3. **(4-я — 5-я строчка снизу на стр. 9 журнала): ...сохранении тех черт человека... (пропуская несколько слов).**

Примечание: предлагаю **убрать** ссылки на (1) «**ноосферного человека**» (Мол, кто это, извините за невежество? К тому же, кто может с уверенностью предвосхитить сколь-нибудь существенные изменения в духовном мире ноосферного человека будущего?); (2) «**реальный временной процесс**» (любой жизненный процесс происходит в реальном времени); и (3) «**литературу и публицистику**» (Понятно, что речь идет не о сельском хозяйстве или космонавтике).

Итак, уважаемый читатель «Приокских зорь», пришло время подвести итоги дискуссии. Но прежде всего извинимся перед теми многочисленными авторами полученных нами откликов, тексты которых не вошли в приведенную выше подборку.

Мы им глубоко признательны, но... объем настоящей рубрики журнала ограничен, а мы старались отобрать для опубликования наиболее характерные, порой и полярные, мнения. Другой момент: многие отклики, что называется, «синхронны в мыслях». Это, кстати говоря, есть и свидетельство важности и верности основных положений проекта «Манифеста».

Наконец, в первых двух номерах «Приокских зорь» за следующий год мы планируем — по мере поступления в редакцию — продолжение печатания отдельных, наиболее содержательных материалов-откликов на «Манифест».

А итоги дискуссии достаточно оптимистичны. Главное, современные русские писатели и литераторы, их читатели понимают: без четко выверенной методологии дальнейший литературный процесс уподобится блужданию во тьме. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо», — это из «Фауста» Гёте. Вернее и образнее не скажешь.

Разумеется, это вовсе не означает, что литератор сочиняет свои романы, поэмы и драмы, поминутно справляясь с неким методологическим пособием. Просто, становясь и развиваясь как художник слова — а процесс этот длительный, иной раз длиной в жизнь, — писатель впитывает эту методологию почти что произвольно: из чтения, из бесед с коллегами, просто из услышанного и увиденного. Знание реальной жизни людей — вот лучшая методология!

Другой существеннейший результат дискуссии: большинство современных писателей, прежде всего из России, согласны с тем, что основное — исторически и ныне действительно — направление русской литературы было, есть и будет критический реализм. Об этимологии этого понятия и незаикливания на слове «критика» мы уже писали выше в наших комментариях. Самое главное — это то, что данный творческий метод ни в коем случае не должен, а по определению и не может, быть привязан к каким-либо жанрам. Под его расширенную методологию в равной мере попадают социальный и политический роман, любовная лирика и сентиментальное повествование, автобиографическое произведение и литературно-исторический труд. Даже фантастика (но не пресловутая «компьютерная фэнтези»), популярная ныне «альтернативная история» (то есть: что бы было, если бы...), даже умная и прочувствованная поэзия, в своих тропах отличающаяся от привычных «ямбов и хореев»... — все это предметы и объекты действенности критического реализма.

Собственно говоря, критическому реализму в литературе можно противопоставить только творчество адептов сугубой виртуальной реальности, болезненную эротику и порнографию или других клинических проявлений, а также столь многочисленную словесную бессмыслицу, именующую себя литературой, заполонившую в последние десять лет Интернет и многие его сетевые журналы. — Это не литература, а переписка по компьютеру двух соседей, разделенных межквартирной стеной, но не узнающих друг друга при случайной встрече на улице...

Наконец, почему в названии «Манифеста» мы акцентируем слова «русская литература»? — Потому, что русская литература — это мировой феномен, длящийся уже третье столетие. Да, имели место достаточно длительные феномены английской и французской литературы XIX — начала XX вв. На рубеже этих же веков яркой кометой явился изумленной Европе феномен норвежской литературы — от Бьернеторне Бьернсона до Кнута Гамсуна. Феномен латиноамериканской литературы 50—70-х гг. прошлого века... Вспомним и литературу США времен Ирвина Стоуна, Уильяма Фолкнера и многих других. Но разве все это сравнится с феноменом великой русской литературы?

Мы не квасные, шапкозакидательские «патриоты», но что есть, то и есть. Поэтому это и есть «Манифест нового русского критического реализма».

...Оргкомитет дискуссии планирует, учитывая *все* поступившие (и вновь поступающие) отклики, мнения и предложения, к середине следующего года подготовить окончательный, рабочий вариант текста «Манифеста» и представить его руководству Академии российской литературы, Союза писателей России и другим общественным литературным организациям с рекомендацией принятия «Манифеста» в качестве программного документа.

*Составление и комментарии
Алексея Третьякова, г. Тула*

Наталья Квасникова
(г. Москва)

**ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ**

«Так лучше..., ...так больней...»

Игорь Северянин

Ежедневно каждый преподаватель общается с теми, кого ему положено учить и воспитывать. Однако мы начинаем не с нуля. Ученики, приходя к нам, имеют сложный, часто негативный опыт жизни, и это не новость. Их души изломаны, вывернуты наизнанку безудержной разногласицей информационного потока. С глубокой древности было принято беречь не только физическое, но и духовное здоровье детей. Вспомните-ка,— получалось не так уж плохо. Человеку нужно постепенное созревание; желудок заболевает, если мы едим незрелые сливы и яблоки,— а что же ребенок? Не успел он родиться, как его маленькая душа погружается в беспросветную нравственную грязь, которая начинается с ежедневного сквернословия родителей — идут с коляской, даже улыбаются, речь при этом — уши береги. Не папа с мамой, так прохожие поражают откровенным и уже привычным(!) языковым цинизмом.

Дитя,— вы только вдумайтесь в это святое слово,— с самых нежных лет, подойдя к киоску взглянуть на яркую игрушку за стеклом, неизбежно увидит обложку глянцевого журнала с тетей или дядей в непристойной позе. Едва научившись читать, разбирает по складам бесстыдную афишу стриптиз-клуба среди бела дня на улице родного города. Посреди фильма-сказки по телевизору его настигает реклама, к примеру, обычного майонеза, но с натуралистической двусмысленностью, способной испортить аппетит нормального человека. Не стоит возмущенно выкрикивать, что они, мол, еще ничего не понимают. Вы видели, какой неприятно-знающей улыбкой при этом искажается детское лицо? За что мы до такой степени вдруг возненавидели собственных детей? Наша задача — передать им умение любить, то есть — быть не просто сытыми и благополучными, но и счастливыми, умеющими радоваться жизни. Мы продолжаем делать все, чтобы уничтожить в них эту способность.

Ответьте — не мне, а себе, может ли самозабвенно любить юноша, сызмальства привыкший определять любую девочку, девушку, даже незнакомую, просто идущую мимо,— как «телку»? Способна ли девушка, которая воспринимает, как норму, циничные, гнусные слова, произносимые парнем в ее присутствии, и сама говорит их, не смущаясь, разобраться в своих чувствах? Один из самых уродливых симптомов нашего времени — идут подростки с трогательными полудетскими лицами, непринужденно беседуют на нецензурном наречии, и, завидев преподавателя, извиняются:

— Ой, простите, я Вас не заметил(а).

Какой потрясающий современный сарказм,— раньше бывалые мужчины смущались от произнесенных ими крепких слов, заметив женщину или ребенка,— теперь подросток в силу извращенности понятий «беречь невинность» взрослого.

Говорят, когда-то давно был каменный век. Толпы необразованных, неопрятных и неинтеллигентных граждан обитали в пещерах и рисовали на стенах. В те неуклюжие времена человек жил коротко, в трудах и страхе.

Не замечаю, чтобы наше столетие так уж отличалось от каменного века.

С тех пор, само собой, индивидуальная длительность жизни в среднем увеличилась, люди «...сильно изменились... внешне... О костюмах нечего... и говорить, ... появились ... трамваи, автомобили, ... телефоны и прочая ... аппаратура...» (М. Булгаков). Но попробуйте отыскать среди всего этого — *человека!*

Его присутствие можно заподозрить только косвенно — по следам. Индивидуумы, составляющие толпу, вызывают опасение. От каждого из нас предпочтительнее держаться на расстоянии. В метро и на улице непременно найдется тот, кто без всякого повода толкнет соседа, что есть силы, да еще с аппетитом обругает. Многие глядят друг на друга кровными врагами, — и даже в церкви не смутятся проявить к кому-нибудь самые нерелигиозные чувства.

Известно, что произведения литературы и искусства — показатель бытия человеческого. Какие книги пишутся в последнее время? Чем отличаются от прежних? Прочтем — и сравним.

«...Самое тяжкое бремя суть одновременно и образ самого сочного наполнения жизни». Так утверждает, уже с 1984 года, Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия». Я вижу в этих словах синоним понятия «единства и борьбы противоположностей» нашего времени. Пройдет еще немного лет, и какой-нибудь новый автор окончательно поставит знак равенства между отчаянием и счастьем.

Кажется, совсем недавно человек стремился быть как можно более приятным для окружающих. Иногда это доходило до абсурда, боялись сделать даже намек на естественные проявления организма. «...Она была напичкана едой до отвала и ...ежеминутно боялась, как бы не рыгнуть. Этим можно было погубить все — ведь лишь очень пожилые мужчины и дамы могли себе позволить такое, не упав в глазах общества» (М. Митчелл).

Однако теперь господствует лозунг «что естественно, то не безобразно». Человек ведет себя непринужденнее животного. Возникает ощущение, что каждый стремится произвести на всех вокруг наиболее мерзкое впечатление, — и книги, спектакли, фильмы сразу наполнились детальными изображениями моментов жизни, которым лучше оставаться вполне интимными. «Она сидела на унитазе, и жажда опростать внутренности, внезапно овладевшая ею, была жаждой дойти до конца унижения, стать телом по возможности больше и полнее, тем самым телом, чье назначение, как говаривала мать, лишь в том, чтобы переваривать и выделять. Нет ничего более жалкого, чем ее нагое тело, сидящее на расширенной оконечности сточной трубы» (М. Кундера).

Изумительный образец современного художественного слова. Какое воздействие оказывает он на молодого человека?

Если бы ЭТО прочел Пушкин, подобный слог сразил бы его еще до дуэли. Может быть, талантливым авторам следует чувствовать ответственность за последствия обнародования своих творений?

Примечательный факт: я практически не встречала в художественной литературе столь детальных описаний функционирования сердечной мышцы, позвоночника, кровеносной системы и т. д. Однако натуралистические подробности работы выделительных органов и сопутствующих ощущений буквально заполнили современную прозу, поэзию и даже сцену. Возникает впечатление чересчур однобокой страсти к изучению анатомической науки.

Итак, человеком нашего времени овладела «жажда унижения». Привет тебе, о Навоз!

Некий суперсовременный художник (простите, имени его мне не удалось запомнить, да и стоило ли?) предложил публике картину под смачным названием «В глубь России». Человек, слегка наклонившись, напряженно вглядывается корове под хвост. Теперь не только бумага, но и любой материал, пригодный для обработки, вынужден быть крайне терпеливым. Самый благородный мрамор или металл может оказаться использованным для изделия, при виде которого неудержимо потянет «опростать внутренности». Беззащитный сравнительно недорогой холст тем более находится в невыгодном положении.

Удивительно ли, что подросток, одурманенный подобной информацией, теряет необходимый для жизни здоровый оптимизм и тянется к алкоголю, наркотикам, сигаретам, уходит от вывернутой наизнанку реальности в компьютерные миры? Слишком многие ребята не могут представить иного проведения выходных и праздников, и я, практикующий педагог, свидетельствую это.

Фидий, Челлини, Микеланджело, создавшие произведения, демонстрирующие красоту и величие Духа Человека в прекрасном и совершенном теле,— их всех побочку, они нам не указ. Зевса надо было водрузить не на трон, а на стульчак, и дать ему в руки рулон туалетной бумаги. Получился бы новомодный современный шедевр. «Жалкое нагое тело пою!»

Очевидно, «легкость бытия» состоит в том, что не требуется обременять себя стремлением быть лучше. Новый идеал человечества — свифтовский йеху. Вспомним хотя бы всплывшую на этой мутной волне Веру Павлову:

*В дневнике литературу мы сокращали лит-ра,
И нам не приходила в голову рифма пол-литра...
И не знали мальчики, выводившие лит-ра,
Который из них загнетса от лишнего литра...*

Как возможен стал такой невероятный, трагически-дикий перепад от Пушкина, от Серебряного века до столь глубокого убожества?

«...Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь ближе к земле, тем она реальнее и правдивее» (М. Кундера). Навозная жижа, несомненно, достоверна и безупречно честна. Однако не менее реальны чистота и свежий воздух после уборки. Делайте свой выбор, решайте, кто вы,— «жалкое... тело» с единственным назначением «переваривать и выделять»,— или микеланджеловский Давид, свободный и прекрасный герой, способный справиться своими силами почти с любой сверхзадачей. Жаль, когда талантливый автор загрязняет атмосферу Искусства, и в результате хочется лишний раз вымыть руки с мылом. В этом смысле «легкость бытия» действительно «невыносима».

Я не сомневаюсь, что многие возмутятся высказанным здесь мнением,— дескать, роман признан во всем мире, переведен на разные языки, считается шедевром и т. д. Ничьи протесты меня не испугают. Мне это не нравится, вызывает чувство брезгливости, кроме того, я в своем мнении далеко не одинока. Вы скажете — ново? Ничего подобного — вспомните Рабле. Но при этом Рабле — сатирик, и его цель — исправление, а не унижение человека. Вы скажете — интересно? Много ли интересного вы черпаете в унитазе? Если — да, то я вам глубоко сочувствую.

М. Кундера предлагает нам посмотреть на себя в перевернутый бинокль, подобные произведения выращивают в человеке комплексы неполноценности, ощущение своего ничтожества и, как следствие, агрессивность. Таково мое мнение,— кстати, основанное на жизненном опыте. Начитавшись подобных книг, молоденькая преподавательница философии с непринужденной уверенностью утверждает на своих уроках, что самым естественным для людского общества жизненным девизом является поговорка «человек человеку волк». Вам не страшно? Результат воцарения в социуме такого мнения — уже не рост, а взлет преступности, насилия, обширная атрофия добра.

Для сравнения хочу вспомнить «Искру жизни» Ремарка, созданную в 1952 году, всего на 32 года раньше. Место действия — германский концентрационный лагерь, фабрика переделки человека в низшее животное. Результат прочтения — захватывающая дух гордость за то, что в столь чудовищных условиях совсем немало было людей, которые до конца сохраняли высочайшую степень достоинства личности, находили в себе способность любить, — и даже поддерживать чужую любовь, возникшую рядом с ними.

«...Пятьсот девятый достал из кармана кусок хлеба.

— На вот. Мне не нужно. Мне... хватило. Отдашь это Рут...

Голова его упала на грудь, но он с усилием поднял ее еще раз, и его разукрашенный кровоподтеками череп внезапно озарила улыбка...

— Ведь это тоже очень важно... что-то давать...»

Я оглядываюсь вокруг и вижу, что нет сейчас хронического и безнадежного голода. Однако немного попадается мне людей, которым «важно что-то давать». Тех, кому важно брать, даже не брать — хватать, отбирать в свою личную пользу, неизмеримо больше.

Теперь не верится, что люди месяцами, годами жили в условиях безысходного негатива, — и им удавалось сохранять в себе живую и прекрасную человеческую душу. Но вокруг них обитали «двуногие прямоходящие» монстры, создававшие этот немислимый ад, причем не испытывая никаких сомнений, даже самых смутных. Им просто не приходила в голову мысль о дикости и нелепости того, что они творили. Гитлеризм изобрел систему воспитания чудовищ из собственных детей, но и наши эксперименты с информационным полем уже приносят обильный и очень ядовитый урожай, возможно, дальнего действия.

Страшно и удивительно, что люди могут с легкостью трансформировать свои понятия в таком необозримо широком диапазоне, где на одном конце шкалы комендант концентрационного лагеря, а на другом — Мать Тереза. Нет у нас никакого права лишать своих детей способности радоваться жизни, верить в то, что она дана для счастья и осуществления большой мечты, а не является нелепым выбросом в мир страданий и болезней. История цивилизации, в том числе XX века, хранит несметные сокровища педагогического опыта, позволяющего решить эту сложную задачу, но мы полностью отказались от проверенного знания, и тщимся изобрести новый велосипед.

Наш век далек от сентиментализма. Каждый день плохо выспавшаяся необходимость гонит одну толпу сквозь другую вдоль и поперек улицы, никто не смотрит на бегущих мимо случайных соседей. Некогда смотреть вокруг, некогда замечать друг друга. В общении преобладают сухость, резкость, поспешные краткие ответы. «Сбербанк за углом... Простите, мой автобус...» На такую ерунду, как счастье, времени нет.

Но изредка оказывается, что некуда бежать. Можно присесть под усыпанной цветами старой яблоней в тихом саду, где только издали слышен визг соседской электропилы, и почитать, к примеру, Шиллера. Возникает основательно забытое ощущение медленно горящей свечи, хрупко звучащей ласковой музыки, соловьиной возни в кусте жасмина перед началом ночного концерта, в душе пробуждается бессмысленная несовременная нежность. Вдруг начинаешь понимать, что многое почти безвозвратно утрачено нами, — и всего этого становится жаль.

В наше изломанное время, не успевая любить, люди находят возможность интриговать, завидовать и вершить другие не менее интересные дела. Для возвращения добрых чувств, как видно, необходим изрядный досуг, однако злобе короткий день не помеха. Есть ли любовь, заметить трудно, но коварства хоть отбавляй.

Кстати, — нам так сильно нравится понятие «современность», что стало модно старинные сюжеты переносить в нашу своеобразную действительность. Особенно смехо-

творны в таком контексте «Кармен» и «Травиата» — переродились в комедии, да и только. Я попытаюсь вообразить себе современных Луизу Миллер и Фердинанда.

Прежде всего,— их отношения с первой же встречи должны стать куда ближе, чем это допускалось во времена Шиллера, и никто из зрителей не упрекнул бы их в этом, а страдания ее отца выглядели бы на редкость смешными.

«Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!..»

Кроме того, отказ Фердинанда жениться на богатой леди Мильфорд смотрелся бы потешно из-за его многословия и мотивации.

«...Простите, я не могу поверить, что вы британка. Свободная дочь... свободного народа, ... который до того горд, что не курит фимиама даже добродетели чужестранцев, ни за что не станет ублажать их пороки... Нет, вы... не британка...».

Кто это будет слушать? Конечно, необходимо перевести текст на современный жаргон, к примеру: «...Че ты мне впариваешь, будто ты классная телка...» и так далее. Сочно, выразительно, а главное,— в духе времени и без лишней сентиментальности. Пара нецензурных выражений придаст еще больше реалистичности подобному спектаклю.

В его трагический финал и вовсе никто не поверит, если снова не сделать ему небольшую прививку.

«...Я совершил убийство..., и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии...».

Кого сейчас смутит таким пустяком? Почти каждый день симпатичные дикторы со спокойной полуулыбкой сообщают об очередном заказном убийстве, массовой аварии или о какой-нибудь столь же несущественной детали в нашей жизни. Мы так страшно привыкли к этому, что для восприятия трагический финал должен быть не только современным, но и максимально ярким.

Скажем,— летят все они в самолете, натурально, выясняют отношения, затем разборка, море крови, что-нибудь эдакое... Далее самолет, конечно, падает с соответствующими подробностями и последствиями. Можно кого-нибудь оставить в живых, но чтобы непременно с потерей памяти. Зрители рыдают, прибыль аккуратно притекает на счет в банке, шедевр удался.

Впрочем, человек смеется не менее активно, чем льет слезы и пугается. Можно достичь нужного эффекта,— я разумею счет в банке,— с меньшими усилиями, сохранив по большей части авторский текст и поместив героев в современные условия. Перед нами отдельно взятый сумасшедший дом,— и готова комедия. Кто же воспримет всерьез страсти столь высокие, речи столь праведные, мысли столь чистые, не обрамленные в истлевшие одежды давнего столетия? Ведь в наше время даже некурящая девушка — почти анахронизм.

С какой омерзительной готовностью мы вывернули наизнанку все наши лучшие чувства и как усиленно тщимся убедить себя и других в том, что изнанка красивее лица! Возникает мысль: может быть, человек — просто негодное существо, не способное дорасти до лучшего воплощения самого себя? Гляньте, сколь жадно он хватывается за все грязное и порочное в жизни! Устрашающе привычными стали нецензурщина и убогий жаргон на улицах, в кино, в книгах, на телевидении. Если человек наступил в навозную кучу, ему противно, он бежит отмываться, однако он охотно пребывает в грязи нравственной. А как часто люди стыдятся своих лучших качеств, скрывая их от окружающих, особенно молодежь и подростки!?

«...Я вступался за униженных, выпрямлял кривду... Я неизменно устремлялся к благим целям, а именно: всем делать добро и никому не делать зла...» (М. Сервантес).

Годы, века все идут, преобразуя до неузнаваемости мир,— а человек до сих пор часто оказывается банкротом перед лицом Добра; начинает казаться, что и слова эти — добро, справедливость, честь, великодушие — придуманы просто так, на потеху толпе.

*Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.*

Ш. Бодлер

Что за социум мы построили, с потрясающим усердием возведя на пьедестал деятельный и жесткий эгоизм, научившись,— в лучшем случае, со снисходительно-презрительной усмешкой наблюдать чьи-то искренние проявления? Неуютно всем: богатым, бедным, умным и глупым, страшно — красивым и талантливым (на них легко находятся потребители, но нет почитателей).

Смотрю,— малыш учится ходить, перебирая слабыми ножками; люди умиляются, глядя на него; но не успеет он подрасти, как взгляды окружающих резко меняются, чем он старше, тем меньше у него шансов вызвать бескорыстный интерес к себе, и наконец на него обрушиваются льды, сотворенные человеческим равнодушием, пренебрежением, завистью, злобой.

Смотрю, как грубо обрываются надежды достойных людей, как легко звонкая монета расчищает путь самоуверенному болвану,— и как это страшно не ново на Земле! На собственной боли мы только научились изощреннее мучить других, не умея понимать, помогать и радовать. Невозможно представить, каким страданием сочтется весь исторический путь человечества по нашей же вине.

Из-за богатства люди «искривляют правду, унижают достойных», втоптывают в грязь истину,— и это не только страшно, но и смешно. Оголтело вырубаются леса ради наживы,— но зачем им без воздуха деньги? Искореняются лучшие чувства, заземляются высочайшие душевные порывы, без которых жизнь теряет всякий смысл,— чтобы удовлетворить ничтожные и низменные инстинкты. Совершается ужасное дело — все чаще матери выбрасывают новорожденных детей в мусорные контейнеры, специально теряют малышей в транспорте и на вокзалах. В фильме «Дети Дон Кихота» герой Анатолия Папанова на склоне лет усыновляет всего лишь четвертого ребенка, потому что «от детей отказываются редко». Представьте, каким многодетным отцом пришлось бы ему стать в наше время при его-то характере!

Начало XXI века отличилось массовым «расчеловечиванием» людей почти во всех сферах социума. Приветствуется демонстративно-животное существование, вдобавок с потерей глубинного инстинкта заботы о потомстве. Высмеивается наличие интеллекта,— исключая финансово-добывающий талант.

И все же я не согласна с теми, кто утверждает, что люди плохи по своей природе. Нам известно о жизненном пути Матери Терезы, ее многочисленных помощниц и последователей. В истории человечества великое множество тех, кто посвящал себя безупречному альтруизму, забывая о собственных удобствах и интересах. Декабристы и их жены, безымянные труженики тыла Великой Отечественной войны, самоотверженные строители новых городов. Правда, теперь мы научили наших детей смеяться над ними, а то и презирать все, ради чего они жили и умирали.

*Сливеют
губы
с холода,
Но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»*

В. Маяковский

Путь Искусства — отражение и развитие лучшего, высшего начала в человеческой душе. Я слышала утверждения некоторых молодых и молодящихся деятелей культуры, будто персонажи новейших произведений должны говорить на жаргоне и с использованием нецензурных выражений, так как это будто бы есть современный язык. Мне довелось ознакомиться с подобным «переводом» одного из сонетов Шекспира. Молодой автор непринужденно сообщил, что, поскольку Шекспир использовал для своего творчества общепринятые в его время языковые формы, то и нам надлежит в искусстве изъясняться по-свойски, — имея почему-то в виду подзаборно-тюремный диалект, довольно-таки распространенный последние годы в нашем обиходе. Трудно понять причину, по которой часто этот диалект неоправданно величают современным русским языком. «Переводчик» не учел, что в любом столетии существуют и свой жаргон, и собственные нецензурные выражения, однако Шекспир не их выбрал для творчества. Он любил и уважал родную английскую речь, стремился к ее возвышению и совершенствованию. Мы окунули наши языки и души в грязь, не разговариваем, а плюемся, — и плевки именуем словами.

Не пора ли нам снова научиться по-настоящему любить своих детей?

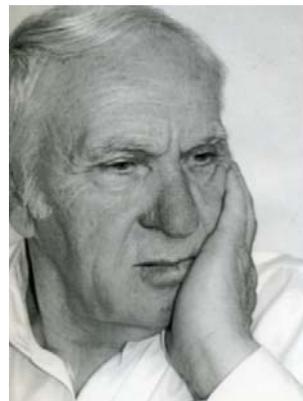
Культура — это процесс созревания, а не гниения человеческой цивилизации. Искусство — ее речь, но никак не брань.

Подъем по лестнице, конечно, требует от нас больше усилий, чем спуск или падение.

Чем обусловлен наш выбор?

Виктор Пахомов
(г. Тула)

К СТОЛЕТИЮ ПОЭТА

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик, почетный гражданин города Тулы

*Я пахарь по духу и крови,
Я пашней живу и дышу
И гордо пшеничные брови
Как дар материнский ношу...*

Судьба тульского поэта Василия Михайловича Галкина, чье надвигающееся столетие требует воздать ему должное, которое, если и отличимо от судеб многих из его поколения, то лишь тем, что он был несуетным сыном своего отечества, своего славного донского края, своей Куликовки, где был рожден в бедной крестьянской семье.

На его долю с лихвой выпало бед и лишений, непростых поворотов судьбы, выбравшей для него годы коллективизации и Великой Отечественной войны. Уже одно это о многом говорит нам.

*Я из сельской округи,
Где землю живут
И где лютые вьюги
По неделям поют,
Где весной в разливах
Морем кажется Дон,
Там высокие ивы
Заслоняют прогон.*

*.....
И ометы, как струги,
Прямо к фермам плывут...
Я из сельской округи,
Где землю живут.*

Ничего иллюзорного, кубанско-казачьего, чужого, привнесенного из лирики поэтов его времени. За строчками — жизнь родного села, земляков — колхозников, родни своей.

Самородный талант крестьянского поэта был оценен и в Литературном институте, где он учился и в кругах поэтической братии, и в сердцах читателей, которых у него, в сравнении с нами, было немало.

Его скромные поэтические сборники не залеживались на книжных прилавках, находили пути к детям, молодежи, взрослым.

Рука так и тянется причислить его к востребованным, преуспевающим авторам.

*Я видел горы и моря,
Топтал дороги заграницы,
Но всюду вы, мои поля,
Жгли надо мной свои зарницы.
Я зяб в снегах, я в реках мок,
Шел по болотам с автоматом,
Но отчий, добрый уголок
Не забывал я и солдатом.
Я без тебя не жил и дня,
Со смертью будучи в соседстве,
Село мое, прими меня
И приласкай как в давнем детстве.*

И сегодня, в наше онемевшее и оглушенное время, стихи поэта согревают душу, вызывают отклик в ней.

Родился поэт 7 ноября 1911 года в селе Куликовка Епифанского уезда Тульской губернии.

В свое время окончил сельскую школу. Служил в Красной армии. Учился в Ржевской совпартшколе, в Калининской газетной школе. Перед войной был призван в пограничные войска. Публиковался в газетах Грузии и Литвы. Среди лучших его сборников: «Стихи», «Родные просторы», «Отчий кров», «Хлеб-соль», «Обжитая сторона», в которых сумел раскрыть свою лирическую оригинальность. Сборник прозы «На земле яснополянской» дал читателям живую картину замечательных уголков Щекинского района, его Ясной Поляны и Крапивны. Проза поэта одухотворена его неизбывной любовью к родине великого Толстого, его удивительных современников.

За внешней стороной биографии поэта нетрудно увидеть человека в его творческом пути. Это — верность и преданность родной земле, отчему тульскому краю.

Конечно, то время, в котором он жил, освещалось, скажем так, другим солнцем. Но лирика поэта и ныне задевает струны души современника. Поэтому не могу объяснить, почему у добросовестного тульского литературоведа Н. А. Милонова о незаурядном творчестве В. М. Галкина не нашлось пары слов в его известном труде «Русские писатели и Тульский край». А ходячие домыслы на этот пробел приводить нет смысла.

Сегодня удивительно даже, минувший век, поглотивший многих тульских куда более громких поэтов не дает кануть в лету Василию Михайловичу Галкину, чьи стихи продолжают выходить в различных изданиях тульского края, что свидетельствует о него востребованности нашим сегодняшним беспмятным временем. Память народная — вещь непредсказуемая.

Не об этом ли писал поэт, обращаясь к родному краю!

*Тут все мое: и даль, и выси.
Я тут всему живому — свой.
Я, словно в метрике, прописан
В извечной книге полевой.*

Свое творчество поэт судил непредвзято и строго, не обманывался в своих возможностях и достижениях, хотя и знал себе цену как гражданина и поэта.

*Память! Ты лишь одна сохранила
Прежний облик поры заревой,
Только глянув в тебя, я бываю
В детстве, в юности давней своей.
На твоих лишь дорогах встречаю
И живых, и погибших друзей.
Поднимаюсь с тобой по тревогам,
Сняв с гвоздя фронтовую шинель,
И опять ухожу по дорогам*

*Бликих мне и далеких земель.
Ты ребенком меня повстречала
И полвека глядишь мне в лицо.
Память! Ты моей жизни начало
И тебе быть последним концом...*

Перечитывая стихи поэта, убеждаюсь, что в истории литературы тульского края имя поэта Василия Галкина удержалось до наших дней совсем не случайно, а по праву. По праву перейдет оно и в грядущие времена. Залогом этого его стихи о Родине, родном крае, среди которых: «Донские берега», «Я на тихом Дону рожден», «Отец», «Подарок», «На току» и многие другие. А балладу «Яшка Рыжий», будь моя воля, я бы внес в региональный компонент по литературе во все школы Тульской области. Она заслуживает этого. В ней, отнюдь не выдуманной поэтом истории, говорится о поразительном кузнеце — умельце, обувшем в годы войны своих односельчан в железные калоши.

*...Лез мужик из кожи вон:
Делал ведра, трубы, кружки.
Днями целыми трезвон
Раздавался из лачужки.
Все ж доход был невелик,
Труд оказывался дешев.
И додумался мужик
Из железа гнуть калоши.
Обновил их первый сам,
Обрядил детей с женою,
Пары три склепал и нам
И не гнался за ценою...*

Время проверяет нас на нашу востребованность. Проверку выдерживают единицы. Тульский поэт Галкин эту проверку выдержал. Он в полной мере оправдал оценку, данную ему Михаилом Лукониным и Анисимом Кронгаузом, выделивших его из молодых того времени за «живые и свежие образы стихов» («Начало пути» Тульский альманах, 1948 г.)

Особенно плодотворными для поэта были шестидесятые годы. Тульское книжное издательство издает его книги для детей. Поэтическую «Мы дружные ребята», прозаическую «Как я к попу за астронимией ходил». Чуть позже, в 1967 году вышел сборник «Хлеб-соль» тульского поэта Василия Галкина. Простым, но выразительным и точным языком рассказывает он о красоте среднерусской природы, о беззаветном труде своих земляков.

Галкин не чурался корреспондентской работы, вопреки мнению о пагубности ее. Участие в ней, наоборот, насыщало его поэтическое творчество. В любом его сборнике легко узнавались дорогие ему родные места тульщины, которые становились родными и его читателям. В этом тайна поэзии. Поэзия пуста и мертва без этой взаимосвязи, поэта и читателя. Одни названия стихотворений в его сборниках свидетельствуют о его неостываемой с годами любви к родной земле: «Обжитая сторона», «Донские берега», «Муравский шлях», «Вороний плес», «Артюшкин колодезь» и многие другие, простодушные, рассказывающие о географии его творчества.

Умер поэт в 1982 году на ставшей родной ему яснополянской земле. Похоронен в городе Щекино.

УРОКИ ПРАВДЫ

Размышления над романом Алексея Яшина «Катехизис идеалиста»

В молитве проси только Правды

Евангелие от Матфея

В первом номере «Приокских зорь» опубликована рецензия Л. Ханбекова на роман-размышление А. А. Яшина «Катехизис идеалиста». В рецензии приведено немало ярких содержательных цитат, одно чтение которых должно заставить серьезного читателя искать роман, чтобы самому погрузиться в целостный художественный мир книги, в которой нет ничего второстепенного, а все главное, благодаря убедительной позиции писателя. Мне повезло, и я получила книгу в подарок от автора. Прочитала дважды. Первые впечатления отстоялись, сформировалось четкое мнение, которым хочу поделиться с читателями.

Роман-размышление «Катехизис идеалиста» — вещь самобытная, выстраданная. Эта книга, как предупреждает сам автор, «не для убогих умом и душой». Роман-исследование, ставший итогом «ума холодных размышлений и сердца горестных замет», адресован вдумчивому, умному читателю-единомышленнику.

К роману не так-то легко приступить с привычными оценочными мерками. «Катехизис идеалиста» можно отнести к нравственно-философской прозе, так как глубина исторического охвата материала не панорамно-описательная, а аналитическая, направленная на то, чтобы понять истоки и закономерности социального и общественного состояния общества, вписать десятилетия советской эпохи в общую цепь национальной истории, постичь сложную взаимосвязь современных наслоений и вечного в психологии человека.

Все, кто знаком с творчеством даровитого романиста, рассказчика, публициста А. А. Яшина, знают, что автор — знаток человеческих душ и характеров, мастер логически точно выстроенного повествования, необычайно наблюдателен, ироничен, конкретен в своих суждениях, глубок и смел в своих оценках.

Но в новом романе А. А. Яшин выступает не только как писатель, описывающий события, а как историк, ученый—исследователь, социолог, психолог, летописец, создавший труд, равный работе научного института.

Читателей поразит энциклопедичность знаний автора, безгранично масштабная литературная палитра, диапазон поднимаемых тем. Роман не ностальгия о прошлом, не попытка реанимации истории, а призыв к переосмыслению исторического опыта, глубокое исследование талантливое, мудрого ученого-аналитика.

Предоставить слово Вождю-патриарху — так можно определить творческую цель писателя-романиста. А. А. Яшин дает читателям уникальную возможность «общения» с Вождем, не только и не столько, как с «отцом народов», а как с обычным человеком, рожденным «земной женщиной». На страницах романа И. В. Сталин, постаревший, больной и одинокий, мучительно размышляет о прожитом, пережитом, допущенных ошибках и упущенных возможностях, о друзьях и врагах, о будущем России. Кажется. Что и голос слышишь Вождя, его неторопливую, глуховатую, размеренную речь с грузинским акцентом. Читатель погрузится вместе с Вождем в рассуждения об индустриализации и коллективизации, о национальном вопросе, о Гулаге, церкви и культуре, политике и экономике, войне и мире. Читатель вместе с автором будет размышлять о многом, многое переосмысливать, делать выводы и о культе личности, и о бремени власти, о частной собственности и западной демократии, о развитии науки и роли интеллигенции в переломные моменты истории. Перед чита-

телями пройдут соратники Вождя, политические, военные, государственные деятели, старая гвардия большевиков, и галерея доносчиков, предателей, иуд и «просто дураков». Вождь предстает перед читателем как романтик-идеалист, поставивший задачу воплощения в жизнь христианской идеи о создании общества равенства и социальной справедливости, о создании сверхмощной державы СССР, мировой системы социализма.

Замечательно, что в канву романа вплетены юношеские стихи Джугашвили в талантливом переводе В. Резцова, и через все повествование проходит образ старца Ниники, созданный поэтическим воображением «первого идеалиста новой эры», который и, став Генералиссимусом, остается романтиком, мечтавшим о воплощении юношеских идеалов в реальные дела. Живая речь, живая интонация, житейская мудрость, острый ум, дальновидность И. В. Сталина в передаче писателя очевидны, узнаваемы, психологически мотивированы. Писательская опытность, зрелое мастерство А. А. Яшина-романиста, его особый самобытный стиль изложения дают возможность так построить все ходы произведения, что читатель получает эмоциональную возможность прожить те исторические годы, соотнеся их со своей жизнью, современными социально общественными явлениями, с окружающим миром, находя ответы на свои вопросы и сомнения.

То, что роман может стать основой для литературных и общественных дискуссий, для острой полемики становится ясно с первых страниц. Достаточно вспомнить нашумевшее телевизионное шоу двухлетней давности «Выбери имя России», в котором первоначально лидировал И. В. Сталин, а затем «кукловоды» шоу отодвинули его на третье место. Об этом много написано, в том числе и в рецензии Л. Ханбекова, да и в романе автор едко, со свойственным ему сарказмом отзываясь об этом помпезном шоу. И хотя с течением времени полемика о роли Вождя в мировой Истории не утихает, отрицать, что И. В. Сталин личность выдающаяся, не станут сегодня и те, для кого он антикумир, и думаю, что чтение романа для подобных читателей было бы особенно поучительно.

Читатель, чье сердце болит о судьбе России, почувствует физически, как велика трагедия страны, где нет достойных преемников высшей власти, которая кажется такой «заманчивой и необременительной» в периоды стабильности государства.

Напомню читателям, что одна из глав романа, была опубликована к 130-летию И. В. Сталина в «Приокских зорях» задолго до издания «Катехизиса идеалиста» (№ 4, 2009 г.) Анализируя военные триумфы России, национальную российскую историю, в которой были Куликовская и Полтавская битвы, Отечественная война 1812 г., русско-турецкая 1877 г., Гражданская, 1914 г. и, наконец, Великая Отечественная, автор убедительно показал, что самый жизнестойкий вариант социального государства — социалистическое государство. Именно советский интернационализм, советская власть, как апофеоз народовластия, были в основе свершения трудовых и военных подвигов народа.

Писателю-исследователю удалось раскрыть многотрудную жизнь и историческую значимость личности, дел, мыслей, наследия великого Вождя, принявшего «страну с сохой, а оставившего с атомной бомбой» (Черчилль). Будучи верным Правде жизни и истории, А. А. Яшин показал душевную трагедию Вождя — патриарха, Генералиссимуса — идеалиста, не достигшего высшей своей цели, не оставившего достойных преемников, человека предвидящего, что после смерти его будут «проклинать и боготворить», что имя его будет «оболгано и оплевано», что на его «могилу нанесут кучу мусора». В романе, думая о будущем, Вождь пророчески предвидит извращение дел партии и народа, возможность разрушения СССР, «трагедию духа и воли», в чем виновны не только предатели номенклатурщики, но и сам народ в котором биологически возродится частнособственнический инстинкт. Не стану «выщи-

пывать» цитаты из живой плоти романа, который оставляет сильное и долгое впечатление, заставляет перечитывать монологи, обдумывать целые страницы. Размышления великого Вождя и горькие наблюдения автора, поданы в романе так ярко и эмоционально, что читатель должен остаться наедине с ними, впитать их, прочувствовать сердцем, умом, совестью. А, поняв и приняв, поделиться как с единомышленниками, так и с теми, кто по недоумию, лени или в силу обстоятельств попал в «паучьи сети» иуд, предавших государство. А самое главное, донести истину, эти уроки Правды до молодого поколения. Роман острого гражданского звучания, требующий от читателя осмысления общественно-политического, социально-экономического, культурно-нравственного состояния современного общества заставляет задуматься о будущей судьбе России.

Сегодня, когда мир вступает в эпоху глобализации, рождающую тревожные вопросы о судьбе человечества и остром осознании необходимости общечеловеческого единства, роман А. А. Яшина становится явлением не только литературным, но общественным.

Позволю себе не согласиться с мнением Леонида Ханбекова, что писатель со своим романом «припозднился». Это своевременная книга с пронзительными уроками Правды, роман предупреждение о том, что мир без великих идеалистов может «уподобиться пустыне» и самое страшное, если эта пустыня, будет душевной, нравственной пустотой. Несмотря на тотальное оболванивание сознания населения средствами массовой информации, общество становится все требовательней к информации, начинает отличать мифы от реальности. Роман не оставит равнодушными тех, у кого такая же четкая гражданская позиция, как у автора, для кого продолжают существовать законы нравственности, достоинства, совести, патриотизма. И до тех пор, пока из уст людей вырывается фраза: «Сталина на вас нет!», роман А.А. Яшина «Катехизис идеалиста» будет востребован, будет заставлять думать, сопоставлять, делать выводы. И верить, что все имена очернителей Истории, газетно-журнальных борзописцев канут в Лету или, как говорил Вождь в беседе с Коллонтай, «ветер истории все это развеет» и духовный потенциал народа раскроется во всей его масштабности и глубине.

Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление. М.: «Московский Парнас». 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

Л. А., г. Москва

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

— Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);

— Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);

— Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);

— Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);

— Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);

— Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);

— Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);

— Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);

— Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сизтла.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

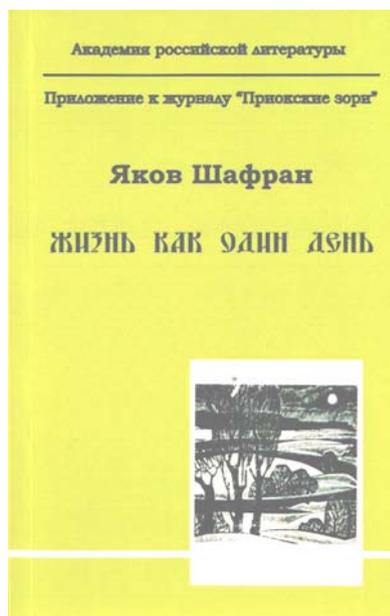
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не имеет возможности материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также выходят с указанием названия академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз. книги — или 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресу обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2011, №№ 1—4.
2. *Иван-озеро*: Сб. произв. Тульских писателей / Под ред. В. Ф. Пахомова. Сост. М. С. Дубинский. Вып. 8.— Тула: Гриф и К, 2011.— 356 с.
3. *Мельников Н.* Русский крест: Поэма о настоящем и грядущих судьбах России.— М.: Изд-во ГЛАС, 2006.— 63 с.
4. *Маслов В. Я.* Тульские люди. Очерки о знатных туляках, прославивших свой город.— Тула: Левша, 2011.— 298 с.
5. *Нехамес И. М.* Заповеди жизни. Стихотворения. — М.: ИД «Литературная газета», 2005.— 104 с.
6. *Нехамес И. М.* Москва и жизнестойкие москвичи: Новеллы.— М.: Культура, 2006.— 284 с.
7. *Мантриця І.* Душа навиріст: Проза. — Мукачево: Карпатська вежа, 2010.— 223 с. (На укр. яз.).
8. *Мантриця І.* Руді янголи: Переклад из російської прозы.— Мукачево: Карпатська вежа, 2010.— 199 с. (На укр. яз. Обложка и содержание книги проиллюстрированы автором «Приокских зорь» Олесе́й Янгол).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в III-м кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в 3-х частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2011.— 550 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Хадарцев А. А.* Из прошлого — в неясность. Т. I: Стихи разных лет. Изд. 2-е, испр. и дополн.— Тула, 2011.— 547 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Хадарцев А. А.* Из прошлого — в неясность. Т. II: Стихи и проза разных лет. Изд. 2-е, испр. и дополн.— Тула, 2011.— 615 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» в III кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. *Шафран Я. Н.* Жизнь как один день: Рассказы, сказки для взрослых, эссе / Предисл. А. А. Яшина.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011.— 143 с. (Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори»).

Публикации наших авторов и членов редколлегии в столичной прессе:

1. *Нехамес Игорь.* Боги Барбудки // Московский литератор.— 2011.— № 10.— С. 4—5.
2. *Баланюк Марина.* Заветы Толстого — заветы Христа (О новой книге С. Л. Щеглова (Норильского)) // Московский Парнас.— 2011.— № 4. С. 175—177.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;
— публицистика, включая историко-политическую;
— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2011-го года будут объявлены в № 1, 2012 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2012-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ДИСКУССИИ

В альманахе (журнале) «Московский Парнас» № 2, 2011 начата открытая дискуссия по публикации Алексея Яшина «Стратегия, тактика и академия» (см. «Московский Парнас» и «Приокские зори» за 2010-й год), посвященной вопросам становления и развития Академии российской литературы (президент В.Н.Мирнев), под эгидой которой с этого года выходит наш журнал. Участники дискуссии отмечают своевременность появления названной (программной) публикации, высказывают свои мнения и предложения.

НАГРАДЫ ЧЛЕНАМ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Всероссийский «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», издаваемый попечительством Тульского государственно-

го университета (ректор профессор М. В. Грязев) и выходящий под эгидой Академии российской литературы, вступил в шестой год своего регулярного выхода с ежеквартальной периодичностью.

Журнал отмечает свой первый, пока скромный юбилей — пятилетие своего появления на свет, к которому дружественная «Приокским зорям» Московская городская писательская организация (руководители — известные писатели В. Гусев, В. Бояринов и С. Замшев) сделала представление наиболее активных членов редколлегии журнала к писательским наградам.

За большую творческую, писательскую деятельность и за создание и осуществление выпуска журнала «Приокские зори» ее главный редактор, профессор, член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий Алексей Яшин удостоен литературного ордена «Владимир Маяковский». Медалью «55 лет со дня основания Московской писательской организации» удостоены: Алексей Яшин, ответственный секретарь журнала Геннадий Маркин, зав. отделом поэзии Владимир Резцов, член редколлегии, профессор Владимир Сапожников, секретарь редакции, член Петровской академии наук и искусств Марина Баланюк (см. фото слева направо в порядке перечисления имен).

Редколлегия поздравляет с наградами своих коллег по печатному слову и желает, чтобы уникальное для нашего региона издание — журнал «Приокские зори» и дальше сеял разумное, доброе, вечное.

От редакции: настоящее поздравление было опубликовано в июле месяце этого года в основных тульских областных и городских газетах: «Тула», «Тульская правда», «Слобода», «Тульские известия». Поздравили награжденных и московские литературные газеты и журналы.

...Для награждения наиболее активных членов редколлегии и редакции «Приокских зорь» в Тулу приехал представитель Московской городской писательской организации Союза писателей России, член редколлегии журналов «Московский Парнас» и «Приокские зори», известный писатель-прозаик, поэт и литературовед **Игорь Маврович Нехамес** (здесь и далее фото Геннадия Маркина):

Игорь Нехамес демонстрирует наградной знак ордена «Владимир Маяковский» перед аудиторией

Вручение наград состоялось на заседании Ученого диссертационного совета по педагогическим наукам (председатель — ректор Тульского государственного государственного университета, профессор М. В. Грязев). В зале заседаний — профессора, ученые Тульского государственного университета, а также члены Совета из вузов Орла, Волгограда, Москвы, Калуги, Курска.

Орден «Владимир Маяковский» вручается главному редактору «Приокских зорь», профессору Алексею Яшину

Награждается член редколлегии «Приокских зорь», профессор Владимир Сапожников

В перерыве между награждением и заседанием докторского диссертационного совета. Слева направо: Владимир Сапожников, Алексей Яшин, Игорь Нехамес и Геннадий Маркин.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Стало доброй традицией проведение слетов молодых литераторов Тулы и Тульской области. В прошлом году состоялся 1-й слет молодых поэтов, а 29 июля сего года на базе Дома творческой интеллигенции, что в старинном купеческом особняке на улице Каминского, 51, прошел 1-й семинар молодых прозаиков (далее слеты и семинары планируется проводить регулярно).

Организаторы семинара:

Тульская областная организация Союза писателей России, журнал «Приокские зори», газета «Тульский литератор».

Председатели слета — заслуженный работник культуры РФ, секретарь СП России, ответственный секретарь Тульской областной организации СП России, почетный гражданин г. Тулы, лауреат литературных премий В. Ф. Пахомов.

— Заслуженный работник культуры РФ, председатель Тульского областного Литфонда РФ В. Я. Маслов.

— Главный редактор журнала «Приокские зори», д.т.н., д.б.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор А. А. Яшин.

Председатель оргкомитета — В. Г. Сапожников.

Члены оргкомитета: Ю. А. Лончаков, Н. И. Боев, В. В. Киреев, М. С. Дубинский, Н. Н. Минаков.

С чтением своих произведений выступили молодые авторы из Тулы и городов области. Особенно Оргкомитет отметил следующих прозаиков: Олеся Янгол из Тулы с рассказом «Вдохновение в облаках ищите...» (Кстати, она пишет прозу на русском и украинском языках); Олеся Маматкулова из Алексина — рассказ «Взгляд из окна», туляки Сергей Вербенко и Александр Печников. Выступали молодые литераторы из Новомосковска и других городов. Кстати, обе Олеси — Янгол и Маматкулова — авторы журнала «Приокские зори».

По результатам семинара готовится к изданию сборник «Литературная Тула молодая» в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Составитель сборника — Олеся Янгол.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ООО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФОРУМ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ»
ЛЮБОВЬЮ И ЕДИНСТВОМ СПАСЕМСЯ

ОРДЕНА СВЯТОГО САВВЫ СЕРБСКОГО I СТЕПЕНИ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

II СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ
ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ

ТУЛА

26–30 АПРЕЛЯ 2011 ГОДА

Состоялись мероприятия в рамках II Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Тула. 26—30 апреля. С 26 по 30 апреля 2011 года при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Министерства культуры РФ, Администрации Тульской области на Тульской земле прошел II Славянский литературный форум «Золотой Витязь» в рамках II Славянского форума искусств.

Президент Международного форума «Золотой Витязь» — член Патриаршего Совета по культуре, народный артист России Николай Петрович Бурляев.

Почетный Председатель Славянского Литературного форума — лауреат Государственной Премии Валентин Григорьевич Распутин.

Председатель экспертной комиссии II Славянского литературного форума — Сопредседатель Союза писателей России, вице-президент Союза деятелей славянской культуры Владимир Николаевич Крупин.

Цель форума — сохранение и развитие русского языка, укрепление творческих и дружеских связей славянских прозаиков, поэтов, переводчиков. Открытие новых молодых авторов, содействие общению начинающих авторов с признанными мастерами слова, установление контактов между творческими коллективами и отдельными авторами.

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека». День славянской литературы.

Участовали: Н. П. Бурляев, А. И. Казинцев, Л. Джурович-Хабьянович, Й. Маркович, М. Еськов, А. К. Ехалов, Н. Зайцев, Г. Каюров, В. Б. Краснов, Л. Мешкова, С. Ми-

хеенков, Ю. Пахомов-Носов, Н. Кикешев, А. Раков, А. Поляков, И. Сабилло, В. Хатюшин, К. В. Скворцов, Н. Велчев (Болгария), И. А. Чарота, М. Шелехов, Ф. Григорьев, Г. Попов, А. Тарасова, И. Власова, М. Гришин, Д. Нечаенко, И. Дронов, Л. Медведев, В. Попов, В. Севастьянов, М. Петрова, Т. Георгиевская, Н. Кириленко и другие.

Презентации книг прозаиков: Мирослава Гришина, Светланы Замлеловой, Михаила Еськова, Николая Кикешева, Лидии Мешковой, Сергея Михеенкова, Юрия Пахомова-Носова, Николая Переяслова, Александра Полякова, Ивана Сабилло, Валерия Хатюшина и других участников Форума.

«Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого».

Презентация Гражданского литературного форума.

ГОУ ВПО «Тульский государственный университет»

«О чем пишут в регионах и странах СНГ?»

Презентация книг Николая Зайцева (Казахстан), Владимира Чугунова (Нижний Новгород), Владимира Краснова (Боровичи), Георгия Каюрова (Молдавия), А. К. Ехалова (Вологда).

Показ документального фильма «Поэт Николай Рубцов» (автор Дмитрий Чернецов). Представляет фильм А. К. Ехалов.

ГОУДПО ТО «Учебно-методический центр по образованию и повышению квалификации работников культуры и искусства»

Творческий вечер народного артиста России Николая Бурляева. Показ фильма «Лермонтов»

ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

Журнал «Наши современник» представляет круглый стол «Публицистика в России — настоящее и будущее». Ведущий — заместитель главного редактора Александр Казинцев. Участвуют участники и гости форума. Презентации книг публицистов: Ивана Дронова, Дмитрия Нечаенко, Александра Ракова, Георгия Каюрова, Николая Зайцева, Владимира Чугунова, Владимира Краснова, Вячеслава Румянцева, Елизаветы Александровой-Зориной, Дмитрия Володихина, Натальи Кириленко, Марии Петровой, Тамары Георгиевской и других участников Форума.

Славянский литературный форум — детям.

Презентация книги Александра Титова «Ангелок»

Презентация книги Анатолия Ехалова (детская аудитория)

«Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»

Встреча с поэтами: Константином Скворцовым, Федором Григорьевым, Галиной Якуниной, Николаем Росковым, Валерием Севастьяновым, Ириной Ушаковой, Леонидом Медведевым, Василием Поповым и другими.

ГОУСПО ТО «Тульский колледж искусств им. А. С. Даргомыжского»

Творческий вечер народного артиста России Юрия Назарова и заслуженной артистки России Людмилы Мальцевой.

Тульский областной колледж культуры и искусства

Вечер, посвященный 190-летию Ф.М.Достоевского. Показ фильма «Игрок»

Тульская православная гимназия

Творческая встреча с православным писателем Лилияной Хабьянович-Джурович (Сербия)

Переводчик: Иван Чарота (Белоруссия)

ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

Презентация книги Даля Орлова «Реплика в зал. Записки действующего лица».

Пресс-конференция, посвященная итогам II Славянского литературного форума «Золотой Витязь»

Тульская областная филармония.

Торжественная церемония закрытия II Славянского литературного форума

«Золотой Витязь». Вручение наград лауреатам Форума. По окончании показ фильма «Река жизни». Часть 2

«Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

Научная конференция «Духовные традиции литературы славянского мира»

Итак, с 26 по 30 апреля на тульской земле прошел II Славянский литературный форум «Золотой Витязь». Он был организован по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, при поддержке Совета Федерации РФ, Министерства культуры РФ, администрации Тульской области в рамках Славянского форума искусств. Соорганизаторами стали: Союз писателей России, Гражданский литературный форум, Издательский Совет РПЦ, Тульская и Белевская епархия, Литературный институт им. А. М. Горького. Генеральный спонсор — ЗАО «Экспоцентр». В Форуме участвовали около 100 продолжателей традиций классической литературы из Белоруссии, Украины, Сербии, Болгарии, Казахстана, Молдавии и из 12 регионов России. На пресс-конференции в здании администрации области президент Форума народный артист России Николай Бурляев отметил: «Каждый художник, поэт, музыкант — это целая Вселенная, и в обычной жизни такие личности в силу своей самодостаточности очень редко и трудно идут на сближение. И цель нашего форума — способствовать общению и объединению людей творческих профессий. «Золотой витязь» собирает литераторов со всех концов славянского мира, чтобы мы могли поглядеть друг другу в глаза, чтобы мы осознали простую мысль: нас — много! Тех, кто не разменивается на эфемерный успех книжного доходного промысла, кто возделывает свою, данную ему Богом, ниву».

Обладателями «Золотых Витязей» стали известные литераторы: Лильяна Хабьянович-Джурович (Сербия) («Проза»), Михаил Лобанов («Публицистика») и Константин Скворцов («Поэзия»). Дипломами были отмечены Вера Галактионова, Юрий Пахомов-Носов, Светлана Замтелова и Иван Зорин («Проза»); Виталий Третьяков, Даль Орлов, Михаил Шелехов (Белоруссия), Дмитрий Нечаенко, Иван Дронов, Александр Раков («Публицистика»); Александр Росков, Геннадий Попов, Валерий Савостьянов, Галина Якунина, Борис Ливанов («Поэзия»). Специальные призы от Издательского Совета РПЦ в номинации «Дорога к Храму» были вручены Александру Полякову за роман «Великаны сумрака» и в номинации «Дебют» восьми студентам Литературного института им. Горького. Тульская и Белевская епархия специальным призом отметила труд Ивана Чароты (Белоруссия) за вклад в развитие духовной поэзии. Специальных дипломов были удостоены: болгарский поэт Найден Велчев, главный редактор портала «Хронос» Вячеслав Румянцев, писатели: Дмитрий Володихин, Анатолий Ехалов, Александр Титов, Игорь Малышев.

Участники Форума выступили с заявлением «о необходимости изменения государственной культурной политики, о последовательной ориентации культуры на традиционные, духовно-нравственные ценности».

Составитель: Марина Баланюк (г. Тула)

От редакции: Очевидно, за многими хлопотами, связанными с проведением форума, департамент культуры Тульской области не нашел времени пригласить для участия в мероприятии тульских писателей и редколлегию журнала «Приокские зори». По своей инициативе во всех этих мероприятиях приняла участие секретарь редакции Марина Баланюк, автор настоящей информации.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

В редакцию журнала «Приокские зори»

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за журнал «Приокские зори» (№ 2, 2011), который Вы любезно передали в дар музею.

Очередной номер журнала содержит разнообразные материалы, среди которых особый интерес для нас представляют материалы о Л. Н. Толстом. Яркий эмоциональный отклик в наших сердцах вызвали стихотворения, посвященные памяти Л. Н. Толстого, замечательного орловского поэта И. В. Александрова.

В фондах нашей научной библиотеки хранится книга Г. Маркина с его автографом «В напрасных поисках истины» (2010 г.) с эпитафией «Столетию ухода Л. Н. Толстого посвящается...» Поэтому развернутая рецензия на это издание И. Кедровой «О Л. Н. Толстом и не только о нем» привлекла наше особое внимание.

В соответствии с доброй традицией — подготовкой номеров к юбилеям великих русских писателей — в журнале также представлены материалы, посвященные 200-летию со дня рождения В. Г. Белинского.

Привлекают внимание рубрики «Антология прозы», «Поэзия», где опубликованы произведения современных авторов. Отраднo, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов России и русского литературного зарубежья. Рубрика «Православие в наших душах» знакомит читателя с интересными материалами о старообрядчестве. С большим интересом мы прочитали диалог-интервью Г. Николаева с М. Михалевой о деятельности Общества православных писателей г. Тулы.

Все переданные Вами выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Желаем все членам редколлегии и редакции здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью,

научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова

В редакцию журнала «Приокские зори»

Арсений Адамов переслал мне Ваше письмо, предлагая ответить на вопросы.

Является ли сказка про «Перфекционистку» сатирой? — я не знаю. Возможно, это попытка осмысления «новых русских» ценностей. Впрочем, с таким же успехом можно говорить о «новых английских» ценностях и пр. — психологическая черта не может являться принадлежностью одной какой-то нации. Я поставила цель объяснить значение термина в образах, доступных ребенку. Персонаж получился бесчеловечный, поскольку живые люди несовершенны и не могут «хорошо делать свое дело», не поддаваясь эмоциям.

В наше время информационного взрыва дети все чаще испытывают эмоциональный голод. Сказка мне кажется актуальной в данном контексте.

Другие сказки «для глупых взрослых» рассказывают другие истории о современном мире, реальность которого превосходит любые ожидания фантастов. Мечтая о совершенной технике, о бесконечном доступе к знаниям — фантасты редко могли себе представить, как эти достижения отразятся на мире детства. Им, фантастам, детство казалось самым незыблемым, что только может быть.

И вот мы имеем поколение дислексиков — грамотность оказывается не столь востребована в техногенном мире, как умение находить нужные кнопки (что тоже,

можно сказать, своего рода грамотность). И одиночество растет лавиной. Аутизм принимает все более причудливые и уродливые формы, когда хикикомори начинают угрожать жизни своих близких — единственных людей в мире, с кем у них сохраняется контакт.

Центральный образ всех сказок этой серии — фигура рассказчика, современного ребенка, живущего в современных джунглях. Этот образ помогает обосновать принятие нелепых, на первый взгляд, идей (критичность несвойственна детской психике) — и увидеть возможные пути дальнейшего развития человечества. Общество меняется слишком быстро, чтобы все люди в одинаковой степени успевали приспособиться к переменам. Но говорить о тупике развития не стоит. Пока продолжают рождаться дети, родители продолжают любить их — и передавать с этой любовью все богатства, накопленные людьми: понятия дружбы и любви, чести и справедливости. И самое главное богатство — человеческую речь — невозможно получить без необходимого сопутствующей этому дару родительской любви.

Камелия Санрин, г. Роял Танбридж Велс, Великобритания

От редакции: см. сказки Камелии Санрин в настоящем номере «Приокских зорь».

В редакцию журнала «Приокские зори»

Национальная библиотека Республики Карелия благодарит Вас за замечательный дар — журнал «Приокские зори» и Ваши книги «Страна холода» и «Катехизис идеалиста», переданные нам Юрием Михайловичем. Книги пополнят фонд нашей библиотеки и, безусловно, вызовут интерес и будут востребованы читателями. Благодаря Вам, в фонде библиотеки представлен журнал «Приокские зори» за несколько лет. Журнал имеет свою читательскую аудиторию и пользуется спросом. К сожалению, у нас в фонде отсутствуют журналы № 1 за 2010 год и № 1 за 2007 год. Будем признательны, если Вы изыщете возможность и поможете восполнить пробел (хотя бы за 2010 год).

Сотрудники Национальной библиотеки ценят Ваше внимание, Вашу готовность идти навстречу интересам и потребностям читателей НБ РК. Выражаем искреннюю благодарность и желаем дальнейших творческих успехов.

С уважением, Мельничук Анна Викторовна, зав. отделом формирования библиотечных фондов НБ РК.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.12.2011
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

**ТУЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ — ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
(Фото Геннадия Маркина)**

Парадный вход в главный учебный корпус. Здание построено в начале 60-х годов прошлого века ко времени объединения Тульского механического института и Тульского горного института в единый Тульский политехнический институт — предшественник нынешнего Тульского государственного университета (ТулГУ)

Институт высокоточных систем им. В. П. Грязева ТулГУ (Василий Петрович Грязев (1928—2008) – всемирно известный тульский оружейник, создатель научной школы, разработчик-конструктор принципиально нового класса оружия: сверхскорострельных автоматических пушек, используемых в авиации, на флоте и в наземных войсках)

**ТУЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ — ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
(Фото Геннадия Маркина)**

Политехнический институт ТулГУ, где обучается свыше 2000 студентов — будущих конструкторов, технологов машиностроительных отраслей промышленности. В данном здании ранее располагался главный корпус Тульского механического института

Медицинский институт ТулГУ; здесь готовят кадры будущих врачей-лечебников и специалистов по физкультурному и спортивному обучению. Волею судеб здесь работает «костяк» редколлегии «Приокских зорь»: главный редактор, профессор Алексей Яшин, зав. отделом поэзии Владимир Резцов, члены редколлегии, профессора Владимир Сапожников и Александр Хадарцев, заведующий редакцией Яков Шафран, а также профессор Виктор Хромушин, выполняющий работу по размещению номеров журнала в Интернете